



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А.АВРОРИН

ГРАММАТИКА
МАНЬЧЖУРСКОГО
ПИСЬМЕННОГО
ЯЗЫКА



Санкт-Петербург
"НАУКА"
2000

УДК 811.512

ББК 81.2

А 21

Ответственные редакторы
А. М. ПЕВНОВ, М. М. ХАСАНОВА

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-04-16147д*

ТП-2000-1-№ 128
ISBN 5-02-028439-4

© Издательство «Наука», 20

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Грамматике маньчжурского письменного языка» суждено было стать последней книгой выдающегося исследователя тунгусо-маньчжурских языков — члена-корреспондента АН СССР, профессора Валентина Александровича Аврорина.

В. А. Аврорин родился 23 декабря 1907 г. в г. Тамбове. Закончил этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета. В первую свою экспедицию к орочам поехал еще студентом вместе с И. И. Козьминским в 1927 г. В Хабаровске они встречались со знаменитым путешественником и писателем В. К. Арсеньевым.

В 1933—1934 гг. В. А. Аврорин по заданию Комитета нового алфавита работал заведующим сектором народов Севера при президиуме Далькрайисполкома (Хабаровск). В 1935 г. он стал аспирантом при научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (Ленинград).

В июне 1941 г. Валентин Александрович поехал в экспедицию на Дальний Восток, где его и застала война. Его семье с трудом удалось покинуть блокадный Ленинград и добраться до Хабаровска. Во время Великой Отечественной войны В. А. Аврорин и его жена, тоже северовед, Елена Павловна Лебедева работали сначала в Хабаровске, а затем в Николаевске-на-Амуре, где Валентин Александрович некоторое время был директором педагогического училища. В 1945 г. семья вернулась в Ленинград.

В 1946 г. В. А. Аврорин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Прямое дополнение в нанайском языке» (см. книгу «Очерки по синтаксису нанайского языка». Л., 1948), а в 1955 г. — докторскую диссертацию по теме «Грамматика нанайского языка» (см. двухтомный труд под тем же названием).

С 1955 по 1961 г. В. А. Аврорин был заведующим Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР, в октябре 1961 г. по приглашению президиума Сибирского отделения

АН СССР переехал в Новосибирский академгородок. Здесь при Институте экономики и организации промышленного производства был вначале создан отдел гуманитарных исследований, затем отдел филологии, которым руководил Валентин Александрович. В 1962 г. по его инициативе в Новосибирском государственном университете был открыт гуманитарный факультет, начавший подготовку специалистов не только по русскому языку, но и по языкам коренных народов Сибири (тюркским, тунгусо-маньчжурским, угорским, самодийским), а также по археологии, этнографии, истории, экономике. В 1964 г. В. А. Аврорин был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1968 г. он был вынужден покинуть Новосибирск и вернуться в Ленинград, где до своей кончины работал старшим научным сотрудником Института языкознания АН СССР.

Умер Валентин Александрович Аврорин 26 февраля 1977 г. в Ленинграде, немного не дожив до своего семидесятилетия.

В. А. Аврорин многим известен как специалист по нанайскому языку, как тонкий его знаток, как автор фундаментальной двухтомной «Грамматики нанайского языка». Однако круг его научных интересов был значительно шире. Грамматическая теория, практика преподавания родного языка, этнография, социолингвистика, описание нанайского, ороцкого и маньчжурского языков — таков в общих чертах диапазон плодотворной научной деятельности Валентина Александровича. При этом буквально каждую его работу отличает научная честность, скрупулезность и логичность в сочетании с поразительно ясной и изысканной манерой изложения.

«Грамматика маньчжурского письменного языка» — это первое описание маньчжурского с точки зрения специалиста (и притом специалиста высочайшего класса) по тунгусо-маньчжурским языкам. Все грамматические описания маньчжурского языка принадлежат либо синологам, либо востоковедам с более широкой специализацией. Лингвисты, занимавшиеся изучением живых, еще относительно недавно бесписьменных, тунгусо-маньчжурских языков, обращались к маньчжурскому лишь в тех случаях, когда его формы требовались в качестве сравнительного материала. Системного описания маньчжурского языка тунгусо-маньчжуроведы не сделали. Такой труд смог взять на себя только В. А. Аврорин.

Работал над маньчжурской грамматикой Валентин Александрович в последние годы своей жизни, однако интерес и вкус к маньчжурскому появились у В. А. Аврорина еще в молодости, когда ему посчастливилось учиться у таких блестящих знатоков этого языка, как проф. П. И. Воробьев и Б. И. Панкратов. В своих трудах Валентин Александрович не раз обращался к некоторым

частным проблемам маньчжурского языка. Таким образом, целостное изложение маньчжурской грамматики подготавливалось в течение многих лет творческой деятельности В. А. Аврорина.

Рукопись «Граматики маньчжурского письменного языка» нам как ученикам В. А. Аврорина передала в 1988 г. его вдова — Е. П. Лебедева. Следует сказать, что сам Валентин Александрович наверняка не признал бы законченной работу над своей рукописью. Тем не менее мы сочли возможным издать ее в том виде, в каком она вышла из-под пера автора. Где нам казалось необходимым, мы сделали примечания, определенной технической корректировке подверглись маньчжурские примеры. В частности, во всех случаях буквосочетания *ува*, *увэ* в соответствии с их фактическим произношением передаются как дифтонги *уа*, *уэ*. Из знаков препинания в маньчжурских фразовых примерах мы оставили только вопросительный и восклицательный знаки, хотя, конечно, и они, как и устраненные нами запятые, были поставлены лишь для удобства читателей (в маньчжурском письме их просто нет). Впрочем, написание маньчжурских имен собственных в приводимых примерах с заглавной буквы также не соответствует нормам маньчжурского письма. Необходимо отметить, что по разным причинам мы исключили некоторое количество маньчжурских примеров, и это, по нашему мнению, не должно повлиять на качество работы. Кроме того, в очень редких случаях мы внесли коррективы в перевод маньчжурских примеров на русский язык, тем не менее в них зачастую ощущается своеобразная стилистика словаря И. И. Захарова. Всем этим, собственно говоря, и ограничивается наша правка текста, подготовленного В. А. Аврориним.

С большим сожалением приходится констатировать, что В. А. Аврорин не успел написать один из наиболее важных разделов маньчжурской грамматики — синтаксис. К тому же, как следует из составленного Валентином Александровичем в декабре 1973 г. проспекта работы, он намечал написать Введение, состоящее из следующих трех разделов: 1) основные сведения из истории маньчжуров, особенности их хозяйства, общественной жизни и культуры к моменту образования КНР; основные демографические и этногеографические данные; 2) возникновение и развитие маньчжурской письменности и краткий очерк маньчжурской литературы с характеристикой ее основных жанров; 3) история изучения маньчжурского языка. Такой культурно-исторический фон был бы, разумеется, весьма полезен для данной работы, однако мы не считаем себя в достаточной степени компетентными, чтобы детально и на должном уровне осветить все эти вопросы. Впрочем, при желании читатель может самостоятельно найти интересующие его сведения, в том числе и в современных публикаци-

ях.¹ Здесь же мы лишь кратко наметим ответы на некоторые вопросы истории маньчжуров и их языка.

Родиной маньчжуров является северо-восточный Китай (современные провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян). Маньчжуры представляют собой необычный этнос. Антропологически они относятся к тихоокеанским монголоидам и ближе всего стоят к корейцам, земледельческо-скотоводческое хозяйство и культура маньчжуров имеют древние местные корни, язык же их довольно близко родствен языкам антропологически и культурно весьма далеких от них народов, таких как нанайцы, ульчи, орочи, негидальцы, эвенки и т. д.

Образование маньчжурского этноса происходило в условиях осуществлявшейся в военных целях консолидации разрозненных территориальных групп чжурчжэньского населения, немалую роль при этом играло «оманьчжуривание» соседних народов и даже вроде бы в какой-то мере китайцев, которые, однако, впоследствии взяли реванш, постепенно ассимилировав маньчжуров во многих отношениях, в том числе и в языковом. Впрочем, островки маньчжурской речи кое-где существуют и по сей день (не забудем и о языке сибинцев, оказавшемся весьма жизнеспособным). Еще во второй половине 60-х гг. В. С. Стариков отмечал, что «живую маньчжурскую речь можно услышать не только в северной Маньчжурии, в уездах Фууй и Лунцзян провинции Хэйлунцзян, но и восточнее — в р-не Нингуты, а также в уезде Фуцзин в низовьях Сунгари».²

Китайский язык является в настоящее время родным для подавляющего большинства маньчжуров. Известны два-три живых маньчжурских диалекта (диалект реки Нонни, хэйлунцзянский и сибинский). По последним данным, общая численность маньчжурского населения в КНР несколько превышает четыре миллиона.

Вопрос о сложении и функционировании маньчжурского письменного языка не так прост, как кажется на первый взгляд. Долгое время принято было думать, что он поддерживался правящей династией чисто номинально и не имел практического применения. Исследования последних лет доказывают, что это совсем не так. П. Кроссли, например, отмечает, что сравнение маньчжурской и китайской версий документов времени Цин показывает значительную разницу в их текстах. Она полагает, что при переводе некоторых документов с маньчжурского на китайский проводилась наме-

¹ Библиографию см., например, в работе: *Crossley P. K. The Manchus. Cambridge, 1997.*

² *Стариков В. С. Докладная записка о современном положении тунгусо-маньчжурских народов в КНР. Архив МАЭ РАН, к-1, оп. 1, № 763, с. 13—14.*

ренная цензура с целью сокрытия определенного рода подробностей.³

Маньчжуры как народность консолидировались прежде всего как военное сообщество в плотном иноэтничном окружении. Их Восьмизнаменная армия, явившаяся основой и маньчжурского этноса, и государства Цин, была построена по строгим правилам военной иерархии. Главной ее задачей было расширение границ, захват новых территорий и подчинение других народов. Это в свою очередь требовало четкого руководства, постоянного обмена информацией между командованием и частями. К тому же было желательно, чтобы информация, даже попавшая в руки врага, не была ему понятна. Вот здесь-то и играл свою важнейшую роль маньчжурский письменный язык. Он, вероятно, весьма отличался от разговорного маньчжурского, обладал целым арсеналом специальных формул для приказов и донесений. П. Кроссли называет эту функцию письменного маньчжурского «языком безопасности» (*security language*).⁴ Помимо этого, П. Кроссли полагает, что тексты дворцовых хроник на маньчжурском языке содержат значительно больше сведений, чем их китайские переводы. Они предназначались лишь для посвященных — тех, кто мог читать по-маньчжурски.⁵ То есть маньчжурский язык как письменный, так и устный служил главным образом политическим целям: он был необходим и правящей верхушке, и армии.

К сожалению, мы не можем судить о сходстве и различиях письменного маньчжурского и его живых диалектов. В течение многих лет (по крайней мере, последних тридцати) исследователи нашей страны были лишены возможности проводить полевые работы на территории КНР. Выезд кого-либо из ученых в Китай считался и до сих пор остается значительным событием. В. С. Стариков, посетивший Китай в 1957 и 1965 гг., писал, что очень много маньчжуров было репрессировано, они были вынуждены скрывать свою национальность.⁶ Японский профессор С. Иманиси, замечает далее В. С. Стариков, свободно владевший как разговорным, так и письменным маньчжурским, приобрел свои знания в Пекине с 1940 по 1950 г.⁷ Этот факт позволяет заключить, что различия между разговорным и письменным маньчжурским весьма существенны. Письменный маньчжурский, по-видимому, в большой степени сохраняет архаические черты языка XVII в. С одной стороны, это затрудняло понимание текстов для тех, кто не знал особенностей

³ Crossley P. K. *The Manchus*. P. 10—11.

⁴ *Ibid.* P. 11.

⁵ *Ibid.* P. 11—12.

⁶ Стариков В. С. Докладная записка... С. 6—7.

⁷ Там же. С. 14.

письменной формы языка, а с другой — позволяло вести тщательный отбор лиц, которых посвящали в премудрости государственной политики. Известно, что все маньчжуры, поступавшие на государственную службу в цинское время, обязаны были сдавать специальные экзамены по маньчжурскому языку.

Таким образом, роль маньчжурского языка не сводилась лишь к формальной «маркировке» правящей Цинской династии. Это был язык правящей элиты, в какой-то степени кастовый язык, доступный лишь определенной части общества. Письменный маньчжурский прежде всего был «дворцовым языком» — языком императорских указов и дворцовых хроник. Сейчас, по прошествии почти столетия со времени его ухода с политической сцены, его уже нельзя, разумеется, признать живым. В этом отношении он уподобился чжурчжэньскому с тем только отличием, что последний вышел из употребления несколькими веками раньше. Хронологические рамки письменного маньчжурского языка можно указать с достаточно высокой степенью точности: писать по-маньчжурски начали в самом конце XVI в.; потребность в формальном, как у нас считалось, знании этого языка, в основном чиновниками, сама собой отпала в 1911 г., когда была низвергнута маньчжурская Цинская династия, державшая огромный Китай под своим контролем около 300 лет. Иначе говоря, письменный язык маньчжуров выполнял свои функции на протяжении почти трех столетий.

До недавнего времени в отечественном востоковедении широко бытовало мнение, что маньчжурская литература в основном представляла собой переводы китайских романов. Отчасти это соответствует действительности. Маньчжурские императоры поощряли переводы китайских исторических и философских текстов, а также романов и повестей эпохи Мин. Маньчжурский двор полагал, что батальные повествования должны положительно влиять как на дворянство, так и на военных.⁸ Среди подобных произведений наибольшую известность получил роман «Троецарствие» («Romance of the Three Kingdoms»). П. Кроссли в своей фундаментальной работе «Маньчжуры» подчеркивает, что помимо официальной существовал и «тайный мир маньчжурской литературы», где переводились запрещенные романы откровенно сексуального содержания (типа «Золотого лотоса»). «Более того, — пишет она, — маньчжурская литература состояла не только из переводов. Были и оригинальные прозаические произведения на маньчжурском языке, поэтические панегирики, памятные надписи, народные песни и баллады».⁹ Истоки собственно маньчжурской литера-

⁸ См.: Crossley P. K. The Manchus. P. 12.

⁹ Ibid.

туры П. Кроссли видит в «традиционной чжурчжэньско-маньчжурской устной литературе». Она считает, что маньчжурская устная традиция в значительной мере повлияла на китайские народные игровые виды искусства.¹⁰ К сожалению, мы не имеем возможности судить как о маньчжурской литературе (ввиду ее недоступности для российских исследователей), так и о воздействии на нее фольклорных элементов.

Следует отметить, что двуязычие среди маньчжуров было широко распространено с давних пор: уже несколько веков назад китайский язык настолько стал вытеснять маньчжурский, что появились специальные правительственные декреты, ставившие в прямую зависимость чиновничью карьеру от знания языка своих предков. Тем не менее китаизация маньчжурского языка не была такой масштабной, какой можно было бы ожидать при массовых переводах с китайского различных текстов. Кстати, и чжурчжэньский язык, ближайший родственник и предшественник маньчжурского, также не отличался обилием китаизмов (хотя китаизация чжурчжэней происходила весьма интенсивно). Между тем в письменной форме японского и корейского языков представлена огромная и относительно автономная китайская лексическая «колониция». Такое существенное отличие маньчжурского и чжурчжэньского языков от корейского и японского пока остается фактом, не имеющим удовлетворительного толкования.

Маньчжурская письменность является алфавитной, хотя сами маньчжуры представляли ее себе как слоговую: при изучении ее они запоминали написание слогов, а не передачу графемами отдельных фонем. Заимствованный у монголов уйгурский алфавит был легко и быстро приспособлен для записи маньчжурской речи.

Любой литературный язык можно охарактеризовать как продукт культуры, цивилизации, т. е. как нечто в определенной мере искусственное. При этом самые разные литературные языки имеют общие типологические черты — в частности, вырабатываются, а скорее, заимствуются, специфические особенности в лексике и в синтаксисе (большое количество новых понятий; более или менее развитая синонимия — как лексическая, так и синтаксическая; специальные аффиксы для имен существительных с абстрактным значением; союзы для выражения отношений между предикативными единицами). Складывается впечатление, что эти и некоторые другие черты, свойственные литературным языкам, были в какой-то степени присущи маньчжурскому еще до обретения им письменности в конце XVI в. Объяснить этот феномен можно, пожалуй, тем, что предок маньчжурского языка был тесно связан с

¹⁰ Crossley P. K. The Manchus. P. 12

чжурчжэньским, который также унаследовал от своего предка или предшественника многие особенности, присущие языку, «окультуренному» регулярным использованием письменности. Таким образом, принимавшая различные конкретные воплощения письменная культура в течение многих веков как бы пульсировала в том ареале, в котором последовательно сменяли друг друга государственные образования когурёсцев, бохайцев, киданей, чжурчжэней, монголов и маньчжуров.

Существенным вкладом В. А. Аврорина в описание грамматического строя нанайского, ороцкого и маньчжурского языков являются предложенные им классификации частей речи в данных языках. Не претендуя, как он сам писал, на оригинальность, Валентин Александрович руководствовался таким определением: «...часть речи — это лексико-грамматическая категория, объединяющая и выделяющая разряды слов по свойственному каждому из них (разрядов) особому типу сочетания определенных категориально-семантических, морфологических и синтаксических признаков».¹¹

Схема частей речи нанайского языка, являвшегося на протяжении многих лет, пожалуй, главным объектом лингвистических интересов В. А. Аврорина, была в основных чертах намечена им еще в книге «Очерки по синтаксису нанайского языка»,¹² написанной в 1940—1941 гг. и опубликованной только в 1948 г. Свое окончательное оформление эта схема получила в «Грамматике нанайского языка».¹³ В ней наряду с традиционными частями речи (имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение) имеются нетрадиционные: имя отрицания, имя времени, имя качества. Интересно, что к самостоятельной части речи «имя отрицания» Валентин Александрович отнес всего два слова: *аба* и *ана* (они «обозначают отвлеченное понятие отсутствия»)¹⁴.

Главный принцип, на основании которого Валентин Александрович считал реальными для нанайского языка такие необычные части речи, как имя качества, имя времени и имя отрицания, сформулирован в «Грамматике нанайского языка» следующим образом: «Мне кажется, что относить заведомо одно и то же слово одновременно к нескольким частям речи на основании его частных синтаксических функций, а тем более на основании перевода на какой бы то ни было другой язык — значит идти по линии наимень-

¹¹ Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М., Л., 1959. С. 91.

¹² Аврорин В. А. Очерки по синтаксису нанайского языка. I. Прямое дополнение. Л., 1948.

¹³ Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. С. 103—104.

¹⁴ Там же. С. 242.

шего сопротивления, которая чаще всего приводит к обедненному и искаженному изображению языковой действительности».¹⁵

Следует иметь в виду, что через 9 лет в кратком описании нанайского языка в серии «Языки народов СССР»¹⁶ из неординарных частей речи Валентин Александрович упоминает лишь имена качества. В этом же томе в статье «Орочский язык», написанной вместе с Е. П. Лебедевой, отсутствует даже термин «имена качества», хотя, разумеется, орочская грамматика далеко не во всем совпадает с нанайской.¹⁷ Для нас остается неясным, изменил ли В. А. Аврорин во второй половине шестидесятых годов свое мнение о наличии в нанайском языке столь необычных частей речи, как имя отрицания и имя времени, или же он просто решил не упоминать их в таком справочном издании, каким является пяти-томная серия «Языки народов СССР».

Свой метод грамматического описания В. А. Аврорин называет индуктивным подходом и обстоятельно обосновывает его в своей монографии,¹⁸ в основу которой была положена, как мы уже отметили, кандидатская диссертация. В «Грамматике нанайского языка» находим такую формулировку этого подхода: «Задача исследователя языка и составителя его описательной грамматики состоит вовсе не в том, чтобы отыскивать в этом языке какие-то универсальные категории или категории иных, более изученных, языков, а в том, чтобы, глубоко и всесторонне изучая факты языка, находить реально существующие в самом этом языке связи и разграничения языковых явлений и путем научного обобщения устанавливать наличные в нем категории, в том числе и части речи».¹⁹

Последняя крупная неопубликованная работа В. А. Аврорина «Грамматика маньчжурского письменного языка» убеждает нас в том, что в середине семидесятых годов Валентин Александрович вовсе не отступил от того индуктивного подхода к выделению частей речи, о котором он так аргументированно и ярко писал в сороковые и в пятидесятые годы. Напротив, исследуя грамматический строй маньчжурского языка, В. А. Аврорин пришел к еще более смелым выводам относительно своеобразия имеющих в нем частей речи.

В «Грамматике маньчжурского письменного языка» В. А. Аврорин обосновывает наличие в маньчжурском языке принципиаль-

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ Аврорин В. А. Нанайский язык // Языки народов СССР. Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. С. 129—148.

¹⁷ Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Орочский язык // Там же. С. 191—209.

¹⁸ Аврорин В. А. Очерки по синтаксису нанайского языка (Введение).

¹⁹ Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. С. 87.

но новой и оригинальной части речи, которую он назвал именем признака: «...в маньчжурском языке имеется большая по численности и важная по употребительности группа слов, обозначающих разнообразные признаки. По всей видимости, это третья после существительных и глагольных слов группа. В семантическом и грамматическом отношениях она соответствует русским прилагательным, числительным и наречиям, в известной степени — местоимениям, а в некоторых употреблениях также и существительным.

Таких слов по словарю И. И. Захарова насчитывается, помимо слов, соответствующих числительным, около двух тысяч (1880), т. е. примерно одна седьмая часть всей учтенной лексики» (с. 97 данного издания).

Далее Валентин Александрович пишет: «С точки зрения категориальной семантики эта группа, которую мы условно будем именовать именем признака (призначным), может быть разделена на следующие подгруппы, или разряды: 1) качественного признака, 2) относительного признака, 3) количественного признака, 4) признака степени, 5) вопросительно-указательного признака, 6) неопределенно-обобщенного признака и 7) отрицательного признака.

Наиболее значительным в количественном отношении и по существу определяющим для всей части речи является первый из перечисленных разрядов, включающий слова качественной семантики. В него входит около 80 процентов слов» (с. 97—98). Качественные признаки выражаются такими, например, словами, как *саин* 'хороший, хорошо, доброта', *тургэн* 'быстрый, быстро, быстрота' и т. д. Приведем примеры, заимствованные из книги Валентина Александровича: *тургэн бира* 'быстрая речка', *тургэн эжмби* 'быстро течет', *морин и тургэн дэ акда* 'положись на быстроту коня'.

В том, насколько важным представляется открытие в маньчжурском языке такой необычной части речи, как имя признака, можно убедиться на примере проникновения в сущность категориальной семантики маньчжурских счетных слов (так В. А. Аврорин называет те слова, которые обычно именуется количественными числительными). На с. 105 В. А. Аврорин пишет: «...маньчжурские счетные слова обозначают не столько отвлеченные понятия о количествах, как, скажем, русские „два“, „пять“, „десять“, сколько количественные признаки, т. е. что-то вроде „двойственный, двойной“, „пятерной“, „десятерной“ и т. п.».

Интересно, что в принципе аналогичное явление наблюдается в японском языке: собственно японские (т. е. не китайские) числительные выражают идею количества именно атрибутивно, например по-японски два или три яблока будет не *футацу ринго* или *мицу ринго* (*ринго* означает 'яблоко', *футацу* — 'два'), а *футацу-*

но ринго и *мицу-но ринго*, где *-но* является показателем атрибута. Таким образом, как и в маньчжурском, в японском языке числительные обозначают именно количественные признаки. Такая типологическая параллель между маньчжурским и японским языками служит подтверждением правильности и глубины понимания В. А. Аврориным идеоэтнической специфики маньчжурского языка.

Не только для тунгусо-маньчжурского языкознания, но также для общей лингвистики несомненно заслуживающим внимания является то, что В. А. Аврорин писал в своих работах о своеобразии глагольных слов в нанайском и маньчжурском языках. Прежде всего он особо подчеркивал, что причастие, деепричастие и собственно глагол в нанайском и маньчжурском языках представляют собой самостоятельные глагольные части речи. Категориям времени и вида у нанайских и маньчжурских причастий Валентин Александрович посвятил две специальные статьи,²⁰ а также детально проанализировал их в своих книгах «Грамматика нанайского языка» и «Грамматика маньчжурского письменного языка». В первой автор высказывает предположение о том, что системе времен нанайских причастий предшествовала видовая парадигма с противопоставлением незаконченного и законченного действий, при этом такое противопоставление не было связано с результативностью этих действий. В. А. Аврорин здесь же отмечает, что в своих более ранних работах он «отрицал наличие категории времени у причастий, рассматривая ее как категорию чисто видовую, лишь в редких случаях способную переосмыслиться в категорию времени».²¹

В описании основообразования глагольных слов особое внимание привлекает категория, которую Валентин Александрович назвал категорией породы. Она, как подчеркивает В. А. Аврорин, занимает «в известном смысле промежуточное положение между видами и склонениями».²² В нанайском языке имеются породы долженствования, цели, намерения, желания. В своей маньчжурской грамматике Валентин Александрович пишет, что категория породы «дает возможность обозначить одним глагольным словом два разных действия, находящихся в определенной зависимости друг от друга».²³ При этом в маньчжурском языке породы в структурном отношении делятся на две группы: синтетические и ана-

²⁰ Аврорин В. А. О категориях времени и вида в нанайском языке // *Язык и мышление*. 1948. № XI. С. 29—55; Аврорин В. А. О категориях времени и вида в маньчжурском языке // *Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка*. 1949. Т. VIII. Вып. 1. С. 60—65.

²¹ Аврорин В. А. *Грамматика нанайского языка*. М.; Л., 1961. Т. II. С. 78.

²² Там же. С. 59.

²³ См. с. 172 данной работы.

литические.²⁴ К первой группе относятся порода отбытия, порода прибытия и порода отправления. Во вторую группу входят порода намерения, порода возможности, порода долженствования и порода овладения (последняя имеет два варианта аналитического построения: *хулафи бахамби=бахафи хуламби* 'учится (может) читать'). Интересно, что синтетические породы могут в маньчжурском языке комбинироваться с аналитическими: *жэнжики сэхэ* 'хотел прийти поесть', *алаңгичи ачамби* 'необходимо послать сказать' (см. с. 178). Хотелось бы отметить, что на примере категории породы в маньчжурском языке можно продемонстрировать сосуществование диаметрально противоположных тенденций развития грамматической техники. Имеется в виду следующее: вероятно, под влиянием других языков маньчжурский создает четыре аналитические породы, в то же время в рамках этой же категории породы в маньчжурском языке из аналитических форм образуются синтетические. Например, показатель породы прибытия *-нжи*, скорее всего, восходит к глаголу *жи-* 'прийти', а показатель породы отправления *-ңги* происходит, очевидно, от глагола *уңги-* 'отправить'.²⁵ Здесь удивляет, однако, не то, что синтез и анализ уживаются в рамках одной категории, а то, что становление аналитических и синтетических форм происходило, вероятно, более или менее одновременно, и это лишний раз свидетельствует о противоречивости языкового развития.

На наш взгляд, нуждаются в дальнейшем изучении и, возможно, грамматическом переосмыслении те формы, которые В. А. Аврорин называет субстантивированными причастиями, например: *сэрэңгэ* 'говорение; то, что говорится', *сэхэңгэ* 'то, что сказано'. Весьма сомнительно, что суффикс *-ңгэ* выступает здесь в качестве словообразовательного; одним из аргументов может служить несовместимость словообразования с так называемой групповой аффиксацией, например: *бучэрэ банжирэңгэ даму энэңги каи* 'смерть или жизнь — это сегодняшний день' (т. е. сегодня определится, кому из нас жить, а кому умереть). Впрочем, Валентин Александрович отнюдь не настаивает на жестком, однозначном решении: «...рассмотренные формы субстантивации занимают промежуточное положение между причастием, от которого они полностью не оторвались, и существительным, к которому окончательно еще не примкнули».²⁶

Проблемы истории языка хотя и интересовали В. А. Аврорина, но в значительно меньшей степени, чем вопросы живого функци-

²⁴ См. с. 172 данной работы.

²⁵ Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879. С. 163, 164.

²⁶ См. с. 197—198 данной работы.

онирования языковых систем. Работ, посвященных специально какому-либо аспектам истории нанайского или маньчжурского языков, у Валентина Александровича, насколько нам известно, не было. Однако существенные исторические вкрапления, комментарии иногда встречаются в его трудах. При этом в подавляющем большинстве случаев В. А. Аврорин обращался к истории развития структуры языка, а не его материи.

У Валентина Александровича была явная склонность к философскому осмыслению языковедческих проблем. Истинный ученый и не может не быть философом, т. е., владея огромным количеством фактов, он должен уметь осмысливать их системно, глобально и логично. В. А. Аврорину были несомненно присущи все эти качества, что ставит его в ряд выдающихся лингвистов. «Грамматика маньчжурского письменного языка», как и все остальные работы Валентина Александровича, безусловно, подтверждает такой вывод.

А. М. Певнов, М. М. Хасанова

ФОНЕТИКА

Описание фонетики маньчжурского языка делается здесь на основании изучения памятников этого языка различных жанров, изданных преимущественно ксилографически в XVII—XIX вв., свидетельств авторитетных специалистов — авторов опубликованных словарей и грамматик,¹ а также прекрасных знатоков маньчжурского языка проф. П. И. Воробьева и Б. И. Панкратова, под руководством которых автору посчастливилось сорок лет тому назад сделать первые шаги в изучении этого языка.

ГЛАСНЫЕ И ИХ ГАРМОНИЯ

В маньчжурской письменности имеется шесть букв для обозначения гласных звуков, но кардинальных фонем в языке на одну меньше. В переднем ряду — одна гласная фонема *и*; в смешанном ряду — две: *э*, *а*; в заднем ряду — также две: *у*, *о*. Гласная переднего ряда *и* имеет верхний подъем; в смешанном ряду *э* — среднего подъема, *а* — нижнего; в заднем ряду *у* — верхнего подъема, *о* — среднего. Состав гласных можно представить в виде такого треугольника:

$$\begin{array}{ccc} & и & у \\ & э & о \\ & & а \end{array}$$

Шестая гласная буква, обозначаемая в европейской транслитерации то как *у* с надстрочным знаком, то как *о* с надстрочным зна-

¹ *Захаров И. И.* 1) Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875; 2) Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879; *Möllendorff P. G. von.* A Manchu grammar. Shanghai, 1892; *Hauer E.* Handwörterbuch der Mandschusprache. Wiesbaden, 1952—1955; *Haenisch E.* Mandschu-Grammatik mit Lesestücken und 23 Texttafeln. Leipzig, 1961.

ком, представляет собой не более как чисто графический вариант буквы, обозначающей *y*. Этот вариант замещает основную букву в позиции после согласных *k, ɣ, x* в словах с гласными *a, o*, иногда также *u, y*, но не *э*. В остальных случаях, которых значительное большинство, употребляется основной вариант.

Сравнение с родственными языками тунгусо-маньчжурской группы позволяет думать, что ранее кардинальных фонем было на две больше: в переднем ряду кроме *u* верхнего подъема, была еще одна фонема *i* приподнято-среднего подъема, а в заднем ряду кроме *y* верхнего подъема и *o* среднего подъема, была еще фонема *y̆* опущенно-верхнего или приподнято-среднего подъема.

Но к тому времени, которое отражено письменными памятниками, в маньчжурском языке от второй фонемы переднего ряда не осталось никаких следов, а от третьей фонемы заднего ряда остался след в виде указанного выше графического варианта.

Оппозиция огубленный/неогубленный для гласных не является релевантной. Огубленность — это сопутствующий признак всех гласных заднего ряда и только этих гласных.

Кардинальные гласные отличаются нормальной длительностью и простотой структуры (артикуляционной однородностью). Кроме них, система гласных фонем включает в себя одну гласную повышенной (как можно думать, удвоенной) длительности, это фонема \bar{o} (долгое *o*), обозначаемая на письме удвоенной соответствующей буквой.

Отмечен один случай употребления на письме удвоенной буквы *и* и в слове *ии* 'его' (родит. пад.). К этому можно добавить немалое число случаев сочетания двух *и* в формах родит. падежа от слов, основы которых оканчиваются на *и*, например: *нами и* 'одежды из кожи', *кэли и* 'свожка', *хоки и* 'сообщника', *бакси и* 'учителя', *туэри и* 'зимы', *варги и* 'запада'. Это, казалось бы, можно считать по аналогии с \bar{o} обозначением долгой фонемы \bar{i} . Но против этого говорит то, что мы имеем дело с изолированными случаями, где вполне отчетлива морфологическая членимость на два *и*, из которых первое относится к основе, а второе является аффиксом родительного падежа. Слово же *ии* 'его' есть вариант (возможно, диалектный) нормативной формы *ини*. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с удвоенным (двухвершинным) *и*, противостоящим обычному не как долгая фонема краткой, а как две рядом стоящие одинаковые фонемы — одной. Двухвершинность здесь создается присутствием йотообразного призвука в начале второго *и*.

Простым (однородным по артикуляции) гласным фонемам, которые были перечислены выше, противопоставит несколько сложных. Это прежде всего дифтонги. Наиболее употребителен тип дифтонга со вторым *и*-образным компонентом: *аи, эи, ои, уи*. Например: *аи*

‘что, какой’, *гацису* ‘возьми’, *дарухаи* ‘часто, постоянно’, *фэубихи* ‘дождевой червь’, *пэи* — междометие сожаления, *цилори* ‘снаружи’, *боцхон* ‘земля’, *тоцин* ‘духовная особа’, *уихэ* ‘рог’, *гүисэ* ‘комод, сундук’, *дуин* ‘четыре’. Менее, но все же достаточно употребительны дифтонги с начальным у-образным компонентом: помимо уже отмеченного *уи* — это дифтонги *уа*, *уэ*. Для дифтонга *уи* транслитерация та же, а дифтонги *уа* и *уэ* в транслитерации выглядят как *уа*, *уэ* и других обозначений не имеют. Примеры: *куа* ‘светло-желтый’, *жэуан* ‘десять’, *жэуэ* ‘два’, *хуэтхэ* ‘нерпа’. Часто встречается также дифтонг *зу* (в транслитерации *зо*), например: *лэулэн* ‘беседа’, *гэудэн* ‘обман’, *илжэхэдэу* ‘злой дух’. Много реже встречаются (почти исключительно в заимствованных словах) дифтонги *оа*, *ао*, например: *јоан* ‘плитка для растирания туши, красок’, *фоаламби* ‘поднимать подол платья’, *х’оан* ‘усталый’, *чао сэмэ* (в транслитерации так же) ‘без оглядки’, *к’ао сэмэ* (в транслитерации *кијао*) ‘ловко’, *пао* (в транслитерации *поо*) ‘пушка’, *даохан* (в транслитерации *доохан*) ‘мост’. Транслитерация дифтонга *ао* совпадает с орфоэпией только в очень немногих исконно маньчжурских словах образной семантики. В большинстве же случаев он встречается в заимствованных из китайского словах и обозначается двойным *о*, что порождает омограммы, читаемые как \bar{o} или как *ао*.

Фонемной самостоятельностью обладает также трифтонг *уаи* и, возможно, также *уэи*, например, в словах: *гуаидамби* (в транслитерации *гуваидамби*) ‘облокачиваться’, *хуаисэ* (в транслитерации *хуваисэ*) ‘семена акации’, *хуаитамби* (в транслитерации *хуваитамби*) ‘привязывать’, *јуэи* ‘Кохинхина, то есть южная часть Вьетнама’ (кажется, это единственный случай употребления такого трифтонга). Нельзя не отметить, что трифтонги присутствуют почти исключительно в заимствованных словах.

Таким образом, к пяти кардинальным (простым кратким) гласным фонемам следует добавить одну простую долгую фонему, девять дифтонгов и два трифтонга. Система гласных фонем маньчжурского письменного языка насчитывает всего семнадцать единиц: *и*, *э*, *а*, *о*, *у*, \bar{o} , *аи*, *эи*, *ои*, *уи*, *уа*, *уэ*, *оа*, *ао*, *зу*, *уаи*, *уэи*, причем фонематичность последнего трифтонга остается под сомнением.

Главной фонетической закономерностью маньчжурского языка является гармония гласных, представляющая собой их дистактную ассимиляцию в пределах слова. Эта закономерность сохраняет свое универсальное значение, несмотря на то что к началу письменного периода развития маньчжурского языка она под воздействием контактирующих языков уже подверглась некоторому разрушению. Условности орфографии еще более углубили этот про-

цесс. Сыграла свою роль также все нарастающая традиция словосложения.

В связи с гармонией все кардинальные гласные (а вместе с ними и прочие) разделяются на подчиняющиеся этой закономерности, которые можно назвать альтернативными, и не подчиняющиеся ей, или нейтральные. Альтернативными являются гласные среднего и нижнего подъемов — *a*, *э*, *o*, нейтральными — гласные верхнего подъема — *и*, *у*.

Альтернативные гласные образуют следующие оппозиции: *a* противостоит *э*, *o*; *э* противостоит *a*, *o*;² *o* противостоит *a*, *э*. Но отношения в оппозициях не вполне равны: одинаково противостоят друг другу *a~э*, *э~o*, оппозиция же *o~a* обладает меньшей силой.

В своем исходном состоянии, которое можно предположительно восстановить с помощью внутренней реконструкции и сравнения с родственными языками, гармония гласных служила строгим регулятором вокализма внутри каждого отдельного слова. Слова же имели вокализм одной из трех серий: первой — *a*, *i*, *y*; второй — *э*, *и*, *у* или третьей — *o*, *i*, *y*. В словах с вокализмом первой серии не могло быть гласных ни второй, ни третьей серий, в словах с вокализмом второй серии не могло быть гласных ни первой, ни третьей серий. В словах же с третьей серией вокализма — положение более сложное. В них после *o* могли следовать гласные *o*, *i*, *y* (но не могли следовать *a*, *э*, *и*, *у*), а после гласных *i*, *y* могли следовать или они же, или *a* (но не *o*!). Следовательно, в словах первой и второй серий ассортимент кардинальных гласных фонем, как было сказано, ограничивался тремя, причем в каждом конкретном слове присутствовали не обязательно все, не обязательно только по одному и не обязательно в строгом порядке. Это правило распространялось на все слово от начала до конца и потому имело тотальный характер. В словах же третьей серии ассортимент кардинальных гласных несколько шире: в них с учетом сказанного выше относительно количества и порядка следования фонем возможен был такой ассортимент гласных фонем: *o*, *o*..., *i* (*y*)..., *a*, *i*, *y*. В этом случае гармония имеет уже не тотальный, а ступенчатый характер. Все зависит от предшествующей гласной: если это *o*, то после него может идти то же самое *o*, или же *i*, *y*, а за *i* или *y* гласная *o* следовать уже не может, она должна заменяться гласной *a*, и весь последующий вокализм перестраивается на первую серию. В этом и проявляется отмеченная выше слабость

² Сочетание в транслитерации гласных *эо* не нарушает строгости этой оппозиции, так как оно представляет собой условный прием обозначения на письме дифтонга *эу*, не имеющего иного обозначения.

оппозиции $o \sim a$ (если a исключает возможность следования за ней o , то o не исключает возможности следования за ней a).

Изложенное правило неукоснительно действовало как внутри корня, так и внутри целого слова, т. е. корня + тот или иной набор аффиксов. Корни по своему вокализму стабильны. Иное дело — аффиксы. По вокализму они делятся на два типа: к первому типу относятся содержащие гласные выше среднего подъема (u, y, i, \dot{y}), их можно назвать аффиксами с верхним вокализмом; ко второму типу относятся содержащие гласные среднего и нижнего подъема ($a \sim \dot{a} \sim o$), их можно назвать аффиксами с нижним вокализмом. Следуя за корнем или друг за другом, аффиксы ассимилятивно адаптируют свои гласные предшествующим им в пределах того же слова гласным.

Произошедшая в более поздний период (к моменту зарождения письменности) интеграция двух гласных в один как в переднем, так и в заднем ряду ($u \sim i > u$; $y \sim \dot{y} > y$) несколько видоизменила систему вокализма и присущую ей гармонию. Гласные выше среднего подъема перешли в нейтральную позицию по отношению к гармонии гласных, тогда как гласные среднего и нижнего подъемов сохранили свой альтернативный характер. В результате этого вокализм аффиксов первого типа стал неизменным, не подверженным чередованиям, не зависящим от предшествующих гласных, а вокализм аффиксов второго типа сохранил обязательное чередование гласных $a \sim \dot{a} \sim o$, благодаря чему каждый такой аффикс имеет по три фонетических варианта. К аффиксам первого типа относятся, например: $-u \sim -ни$ — родит. падеж, $-мби$ — наст.-буд. время изъяв. накл., $-фи$ — деепричастие разновремен., $-бу$ — побудит.-страд. залог, $-ну$ — совместн. залог. Все они в равной мере приложимы к любой основе слова, независимо от серии ее вокализма, например: *арафи* 'сделав, написав', *гэнэфи* 'отправившись', *соңгофи* 'заплакав, поплакав', *арабумби* 'заставить сделать, написать', *гэнэбумби* 'заставить отправиться, отправить', *соңгобумби* 'заставить плакать, довести до слез'. К аффиксам второго типа относятся, например: $-ca/-c\dot{a}/-co$ — множ. число, $-xa/-x\dot{a}/-xo$ — прош. время причастия, $-н\dot{ж}a/-н\dot{ж}\dot{a}/-н\dot{ж}o$ — вид постоянства. Выбор одного из трех вариантов этих и подобных им аффиксов определяется предшествующим вокализмом слова, что видно из следующих примеров: *араха* 'сделал, написал', *гэнэхэ* 'отправился', *соңгохо* 'плакал, поплакал'. Перестройка вокализма после нейтральной гласной в слове с корнем третьей серии может быть иллюстрирована таким примером: *соңгобуха* 'заставил плакать, довел до слез' (ср. *соңгохо* 'плакал, поплакал').

Сложнее обстоит дело с вокализмом аффиксов второго типа в словах, корни которых содержат только нейтральные гласные.

У одних таких слов аффиксы имеют гласные первой серии (а), а у других — гласные второй серии (э), например: *илиха* 'встал', *исиха* 'достиг', *иџиха* 'причесал', *унуха* 'взвалил на спину', *сучуха* 'напал', *икуха* 'сморщился', *фулибуха* 'пустил ростки', но *иркихэ* 'раздразнил', *исихихэ* 'отряхнул', *укухэ* 'окружил', *чубухэ* 'оказался стесненным', *уңгихэ* 'послал', *уфихэ* 'сшил'. Язык письменного периода не дает никаких указаний для выбора одного из двух вариантов аффикса. Это отголосок далекой истории, о чем убедительно свидетельствует сравнение с таким близко родственным языком, как нанайский, в котором гармония гласных имеет строго регулярный, классический вид. Совершенно очевидно, что в дописьменный период первые семь из приведенных выше слов содержали исчезнувшие позднее гласные *i*, *y*, относившиеся к первой серии, а последние шесть и ранее содержали гласные *и*, *у*, относившиеся ко второй серии.

Таким образом, предпочтительными (сказать обязательными здесь мешает большое число исключений) в письменном маньчжурском языке и обязательными в его дописьменном состоянии, если не учитывать различия между *i*, *y* и *и*, *у*, можно считать следующие цепочки гласных в пределах слова: *а...а...и* (у)...а' (I серия), *э...э...и(у)...э* (II серия), *о...о...и(у)...а* (III серия), *и...и(у)...а* (I серия), *и...и(у)...э* (II серия), *у...и(у)...а* (I серия), *у...и(у)...э* (II серия).

В письменном языке накопилось большое число нарушений правила гармонии гласных разного происхождения. Позволительно говорить об этом правиле как о продолжающей еще сохраняться наиболее регулярной общей норме, постепенно размываемой все нарастающим потоком исключений. Часть из них, возможно, представляет собой продукты орфографической нормализации. В связи с этим можно упомянуть инвариантное написание ряда аффиксов и частиц, например: *дэ* — дат. пад., *бэ* — винит. пад., *-мэ* — одновременное деепричастие, *-ңгэ* — субстантивация, *-аку*, *-раку* — глаг. отрицание, *-сака*, *-мэл'ан* — словообразование прилагательных, *-о* — вопросит. частица и др. Среди иных исключений можно упомянуть непоследовательное написание аффикса причастия настоящего-будущего времени *-рал-рэ* в словах первой серии, слитное написание сложных слов с компонентами разных серий типа: *ацбидэ* 'где' (*ац* + *бидэ*); *ацсэрэңгэ* 'что ты говоришь?' (*ац* + *сэрэңгэ*); *инэңгидари* 'ежедневно' (*инэңги* + *дари*); *голдэрэ* 'стеллаж для вещей' (*голлмин* + *дэрэ*); *агэ* 'старший брат' (*а* + *гэ*); *сацмэңгэ* 'твердая и сладкая конфета' (*сацин* + *мэңгэ*), приближенное к оригиналу написание заимствованных китайских и санскритских слов, таких как *босэ* 'сверток', *сацсэ* 'небольшой крендель', *масэ* 'рябины на лице', *џоаңгэ* 'отдел', *лудон* 'плетеный за-

кром', *Эсрува* — одно из названий Будды, *жога* 'святой, подвижник', *доктама* 'размышление'.

Встречаются орфографические дублеты, из которых один с выдержанной гармонией гласных, другой с нарушенной, например: *аџиган~аџигэн* 'малютка, дитя', *ара~арэ* — междометие боли и испуга, *зимпэ~зимпа* — название одного из диких злаков, *эн'эн~эн'ан* 'самка лося', *эхэл'эңгу~эхэл'аңгу* 'глупый, слабоумный', *эф'эн~эф'ан* 'игра, забава, игрушка', *эрулэмби~эромби* 'мучить, пытаться', *идурэмби~идурамби* 'дежурить, караулить по очереди', *кэңкэшэмби~кэншамби* 'выпрашивать милостыню', *гэрилэмби~гэриламби* 'мерцать, сверкать' и мн. др.

В большом числе случаев нарушения гармонии гласных не находят удовлетворительного объяснения. Приведу в пример лишь немногие из них: *аихумэ* 'ларец из кожи' (ср. *аихума* 'черепаха'), *ибашэн мукэ* 'талая вода' (ср. *нимашан мукэ* — то же), *окэ* 'тетя, жена младшего брата отца' (ср. нан., ороц. *зукэ*), *обг'а* 'ловушка на орлов', *јонамби* 'покрываться язвами', *н'охэ* 'волк, волчья шкура', *норан* 'куча хвороста, костер', *бэкто* 'слепень', *сэлабун* 'радость, веселье', *томэ* 'каждый, всякий', *дадэн* 'недостаток, увечье' (ср. *дадан* 'калека, увечный'), *фосок'амби* 'горячиться, вспыхивать' и мн. др.

Не исключено, что неожиданное появление *a* после *o* или *э* после *a* может быть поставлено в связь с действующей в эвенкийском языке закономерностью соотношения долгих и нормальных гласных, согласно которой после долгого *o* (\bar{o}) следует *a* (*o* следовать не может), а после долгого *a* (\bar{a}) следует или *э*, или \bar{a} (*a* следовать не может). Возможно, что и в маньчжурском языке *o*, предшествующее *a*, и *a*, предшествующее *э*, тоже некогда были долгими. Если это так, то вслед за тем возникает вопрос — имеем ли мы дело с генетически общим явлением, или же с результатом контактного влияния? Этот вопрос остается пока открытым.

Гармония гласных в маньчжурском, как и в других обладающих ею языках, представляет собой важнейшее средство фонетического цементирования слова, особого рода «пограничный сигнал», позволяющий ощутить единство целого слова и отграничить его от других слов в потоке речи. С анатомо-физиологической стороны это система трех чередующихся настроек органов речи: широкого неогубленного, узкого неогубленного и широкого огубленного. Настройка происходит перед произнесением слова и сохраняется или на всем его протяжении (в словах первых двух серий), или изменяется внутри слова при первой же нейтральной гласной (в словах третьей серии).

СОГЛАСНЫЕ

Согласных фонем в маньчжурском языке — 33. По способу образования они делятся прежде всего на сонорные и шумные. Сонорные в свою очередь делятся на носовые (*м, м', н, н', ң*), боковые (*л, л'*) и дрожащий (*р*).

Среди сонорных фонем можно выделить парные оппозиции *м—м', н—н', л—л'* как непалатализованные—палатализованные.³ Фонема *ң* не знает такой оппозиции ни на фонемном, ни на вариантном уровнях, так как позиция перед гласной, в том числе и перед палатализующей фонемой переднего ряда *и*, для нее полностью исключена (ей свойственны только две позиции: перед согласной и в конце слова). Фонема *р* также не знает этой оппозиции на фонемном уровне, но на вариантном уровне она ей свойственна. Непалатализованный вариант фонемы *р* имеет место в позициях: перед согласной, перед гласной смешанного и заднего рядов и в конце слова. Палатализованный вариант фонемы *р* регулярно имеет место в единственной позиции: перед палатализующей гласной переднего ряда *и*. Грубо говоря, фонема *р* обязательно палатализуется перед гласной *и*, но никогда не палатализуется ни в одном ином случае. Остальные противопоставления среди сонорных связаны с различиями по действующему органу, о чем речь впереди.

Шумные делятся на три группы: смычные, щелевые и аффрикаты. Каждая из этих групп по участию голоса делится на глухие и звонкие. Глухие смычные: *п, п', т, т', к, к'*. Парные им звонкие смычные: *б, б', д, д', г, г'*. Все перечисленные смычные — краткие. Одной из них — краткой *т* — противостоит по длительности долгая фонема *тт*.⁴ Все эти фонемы, кроме долгой *тт*, попарно связаны оппозицией: непалатализованная—палатализованная. Наиболее отчетлива такая оппозиция между фонемами *б—б', к—к', г—г'*. Остальные противопоставления менее отчетливы, поскольку фонемы *п', т', д'* встречаются почти исключительно в образных словах звукоподражательного характера, обладающих и в других отношениях фонетическим своеобразием, а также в не полностью адаптированных заимствованиях из китайского языка и санскрита. Вообще частота их встречаемости ничтожно мала.

³ Эти оппозиции относятся к классификации по действующему органу, о чем будет сказано позже.

⁴ В помещаемой ниже таблице противопоставление кратких и долгих согласных из соображений чисто технического удобства отражено не в делении по способу образования, как следовало бы исходя из существа дела, а в делении по действующему органу.

К глухим щелевым относятся: *ф, ф', ш, с, с', х, х'*. Все они краткие. Противопоставление по длительности свойственно только одной паре фонем: *ш—шш*. Звонких щелевых всего две фонемы, не знающие оппозиции по палатализованности: *в, ж*. Фонема *в* всегда непалатализована потому, что позиция перед палатализирующим *и* для нее не существует. Фонема *ж* не палатализуется из-за того, что она палатальна от природы. В группе глухих щелевых фонем *ш* также не имеет противопоставления по палатализованности, вернее сказать, она его имеет, но не на фонемном уровне, а на вариантном, только тогда, когда оказывается в позиции перед палатализирующим гласным *и*.

Аффрикат всего две: одна глухая *ч*, другая звонкая *ж*; обе палатальные, поэтому не знают оппозиции по палатализации.

Те же 33 согласные фонемы при классификации по действующему органу распадаются на четыре основные группы: губно-губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные. В трех группах, кроме среднеязычных, действует уже упомянутое выше противопоставление непалатализованных палатализованным. Среди переднеязычных выделяется одна ретрофлексная фонема *ш*. В той же группе соответствующим кратким согласным противопоставляются долгие фонемы *тт, шш*, о чем было сказано в соответствующем месте выше. К губно-губным относятся: *п, п', б, б', ф, ф', в, м, м'*. К переднеязычным — *т, т', тт, д, д', с, с', ш, шш, н, н', л, л', р*. К среднеязычным (палатальным) — *ж, ч, ж*. К заднеязычным — *к, к', г, г', х, х', ц*.

Дифференциальные признаки согласных фонем видны из таблицы 1.

Система маньчжурской графики позволяет думать, что заднеязычные шумные *к, г, х* реализуются каждый в двух вариантах: заднеязычном в словах второй серии и увулярном в словах первой и третьей серий. Исключением являются те слова первой и третьей серий, в которых эти согласные предшествуют гласному *и*, а в письме, как увидим ниже, вообще любому применению буквы *и* (*А*), а также редко встречающейся букве *у* (*А', ф'*), но не *у* (*А 9*), перед которой пишутся буквы, приуроченные к обозначению увулярных вариантов. Следовательно, вариантному уровню свойственны оппозиции *к—к, г—г, х—х*.

То ли по аналогии с заднеязычными, то ли в порядке сохранения монгольской традиции маньчжуры в письме различают по два варианта букв, обозначающие переднеязычные смычные *т, д*: один для слов второй серии, другой для слов первой и третьей серий. Но в отличие от заднеязычных здесь перед *и* пишутся варианты букв, приуроченные к словам первой и третьей серий. В словах же всех трех серий перед буквой *у* пишется вариант буквы для слов второй серии (буква *у* после этих согласных не встречается).

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

		По действующему органу								
		Губно-губные		Долгие	Переднеязычные			Среднеязычные	Заднеязычные	
		непалатализованные	палатализованные		ретрофлексная	непалатализованные	палатализованные		непалатализованные	палатализованные
Шумные	Смычные	глухие	п	п'	т	т	т'	к	к'	
		звонкие	б	б'	д	д	д'	г	г'	
	Щелевые	глухие	ф	ф'	ш	ш	с'	х	х'	
		звонкие	в							
	Аффрикаты	глухие								
		звонкие								
Сонорные	Носовые		м	м'			н	н'	ң	
	Боковые						л	л'		
	Дрожащая						р			

Совершенно очевидно, что в языке маньчжурских памятников внутри фонем *m*, *ɗ* отсутствует противопоставление вариантов по действующему органу с более передней и более задней артикуляцией. Однако сравнение с родственным нанайским языком позволяет предположить наличие такого противопоставления в дописьменный период. Иными словами, можно думать, что некогда маньчжурскому языку было свойственно противопоставление на вариантном уровне дорсальных *m*, *ɗ* в словах второй серии апикальным *m*, *ɗ* в словах первой и третьей серий.

Губно-губные щелевые непалатализованные фонемы *ɸ*, *ɞ* составляют, подобно смычным, пару противостоящих друг другу только по глухости/звонкости фонем. Однако практически такое противопоставление существует только в позициях перед гласными *a*, *ɛ*. Ни перед согласными, ни в конце слова эти фонемы не бывают, они возможны только перед гласными. Но здесь их роли неодинаковы. Если *ɸ* может предшествовать любому гласному, то *ɞ* предшествует только гласным *a*, *ɛ*. Именно поэтому в маньчжурской графике введено особое правило обозначения этих двух согласных.

Каждая из фонем-аффрикат имеет по два варианта. В позиции перед всеми непередними гласными они реализуются в шипящих вариантах *ɕ*, *ʒ*, а в позиции перед *и* (на письме перед любым использованием этой буквы) — в свистящих вариантах *ɕ*, *ʒ*. В словах китайского происхождения возможно употребление свистящих вариантов и перед непередними гласными, например: *цанзуң* 'тысяцкий (офицер)' < кит. *цзянь-цзун*, *цанл'аң* 'провиант' < кит. *цзянь-лян*, *цалимби* 'схватить за волосы, вцепиться в волосы' < кит. *цай*, *занзун* 'военный пристав' < кит. *цзянь-цзюнь*, *зэи* 'бунчук' < кит. *цзе*.

Палатализованная фонема *с'* имеет колеблющееся произношение. Она произносится то как апикальный палатализованный звук *с'*, то как ретрофлексный звук *ш'* с небольшой палатализацией. Сколько-нибудь твердой закономерности в употреблении того и другого вариантов обнаружить не удастся. И. И. Захаров приводит следующие примеры: *синдуби* — назв. созвездия, *симбэ* 'тебя', но *шиндамби* 'ставить', *шимхун* 'палец', *сишири* 'лесной орех', *дошимби* 'достигать' — и отмечает, что в непервых слогах чаще произносится ретрофлексный вариант. Пишется же во всех этих случаях *с* (↗).

В заимствованных из китайского языка и санскрита не полностью адаптированных словах, транскрибированных с помощью маньчжурской графики, встречаются специальные дополнительные буквы, обозначающие звуки, которых нет в исконно маньчжурских словах. Из гласных это только один звук *ы* смешанного ряда верхнего подъема, неогубленный.

Согласных значительно больше. Это аспирированные увулярные согласные $к'$, $г'$, например: $к'о$ 'отделение придворной канцелярии', $к'орк'а$ — назв. княжества в Индии, $к'арси$ 'ряса буддийского монаха', $г'арам$ 'буддийская служба', $г'ардари$ 'секира с короткой рукояткой', $г'ола$ 'путь солнца'; свистящая глухая аффриката перед непередними гласными, например: $боцаи соги$ 'шпинат', $ланцы$ 'индийское письмо'; свистящая звонкая аффриката перед непередними гласными, например: $бизаја$ 'победа', $тузы$ 'красная глина'; шипящая глухая аффриката перед передним гласным $и$, например: $чисэ$ (не $чисэ!$) 'озеро, пруд', $чимиң$ (не $цимиң!$) 'патент чиновника до 6-го класса'; шипящая звонкая аффриката перед передним гласным $и$, например: $жиши$ (не $зиши!$) 'помощник управляющего при начальнике области', $жима$ (не $зима!$) 'кунжут'; ретрофлексный щелевой звонкий $ж$, например: $жан$ 'черная обезьяна', $жи бэн гурун$ 'Япония'.

Заемствованных слов в маньчжурских текстах большое количество. По сообщению П. Мёлендорфа, маньчжурская лексика примерно на одну треть заимствована из китайского языка. Но большинство китайских по происхождению слов настолько прочно вошло в маньчжурский язык и адаптировалось в нем, что не воспринимается маньчжурами в качестве иноязычных слов. Но небольшая часть таких слов сохраняет фонетические особенности языка-источника и осознается как очевидные варваризмы. В них-то и сохраняются на письме дополнительные буквы (по-маньчжурски $тулэрги хэргэн$ 'внешние буквы'), и их сохранение поддерживает восприятие их как инородных тел. Поскольку передаваемые дополнительными буквами звуки или вовсе не употребительны в основной маньчжурской лексике, или не употребительны в указанных выше позициях, считать их вошедшими в фонологическую систему маньчжурского языка нет оснований. Они примыкают к этой системе, но находятся за ее пределами, оставаясь столь же гетерогенными по отношению к ней, как гетерогенны маньчжурской лексике содержащие их слова, заимствованные из китайского языка и санскрита.

Ассимиляция согласных в письменных текстах отражена крайне слабо. Предыдущие исследования отметили лишь один случай: чередование $н \sim м$ в позиции перед губным $б$ ($дулимба$ 'середина' < $дулин$ 'середина' + $ба$ 'место'; $мимбэ$ 'меня' < $мин$ 'я' — склоняемая основа + $бэ$ — аффикс винительного падежа; $симбэ$ 'тебя' < $син$ + $бэ$).

В маньчжурских текстах отсутствуют сочетания согласных $нк$, $нг$, но зато часто встречаются сочетания $ңк$, $ңг$. Это обстоятельство, а также данные родственных языков побуждают предположить, что некогда в маньчжурском языке действовало ассимилятивное чередование $н \sim ң$ перед заднеязычными.

Некоторые возможные случаи ассимиляции согласных скрыты условностями маньчжурской орфографии. Так, например, часто встречаются сочетания согласных звонкой—глухой, типа *бт*, *бс* или наоборот глухой—звонкой, типа *кд*, *кж*. Не исключено, что в произношении здесь действовала ассимиляция, либо прогрессивная, либо регрессивная, и указанным буквенным сочетаниям соответствовали сочетания звуков *бд* или *пт*, *пс*, *гд* или *кт*, *гж* или *кч*. Сочетания *бд*, *кт*, *кч* не менее употребительны и в письме, чем *бт*, *кд* и *кж*. Впрочем, условности орфографии могли подействовать на орфоэпию, закрепив в ней произношение, копирующее написание.

Представляет известный интерес возможность комбинирования согласных в пределах слова, поскольку это помогает в ряде случаев правильному чтению маньчжурского текста. При рассмотрении этого вопроса мы сознательно отвлекаемся от единичных случаев, встречающихся в словах бесспорно или предположительно заимствованных.

Комбинирование согласных нельзя считать свободным. Оно имеет целый ряд ограничений.

1) Возможно комбинирование лишь двух согласных. Единственный известный мне случай комбинирования трех согласных в слове *бокирсхун* с дублетным вариантом *букирсхун* 'связанный, стесненный' разъясняется рядом иных вариантов того же слова: *бокирасхун*, *бокирсохун*, *букирсухун*, *букиршухун*. Поскольку большинство вариантов не имеет трехсогласного сочетания, можно думать, что первые два варианта, имеющие такие сочетания, возникли относительно недавно в результате последовательного опущения гласных. Исходным был, надо думать, вариант **бокирасухун*. Выпадение одного из гласных в этом излишне многосложном слове давало варианты: *бокирасхун* или *бокирсохун* (*букирсухун*, *букиршухун*), а выпадение еще одного гласного — *бокирсхун* (*букирсхун*).

2) Комбинации согласных возможны только на границе слогов, чаще всего первого и второго, причем первый член комбинации относится к предыдущему слогу, а второй — к последующему. Поэтому ни начинать слово, ни завершать его комбинации согласных не могут.

3) Не все согласные могут быть любым членом комбинаций. Так, первым членом могут быть только согласные *б*, *м*, *т*, *с*, *н*, *л*, *р*, *к*, *ң*; они же, за исключением *р*, *ң*, могут быть и тем и другим членом в разных комбинациях. Вторым членом может быть значительно большее число согласных, а именно *п*, *б*, *ф*, *м*, *т*, *д*, *с*, *н*, *л*, *ч*, *ж*, *ш*, *к*, *г*, *х*, а также соответствующие палатализованные фонемы (для комбинирования оппозиция по палатализованности теряет свою релевантность). Совершенно не участвуют в комбинировании

щелевые звонкие фонемы *в, j*, а также долгие *тт, шш*. Наибольшей валентностью (способностью вступать в комбинации) среди согласных, способных быть первым членом комбинаций, обладает фонема *р*. Она комбинируется с неодинаковой, правда, частотой со всеми пятнадцатью способными быть вторыми членами согласными. Фонема *м* — с двенадцатью, фонема *л* — с одиннадцатью, фонема *ң* — с десятью, фонема *б* — с восемью, фонемы *н, к* — с шестью, фонема *с* — с четырьмя, фонема *т* — с двумя. Среди вторых членов наибольшей валентностью обладает *т*, способная комбинироваться с восемью согласными, далее следуют: *д, ч, ǰ, к* — с семью, *с, г* — с шестью, *ш, х* — с пятью, *н* — с четырьмя, *б, м* — с тремя, *п, ф, л* — с двумя.

4) Подавляющее большинство комбинаций согласных необратимо — их члены не могут меняться местами, т. е. если возможна комбинация *бт*, то невозможна *тб*, если возможна *мк*, то невозможна *км*, если возможна *лм*, то невозможна *мл* и т. д. Из семидесяти четырех возможных комбинаций согласных только три пары оказываются обратимыми. Это комбинации *мн—нм, тк—кт, ск—кс*. Совершенно очевидно, что в каждой из этих пар одна из комбинаций возникла в относительно позднее время, скорее всего, в результате выпадения гласных. Пара *мн—нм* вообще встречается крайне редко. С комбинацией *мн* насчитывается до десятка слов, а с комбинацией *нм* — всего два слова: сложное *јэнмаңги* 'накить на дне котла' (ср. *јалмаңги* 'иней на траве, копать на дне котла') и деепричастие (аффикс *-мэ*) от глагольной основы *бо-* < **бон-* 'долбить лед пешней, разбивать стену ломом' (второй вариант той же словоформы — *бомэ* более нормативен). Можно думать, что обе эти комбинации появились в маньчжурском языке сравнительно недавно, причем раньше появилась комбинация *мн*, а комбинация *нм* — позднее. Комбинация *кт* обладает высокой частотностью, тогда как обратная комбинация *тк* встречается в двух явно заимствованных словах и в двух исконно маньчжурских словах, где эта комбинация возникла в результате недавнего выпадения гласного. Это слова: *кутка* 'годовалый медвежонок' (ср. *куатики* с тем же значением, *куатири* — назв. зверя, похожего на медведя, но меньшего размера) и *баткаламби* 'отнимать обманным путем, мошенничать' (ср. *баталамби* 'враждовать', *бата* 'враг'). Комбинация *кс* обладает высокой частотностью, тогда как обратная ей комбинация *ск* встречается всего в четырех словах: в образных словах (они не показательны, так как обладают фонетическими отличиями от всех прочих слов) *коскон-касқан* 'бегом, торопливо' и *кускун* 'с напряжением, с усилием', в образованном от последнего глагольном слове *кускурэмби* 'усердно, растопырив перья, разгрести землю (о курах, фазанах)' и в слове *фуску* 'конфорка на оча-

ге', имеющем равнозначный, но более употребительный вариант *фусха*. Сказанное позволяет предположить, что комбинации *тк* и *ск*, подобно рассмотренной выше паре *мн—нм*, возникли в маньчжурском языке относительно недавно. А если это так, если приведенные выше случаи ввиду их единичности считать исключениями, то правило может быть сформулировано так: комбинации согласных необратимы.

Ниже в таблице 2 приводятся возможные комбинации согласных (отвлекаясь от единичных случаев, характерных почти исключительно для заимствованных слов), где по вертикали даются первые члены комбинаций, а по горизонтали — их вторые члены. Возможность комбинации указывается цифрой от 1 до 5 в клетке на пересечении координат. Цифры, кроме обозначения возможности комбинации, указывают ее частотность.⁵ Цифра 1 указывает, что частотность не превышает пяти случаев (наличие такой комбинации не более, чем в пяти словах), цифра 2 — от 6 до 10 случаев, цифра 3 — от 11 до 15, цифра 4 — от 16 до 30, цифра 5 — свыше 30 случаев.

Таблица 2

I \ II	II															
	п	б	ф	м	т	д	с	н	л	ч	ж	ш	к	г	х	
б					3	3	5			4	1	2	3	3		
м	4	5			3	3	3	2		3	2	2	2	3	2	
т													1		3	
с					1								1	1	5	
н				1	5	5	2			5	5					
л		5	3	4	4	4		2		3	5		2	5	5	
р	2	3	2	2	4	4	5	2	2	4	3	4	5	5	5	
к					5	5	5			5	4	3				
ц					2	2	5	5	2	2	2	2	5	5		

⁵ Обследованию подвергнут массив лексики, содержащийся в книге: Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875; Он охватывает около 15.5 тысячи лексем.

СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Слоговая структура слова в маньчжурском языке помимо чисто теоретического интереса имеет для маньчжурского письменного языка и определенный практический смысл. Дело в том, что маньчжурская орфография допускает в немалом числе случаев различного чтения. Избежать их можно в том случае, если а) из двух возможных чтений только одно дает реально существующее слово, б) предполагаемое чтение не нарушает установившихся норм гармонии гласных, в) не противоречит правилам комбинирования согласных и, наконец, г) соответствует нормам слогового строения слова. Для лиц, приступающих к изучению маньчжурского языка, последнее обстоятельство имеет едва ли не решающее значение, так как все остальное требует отменного знания этого языка.

С целью выявления слоговой структуры слова обследовано несколько больше половины лексики, содержащейся в словаре И. И. Захарова,⁶ чем обеспечивается достаточная репрезентативность. Обследовано 8000 слов, из них 1052, начинающиеся с гласных *а, и, о* (примерно 58 % всех слов словаря, начинающихся с гласных), и 6948, начинающихся с согласных *ж, н, к, х, с, т, м, ч, ф, в* и частично с *д* (примерно 59 % всех слов, начинающихся с согласных). Глагольные слова брались в форме основ, т. е. усекался аффикс настояще-будущего времени *-мби*. Остальные слова брались такими, как они зарегистрированы в словаре. Следует иметь в виду, что в связном тексте формы глагольных слов лишь крайне редко материально совпадают с основой (повелительное наклонение для большинства глаголов). Неизмеримо чаще они имеют в своем составе аффиксы времени, наклонения, залога, деепричастия, и в этом случае количество слогов в них будет на один, а иногда и на два больше. Примерно то же относится и к именам существительным и замещающим их местоимениям, которые часто включают в свой состав отсутствующие в заголовках словарных статей аффиксы именного словоизменения (падежа, числа и некот. др.), с тем отличием, что у них совпадающая с основной форма именительного падежа (нулевая) употребляется в связной речи значительно чаще, чем нулевая форма глагола.

Еще одна предварительная оговорка. При обсуждении вопроса о слоговой структуре слова имеются в виду нормы орфоэпические, а не орфографические, что в маньчжурском письменном языке далеко не всегда совпадает.

⁶ Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. — Всего в словаре от 15 до 15.5 тыс. словарных статей.

В маньчжурских словах выделяются следующие типы слогов:

1. Однозвучный, состоящий из одного гласного (Г), краткого или долгого, простого или сложного, например: *и* 'он (она, оно)', *а* — междометие отклика или поддакивания, *ᠳᠢᠬᠠ*⁷ 'окунь', *ᠵᠢᠯᠭᠢᠨ* 'муж'.
2. Открытый, состоящий из согласного и гласного (СГ), например: *да* 'корень; начало; главный', *фэ* 'старый, давний', *talxuᠦra* 'речная раковина'.
3. Закрытый, состоящий из гласного и согласного (ГС), например: *ан* 'обычай, привычка; обычный', *алха* 'пестрый', *окто* 'порошок, лекарство; порох'.
4. Замкнутый, состоящий из согласного, гласного и согласного (СГС), например: *ниᠯᠭᠢᠨ* 'шесть', *сабдан* 'капля', *лок* 'вдруг'. Согласные звуки образовывать слоги не могут. Это прерогатива гласных, количеству которых в слове соответствует количество слогов, причем долгие и сложные гласные в этом смысле равны кратким простым.

В смысле слоговой структуры слова могут быть односложными, могут состоять из двух и более слогов. Благодаря агглютинации, которая является главным способом словообразования и словоизменения, количество слогов в слове может быть значительным, однако практически их редко бывает больше пяти-шести. Чаще всего основы слов состоят из двух-трех слогов (двусложных — 41.1 %, трехсложных — 45.6 % от общего количества).

Односложных слов сравнительно немного (3.85 %). Большинство из них представляет собой замкнутые (2.2 %) и открытые (1.44 %) слоги типа: *каб* 'близнецы', *кэн* — звук сухого кашля, *нон* 'младшая сестра', *п'ас сэмэ* 'ловко, проворно', *на* 'земля', *нэ* 'теперь', *н'о* 'болото', *ки* 'гнев', *к'ар сэмэ* 'расторбно', *бб* 'дом', *би* 'я'. Среди слов, образованных одним замкнутым слогом, большинство относится к числу образных. Небольшое число слов (0.13 %) представляет собой один закрытый слог, например: *ан* 'обычай, привычка; обычный', *он* 'протяженность пути, расстояние', *ун* 'хлев', *ар сэмэ* 'грозно крича', *он сэмэ* — свист летящей стрелы, *ор* — звук при рвоте, *ун* — гудение колокола, *ак* ~ *ок* — междометие испуга, *эн* — междометие подтверждения. Это почти все такого рода слова. Большинство из них — образные слова и междометия.⁸ И совсем мало слов, состоящих из однозвучного слога (0.08 %). Это уже упоминавшиеся *и* 'он (она, оно)' и *а* — междометие отклика и поддакивания, а также *ци* 'что; какой', *э* — междометие удивления, пренебрежения, подтверждения, *зи* — междометие призыва, адресованного лицу, стоящему ниже на социаль-

⁷ Прямой вертикальной чертой обозначается слогораздел.

⁸ Образные слова имеют целый ряд фонетических особенностей, в частности касающихся ауслаута, о чем речь будет идти ниже. Некоторым своеобразием обладают также междометия.

ной лестнице, *o* — междометие согласия, *qu* — междометие призыва, адресованного незнакомому, у ‘шип, колючка, заноза’.

Начинать слово может любой слог: однозвучный — *цилка* ‘какой (-ая, -ое)’, закрытый — *амба* ‘большой’, открытый — *хулдун* ‘скоро, быстро’, замкнутый — *миңган* ‘тысяча’. Однозвучный и закрытый слоги могут быть только инициальными. Ведь если бы они оказались в иной позиции, перед ними были бы или гласный, или согласный из предшествующего слога, а при этом два соседних гласных слились бы в один, образуя дифтонг, внутри которого слоговая граница проходить не может, согласный же перешел бы во второй слог, превращая его в открытый или замкнутый, иначе говоря: Г + Г или Г + ГС = Г или ГС, а ГС + Г или ГС + ГС = ГСГ или ГСГС, но никак не ГСГ и не ГСГС. После инициального однозвучного, закрытого, открытого или замкнутого слога могут следовать только открытые или замкнутые слоги, которые могут занимать в слове любую позицию — и инициальную, и медиальную, и финальную. В середине слова возможность употребления открытых и замкнутых слогов примерно равна. В конце же слова, если оно не представляет собой однозвучного слога, чаще стоит открытый слог (74 %) и много реже — замкнутый (26 %).

Обозначив условно типы слогов следующим образом: открытый (СГ) — А, замкнутый (СГС) — Б, закрытый (ГС) — В, однозвучный (Г) — Г, мы можем составить перечень моделей слоговой структуры слова с указанием частоты встречаемости каждой из них (моделей) в абсолютных цифрах и в процентах к общему числу обследованных слов.

1. ААА	1223	15.28 %	18. ВА	100	1.25 %
2. АА	1071	13.38	19. ГААА	63	0.78
3. БА	912	11.40	20. ГБА	63	0.78
4. БАА	763	9.54	21. ГАБ	59	0.74
5. АБ	564	7.05	22. ААБА	56	0.70
6. ББ	415	5.18	23. ВБ	55	0.69
7. АБА	374	4.67	24. АББ	55	0.69
8. ААБ	353	4.41	25. ГБ	51	0.64
9. АААА	226	2.82	26. ВАБ	38	0.47
10. ГАА	188	2.35	27. АБАА	33	0.41
11. БАБ	185	2.31	28. БББ	30	0.37
12. Б	176	2.20	29. ВААА	30	0.37
13. ББА	143	1.78	30. ВБА	28	0.35
14. ГА	128	1.60	31. ААААА	25	0.31
15. ВАА	128	1.60	32. ГАБА	21	0.26
16. БААА	121	1.51	33. БАААА	20	0.25
17. А	115	1.44	34. АААБ	19	0.24

35. ГББ	19	0.24%	55. БАААБА	2	0.03 %
36. БАБА	15	0.19	56. АБААА	2	0.03
37. БААА	14	0.18	57. ГБААА	2	0.03
38. БААБ	11	0.14	58. ГАААБ	1	0.01
39. В	10	0.13	59. ГБАААА	1	0.01
40. ГБАА	10	0.13	60. ГБББ	1	0.01
41. ГААБ	9	0.11	61. ГАБАА	1	0.01
42. АААБА	8	0.10	62. ГАББ	1	0.01
43. ГАААА	7	0.09	63. ВБАБ	1	0.01
44. Г	6	0.08	64. АБАБ	1	0.01
45. АББА	6	0.08	65. АБАААА	1	0.01
46. ВАААА	6	0.08	66. ААБАА	1	0.01
47. ВААБ	6	0.08	67. ААББА	1	0.01
48. ГББА	5	0.06	68. ААБААА	1	0.01
49. ВАБА	5	0.06	69. БАААБ	1	0.01
50. ВББ	4	0.05	70. БААААА	1	0.01
51. АААААА	4	0.05	71. ББААА	1	0.01
52. ААББ	3	0.04	72. БББА	1	0.01
53. БАББ	3	0.04	73. БААБА	1	0.01
54. ВБАА	2	0.03			

Как видим, наибольшее число слов (33.28 % от общего количества) состоит из одних открытых слогов, которых может быть от одного до шести, причем больше всего среди них трех-сложных и двусложных. Довольно много (7.75 %) слов, состоящих из одних замкнутых слогов, которых может быть от одного до трех, причем больше всего двусложных. Слов, которые включают в свой состав только закрытые или только однозвучные слоги, а они по выясненным выше причинам могут быть только односложными, совсем немного (0.21 %). Из более сложных моделей наибольшей частотностью обладают различные комбинации открытых и замкнутых слогов. По ним построена почти половина (46.7 %) всех слов. Вместе со словами, состоящими из одних открытых и одних замкнутых слогов, они составляют подавляющее большинство (87.7 %).

После открытого слога (инициального или медиального) чаще всего следует открытый же слог (процент вероятности 78) и много реже — замкнутый (процент вероятности 22). После замкнутого слога (инициального или медиального) чаще всего следует открытый слог (процент вероятности 74) и много реже — замкнутый же (процент вероятности 26). После закрытого слога (он может быть только инициальным) чаще всего следует открытый слог (процент вероятности 78) и много реже — замкнутый (процент вероятности 22). После однозвучного слога (он также может

быть только инициальным) чаще всего следует открытый слог (процент вероятности 76) и много реже — замкнутый (процент вероятности 24).

Из сказанного выше можно заключить, что стечения согласных внутри слога не бывает. Согласные могут либо начинать слог (открытый и замкнутый), либо заканчивать слог (закрытый и замкнутый). Но комбинации согласных, не больше чем из двух, возможны на стыках слогов: В + А, В + Б, Б + А и Б + Б. Комбинаций эти не являются свободными. В них вовсе не участвуют звонкие шелевые *v, j*, а также геминированные *tt, шш*. Если вторым членом комбинации (начальным звуком правого слога) могут быть почти все согласные, исключая только что упомянутые выше и еще *p* и *ц*, то первым членом (конечным звуком левого слога) могут быть только согласные *б, м, т, с, н, л, р, к, ц*. Естественно, что и в финальной позиции слова могут встретиться лишь только что перечисленные согласные. Три из них — *м, т, л* — обнаружены только в относительно поздних заимствованиях, и потому они могут быть исключены из дальнейшего рассмотрения. Остается шесть согласных: *б, с, н, р, к, ц*.

Большинство слов (74 %) оканчивается на гласные звуки. Следовательно, на согласные оканчивается чуть больше одной четвертой части слов (26 %). Из слов с согласным финалом 89.9 % оканчивается на *н*, 4.6 % — на *р*, 2.3 % — на *ц*, 1.5 % — на *к*, 0.8 % — на *б*, 0.7 % — на *с*.

На *н* оканчиваются слова самых различных лексико-грамматических категорий, например: *догон* 'брод, переправа', *шун* 'солнце', *ниман* 'козел', *сарин* 'пир, угощение', *татан* 'стан, стойбище, лагерь', *муџилэн* 'сердце; мысль, намерение', *фэсэн* 'удочка', *сацун* 'хороший; хорошо', *мэргэн* 'умный; мудрец', *кишан* 'свежий, бодрый', *б'арган* 'бледный (свет), слабый (звук)', *дуцун* 'четыре', *миңган* 'тысяча', *кэркэн каркан* 'неровно, шероховато'. Мы не находим здесь основ глагольных слов. Но, судя по некоторым косвенным формам (прош. время, повелит. накл., дееприч. предшеств.), можно думать, что и среди глагольных основ некогда было небольшое число таких, которые оканчивались на *н*.

На остальные согласные оканчиваются в подавляющем большинстве случаев образные слова типа *јар сэмэ* 'безостановочно, ручьем (течь)', *куатар сэмэ* 'с вытаращенными от испуга глазами', *фир сэмэ* 'важно, величественно; плавно', *ор сэмэ* 'с ревом тигра, ревя как тигр', *к'ор сэмэ* 'кудахтая (о курах)', *холор сэмэ* 'издавая мелодический звон (о колокольчиках)', *дараң сэмэ* 'вытягиваясь в длину', *эң сэмэ* 'лениво, нехотя', *гуџуң сэмэ* 'прилежно, ревностно', *фиң сэмэ* 'полно, плотно; щедро', *каң сэмэ* 'громко, вслух', *г'аң сэмэ* 'с визгом, визжа (о собаке на привязи)', *эң* — междоме-

тие боли (стон больного); *фосок сэмэ* 'внезапно выскакивая из кустов (о звере)', *мук мак сэмэ* 'упорно, настойчиво, упрямо', *г'ок сэмэ* 'со стуком, с грохотом (падать)', *жак жик сэмэ* 'чирикающая, гомоня (о летящей стае птиц)', *ак, ок* — междометия испуга; *чоб сэ-мэ* 'торчком, вздыбившись', *хоб сэмэ* 'метко, прямо в цель; точь в точь', *каб киб сэмэ* 'грызаясь между собой (о собаках)', *г'аб сэмэ* 'визгливо лая (о комнатной собаке)', *пас сэмэ* 'метко, прямо в цель', *кос сэмэ* 'вдруг, неожиданно', *тэс сэмэ* 'с треском (о разрыве туго натянутой веревки, ремня, кожи)', *куас кис сэмэ* 'издавая характерный звук срезания стеблей травы серпом; шаркая просторной обувью при ходьбе'.

Среди слов с финальным *p* 96 % составляют образные слова, а из прочих можно признать исконно маньчжурским только одно: *х'алур илха* — название цветка, остальные явно заимствованы из монгольского языка и санскрита. Из слов с финальным *ң* образные слова и междометия составляют 77 %, явно заимствованных 22 %, и всего одно слово — *дуң* — название одного из маньчжурских родов — можно считать исконным. Из слов с финальным *к* 82 % образных слов и междометий, примерно 10 % заимствованных слов, и только три слова можно считать исконными: *шарук* 'черный скворец', *чик* 'точка (как знак препинания и как диакритический знак)', *лак аку* (<*лака аку*) 'не подходит, нескладно, неловко; не вовремя'. Среди слов с финальным *б* 96 % образных, и только одно — имя существительное: *каб* (<*каба*) 'близнецы'. Финальный *с* отмечен в образных словах (95 %) и в одном заимствованном существительном *орос* 'русский'.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Слово наряду с предложением является важнейшей смысловой единицей языка вообще и его грамматики в частности. Для морфологии же как составной части грамматики слово, его построение и изменение являются непосредственным предметом изучения.

В потоке речи у слова можно обнаружить два вида значения: лексическое, или вещественное, которое можно считать для него постоянным, и грамматическое — переменное. Лексическое значение связывает слово с внеязыковой реальной действительностью, грамматическое же значение за рамки языка не выходит и отражает те процессы, явления и связи, которые имеют место в самом языке или занимают промежуточное положение. Разница между этими двумя видами значения заключается еще и в степени и характере абстрагирования. Лексические значения, имеющие с реальной действительностью непосредственные связи, в принципе всегда значительно более конкретны, хотя и в них некоторый элемент абстракции неизбежно присутствует, что связано с понятийным характером человеческого мышления, тогда как грамматические значения характеризуются более высокой степенью абстракции. Иллюстрировать это можно хотя бы такими примерами. Словом *сэфу* можно обозначить совершенно конкретное лицо, являющееся по отношению к кому-то «учителем». Но то же слово может быть с равным успехом использовано для обозначения любого другого «учителя». Это лексическое значение слова. В составе предложения такое слово, если никак не менять его формы, имело бы, сверх того, еще значения единственного числа и именительного падежа, например: *сэфу алаха* 'учитель сказал'. Проверить это можно, изменив число: *сэфусэ алаха* 'учителя сказали', а также падеж: *сэфу дэ алаха* 'учителю сказал'. Противопоставление единственного и множественного чисел равным образом свойст-

венно всем существительным, обозначающим людей, а не только учителей. Совершенно очевидно, что понятие множественности или единичности по меньшей мере на порядок абстрактнее, чем понятие 'учитель'. Еще более абстрактны значения падежей. В слове *сэфу дэ* 'учителю, у учителя, к учителю' присутствует значение дательного падежа. Оно же с использованием тех же средств (аффикс *дэ*) может быть сообщено любому существительному, независимо от того, обозначает ли оно человека, животное или неодушевленный предмет. Такого рода значения, как число и падеж, характеризующиеся высокой степенью абстракции, относятся к числу значений грамматических.

Границы между лексическими и грамматическими значениями достаточно четки, но считаются непроницаемыми они все же не могут. Во-первых, лексические значения влияют на грамматические. То же значение множественности оказывается морфологически выраженным далеко не у всех маньчжурских существительных, а только у тех, которые обозначают различные категории людей, иначе говоря, это возможно у одного сравнительно небольшого круга слов предметного значения и невозможно у других слов. Деление слов на две группы связано здесь ни с чем иным, как с их лексическими значениями. Да и в случае с дательным падежом мы можем заметить вмешательство лексических значений, которое выражается в том, что этот падеж несколько видоизменяет свое значение в зависимости от того, каковы лексические значения оформляемых им слов. В словах, обозначающих людей и животных, этот падеж обозначает прежде всего адресата действия или обладателя чего-либо (кому?, у кого?), тогда как у существительных, обозначающих неодушевленные предметы, он обозначает чаще всего место нахождения предмета или совершения действия, а также место направления движения. Во-вторых, как мы неоднократно увидим ниже, существует немало случаев пограничного или промежуточного характера, при которых разграничение лексического и грамматического оказывается затруднительным и условным. Это касается, например, некоторых видовых форм глагольных слов, утрачивающих свою продуктивность и примыкающих к словообразованию и даже к чисто лексическому противопоставлению слов.

По сравнению с предложением слово — единица более низкого уровня. Но и оно не может считаться мельчайшей единицей. Мельчайшей единицей языка является фонема, на следующем уровне — слог. Эти два уровня не связаны с семантической стороной языка, вернее, не являются единицами, наделенными смыслом. Они служат лишь своего рода «строительным материалом» для более высоких уровней языка, уже семантически насыщенных. Слово занимает свое место среди значимых уровней. Выше него

располагаются словосочетание, предложение, период, текст. Но значимые уровни начинаются все же не со слова, хотя оно и занимает среди них важное, конституирующее место как одна из наиболее законченных и самостоятельных единиц наряду с предложением и текстом. Наименьшей смысловой единицей языка следует считать морфему. Именно морфемы вместе с правилами их функционирования составляют главный предмет морфологии.

В отличие от слова морфема не обладает законченностью и самостоятельностью. Ее назначение — служить конструктивным элементом слова. В этом смысле морфема сходна со слогом, но принципиальная разница между ними, как нам уже известно, состоит в том, что слоги составляют слово как фонетическую единицу, а морфемы — как единицу смысловую. Аналогию со слогом можно продолжить: вполне возможно существование слов, состоящих каждое из одного слога (*на* 'земля', *бд* 'дом', *мд* 'дерево', *фэ* 'древность, древний', *эц* — междометие призыва, *б'а* 'луна, месяц', *шун* 'солнце', *даин* 'война' и мн. др.); так же точно возможно существование слов, состоящих каждое из одной морфемы (в пример можно привести те же самые и большее число других слов). Однако как совпадение слова со слогом, так и совпадение слова с морфемой, имеют только чисто внешний, материальный характер. По своей же роли в языке это совершенно различные единицы, относящиеся к разным уровням структуры языка.

Морфема есть мельчайший носитель смысла, а смысл может быть, как мы выяснили, либо лексическим, либо грамматическим. В связи с этим и морфемы делятся на лексические и грамматические.

Лексические морфемы бывают двух видов: **корень** и **основа**. **Корень** содержит в себе основное лексическое значение слова, которое можно назвать корневым. Это то значение, вернее сказать, та сторона или часть значения, которая присуща всем словам, образовавшимся от этого корня. Например: *вэилэмби* 'работает, строит', *вэилэдэмби* 'постоянно работает, строит', *вэилэбумби* 'заставляет работать', *вэилэн* 'работа, стройка', *вэилэку* 'поденный рабочий', *вэилэси* 'домашний слуга', *вэилэңгэ* 'рабочий' (признак). Основное, исходное, или корневое, значение, обнаруживаемое во всех этих словах, — понятие о трудовом процессе, работе. Это корневое значение в каждом конкретном слове обрастает рядом дополнительных значений, которые вместе с корневым и дают нам лексическое значение отдельного целого слова. Нетрудно заметить, что корневое значение передается той частью, тем сочетанием звуков, которое называется общим для всего приведенного выше ряда слов. Этой общей частью является корень этих слов — *вэилэ-*. На более мелкие значимые элементы корень не делится.

Следовательно, корень — это мельчайшая лексическая морфема, передающая основное лексическое значение слова и являющаяся общей частью родственных слов.

В маньчжурском письменном языке корни слов в принципе неизменяемы. Это общее правило имеет лишь одно довольно массовое исключение: корни, оканчивающиеся на согласную *н*, при образовании новых слов обычно эту согласную утрачивают, например: *гэмун* 'столица', *гэмуңгэ* (*гэму* + *ңгэ*) 'столичный', *гэмулэмби* (*гэму* + *лэ* + *мби*) 'основывает столицу'. Есть и другие исключения, но они имеют не регулярный, а единичный характер и касаются в основном тех случаев, когда корни уже омертвели.¹

Корень слова, как правило, составляет одну из его частей, стоящую в маньчжурском языке всегда в начале слова. Но вполне допустимо, казалось бы, употребление корня как целого слова. Так, например, знакомое нам *вэилэ* — не только корень ряда приведенных выше слов, но и целое слово со значением 'работай, работайте', т. е. повелительное наклонение глагола. Однако и в этом случае нельзя считать, что корень слова употреблен в качестве одной из форм целого слова. Корень и слово здесь совпадают только внешне как одинаковые сочетания звуков, но совершенно не совпадают по своей роли в языке как его значимые единицы. Сочетание звуков в слове *да* при любом употреблении в маньчжурской речи будет тождественно самому себе с фонетической точки зрения. Но в одном контексте оно может значить 'начало, исток', в другом — 'корень растения', в третьем — 'маховая сажень', в четвертом — 'начальник, старшина', в пятом — 'зачинщик', в шестом — 'сущность'. Совершенно очевидно, что все это разные, хотя и одинаково звучащие, одинаково написанные слова-омонимы. Приведенные слова имеют одинаковое звучание потому, что имеют, несомненно, общее происхождение.* Но возможны и случайные совпадения, такие как *туа* 'огонь' и *туа* 'смотри', *бэри* 'лук (оружие)' и *бэри* 'редко', *ша* 'песок', *ша* 'перелесок' и *ша* 'всмотреть'. В случае с *вэилэ* мы имеем дело с омонимами родственного происхождения, и все же не с одним словом и даже не с формами одного слова, а с единицами языка разных уровней, совпадающими лишь материально.

Корень как значимая единица языка имеет особенно важное значение для лексикологии, т. е. отдела языкознания, занимающегося изучением словарного состава языка, особенно для словооб-

¹ Об изменении корней у слов *саун* и *ярг'ан* см. стр. 237.

* Слово *да* 'маховая сажень', на наш взгляд, не имеет общего происхождения со своими омонимами, ср. эвенк. *дār* 'маховая сажень' и *даҫаһан* 'корень'. (Примеч. издателей).

разования, стоящего на грани между лексикой и морфологией как частью грамматики. Поэтому понятие корня слова не лишено значения и для грамматики. Но неизмеримо большее значение для грамматики, прежде всего для области словоизменения, имеет следующая по рангу значимая единица, или лексическая морфема, — **основа** слова.

Основа слова — это та его важнейшая часть, которая включает в себе всю полноту лексического значения слова, т. е. корневое значение, дополненное, когда это необходимо, значениями, придающими корневому новые оттенки. В материальном отношении это выражается в том, что основа обязательно включает в себя корень и сверх него может включать основообразующую часть. Последнее практически не обязательно. Бывает, и весьма нередко, что основообразующей части в слове не оказывается. В этом случае имеет место материальное совпадение основы слова с его корнем, но опять-таки чисто внешнее, фонетическое совпадение. Уже сама возможность присутствия основообразующей части при отсутствии такой возможности у корня создает принципиальное различие между корнем и основой как единицами разных уровней. Основу, совпадающую в материальном отношении с корнем, можно назвать *корневой*, или *непроизводной*, основой. Соответственно этому основе, включающую в себя основообразующую часть, можно назвать *производной* основой.

Основообразующая часть состоит из одной или нескольких языковых единиц, имеющих пограничные лексико-грамматические значения. Выражающие их морфемы, как и морфемы, выражающие чисто грамматические значения, принято называть *аффиксами*.

Аффиксы, участвующие в образовании основы, т. е. основообразовательные аффиксы, служат двоякой цели: а) образованию слов с новым, родственным прежнему, но совершенно самостоятельным значением, возможно даже с переводом слова в другую часть речи и б) образованию форм того же слова, несколько видоизменяющих лексическое значение последнего, но не затрагивающих его существа. Если вернуться к ряду слов от корня *взйлэ-*, то такие его производные, как *взйлэн* (*взйлэ* + *н*) 'работа, стройка', *взйлэку* (*взйлэ* + *ку*) 'поденный рабочий', *взйлэси* (*взйлэ* + *си*) 'домашний слуга', *взйлэңгэ* (*взйлэ* + *ңгэ*) 'рабочий' (признак), представляющие собой имена существительные (первые три) или имена признака, образованные от глагольного корня, обозначают определенное представление о действии, деятелей или признак по действию, т. е. то, что несомненно связано с понятием исходного действия 'работать', но принципиально отличается от него, отличается настолько, что передается даже разными частями речи.

Степень различия не обязательно достигает противопоставления частей речи. Слова могут относиться к одной части речи, как *вэлэн* ‘работа’ и *вэлэку* ‘поденный рабочий’ или *кумун* ‘музыка’ и *кумуси* ‘музыкант’, и тем не менее значения этих слов и стоящего за ними понятия никак не совпадают. Такие преобразования слов принято именовать словообразованием, а применяемые для этого морфемы — словообразовательными аффиксами.

Иное дело — случаи типа *вэлэмби* (*вэлэ* + *мби*) ‘работает’ и *вэлэдэмби* (*вэлэ* + *дэ* + *мби*) ‘постоянно работает’ или *вэлэбу-мби* (*вэлэ* + *бу* + *мби*) ‘заставляет работать’. Здесь основное значение действия ‘работать’ остается неизменным. Меняются лишь дополнительные его характеристики, такие как частота, длительность, интенсивность, побудительность, совместность, возможность, необходимость и т. п. Это те оттенки значения, которые передаются формами глагольных видов, залогов, пород, которые будут подробно описаны ниже. Здесь дело не доходит до превращения одного слова в другое, а ограничивается изменением форм одного слова, иначе говоря, здесь мы имеем дело уже не со словообразованием, а с формообразованием. Соответственно и употребляемые при этом аффиксы (в примерах они находятся между корнем и аффиксом *-мби*, обозначающим настоящее время изъявительного наклонения) входят в число формообразовательных аффиксов, занимая среди них пограничное со словообразованием место. Их можно назвать аффиксами деривативного формообразования.

Идеальная модель основы представляет собой корень + аффикс словообразования + аффикс деривативного формообразования. Практически же основа может включать, но крайне редко включает, не один аффикс каждой из двух указанных категорий, а несколько. Вполне возможно такое хотя бы слово, как *инжэкушэндумби* ‘подшучивать, насмехаться’. В нем корень *инжэ-* ‘смеяться’, *-ку* — словообразовательный аффикс, образующий имя от глагола (*инжэку* ‘насмешник, смешной, смешно’), *-шэ* — аффикс деривативного формообразования, возвращающий слово в число глагольных и одновременно придающий ему значение многократности (*инжэкушэ-* ‘постоянно насмехаться’), *-нду* — аффикс деривативного формообразования, придающий значение совместности (*инжэкушэнду-* ‘совместно постоянно насмехаться’). Но может и не быть аффиксов какой-нибудь одной из этих двух категорий или даже ни одного основообразовательного аффикса. В последнем случае основа окажется материально равной корню, что вовсе не означает равенства функций в языке, а следовательно, равенства их для грамматики. Здесь мы опять имеем дело с чисто внешним тождеством, которое, впрочем, не может считаться случайным.

Вполне естественно, что звуковой комплекс *инжэ-* в такой паре слов, как *инжэмби* 'смеется' и *инжэку* 'насмешник', — далеко не одно и то же. В первом случае это корневая, или непроемкая, основа глагола изъявительного наклонения настоящего времени (все грамматические значения слитно передаются аффиксом *-мби*), внешне совпадающая с корнем, а в слове *инжэку* ее уже никак нельзя считать основой. Здесь она — корень, а основой слова служит только вместе с аффиксом *-ку*, иначе говоря, основа здесь не корневая, а производная.

Следовательно, в системе значимых элементов языка корень и основа лежат на разных уровнях: корень — на более низком, основа — на более высоком. Тождество между ними возможно только внешнее, фонетическое, к грамматике же оно не имеет отношения.

Следующий по высоте уровень занимает **слово**. Оно представляет собой целостное и законченное единство лексического и грамматического значений, облеченное в форму звукового и одновременно морфологического единства. Слово может быть в материальном отношении равным основе, т. е. включать в себя помимо корня еще только основообразовательную часть, например: *инжэнду* или *инжэну* 'смейтесь вместе', *инжэку* 'насмешник', *кумуси* 'музыкант', где *-нду*, *-ну*, *-ку*, *-си* — аффиксы основообразования. Такие слова можно именовать базовыми.² А поскольку основа в свою очередь может материально совпасть с корнем, то и базовое слово может оказаться, кроме того, корневым, например: *инжэ* 'смейся', *кумун* 'музыка', *бб* 'дом', *на* 'земля', *н'алма* 'человек', *гургу* 'зверь', *горо* 'даль, дальний, далеко' и т. п. Не будет ошибкой сказать, что маньчжурский язык отличается наличием и употреблением в речи большого числа именно таких слов.

Однако для грамматики разграничение внутри базовых слов на корневые и производные существенного значения не имеет, поскольку оно никак не связано с грамматикой. Для грамматики существенно важно противопоставление базовых слов таким, которые включают в свой состав что-то еще сверх основы. А это «что-то еще» представляет собой словоизменительную часть слова, состоящую из одного или нескольких (редко больше двух) аффиксов, выражающих чисто грамматические значения и совсем не затрагивающих значений лексических. В идеале слово делится на две

² Естественнее было бы их называть «основными», но этот термин неудобен тем, что он легко смешивается со словом «основные», а это может повлечь неожиданные и даже курьезные последствия. В грамматиках некоторых (например, германских) языков подобные слова иногда именуется «словами со свободными основами» в противовес «словам со связанными основами», т. е. таким, где основа не может совпадать с целым словом.

главнейшие части: основу, содержащую лексическое значение, и словоизменительную часть, передающую грамматическое значение слова. В действительности же это не совсем так, поскольку, как мы знаем, некоторые грамматические значения, те, которые связаны с глагольными видами, залогами и породами, находят свое выражение в составе самой основы. Способность выступать в качестве базы для словоизменительных процессов и является главной особенностью основы слова, определяющей ее важнейшую роль для грамматики. Форму слова, построенную по модели основа + словоизменительная часть, будем в противовес базовой именовать косвенной.

Каждое отдельное и конкретное соединение основы со словоизменительной частью слова в одно целое принято именовать в грамматике словоформой, тогда как вся совокупность возможных сочетаний одной основы с различными словоизменительными частями именуется лексемой. То и другое могут быть названы и часто называются «словом». Но как термин такое обозначение не очень удобно ввиду его двусмысленности. Точнее и удобнее термины «словоформа» и «лексема».

Поскольку словоизменительная часть не касается лексического значения, в ее задачи не входит образование новых слов (лексем). Это входит в круг задач основообразования. Словоизменительная же часть создает и изменяет словоформы, т. е. придает слову ту или иную грамматическую форму, например: *инжэ* 'смеялся', *инжэ-мби* 'смеется', *инжэхэби* 'смеялся', *инжэмэ* 'смеясь', *инжэчи* 'если смеяться'; *кумуси* 'музыкант', *кумуси сэ* 'музыканты', *кумуси сэдэ* 'музыкантам'; *бō* 'дом', *бōи* 'дома' (родит. падеж), *бō чи* 'из дома', *бōицгэ* 'принадлежит дому'. Как видим, в любой цепочке словоформ — общая основа (*инжэ-*, *кумуси-* или *бō-*), а словоизменительная часть, нисколько не затрагивая лексического значения (всегда это или одно и то же действие, или одно и то же лицо, или один и тот же предмет), меняет или отношение к действию говорящего, или время действия, или характер его отношения к другому действию; во второй цепочке — меняет число лиц и их отношение к действию; в третьей — отношение предмета к другим предметам или действиям.

Словоизменительная часть словоформы, так же как и основообразовательная, состоит из одного или нескольких аффиксов. Это словоизменительные аффиксы. Передаваемые ими грамматические значения бывают двух родов: а) выражающие грамматические значения, связанные с синтаксическими отношениями между словами, и б) выражающие грамматические значения, не связанные с такими отношениями. Объединяет те и другие аффиксы их предназначенность для выражения чисто грамматических значений,

никак не влияющих на значения лексические. Аффиксы, передающие отношения между словами (падежные, предикативно-притяжательный, деепричастные) можно назвать релятивными.³ Другая группа аффиксов словоизменения (число, время, наклонение) занимает промежуточное место между релятивными и деривативными аффиксами, так как и те и другие передают грамматические значения, не связанные с отношениями между словами в потоке речи. Их можно назвать смешанными.

Таким образом, весь маньчжурский арсенал морфем представляет собой следующую систему: А. Лексические морфемы — корень, основа. Б. Лексико-грамматические морфемы — аффиксы словообразования. В. Грамматические морфемы — аффиксы словоизменения: а) деривативные, б) смешанные, в) релятивные.

Иерархическая зависимость между перечисленными морфемами находит свое отражение в порядке их расположения в структуре словоформы. Порядок таков: корень + словообразовательный аффикс + деривативный аффикс (=основа) + смешанный аффикс + релятивный аффикс (=словоформа). Нарушения этого порядка недопустимы, но вариации возможны в том смысле, что любой из этих компонентов, кроме корня, практически может отсутствовать и любой из них может быть представлен не одним, а двумя или — крайне редко — бóльшим числом аффиксов одного порядка. Абсолютно обязателен лишь корень, и если в составе словоформы помимо него ничего нет, то корень, как мы уже знаем, материально совпадает с основой, что дает корневую основу, а основа в свою очередь материально совпадает с целым словом, точнее — со словоформой, что дает корневое слово.

Совпадение словоформы с основой, корневой или производной, возможно двух видов: а) когда перед нами неизменяемое слово, каких в маньчжурском лексиконе огромное множество (наречия, образные слова, имена признака, имена числительные, многие местоимения, междометия, служебные слова); б) когда отсутствие словоизменяемой части выражает одну из форм слова при выражении других соотносительных форм аффиксальным путем. В первом из этих двух случаев форма слова неизменяема, и говорить об «основе» можно лишь условно. В этом случае вполне достаточно понятия корня и словообразовательной части слова.

Понятие основы необходимо для изменяемых слов, имеющих ряды (парадигмы) соотносительных словоформ, например: *ама* 'отец' — *амата* 'отцы', *ама бэ* 'отца' — *ама дэ* 'отцу, у отца' —

³ В некоторых работах по грамматикам конкретных языков их иногда именуют «синтаксическими», что не совсем удобно, поскольку может вызвать смешение двух относительно самостоятельных сторон грамматики — морфологии и синтаксиса.

ама чи 'от отца, в сравнении с отцом', *гэнэ* 'иди' — *гэнэмби* 'идет' — *гэнэхэ* 'пошел' — *гэнэмэ* 'идя'.

Словоформа *ама* в первых двух цепочках материально равна основе *ама-*. Такого рода базовые словоформы, в которых нет других материально выраженных компонентов сверх основы, но они обязательны во всех других соотносительных словоформах, нередко в грамматиках называют нулевыми формами слова. Словоформы *ама* и *амата* — не только однокоренные и однобазовые (имеющие общую основу), но и соотносительные в грамматическом отношении, поскольку входят в одну парадигму числа существительного: *ама* 'отец' — единственное число, *амата* 'отцы' — множественное число того же существительного. Следовательно, если аффикс *-та* во второй словоформе обозначает множественность, то единичность в первой словоформе оказывается выраженной отсутствием числового аффикса (нулевой формой), а эта нулевая форма равна базовой форме слова. В цепочке *ама—ама бэ—ама дэ—ама чи* вторая, третья и четвертая словоформы включают в себя аффиксы косвенных падежей — винительного, дательного и исходного, а первая словоформа — базовая, характеризующаяся отсутствием падежного аффикса. В маньчжурском языке для всех склоняемых слов это признак прямого, именительного падежа. В цепочке *гэнэ—гэнэмби—гэнэхэ—гэнэмэ* три последние словоформы аффиксально оформлены (настоящее время изъявительного наклонения глагола, прошедшее время причастия, одновременное деепричастие), а первая не имеет аффиксальной части. Отсутствие в ней аффиксов словоизменения сигнализирует наличие у этой словоформы грамматического значения повелительного наклонения глагола.

Таким образом, присутствие в составе словоформы изменяемой лексемы словоизменительных аффиксов, равно как и отсутствие последних, имеет определенный смысл. Это значимое присутствие и значимое отсутствие. И то и другое служит выражению грамматических значений.

Почти все аффиксы пишутся слитно с корнем или основой. Исключение составляют аффиксы числа, падежа и предикативного притяжания, для которых строгих правил написания нет. Их можно встретить написанными слитно с основами и написанными отдельно от основ. Об этом будет сказано в разделах морфологии, посвященных отдельным частям речи.

Выше был описан аффиксальный способ выражения грамматических значений. Он является основным для всего морфологического строя маньчжурского языка, который в связи с этим можно определить как агглютинативный. Агглютинативными же являются и все родственные маньчжурскому языки, но в их морфологическом строе образовались некоторые, хотя и не очень

значительные, элементы флексии, проявляющиеся в выражении некоторых грамматических значений чередованием звуков внутри основы. В отличие от своих родственников маньчжурский язык не знает изменения звукового облика основ, в частности и супплетивизма основ, если не считать наличия различающихся основ у именительного и косвенных падежей у личных местоимений, например: *би* 'я' — *мимбэ* 'меня' — *миндэ* 'мне', *си* 'ты' — *симбэ* 'тебя' — *синдэ* 'тебе', *и* 'он (она, оно)' — *имбэ* 'его (ее)' — *индэ* 'ему (ей)', *бэ* 'мы' — *мэмбэ* 'нас' — *мэндэ* 'нам', *сүэ* 'вы' — *сумбэ* 'вас' — *сундэ* 'вам', *чэ* 'они' — *чэмбэ* 'их' — *чэндэ* 'им', иначе говоря, чередование основ: *би~мин-*, *си~син-*, *и~ин-*, *бэ~мэн-*, *сүэ~сун-*, *чэ~чэн-*. У остальных слов возможно только отпадение конечных согласных. Это дает основание считать маньчжурский язык представителем агглютинативных языков наиболее чистого типа.

Одной из характерных особенностей агглютинативных языков считается теснейшая связь между грамматическим значением и аффиксом: каждый аффикс выражает одно грамматическое значение, а каждое грамматическое значение выражается одним аффиксом. В принципе это правило приложимо и к маньчжурскому языку. Здесь необходимо сделать только одно дополнение. Когда речь идет о выражении одним аффиксом одного грамматического значения, то имеется в виду выражение грамматических значений прежде всего одного уровня. Есть немало случаев, когда, скажем, аффикс деривативного формообразования выполняет одновременно и функцию словообразовательного элемента, например: *антаха* 'гость' > *антахаша-* — основа глагольного слова 'гостить', где *-ша* — аффикс вида длительности, но он же превращает именную основу в глагольную, т. е. служит целям словообразования. Возможны и обратного порядка случаи, когда словообразовательный аффикс приобретает одновременно и видовое значение, например: *мациту* 'дубинка' > *мацитула-* 'ударить (возможно, и бить) дубинкой' ~ *мацитуша-* 'колотить, поколачивать дубинкой'. Первая из производных основ — *мацитула-* имеет аффикс *-ла*, который чаще всего имеет чисто словообразовательную функцию (ср.: *адун* 'стадо' > *адула-* 'пасти стадо'), но в противопоставлении *мацитула-* ~ *мацитуша-* он попутно приобретает дополнительную функцию выражения однократности. Приобретение приватной грамматической функции вполне возможно, если она лежит в ином уровне, чем функция основная. Одноуровневые же функции уживаться в пределах одного аффикса не могут. Не отмечены такие случаи, чтобы, к примеру, падежный аффикс приобрел дополнительное значение предикативного притяжания и наоборот, или чтобы аффикс глагольной породы (см. стр. 172—178) одновременно выражал и залоговое значение.

Итак, аффиксация служит главнейшим способом материального выражения грамматических значений, причем аффиксация возможна только постпозитивная, поскольку аффиксы располагаются в слове обязательно после корня, в силу чего их для большего уточнения можно было бы именовать постфиксами или же суффиксами. Однако в этом нет надобности, ибо иных типов аффиксов (ни префиксов, ни инфиксов, ни интерфиксов) маньчжурский язык не знает.

Аффиксация — главнейший способ, но не единственный. Помимо него действуют и другие способы: удвоение слов, спаривание слов, слияние слов, употребление служебных слов, употребление аффиксальных частиц. Все они, за исключением последнего, используются для целей словообразования, все, кроме спаривания и аффиксальных частиц, — для целей словоизменения, а способ аффиксальных частиц придает модальный оттенок значения не отдельному слову, а целому предложению.

Способ удвоения (редупликации) слов. Употребляется в целях словообразования, придавая дополнительные оттенки значения обобщенной множественности (собирательности), иногда раздельности и последовательности, а также повышения степени признака, например: *голо* 'губерния, область' > *голо голо и гашан* 'деревни всех областей', *ниру* 'рота' > *ниру ниру дэ* 'во всех ротах', *ба* 'место' > *ба бадэ* 'повсеместно (в месте месте)', *жүү* 'ребенок' > *жүү жүү* 'все дети', *омоло* 'внук, внучка' > *омоло омоло* 'все внуки', *гашан* 'селение' > *гашан гашан* 'все селения', *жугун* 'дорога' > *жугун жугун дэри* 'по всем дорогам', *аи* 'что, какой' > *аи аи бадэ* 'во всех местах, всюду (в каком каком месте)', *журган* 'черта, ряд' > *журган журган и тухэмби* 'падают ряд за рядом', *улан* 'премственность, наследие' > *улан улан и дасаха* 'управляли один за другим (по порядку)', *сабдан* 'капля' > *сабдан сабдан* 'капля за каплей', *мэни* 'наш' > *мэни мэни* 'каждый сам по себе, по отдельности', *дахун* 'опять, снова' > *дахун дахун и* 'снова и снова', *мажигэ* 'немного' > *мажигэ мажигэ бумэ* 'давая совсем немного', *хачин* 'разный, разновидность' > *хачин хачин кэси* 'всевозможные удачи', *горо* 'далеко, давно' > *горо горо эрин* 'очень давние времена', *дэн* 'высокий' > *дэн дэн алин* 'очень высокая гора', *уду* 'сколько' > *уду уду инэңги* 'много (несколько) дней'.

Удвоение образных слов передает многократность или интенсивность проявления образа: *лабта* 'разрывая, на разрыв' > *лабта лабта* 'все разрывая и разрывая, в клочья', *чик* 'внезапно' > *чик чик* 'непрестанно, то и дело', *жар* 'стрекот кузнечиков' > *жар жар* 'непрерывный стрекот кузнечиков' и т. п.

Удвоение счетных слов в форме родительного падежа образует разделительные наречия: *эмкэ эмкэн и* 'по одному, один за другим',

сунџа сунџа и 'по пяти, пятерками', *орин орин* и 'по двадцати, двадцатками' и т. п.

Некоторые удвоенные слова вследствие их частого употребления срastaются и пишутся слитно, например: *јаја* 'всякий, каждый', *удуду* 'много, несколько, весьма', *эмэму* 'какой-то, некий'. Но здесь способ удвоения перерастает в способ слияния и образования сложных слов, о котором будет сказано несколько ниже.

Способ спаривания слов приводит к тем же семантическим трансформациям, что и способ удвоения. Тонкое различие состоит прежде всего в том, что удвоение передает чаще всего простую совокупность однородных предметов или признаков, а спаривание — совокупность, допускающую некоторое разнообразие, т. е. однородность, предполагающую дальнейшее расчленение по каким-то второстепенным признакам. Именно это, надо думать, и вызвало параллельное действие этих двух способов. Как различие можно отметить еще отсутствие у парных (спаренных) слов имеющегося у некоторых удвоенных слов значения раздельности и последовательности.

Парные слова бывают трех видов: а) антонимические, представляющие собой сочетание двух антонимов или же просто двух слов с совершенно разными значениями; по весьма приблизительному подсчету они составляют около 20 % всех парных слов; б) синонимические, представляющие собой сочетание двух полных или частичных синонимов; их около 50 %; в) рифмические, представляющие собой сочетание знаменательного слова с его несколько видоизмененной фонетически копией, не имеющей самостоятельной семантики и употребляемой только в этом именно сочетании; их приблизительно 30 %, и почти все они образуются от образных слов и не выходят за их рамки; производящее слово может стоять как на первом, так и на втором месте.

При перечислении на первом месте оказалась самая малочисленная группа. Единственным основанием для этого послужило то, что семантические взаимоотношения между производящими и производными словами в ней наиболее очевидны и показательны. Приведу несколько примеров: *ахун дэуо* 'братья' (старший брат + младший брат), *эјун нон* 'сестры' (старшая сестра + младшая сестра), *мафа мама* 'старика, предки' (старик + старуха), *ама эмэ* 'родители' (отец + мать), *аха нэху* 'прислуга, слуги' (слуга + служанка), *г'ахун шоңкон* 'ловчие птицы' (ястреб + сокол), *улха морин* 'домашний скот' (домашнее животное + лошадь), *морин лорин* 'транспортный скот' (лошадь + мул), *эму уду* 'несколько' (один + сколько).

Синонимические парные слова: *уксун н'аман* 'все родственники' (родственники + родственники), *арбун дурсун* 'осанка, внеш-

ность' (внешний вид + внешний вид), *ба на* 'земля, вселенная, территория' (местность + местность), *мэдэри наму* 'большое море, океан' (море + море), *туги сукдун* 'атмосфера' (облако + воздух), *хэчэн хотон* 'города' (город + город), *гашан токсо* 'села, деревни' (селение + селение), *жасэ жэчэн* 'границы' (граница + граница), *жэку кунэсун* 'пища, предметы питания' (еда + провиант), *фафун кбли* 'законы' (запрет + обычай), *жэрги хачин* 'разнообразие, разнообразие' (род + сорт), *улха адун* 'стада домашних животных' (скот + стадо), *энтэхэмэ гцидамэ* 'очень долго' (долго + долго), *лифахан чифахан* 'непролазная грязь' (слякоть + грязь), *јафан куаран* 'прекрасный сад' (сад + сад), *худун хахи* 'очень быстро, стремительно' (быстро + быстро), *элгэн тумин* 'преизобильный, полное изобилие' (изобилие + полно).

Рифмические парные слова: *цимин тацмин* 'неровно, негладко, ключьями' (*тацмин* 'торчащий волос на шкуре'), *були буту* 'неожиданно, врасплох' (*буту* 'мрак, тайный, тайком'), *кас кис* 'быстро, стрелой, решительно' (*кас* 'как стрела'), *мурин тарин* 'врозь, вразброд, несогласно' (*мури-* 'упрямиться, настаивать на своем'), *калу мулу* 'поверхностно, небрежно' (*калуми-* 'касаться поверхности, задевать поверхность, оцарапать'), *аркан каркан* 'едва, почти' (*аркан* 'чуть'), *какуң кикүң* 'грохот нагруженной телеги' (*кикуң* 'грохот колес'), *уң аң* 'мычание оленей во время гона' (*аң* 'крики во время ссоры'), *кэтэ ката* 'стук копыт по камням' (*ката* 'стук подошв обуви').

Среди рифмических парных слов немало (немного менее половины) таких, оба компонента которых не употребляются как самостоятельные слова. К ним относятся, например: *кара фара* 'гневно', *тэтэ тата* 'подпрыгивая', *букду бакда* 'ковыляя', *хэшу хашу* 'обрезки, обрывки, мелочь', *сэрсэн сарсан* 'колеблясь', *гари мари* 'вдребезги, на куски'.

Способ образования устойчивых словосочетаний используется также только для словообразования. Отличие от свободных словосочетаний состоит в том, что общее значение всего словосочетания не равно простой сумме значений входящих в него слов. Одно из слов, а иногда и оба слова коренным образом меняют свое значение, чаще же всего значение устойчивого словосочетания оказывается монолитным, не распадающимся на две сколько-нибудь самостоятельные части. Это делает устойчивые словосочетания, так же как удвоенные и парные слова, равнозначными в семантическом отношении отдельным словам (лексемам). И в грамматическом отношении все они ведут себя одинаково. Условно назовем их аналитическими словами.

К числу аналитических относятся, например, следующие слова: *да мафа* 'прапрадед' (корень + дед), *да мама* 'прапрабабка' (ко-

рень + бабка, бабушка), *џакун џуса* ‘маньчжурская Восьмизнаменная армия’ (восемь + знамя); *мѵ ихан* ‘тибетский буйвол’ (дерево + бык); *бѵ нимаха* ‘кит’ (дом + рыба); *индахун начин* ‘сокол’ (собака + крик), *иџа чџикэ* ‘синица’ (овод + птичка), *хасаха ум’аха* ‘мокрица’ (ножницы + червяк), *гу орхо* ‘белена’ (нефрит + трава), *г’ахун јаса* ‘можевеловый’ (ястреб + глаз), *усиха мѵ* ‘каштан’ (звезда + дерево), *гаха пѵ* ‘гриб-дождевик’ (ворона + пушка), *јаса мукэ* ‘слезы’ (глаз + вода), *сиџгэри хухун* ‘бородавка’ (мышь + сосок), *нимаха јаса* ‘мозоль’ (рыба + глаз), *надан усиха* ‘Большая Медведица’ (семь звезд), *мукэ усиха* ‘Меркурий’ (вода + звезда), *туџа усиха* ‘Марс’ (огонь + звезда), *тахура эфэн* ‘пельмени’ (раквина + лепешка), *офоро дамбагу* ‘нюхательный табак’ (нос + табак), *сэлэ и эџэн* ‘магнит’ (железа хозяин), *эрин и кэмнэку* ‘часы’ (времени измеритель), *ујун дука* ‘столица’ (девять ворот), *наму аџга* ‘гавань, порт’ (море + рот), *фулг’ан џугун* ‘экватор’ (красный путь), *битхэци н’алма* ‘ученый’ (книги человек), *аџга и анаку* ‘пересуды’ (рта задвижка). Всего в словаре И. И. Захарова зарегистрировано свыше пятидесяти аналитических слов такого рода.

Способ слияния и тем самым образования сложных слов применяется в первую очередь для словообразования, но иногда и для словоизменения глагольных основ. В том и в другом случае этот способ представляет собой дальнейшее развитие способов удвоения, спаривания и образования аналитических лексем или их словоформ. Весь процесс можно представить себе в следующем виде: свободное словосочетание > биномы, т. е. двойные слова (удвоенные, парные, аналитические) > сложные слова. Заключительным этапом можно считать опрощение сложного слова, окончательное сращение двух компонентов с утратой ими какой бы то ни было семантической и морфологической самостоятельности, иначе говоря — возврат к семантически обогащенному простому слову.⁴

Несколько примеров сложных слов: *јаја* (= *ја ја*) ‘всякий, разный’ (какой + какой), *удуду* (= *уду уду*) ‘несколько, много’ (сколько + сколько), *эмэму* ‘некий, иной, или’ (< *эму эму* ‘один + один’), *бабадэ* (= *ба бадэ*) ‘всюду’ (место + в месте), *мэцмэни* (= *мэни мэни*) ‘всякий, каждый’, *аџби* (= *аџ би*) ‘что такое, где’ (что есть), *аџкабадэ* ‘если’ (< *аџка бадэ* ‘в каком месте’), *абкана* (= *абка на*) ‘вселенная’ (небо + земля), *мэмэн’э* (= *мэмэ эн’э*) ‘кор-

⁴ Высказывались не лишние оснований предположения, что некоторые бесспорно простые для письменного периода развития маньчжурского языка слова, такие как *хаха* ‘мужчина’, *хэхэ* ‘женщина’, *гэгэ* ‘старшая сестра’, *мама* ‘старуха’, некогда прошли через этап удвоения, а слова *ама* ‘отец’, *эмэ* ‘мать’, *ахун* ‘старший брат’, *мафа* ‘старик’, *мукэ* ‘вода’, *наму* ‘море’, *никан* ‘китаец’, *аџсин* ‘золото’, *арсун* ‘ветвь’ и некоторые другие прошли этап спаривания. Значит, начинали они свое развитие с сочетания двух слов.

милица' (кормилица + мать), *мэмэма* 'муж кормилицы' (< *мэмэ ама* 'кормилица + отец'), *усимаңга* 'счастливый' (< *усиха маңга* 'звезда крепкая'), *бацтаку* (= *бацта аку*) 'бездельник' (дела нет), *вахунда* 'дикий чеснок' (< *вахун да* 'вонь + корень'), *чамаңгадамби* 'затрудняет, упрямится' (< *ча маңга* 'нервы крепкие'), *сиб'ататамби* 'тянет жребий' (< *сиб'а татамби* 'тащит клин'), *шакталамби* 'отрезает уши' (< *шан акталамби* 'ухо кастрирует').

Подобных слов в словаре И. Захарова свыше сорока.

Способ употребления служебных слов дает аналитические слова и словоформы. Он достаточно широко, хотя и в меньшей мере, чем аффиксация, применяется как один из важных приемов прежде всего словоизменения, реже — словообразования.

В сфере имен он с помощью служебного слова *ба* образует отглагольные существительные обобщающего характера, такие как *алара ба* 'говорение; все, что говорится, будет сказано', *алаха ба* 'сказанное; все, что сказано', *ноңгирэ ба* 'добавление; все, что добавляется, надлежит добавить', *ноңгиха ба* 'добавка; все, что добавлено', *эжэрэ ба* 'запоминание; все, что запоминается, предстоит запомнить', *эжэхэ ба* 'все, что осталось в памяти'.

Служебные слова *аку* 'не, без' и *вака* 'не, не есть' со стоящим перед ними именем образуют слова, обозначающие отсутствие предмета или признака, например: *махала аку н'алма* 'человек без шапки', *махала аку јабумби* 'без шапки идет', *гэбуңгэ аку баттуру* 'безвестный богатырь', *эрэ амбан гэбуңгэ вака* 'этот вельможа не знаменитый'.

Особенно распространено образование аналитических форм у глагольных слов. В качестве служебных компонентов здесь выступают чаще всего отрицательные частицы и вспомогательные глагольные слова, например: *жидэрэ аку* (= *жидэраку*) 'не приходит, не идет', *улхирэ ундэ* 'еще не понял', *умэ хахилара* 'не торопись', *гэнэмэ бихэ* (= *гэнэмбихэ*) 'уходил', *араха бихэ* (= *арахабихэ*) 'написал', *досичи омби* 'можно войти', *туаки сэмби* 'хочет увидеть'. Все эти и многие другие подобные формы глагольных слов будут подробнее рассмотрены в соответствующих разделах морфологии, посвященных именным и глагольным словам.

Способ употребления аффиксальных частиц применяется для выражения вопроса, очень часто сопровождаемого восклицанием. Во всех языках, родственных маньчжурскому, имеется немало разнообразных по значению аффиксальных частиц. В маньчжурском же письменном языке встречаются только вопросительно-восклицательные частицы: *-о*, *-ни*, *-н*. В отличие от слов-частиц аффиксальные частицы пишутся слитно со словом, за

которым они следуют,⁵ например: *Си гэнэмби?* 'Ты идешь?'; *Агэ жихэни?* 'Брат пришел?'; *Вэ эрэ бэ саракун?!* 'Кто же этого не знает?!'.

По частоте встречаемости в текстах способы выражения грамматических значений можно расположить в определенном порядке. Для сферы словообразования он будет таким: 1) аффиксация, 2) спаривание, 3) удвоение, 4) применение служебного слова, 5) слияние; для сферы словоизменения: 1) аффиксация, 2) применение служебного слова, 3) слияние, 4) удвоение; для модального интонирования предложения: 1) применение служебных слов (слов-частиц), 2) применение аффиксальных частиц.

Определив предварительно понятия лексемы и словоформы, установив их иерархические взаимоотношения (стр. 44), а затем рассмотрев все возможные способы их внешних (материальных) трансформаций, мы получили возможность подвести итог всему сказанному выше в виде классификации морфологических типов слов маньчжурского языка.

Лексемы

- 1) простая
 - а) непроеизводная (корневая)
 - б) производно-аффиксальная,
- 2) спаренная,
- 3) удвоенная,
- 4) аналитическая,
- 5) сложная.

Словоформы

- 1) аффиксальная
 - а) базовая (прямая, нулевая)
 - б) косвенная (выраженная, маркированная),
- 2) аналитическая,
- 3) сложная,
- 4) удвоенная,
- 5) выходящая за рамки морфологии слова: с аффиксальной частью.

⁵ Единичные случаи отдельного написания частицы *-ни* следует рассматривать не иначе как опisku, нарушающую орфографическую норму.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное обладает субстантивной (предметной в грамматическом понимании) семантикой, в синтаксическом отношении — предельной полифункциональностью и способностью подчинять себе именные (в том числе, и это особенно показательно, выраженные количественными и порядковыми числительными, что свидетельствует о счислимости и пространственной локализации обозначаемых ими реалий) и причастные определения, в морфологическом отношении — способностью к реляционному формообразованию в виде склонения по всем падежам, что отличает его от глагола, деепричастия, наречия, образных слов, но не отличает от прочих имен и причастий.

Имени существительному свойственно альтернативное противопоставление обязательных категорий лица и нелица (вещи), каждое существительное относится или к той, или к другой категории. Переход существительного из категории вещи в категорию лица (обратный переход невозможен) бывает только ситуативным, при антропоморфической персонификации в мифологии, фольклоре, литературе. В подобных редких случаях происходит расщепление одного существительного на два омонима, например: *доби* 'лиса' как реально существующее животное и *доби* 'лиса' как антропоморфизированное разумное существо, имеющее внешний облик лисы, — персонаж фольклорных и литературных произведений.

К категории лица принадлежат все существительные, так или иначе обозначающие людей (имена собственные и нарицательные). К категории вещи принадлежат все прочие существительные, в том числе и обозначающие животных. Такое деление существительных заменяет свойственное многим другим языкам противопоставление одушевленных и неодушевленных, активных и пассивных существительных.

Указанная оппозиция грамматически проявляется в способности существительных лица образовывать формы множественного

числа и неспособности к этому существительных вещи, в способности первых замещаться личными местоимениями всех лиц и неспособности к этому вторых, которые замещаются указательными местоимениями, в соотнесенности первых с вопросительным местоимением *вэ* 'кто', а вторых — с местоимениями *ац* или *ја* 'что'. К этим грамматическим различиям нам придется возвращаться еще не раз.

Ничего подобного грамматическим родам или классам существительных маньчжурского языка не знают. Приводимое нередко в этой связи противопоставление единичных существительных, обозначающих людей и животных, в зависимости от пола их реаллий (например: *ама* 'отец'— *эмэ* 'мать', *амха* 'тесть'— *эмхэ* 'теща', *хаха* 'мужчина'— *хэхэ* 'женщина', *амила* 'самец'— *эмилэ* 'самка', *арсалан* 'лев'— *эрсэлэн* 'львица') никакого отношения к грамматике не имеет, целиком уместаясь в рамках лексики. В грамматическом же отношении все эти слова ведут себя совершенно одинаково. Это такие же пары существительных (самостоятельных лексем, а не словоформ), как русские *козел*—*коза*, *индюк*—*индюшка*, *лев*—*львица*, *медведь*—*медведица*. Только в русском языке, обладающем грамматической категорией рода, первые члены пар относятся к мужскому роду, а вторые — к женскому. Их родовая принадлежность проявляется в согласовании с ними определений и сказуемых: *старый лев заснул*—*старая львица заснула*. В маньчжурском же языке, не имеющем ни грамматической категории рода, ни согласования, связь существительного с тем или иным полом грамматически иррелевантна: *сакда арсалан амгаха*—*сакда эрсэлэн амгаха* ('старый лев заснул'—'старая львица заснула').

В какой-то степени существительным свойственна окказионально-переменная категория определенности/неопределенности. Проявляется она нерегулярно и только в двух случаях: а) в выборе для прямого дополнения винительного или именительного падежей, о чем будет сказано в разделе склонения, и б) в способности существительного при его неопределенности подчинять в качестве определения количественное числительное *эму* 'один, некий' в роли неопределенного артикля, а при его определенности в отсутствии такого определения или в замене его указательными местоимениями *эрэ* 'этот', *тэрэ* 'тот'; впрочем, как при определенности, так и при неопределенности существительное может и не иметь при себе определений. Следовательно, правило можно формулировать так: при определенности существительного оно или не имеет соответствующего определения, или имеет в качестве него указательное местоимение *эрэ/тэрэ*; при неопределенности существительного оно или не имеет соответствующего определения, или

имеет в качестве него количественное числительное *эму* в роли неопределенного артикля.

Большинство существительных непроизводно. Это бесспорно справедливо для языка того уровня развития, о котором идет речь.¹ Такая оговорка необходима потому, что среди непроизводных имен существительных немало таких, которые можно подвергнуть этимологическому анализу и путем вычленения одинаковых или сходных конечных слогов при более или менее близких значениях с большой долей вероятности установить, что эти слова явились продуктами былых, уже успевших омертветь словообразовательных процессов. Это относится прежде всего ко многим названиям животных, растений, анатомических частей тех и других, жидких и состоящих из множества однородных расчленимых частиц веществ, мелких предметов, встречающихся множествами или парами, а также к собственным именам маньчжурских родов. Ниже о них будет сказано в связи с рассмотрением форм множественного числа.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

К живым и не окончательно омертвившим словообразовательным типам относятся полностью продуктивные (конечно, с учетом ограничений, налагаемых корневой семантикой), а из непродуктивных или ограниченно-продуктивных — те, у которых аффиксы инвариантны в фонетическом отношении при хотя бы относительно однородной семантике, а корни если не у всех, то хотя бы у значительной части слов представляют собой либо законченные слова, либо живые основы слов, либо встречаются с общей корневой семантикой в двух и более словообразовательных типах. Ниже приводятся словообразовательные типы, выделенные на основании общности их аффиксов. Часть из них может быть сгруппирована по семантическому принципу. Выделяется группа типов, объединяющая отглагольные наименования действий или их результатов. Довольно четко выделяется группа типов, представляющих собой отглагольные наименования деятелей, отглагольные или отыменные наименования носителей признаков. Имеется также группа типов, связанных с обозначением орудий действия. Группировка остальных словообразовательных типов затруднительна.

¹ Материалом для анализа послужила вся лексика, содержащаяся в книгах: *Захаров И. И.* 1) Полный маньчжурско-русский словарь (за исключением явных заимствований); 2) Грамматика маньчжурского языка.

К первой группе относятся словообразовательные типы с аффиксами *-н*, *-ңгэ*, *-чун*, *-ган/-гэн/-гон*, *-хан/-хэн/-хон*, *-хун*, *-схун*, *-сун*, а также аналитическая форма: причастие настоящего-будущего времени + *ба*.

Аффикс *-н* максимально продуктивен. Он образует от глагольных слов имена существительные — названия действий или их результатов, например: *улэн* 'служба, услуга' от *улэ*² 'служить, ухаживать', *вэлэн* 'работа, труд, постройка' от *вэлэ* 'работать, трудиться, созидать, строить', *гунин* 'мысль, размышление, намерение, понятие' от *гуни* 'мыслить, думать, размышлять, помышлять', *журан* 'отправление, отъезд' от *жура* 'отправляться, уезжать, уходить', *эфин* 'игра (как процесс и как его орудие), забава, шутка' от *эфи* 'играть, забавляться, шутить', *акдан* 'доверие, надежда, поручительство' от *акда* 'верить, доверять, надеяться, свидетельствовать', *габтан* 'стрельба из лука' от *габта* 'стрелять из лука', довольно много слов этого типа образуется от основ побудительно-страдательного залога с аффиксом *-бу*: *ноңгубун* 'прибавление' от *ноңгубу* 'заставить прибавить; прибавиться' (*ноңги* 'прибавить'),³ *фајабун* 'затраты, расход, издержки' от *фајабу* 'заставить потратиться, причинить расход' (*фаја* 'тратить, расходовать, издержаться'), *токтобун* 'твердость, решимость, упорство' от *токтобу* 'утверждать' (*токто* 'останавливаться на чем-либо, решаться на что-либо'), *чалабун* 'различие; ошибка, проступок' от *чалабу* 'вводить кого-либо в ошибку, заставить кого-либо совершить проступок' (*чала* 'различаться; ошибаться, совершать проступок') и т. п.

Аффикс *-ңгэ*⁴ столь же продуктивен, как и предшествующий *-н*. Частично омонимичен аффиксу *-ңга/-ңгэ/-ңго*, образующему имена признака, но в отличие от него образует имена существительные, служащие наименованиями действий или их результатов, и не подвержен варьированию по закону гармонии гласных. В качестве производящих корней для этого типа служат формы причастий настоящего-будущего и прошедшего времен, например: *бу-рэңгэ* 'давание; то, что дается', *бухэңгэ* 'то, что дано' от *бу* 'давать' (*-ра/-рэ/-ро* — аффикс причастия настоящего-будущего времени, *-ха/-хэ/-хо* — аффикс причастия прошедшего времени), *сэрэңгэ* 'говорение; то, что говорится', *сэхэңгэ* 'то, что сказано' от *сэ* 'говорить,

² Глагольные слова здесь даются в виде основ, которые во вновь образованных существительных служат производящими корнями.

³ Нет оснований выделять, как это делают некоторые исследователи, в качестве особого словообразовательного аффикса *-бун*. На самом деле это сочетание двух разнородных аффиксов.

⁴ К этой форме отглагольных слов мы еще вернемся, когда речь пойдет о субстантивации причастий.

называть, рассказывать', *арараңгэ* 'делание, созидание, строительство; писание; то, что делается, создается, пишется', *арахаңгэ* 'то, что сделано, построено, написано' от *ара-* 'делать, созидать, строить; писать', *оҗороңгэ* 'становление; то, что становится', *охоңгэ* 'то, что стало' от *о-* 'делаться, становиться' (у этого глагольного слова аффикс причастия настоящего-будущего времени сложный: *-җо + -ро*), *баирэңгэ* 'прошение; то, о чем просят' от *баи-* 'искать, просить', *хуэк'эбурэңгэ* 'поощрение' от *хуэк'эбу-* 'поощрять, увлекать, направлять', *җэтэрэңгэ* 'то, что едят, кушанье' от *җэ-* 'есть, питаться' (аффикс причастия *-тэрэ*) и т. п.

Аффикс *-чун* менее продуктивен. Он образует от основ глагольных слов почти исключительно чувственной семантики имена существительные, обозначающие вызываемые соответствующими действиями состояния, например: *бужэчун* 'желание' от *бујэ-* 'желать, любить', *акдачун* 'вера, надежда' от *акда-* 'верить, доверять, надеяться', *элэчун* 'сытость' от *элэ-* 'быть сытым, довольным', *гэлэчун* 'опасение, боязнь' от *гэлэ-* 'бояться, опасаться', *улхичун* 'понимание' от *улхи-* 'понимать, постигать', *җобочун* 'печаль' от *җобо-* 'печалиться', *бух'эчун* 'сомнение' от *бух'э-* 'соображать, предполагать; сомневаться', *усачун* 'скорбь' от *уса-* 'огорчаться, сокрушаться, скорбеть' и т. п., но в то же время: *кармачун* 'защита' от *карма-* 'защищать', *бахачун* 'находка' от *баха-* 'находить, получать', *силгачун* 'выбор, избрание' от *силга-* 'выбирать, избирать', *лэјэчун* 'простонародная песня' от *лэјэ-* 'петь по-простонародному', аффикс *-чун* исторически сложился из упомянутого выше аффикса *-н* и видового аффикса *-чу*.

Аффикс *-ган/-гэн/-гон* ограниченно продуктивен. Принципы ограничения установить не удастся. Единственное, что можно сказать с уверенностью, это то, что словообразовательный тип с этим аффиксом в качестве производящего корня использует лишь относительно небольшое число основ глагольных слов переходной семантики. Сюда относятся: *бодогон* 'соображение, вычисление, дальновидность; замысел, план' от *бодо-* 'соображать, считать; планировать, замышлять', *җолиган* 'выкуп, штраф' от *җоли-* 'выкупать, откупаться, платить штраф', *анакан* 'предлог, отговорка' от *ана-* 'толкать, отпихивать, отодвигать', *нируган* 'чертеж, рисунок, план' от *ниру-* 'рисовать, чертить, писать, составлять план', *гуниган* 'мысль, размышление, намерение' от *гуни-* 'думать, размышлять, помышлять', *сабуган* 'то, что запечатлелось в зрительной памяти; мода' от *сабу-* 'быть узанным, виденным; вразумить', *алиган* 'подставка, пьедестал' от *али-* 'принимать, поднимать, подпирать', *асхарган* 'висящие на поясе украшения' от *асха-* 'подвешивать к поясу; носить на боку', *дасарган* 'рецепт' от *даса-* 'управлять; исправлять, вылечивать', *туригэн* 'оплата труда, аренды'

от *тури-* 'нанимать, арендовать, платить' и т. п., но иногда это наименование действий: *яндуган* 'домогательство' от *янду-* 'досаждать, докучать просьбой', *фадаган* 'волшебство, гадание' от *фада-* 'ворожить, гадать, вызывать духов'. Аффикс *-ган/-гэн/-гон* также включает в себя два компонента: *-н* и *-га/-гэ/-го*. Последний принадлежал к глагольной основе.

Аффикс *-хан/-хэн/-хон* и по степени продуктивности, и семантически не отличается от предыдущего. Разграничивает их оппозиция смычный звонкий~щелевой глухой у заднеязычного начального звука аффикса. Чаще всего это названия результата действия: *болжохон* 'уговор, условие; назначенный срок' от *болжо-* 'договариваться, условливаться, назначать срок', *шаңнахан* 'подарок' от *шаңна-* 'дарить, награждать, оказывать внимание', *нэмэхэн* 'прибавка, придача' от *нэмэ-* 'умножать, прибавлять, давать придачу', *сужахан* 'подставка, подпорка' от *сужа-* 'подставлять, подпирать, поддерживать' (есть более архаичный вариант этого слова с аффиксом *-ган*: *сузаган* — значение идентичное), *голохон* 'испуг' от *голо-* 'пугаться, бояться, опасаться', *кубухэн* 'оторочка, надставка, кайма' от *кубу-* 'пришивать оторочку, кайму; надставлять платье', *индэхэн* 'дневной привал в пути' от *индэ-* 'делать дневной привал в пути', *хадахан* 'кол для привязи' от *хада-* 'вбивать гвоздь, кол, сваю' (есть более архаичный вариант с аффиксом *-ган*: *хадаган* — значение идентичное), *даңнахан* 'подметка у обуви', возможно, от *даңна-* 'заменять, заступать, заслонять', *дабархан* 'вьюк, состоящий из двух сум, перекинутых через седло', возможно, от *даба-* 'переваливать, переходить через, переступать' (есть более архаичный вариант *дабарган* с идентичным значением) и т. п.; имеются слова — наименования действий: *журчэхэн* 'непокорность, сопротивление' от *журчэ-* 'противиться, сопротивляться, противоречить', *токтохон* 'проявление твердости, постоянства, решимости' от *токто-* 'останавливаться на чем-либо, проявлять твердость, постоянство, решимость; получать назначение'; имеются также слова, обозначающие орудия действия: *дэңнэхэн* 'весы' от *дэңнэ-* 'взвешивать', *хэнчэхэн* 'скребок для чистки котлов' от *хэнчэ-* 'выскабливать котел; толочь в ступе', *хуэжэхэн* 'ширма' от *хуэжэ-* 'загораживать, перегораживать', *хусихан* 'юбка' от *хуси-* 'обертывать, завертывать', *илэтулэхэн* 'вывеска' от *илэтулэ-* 'делать ясным, понятным'. Тот же по звуковому составу аффикс, вернее конечный слог, содержится в нескольких, как правило не поддающихся этимологическому анализу, словах (не дающих за вычетом этого слога значимых корней): *шэтухэн* 'цимбалы 25-струнные', *жутухан* 'цимбалы 5-струнные', *фитухэн* 'бандура', *фуңгахан* 'пух, мелкие перья' (ср. *фуңгала* 'крупные маховые и хвостовые перья'), *тамалан* 'летающая осенью паутина', *кубурхэн* 'плети винограда', *хун-*

тахан 'чарка', *жучэрхэн* 'ремни на седле', *чабихан* 'поплавок', *тбхан* 'пряжка пояса' и некоторые другие. Их конечный слог, скорее всего, представляет собой омертвевший аффикс уменьшительной формы.

Аффикс *-хун* ограниченно продуктивный, семантически сходный с предыдущими двумя. С его участием образованы слова: *эк'эхун* 'недостаток, бедность' от *эк'э-* 'уменьшаться в числе, беднеть', *тэ'эхун* 'отдых, покой, благоденствие' от *тэ'э-* 'отдыхать, успокаиваться, благоденствовать', *л'эл'эхун* 'головокружение, умопомрачение' от *л'эл'э-* 'испытывать головокружение, терять соображение', *хэждэрэхун* 'обморок' от *хэктэрэ-~хэждэрэ-* 'лишаться чувств, падать в обморок', *гакахун* 'трещина; разиня', ср. *гакара-* 'давать трещину, растрескиваться; разевать рот', *саксахун* 'подпорка, подставка, кóзлы' (ср. *саксалибу-* 'ставить подпорки, подставки, кóзлы'), *дукдурхун* 'бугор' от *дукдурэ-* 'выпучиваться, подниматься (о земле, о тесте)', *мукдэхун* 'жертвенник; амвон в храме' от *мукдэ-* 'подниматься вверх, взлетать', *шакшахун* 'оскал зубов; скалозуб' (ср. *шакшалжа-* 'скалить зубы'), *кубсухун* 'толстяк' (ср. *кубсурэ-* 'толстеть, жиреть'), *хэчэхун* 'убыль воды осенью' от *хэчэ-* 'убывать (о воде)', *гэчэхун* 'мороз, заморозки' от *гэчэ-* 'замерзать', *халхун* 'жар, зной' (ср. *хала-* 'обжигаться, ошпариваться') и т. п.

Аффикс *-схун* ограниченно продуктивный. Образует имена существительные (имена качества?), называющие действия, иногда — их результаты, носителей признаков по действию, но в то же время — и сами признаки по действию как в субстантивном, так и в атрибутивном смысле и употреблении. В этом последнем значении они употребляются чаще, а многие — исключительно. Поэтому они могут быть отнесены, если не все, то многие, к прилагательным.* Субстантивный оттенок значения зафиксирован в словаре у следующих слов: *гочисхун* 'смирение, покорность; смиренный, покорный; церемонно, чинно' (производящий корень неясен), *хциласхун* 'оборванность, загрязненность, бедность; оборванец, грязнуля; оборванный, запачканный, бедный' от *хцила-* 'пачкаться, мараться, засаливаться, загрязняться', *хацласхун* 'пересеченность, неровность (местности); пересеченная местность; бугристый, обрывистый, крутой; круто' (ср. *хацха-* 'кривиться, искривляться, наклоняться, валиться'), *нэцлэсхун* 'оживление (природы весной), распускание, расцветание; открытие, происхождение, начало' от *нэцлэ-* 'открывать, просвещать'.

* Далее для всех таких слов В. А. Аврорин использует термин «имена признака», считая их особой частью речи; идея эта созрела, очевидно, не сразу, поэтому в работе имеются некоторые противоречия, которые автор несомненно бы устранил. (Примеч. издателей).

Аффикс *-сун* малопродуктивен. Образуемый с его помощью словообразовательный тип семантически неоднороден. Чаще всего это названия результатов действий, иногда — самих действий, например: *суал'асун* 'примесь, приправа' от *суал'а-* 'смешивать, добавлять, соединять', *адасун* 'верхняя пола халата' от *ада-* 'прикладывать, запахивать, надставлять', *ум'эсун* 'пояс' (ср. *ум'элэ-* 'опоясываться, подпоясываться'), *хуал'асун* 'согласие, единодушие, любовь, дружба; согласный, податливый, любящий, дружный' от *хуал'а-* 'соглашаться, любить, дружить', *хујасун* 'поводок, привязываемый к ноге ловчего ястреба' (ср. *хуја-* 'кричать (о ястребе и других ловчих птицах)'), с неизвестными производящими корнями: *гуаласун* 'женская безрукавка', *наммисун* 'оторочка по подолу шубы'.

К этой же группе относится словообразовательный тип, обозначающий обобщенные понятия о действиях, их объектах или результатах и образуемый аналитическим путем — сочетанием любого знаменательного глагольного слова в форме причастия настоящего-будущего, реже — прошедшего времени и служебного слова *ба*, лишённого лексической семантики. В данном случае его функция ограничивается сообщением подобному сочетанию слов субстантивности и некоторой абстрактности. Омонимом, давшим ему начало, является вполне знаменательное слово *ба* с довольно широким объемом семантики: 'место, местность, страна, область, участок земли, двор, присутственное место, должность, единица расстояния, равная китайской версте (ли)'. Сюда относятся такие аналитические конструкции, как: *ургунжэрэ ба* 'радость, веселье, восхищение; все, что радует, веселит, восхищает', *ургунжэхэ ба* 'все, что обрадовало, развеселило, восхитило', *тачирэ ба* 'учение, выучивание, приобретение навыка; то, что надлежит выучить', *тачиха ба* 'все, что выучено', *бодоро ба* 'соображение, обдумывание, размышление, планирование, вычисление; все, что подлежит обдумыванию, о чем размышляют, что планируется', *бодохо ба* 'все, что обдумано, спланировано, вычислено', *хэндурэ ба* 'говорение, рассказывание, объяснение; все, о чем говорится, рассказывается, что объясняется', *хэндухэ ба* 'все, что сказано, рассказано, объяснено', *тэјэрэ ба* 'отдых, успокоение, благоденствие', *дэјдэрэ ба* 'подъем вверх, взлет, всплытие', *жэтэрэ ба* 'еда (процесс питания), то, что едят, что надлежит есть', *жэкэ ба* 'то, что съедено'.⁵

Вторая группа словообразовательных типов связана с обозначением действующих лиц или лиц, для которых данное действие ха-

⁵ См. также раздел, посвященный причастиям, стр. 197, а также раздел о служебных словах, стр. 235.

рактерно, обычно. В ней объединены типы, образуемые аффиксами *-ку*, *-си*, *-чи*, *-да*, *-ту*, *-џи*, *-ки*, *-су*.

Аффикс *-ку* довольно высокой продуктивности, образует от основ глагольных слов имена существительные — названия деятелей по их чинам, специальностям, а также по действиям, характеризующим их наклонности, поведение, привычки. Это слова: *тачибуку* ‘учитель, наставник, воспитатель’ от *тачибу-* ‘учить, наставлять, воспитывать’, *убал’амбуку* ‘переводчик’ от *убал’амбу-* ‘перевертывать, переводить на другой язык’, *хафумбуку* ‘переводчик’ от *хафумбу-* ‘проходить насквозь, внушать, пересказывать, переводить’, *дурсулэбуку* ‘переводчик’ от *дурсулэбу-* ‘уподоблять, передразнивать’, *взилэку* ‘работник, поденщик, мастеровой’ от *взилэ-* ‘работать, создавать, мастерить’, *фэтэку* ‘землекоп’ от *фэтэ-* ‘копать землю’, *эџэку* ‘письмоводитель, журналист’ от *эџэ-* ‘отмечать, записывать на память, помнить, запоминать’, *ацсилаку* ‘помощник’ от *ацсила-* ‘помогать, приносить пользу, одалживать’, *кармаку* ‘попечитель’ от *карма-* ‘охранять, наблюдать, покровительствовать’, *кимчику* ‘исследовать’ от *кимчи-* ‘исследовать, доискиваться, вникать, испытывать’, *лаидаку* ‘клеветник’ от *лаида-* ‘клеветать, сплетничать’, *афаку* ‘рубака’ от *афа-* ‘нападать, сражаться, атаковать, рубить неприятеля’, *нуңнэку* ‘шутник’ от *нуңнэ-* ‘шутить, дразнить, задирать’, *м’амику* ‘щеголь’ от *м’ами-* ‘наряжаться, украшаться, притворяться’, *тэмшэку* ‘спорщик’ от *тэмшэ-* ‘спорить, соревноваться, отнимать’, *ачабуку* ‘льстец, угодник, прислужник’ от *ачабу-* ‘соединять, смешивать, подлаживаться, льстить, угодничать, прислуживать’ и т. п.

Аффикс *-си* с его вариантом *-мси* обладает еще более высокой, хотя все же не абсолютной, продуктивностью. По значению он мало отличается от предыдущего, в нем лишь в большей мере чувствуется оттенок профессиональной специализации; оттенок же склонности к определенному действию в нем проявляется значительно слабее. Слов такой семантики едва ли больше 5 % от общего числа слов этого словообразовательного типа. К нему относятся, например: *туак’аси* ‘надзиратель, надсмотрщик’ от *туак’а-* ‘хранить, охранять, надзирать, соблюдать’, *бзидэси* ‘судебный следователь’ от *бзидэ-* ‘дознаться, допрашивать, вести следствие’, *фонџиси* ‘помощник управляющего делами, допросчик’ от *фонџи-* ‘спрашивать, выпрашивать, допрашивать, выведывать’, *ичих’аси* ‘секретарь высокого начальника, управляющий делами’ от *ичих’а-* ‘направлять, управлять, распоряжаться, прибирать’, *кармаси* ‘попечитель, охранитель’ от *карма-* ‘охранять, беречь, покровительствовать’, *ацсиласи* ‘помощник (вообще)’ от *ацсила-* ‘помогать, приносить пользу’, *дахаласи* ‘проводной, проводник’ от *дахала-* ‘идти следом, сопровождать, конвоировать, преследовать’, *тачи-*

мси 'воспитанник педагогического института, студент' от *тачи*- 'учиться, обучаться, привыкать', *хул'аси* 'капельмейстер' от *хул'а*- 'быть в согласии, действовать дружно, согласно', *жунуси* 'грузчик, носильщик' от *жуну*- 'перевозить, переносить, доставлять, транспортировать', *вэлэси* 'чернорабочий при доме, кухонный мужик' от *вэлэ*- 'работать', *такурси* 'рассыльный, курьер' от *такура*- 'посылать, командировать', *максиси* 'плясун, танцор' от *макси*- 'плясать, танцевать под музыку', *жучулэси* 'певец, поющий на сцене' от *жучулэ*- 'петь, играть на сцене', *сирэнтуси* 'сплетник' от *сирэнту*- 'плести паутину, сети, оплетать, запутывать, плутовать'; имеются слова, где производящим корнем служат не глагольные, а именные основы, например: *битхэси* 'письмоводитель' от *битхэ* 'письмена, письменность, книга, грамота, документ', *сэжэси* 'кучер, извозчик, ямщик' от *сэжэн* 'телега, повозка, экипаж', *албаси* 'служитель в государственном учреждении' от *албан* 'казна, государственная служба, повинность, подать', *хэргэси* 'писарь' от *хэргэн* 'черта, буква, письмена', *октоси* 'врач, лекарь' от *окто* 'лекарство, порох, яд', *кумуси* 'плясун, музыкант' от *кумун* 'музыка', *г'амуси* 'смотритель почтовой станции' от *г'амун* 'почтовая станция' и т. п.

Аффикс *-чи* слабо продуктивный, семантически близкий к предшествующим, оформляющий слова, образованные примерно в равной пропорции как от глагольных, так и от именных основ. Это слова: *дэбкэчи* 'обжалователь, лицо, подающее апелляцию' от *дэбкэ*- 'распутывать, пересматривать, перерешать, подавать апелляцию', *г'аричи* 'караульный, патрульный, лицо, входящее в полицейский наряд' от *г'ари*- 'обходить, объезжать дозором, нести караульную службу, осуществлять полицейский надзор', *шуручи* 'гребец, матрос' от *шуру*- 'плыть на шестах, грести', *шучи* 'знаток' от *шу*- 'постигать, уразумевать, изучать, знать', *нархудачи* 'скупец, скряга' от *нархуда*- 'жить расчетливо, бережливо, скупой', *моричи* 'конюх' от *морин* 'лошадь', *сэжэчи* 'тележный мастер' от *сэжэн* 'телега, повозка, экипаж', *асучи* 'рыбак' от *асу* 'рыболовная сеть', *адучи* 'табунщик' от *адун* 'стадо, табун', *кумучи* 'служитель при оркестре' от *кумун* 'музыка'; производящие корни двух слов с тем же омертвевшим аффиксом неизвестны: *тэргэчи* 'кучер' и *хужачи* 'сыщик'.

Аффикс *-да*, не подчиняющийся правилу гармонии гласных, слабо продуктивен, обозначает, как правило, тех, кто возглавляет группу связанных между собой лиц, образует новые существительные от существительных же, например: *хижда* 'староста горновых рабочих' от *хижа* 'горн', *кумуда* 'дирижер' от *кумун* 'музыка', *хушада* 'глава буддийских монахов' от *хушан* 'буддийский монах', *дбсэда* 'глава даосских монахов' от *дбсэ* 'монах даосской

веры', бандида 'ученый монах' от банди 'послушник', таңгуда 'сотник' от таңғу 'сто, сотня', миңгада 'глава рода в тысячу семейств' от миңган 'тысяча', силкада 'пролаза, проныра' от силкан 'увертливый, изворотливый, скользкий, ловкий, пронырливый', и лишь одно слово образовано от глагольной основы: м'алида 'хлебомер, продавец хлеба' от м'али- 'мерить зерно, муку четвериком, измерять', хотя производящим корнем можно считать и существительное м'алин 'мера сыпучих тел (зерна, муки)'. Перечисленные слова образовались из свободных словосочетаний, в которых да было вторым лексическим компонентом со значением 'глава, старшина, начальник, командир; корень, основание' (ср. мукун и да 'глава рода, семьи', хотон и да 'комендант города, городоначальник', жамун и да 'начальник учреждения', гала и да 'командир фланга войск, штаб-офицер'). Слияние шло через ослабление лексического значения и грамматикализацию второго компонента, утрату аффикса родительного падежа (ср. баксанда 'начальник отряда, сотни') и конечного н (если он имелся) у первого компонента, превращение сначала в устойчивое словосочетание, а затем в единое слово, в котором оттенок бывшего лексического значения элемента да продолжает в большинстве случаев еще ощущаться.

Аффикс -ту более продуктивен, чем предыдущий, но все же применение его далеко от свободного. Он образует чаще всего от имен существительных, реже от глагольных и др. слов, производные существительные со значением названия лиц, для которых данные предмет, признак или действие являются характерными, к которым они питают склонность. Сюда относятся: кэситу 'счастливчик' от кэси 'счастье, удача, милость', улинту 'богач' от улин 'имущество, богатство, доход', бэкиту 'силач' от бэки 'сильный, крепкий, прочный', ургунту 'весельчак' от ургун 'веселье, радость, удовольствие', гируту 'стыдливый, застенчивый человек' от гиру- 'стыдиться, краснеть от стыда', урхуту 'пугливый (о лошади)' от урху- 'бросаться в сторону с испуга (о лошади)', соңготу 'плакса' от соңго- 'плакать', жалиту 'толстяк' от жали 'мясо, плоть', гирату 'костлявый человек; костяк; телосложение' от гираңги 'кость', жасату 'глазастый человек, лупоглазый' от жаса 'глаз(а)', албату 'данник, податный человек; простак, деревенщина' от албан 'казна, подать', баксату 'сотник' от баксан 'отряд, сотня', дахалту 'денщик' от дахала- 'следовать, сопровождать', хулхату 'ворище, опытный вор' от хулха 'вор, разбойник' или хулха- 'воровать, грабить', н'акиту 'сопляк' от н'аки 'сопли, гной' и т. п. С омонимичным аффиксом -ту, образующим названия орудий, предметов одежды и др., мы встретимся позднее.

Аффикс -жи весьма слабопродуктивный, объединяет всего несколько слов с не совсем ясным принципом их объединения: да-

халжи 'камердинер, потомственный слуга' от *дахала-* 'следовать, сопровождать', *нэхужи* 'старая служанка' от *нэху* 'служанка, рабыня', *бцигожи* 'глава дома' от *бцигон* 'имение, поместье, дом, хозяйство', *гамжи* 'хапуга, обирало' от *гама-* 'брат', *бутэмжи*~*бутумжи* 'скрытый, мрачный человек' от *буту* 'мрак, темнота; темный, скрытый'.

Аффикс *-ки* малопродуктивный, объединяет небольшую группу существительных, обозначающих чаще всего лиц по характерному для них признаку: *ожоки* 'торопыга' от *ожо-* 'торопиться на работе, делать проворно, выбиваться из сил', *уфараки* 'растеряха; оплошность' от *уфара-* 'упускать, делать упущения, ошибаться, терять', *носики* 'искусный, удачливый охотник' (производящий корень неизвестен), *жабшаки* 'счастливец' от *жабша-* 'иметь счастье, удачу, успех, выгоду, прибыль', *сакдаки* 'старообразный человек' от *сакда* 'старик', *асихаки* 'моложавый человек' от *асихан* 'молодой', *амбаки* 'величавый человек' от *амбан* 'вельможа' или *амба* 'большой, огромный', *ачабуки* 'льстец, льстивый' от *ачабу-* 'согласовывать, попадать в тон, угадывать желания', *усаки* 'человек, вызывающий огорчение, жалость' от *уса-* 'огорчаться, сетовать, жалеть', *адаки* 'сосед; соседний, ближний, пограничный' от *ада-* 'соседствовать, прилегать, граничить'; в этот же тип попадают слова с иными значениями: *сороки* 'воздержание от запрещаемого религией; грех; запретный' от *соро-* 'воздерживаться от запрещенного, неприличного, греховного', *жусэки* 'детство; ребяческий' от *жусэ-* 'ребячиться, поступать по-детски', *ханчики* 'близость, смежность; близкий, смежный' от *ханчи* 'близко; близкий', *гороки* 'даль, отдаленное место' от *горо* 'далеко; далекий'. Все эти слова употребляются и субстантивно, и атрибутивно.

Аффикс *-су* обладает высокой продуктивностью и образует имена от глагольных слов, обозначающих любые действия, которыми можно владеть в разной степени. Производные имена этого типа употребляются в одинаковой мере как субстантивно, так и атрибутивно (имена качества?) и характеризуют человека по действию или признаку, в наибольшей степени ему присущим. Примеры: *улхису* 'разумник, понятливый, умный человек; понятливый, умный; ум, рассудительность' от *улхи-* 'понимать, знать, постигать', *гацхасу* 'послушный, переимчивый человек; послушный, понятливый, чуткий' от *гац-* 'брат, принимать' (аффикс *-ха* — прош. время?), *сарасу* 'знаток, знахарь; знающий, сведущий; знание, сведение' от *са-* 'знать, узнавать, понимать' (аффикс *-ра* — наст.-буд. время?), *дахасу* 'послушный, покорный человек; послушный, покорный' от *даха-* 'следовать, сопровождать, подчиняться, принимать подданство', *болгосу* 'чистюля' от *болго* 'чистый' или *болго-* 'очищать, обчищать, обыгрывать' *гэлэсу* 'трус, ос-

торожный человек; робкий, пугливый, осторожный' от *гэлэ*- 'бояться, робеть' и т. п.

Небольшая группа, включающая всего два словообразовательных типа (аффиксы *-ку* и *-фун*), обозначает орудия и средства действия.

Аффикс *-ку* (омонимичный рассмотренному выше) довольно продуктивный, образует от основ глагольных слов словообразовательный тип с несколькими оттенками значения. Это прежде всего названия орудий действия (примерно 85 % всех слов, образуемых этим аффиксом): *чиргэку* 'трамбовка' от *чиргэ*- 'утрамбовывать', *анаку* 'ключ, отмычка' от *ана*- 'толкать, двигать, отодвигать', *илбаку* 'штукатурный мастерок' от *илба*- 'мазать глиной, обмазывать, штукатурить', *јатараку* 'огниво' от *јатара*- 'высекать огонь', *сачику* 'резец' от *сачи*- 'резать, вырезать, подрезать', *чолику* 'резец с косым острием' от *чоли*- 'резать, вырезать, чеканить', *фацтаку* 'маленькая пила' от *фацта*- 'отрезать от целого, резать на части, отделять', *шурдэку* 'вертушка, вертлюг' от *шурдэ*- 'кружиться, вертеться, вращаться', *далдаку* 'занавеска, щит для загороживания' от *далда*- 'закрывать, укрывать, утаивать', *хасалаку* 'ножницы для листового серебра' от *хасала*- 'разрезать металл, резать ножницами', *этуку* 'одежда' от *эту*- 'одеваться', *эјэбуку* 'сток для воды' от *эјэбу*- 'заставить стекать, быть увлеченным течением, спускать по воде', *дзијику* 'топливо, дрова' от *дзији*- 'сжигать, зажигать, топить (печь)', *бордоку* 'фураж, корм для скота' от *бордо*- 'кормить, откармливать'; производящие корни некоторых явно относящихся к этому типу слов остаются неясными: *булэку* 'зеркало', *алдаку* 'щит, защищающий от стрел', *јаңку* 'бердыш', *арфуку* 'опахало'; с несколько отличающимся, но все же поддающимся сближению оттенком значения сюда же относятся названия учебных заведений: *тачичу* 'училище вообще, школа' от *тачи*- 'учиться, привыкать, подражать', *урэбуку* 'сельская школа' от *урэбу*- 'учить, упражнять, приучать', *хуашабуку* 'сельская начальная школа' от *хуашабу*- 'воспитывать, учить, возвращать', *мутэбуку* 'школа, училище' (устар.) от *мутэбу*- 'дать возможность суметь, овладеть, одолеть'; сюда же относится небольшое число названий действий: *эфичу* 'игра, забава, шутка' от *эфи*- 'играть, забавляться, шутить', *эндэбуку* 'заблуждение, упущение, ошибка, проступок' от *эндэбу*- 'обманываться, заблуждаться, впадать в ошибку, допускать упущение', *нимэку* 'болезнь' от *нимэ*- 'болеть, заболеть'; несколько названий мест совершения действий: *тэку* 'сидение, мебель для сидения, место пребывания, жилище' от *тэ*- 'сидеть, садиться, жить, поселяться', *дабаку* 'мостки при въезде в ворота' от *даба*- 'перешагивать, переступать, переходить, перелезать', *хургику* 'водоворот, стремнина' от *хурги*- 'вертеть, кружить' и т. п.

Аффикс *-фун* в отличие от *-ку* слабо продуктивный, видимо, уже омертвевший. С его помощью некогда было образовано несколько (в пределах двух десятков) названий орудий действия: *сэктэфун* 'постилка, коврик, тюфяк' от *сэктэ-* 'стелить, подстилать', *иџифун* 'гребень, расческа' от *иџи-* 'расчесывать волосы, причесываться', *хадуфун* 'серп' от *хаду-* 'жать, косить', *џарфун* 'повод у узды' от *џару-* 'вести за собой, вести лошадь за повод'; у большинства слов этого типа производящие корни уже утратили свою самостоятельность, например: *суифун* 'шило сапожное', *сурафун* 'игла переплетная', *улдэфун~ундуфун* 'деревянная лопата', *тџифун* 'посох', *фуфун* 'пила', *туфун* 'стремя', *гуифун* 'кольцо, перстень', *дулэфун* 'градус широты или долготы', *илдэфун* 'шейные позвонки'.

Остальные словообразовательные типы существительных группировке не поддаются. Ниже перечисляются как относительно продуктивные, так и слабо продуктивные.

Аффикс *-тал-тэл-то* от именных и глагольных основ образует существительные, обозначающие прежде всего отвлеченные понятия о признаках. Продуктивность аффикса низкая. Им образованы: *саңгата* 'дырявость' от *саңга* 'отверстие', *алхата* 'пестрота, пестрядь' от *алха* 'пестрый', *фулата* 'краснота' (ср. *фулахун* 'красный', *фулакан* 'красноватый, розовый', *фулана* 'лесная вишня, красная смородина', *фулабуру* 'темно-красный', *фулара-* 'краснеть, румяниться, багроветь' — выделяется общий корень **фула-*), *суд'ата* 'смесь' от *суд'а-* 'смешивать, соединять, связывать', *тухэтэ* 'нечто отвислое, свисающее' от *тухэ-* 'падать, спускаться'; сюда же относятся несколько существительных, обозначающих носителей признака, таких как *гаңгата* 'великан, дылда' (ср. *гаңгахун* 'долговязый, сухопарый', *гаңгари* 'врястяжку, во весь рост', *гаңгада-* 'вытягиваться в рост, становиться высоким и сухопарым' (выделяется общий корень **гаңга-*)), *кауката~кайкада* 'косоглазец' (ср. *кайкара-* 'косить глазами', *кайкари* 'косоглазый, раскосый' (общий корень **кайка-*)), *г'охото* 'нищий' от *г'оха-* ~ *г'охошо-* 'нищенствовать, побираться, собирать милостыню'. Последнее существительное имеет более архаичный вариант *г'охату*, который позволяет предположить, что это слово первоначально было образовано аффиксом *-ту*, объединяющим один из рассмотренных выше словообразовательных типов имен деятеля (см. стр. 64), что вполне согласуется с его семантикой. Но впоследствии вокализм корня повлиял на аффикс, вызвав чередование *у~о*, благодаря чему произошло перемещение в рассматриваемый словообразовательный тип. Место для него в этом типе было подготовлено наличием в нем упомянутых выше слов *гаңгата* и *кауката*.

Аффикс *-чи* вполне продуктивный в рамках группы существительных, обозначающих домашних и диких животных, шкуры или кожи которых находят применение. С помощью этого аффикса от названий животных образуются названия их шкур или кож: *ихачи* 'волчья кожа' от *ихан* 'корова, бык, вол, буйвол', *хончи* 'овчина' от *хонин* 'овца, баран', *нимачи* 'козья кожа (шкура)' от *ниман* 'коза, козел', *улг'ачи* 'свиная кожа' от *улг'ан* 'свинья', *нухэчи* 'кабанья кожа' от *нухэн* 'годовалый кабан', *тасхачи* 'шкура тигра' от *тасха* 'тигр', *фулг'ачи* 'летняя линиялая шкура оленя' в порядке исключения от *фулг'ан* 'красный' ('красными' называются новорожденные младенцы, неоперившиеся птенцы и еще не покрывшиеся шерстью детеныши животных).

Аффикс *-ту~--нту* слабопродуктивный, омонимичный рассмотренному выше аффиксу *-ту*, но в отличие от него образующий названия неодушевленных предметов, главным образом одежды, ее деталей, орудий труда и др. С его помощью образованы: *какиту* 'плотно облегающая тело меховая безрукавка' от *каки* 'узкий, тесный', *хукту* 'ватный халат', *хубту* — то же, *шүфату* 'головной платок, косынка' (производящие корни последних трех слов неясны),* *улхиту* (устар.) 'нарукавник' от *улхи* 'рукав', *аңгату* 'намордник' от *аңга* 'рот, пасть', *мэирэту* 'наплечник у шлема' от *мэирэн* 'плечо', *шошонту* 'шапка для подбирания волос' от *шошон* 'пучок волос на голове (прическа)', *камту* 'валяная шапочка, надеваемая под шлем', *лэңгэту* 'парадная шляпа', *фулхуту* — то же (производящие корни последних трех слов неясны), *махату* 'ритуальная шапка' (ср. *махатун* 'головной убор вообще', *махала* 'меховая шапка'), *шэңгиту* 'kozyрек' от *шэңгин* 'лоб', *шэнтү* 'тесма' (производящий корень неясен), *хэргиту* 'моток ниток, клубок' от *хэрги-* 'мотать, наматывать', *бонтү* 'пешня' от *бо-* 'долбить лед', *шусинту* 'резец по камню' (ср. *шусилэ-* 'долбить, резать резцом'), *мацүту* 'дубинка, палица' (ср. *мацүшиша-* 'бить колотушкой'), *туанчих'ату* 'правилка' от *туанчих'а-* 'расправлять, выпрямлять', *дасату* — то же от *даса-* 'править, исправлять, управлять', *дурбэжэту* 'угольник столярный' от *дурбэжэн* 'угол, грань', *жэбэлэту* 'правый фланг войск' от *жэбэлэ* 'правый', *дасхүату* 'левый фланг войск' от *дасхүан* 'левый', *фэрэту* 'центр армии' от *фэрэ* 'центр, середина'.

Аффикс *-тун*, столь же слабопродуктивный, образует от имен, реже — глагольных слов, имена существительные — названия предметов, вмещающих в себя или охватывающих что-либо (в

* Производящим корнем слова *шүфату* 'головной платок, косынка' могло быть кит. *шюупа* 'головная повязка'. (Примеч. издателей).

большинстве случаев это названия различных ритуальных сосудов), например: *алитун* 'блюдо для жертвоприношений' от *али* 'подавать, подносить, принимать', *мбситун* 'деревянное блюдо для жертвенного мяса' (ср. *мб* 'дерево'), *мудамтун* 'жертвенный сосуд' (ср. *мудан* 'изгиб; крендель; обычай'), *амтун* 'блюдо в виде подноса для жертвенного мяса' (ср. *амсун* 'жертвенное кушанье'), *г'аламтун* 'деревянная чашка, употребляемая при жертвоприношениях', возможно, от *г'ала* 'разделять, отделять', *фиситун* 'жертвенный сосуд для проса' (ср. *фисихэ* 'мелкое просо', *фисин* 'полный; полно, битком'), *гухутун* (кит. *гу-ху*) 'древний жертвенный сосуд для проса', *х'амтун* 'древний сосуд', возможно, от *х'ан* 'жертвенное благоволие, ритуальная свеча', *бутун* 'корчага для вина или масла', *жүлэстун* 'древний сосуд, утварь; древность' (ср. *жүлэси* 'вперед, прежде', *жүлэри* 'впереди'), *жүлгэстун* — то же от *жүлгэ* 'древность, старина; древний, минувший', *хандутун* 'сосуд для жертвенного риса' от *ханду* 'рис', *мучитун* 'плетеная из бамбуковых дранок солонка' от *мучи* 'бамбуковая дранка', *јэхэстун* 'гончарная печь' (ср. *јэхэрэ* 'фарфор, фаянс'), *шаптун* 'наушники у шлема' (ср. *шан* 'ухо'), *махатун* 'головной убор вообще' (ср. *махату* 'ритуальная шапка', *махала* ' меховая шапка'), *галактун* 'нарукавник у панциря' от *гала* 'рука', *улхитун* (ср. *улхиту*) 'нарукавник' от *улхи* 'рукав', *хуситун* 'обмотки для ног' от *хуси* 'обматывать, обертывать'; в этот же тип входят: *тугитун* 'орнаментированная доска для манифестов, спускаемая со стены дворца, крепости' от *туги* 'облако; орнамент в виде облака', *гала-тун* 'рукоятка цепа' от *гала* 'рука'.

Аффикс *-ри* присутствует во многих именах существительных, однако сохранение у него живой продуктивности остается под вопросом, поскольку для значительной части таких существительных выделение значимых производящих корней оказывается невозможным. Но поскольку слов с этим аффиксом много (не менее полусотни) и бóльшая часть их поддается семантической классификации, хотя связь между семантическими группами не всегда ясна, все же они выделяются нами в особый словообразовательный тип, возможно, подвергшийся уже значительному разрушению. Где значимые производящие корни выделяются, они чаще всего представляют собой имена существительные. Сюда относятся: 1) группа слов, обозначающих различные сорта тканей и изделия из них: *сиргэри* 'тонкая шелковая ткань' от *сиргэ* 'шелк-сырец', *сиргэ-шари* 'шелково-бумажная ткань' от *сиргэ* 'шелк-сырец' + *шан'а* 'пакля, пенька', *чэчэри* 'тонкая гладкая ткань' от *чэчэ* 'кисея', *сури* 'матовая шелковая ткань', возможно, от *су* 'выделанная кожа', *субэри* 'плотная шелковая ткань' от *субэ* 'жилы, сухожилия', *жижири* 'травяная плетеная простыня', *тэлэри* 'женское при-

дворное платье' от *тэлэ-* 'разглаживать, расправлять ткань', *субкэ-ри* 'неподрубленный подол траурного платья' (ср. *субкэлэ-* 'выдерживать нити, щипать корпию'), *гахари* 'длинная нательная рубаша', *факури* 'штаны, шаровары', *шугари* 'головной платок' (ср. кит. *шэу-па** в том же значении, а также *шуган* 'морщина, складка'), *битури* 'оторочка, опушка платья' от *биту-* 'оторачивать, обшивать, делать опушку'; 2) названия музыкальных инструментов: *билэри* 'свирель' (ср. *билэси* 'свирельщик'), *фичари* 'бамбуковая свирель' от *фича-* 'дуть в дудку, играть на свирели', *булэри* 'медная труба', *тэчгэри* 'трехструнная балалайка', *фифари* 'двухструнная балалайка', *таңгири* 'маленькие музыкальные тарелки', *жацдари* 'музыкальные тарелки в виде маленьких котелков' (возможно, от *жацда-* 'читать нараспев молитвы'), *даңгири* 'музыкальный гонг', *чоңкири* 'музыкальные колокольчики в виде металлических стаканчиков, ударяемых друг о друга' (возможно, от *чоңки-* 'клевать (о птице)'); 3) названия некоторых орудий действия: *бодори* 'рогаль у сохи' (возможно, от *бодо-* 'разграничивать, размежевывать, размерять землю; соображать, рассчитывать'), *шакари* 'вилка' от *шака* 'зубец', *жэсэри* 'стрела с вилообразным наконечником', *дадари* 'ловушка на хорька' (ср. *дадара-* 'раскрывать, разевать (рот); расширяться, раскрываться'), *мацсири* 'валек для стирки белья' (ср. *мацсиша-* 'колотить вальком белье'), *жиңгэри* 'гвоздь, заклепка, скрепляющая части лат', *сасури* 'игральные карты' от *сасу-* 'тасовать'; 4) названия разных предметов: *фэкури* 'поперечные вязы у саней' (возможно, от *фэку-* 'перепрыгивать, перескакивать'), *чэкчэри* 'медный котелок', *талгари* 'столешница' от *талган* 'поверхность', *чэлхэри* 'площадка перед дверью, крыльцо, паперть' (ср. *чэлхэн* 'плита перед дверью, трон'), *букдари* 'сложенная гармошкой бумага; тетрадь' от *букда-* 'сгибать', *чикири* 'стружки', *мукэри* 'жидкий чай' от *мукэ* 'вода', *шаңг'ари* 'дым из дымокура' от *шаңган* 'дым', *хухури* 'грудной ребенок' от *хухун* 'сосок у груди', *сэдэхэри* 'здоровый ребенок, крепыш'.

Аффикс *-ри*, омонимичный предыдущему, образует небольшую группу имен существительных, употребляемых и субстантивно, и атрибутивно, и адвербиально, служащих для обозначения астрономически определенных отрезков времени — частей года и суток. Производящие их корни в письменном маньчжурском языке как значимые слова не употребительны (они есть в родственных языках), но почти полная регулярность оформления слов этой семантической группы позволяет рассматривать ее как особый словообразовательный тип. Сюда относятся: *нэң'эри* 'весна, весенний,

* Кит. *шбунà*. (Примеч. издателей).

весной' (ср. *н'эңн'элту чэчикэ* 'белоголовая птичка, поющая весной'), *болори* 'осень, осенний, осенью', *туэри* 'зима, зимний, зимой', *жухари* 'лето, летний, летом', *чимари* 'утро, утренний, утром' (ср. *чимаха* 'завтра, завтрашний'), *сиксэри* 'время перед вечером, ранний вечер; предвечерний; вечерком' (ср. *сиксэ* 'вчера, вчера вечером, вчерашний'), *добори* 'ночь, ночной, ночью' (ср. *добон'о* 'всю ночь напролет').

Аффикс *-тац* вполне продуктивный в пределах обслуживаемой им группы слов, но составляют ее всего два производных слова: *ичитац~иситац* 'правша' от *ичи* 'правый' и *хасхутац~хасутац* 'левша' от *хасху* 'левый'.

Наряду с наиболее распространенным аффиксальным действуют и другие способы словообразования.

Наиболее распространенным и универсальным из них следует признать образование удвоенных и парных слов типа устойчивых словосочетаний. Здесь прежде всего нужно отметить сочетание двух синонимов, полных или частичных, обоих маньчжурских, одного маньчжурского, а другого иноязычного или обоих иноязычных, чаще всего китайских. Значение всего сочетания примерно равно значению каждого отдельного компонента. Добавляется лишь оттенок тотальности, собирательности или обобщенности. Подобного рода устойчивые словосочетания встречаются в маньчжурских текстах любых жанров весьма часто. Примеры: *гэбу алгин* 'слава' (слава, почет, известность + слава, молва, известность), *госин хацран* 'любовь, сострадание' (любовь, милость, доброта + сострадание, жалость, любовь), *унэңги жарг'ан* 'истинная правда' (правда, истина + правда, истина), *да фулэхэ* 'главное основание' (корень, начало, глава + корень, начало), *доро г'ан* 'нравственные правила' (закон, долг, обычай + закон, порядок, приличие), *мутэн фашиан* 'подвиги, успехи' (способность, мастерство + усердие, подвиг, заслуга), *мэдэри наму* 'океан' (море + море, океан), *жасэ жэчэн* 'пограничная линия, межа' (рубеж, граница + межа, рубеж, граница), *асу вэиэн* 'сети' (сеть + тенета), *агура хажун* 'военные доспехи' (утварь, оружие, инструмент + оружие, ловушка), *этуку аду* 'одежда вообще' (одежда + платье), *ачиха фул'эн* 'поклажа, багаж' (вьюк + вьюк, тюк), *элхэ тацфин* 'совершенное спокойствие, полный мир, благоденствие, годы правления императора Канси' (мир, спокойствие + мир, тишина, благоденствие), *н'аман мукун* 'племя, род' (сердце, середина, родственники + род, родственники, поколение), *худа мацман* 'торговля' (торговля + торговля).

Значительно реже встречаются сочетания антонимов и других слов с однопорядковыми, но существенно различающимися (не только противоположными) значениями, например: *дэн фаңкала*

‘высота вообще, размер по высоте’ (высота + низкость), *мухэ боцхон* ‘климат’ (вода + земля), *жусэ омоси* ‘потомки’ (дети + внуки), *дэутэ жусэ* ‘ученики’ (младшие братья + дети), *ахун дэу* ‘братство, согласие’ (старший брат + младший брат), *эун нон* ‘сестры’ (старшая сестра + младшая сестра), *анда нэку* ‘подруги, приятельницы’ (друг + подруга), *ага мухэ* ‘период дождей’ (дождь + вода), *ацсин вэхэ* ‘драгоценности’ (золото + камень).

Часто встречаются устойчивые словосочетания атрибутивного типа, например: *хибсу эжэн* ‘пчела’ (мед + хозяин), *худа н’алма* ‘торговец, купец’ (торговля + человек), *болори форгон* ‘осенняя пора’ (осень + пора), *фулг’ан яса* ‘перепелка’ (красный + глаз), *фулг’ан жугун* ‘экватор’ (красный + путь), *наму аңга* ‘порт, гавань’ (море + рот, устье), *яса мухэ* ‘слезы’ (глаз + вода), *г’ахун яса* ‘можжевелник’ (ястреб + глаз), *гаха нб* ‘гриб-дождевик’ (ворона + пушка), *нимаха яса* ‘мозоль’ (рыба + глаз), *хаха жуу* ‘сын, мальчик’ (мужчина + дитя), *офоро дамбагу* ‘нюхательный табак’ (нос + табак), *эдун тэмгэту* ‘флюгер’ (ветер + знак), *иргэн н’алма* ‘простолюдин, простонародье’ (простолюдин + человек). Чаще всего компоненты таких словосочетаний связаны между собой по способу примыкания. Однако возможно соединение их и с помощью аффикса родительного падежа, например: *биган и чоко* ‘фазан’ (дикого места курица), *битхэ и н’алма* ‘ученый’ (книги человек), *бира и бэжэ* ‘фарватер реки’ (реки тело), *хухун и эмэ* ‘кормилица’ (соска́ мать), *сэлэ и эжэн* ‘магнит’ (железа хозяин), *сидэн и н’алма* ‘посредник’ (промежуток человек), *абка и шу* ‘астрономия’ (неба наука), *туда и эфин* ‘фейерверк (огня игра)’, *эрин и кэмун* ‘карманные часы’ (времени мера).

Отметим еще два частных случая устойчивых атрибутивных словосочетаний. Первый случай — уподобительное словосочетание, особенно часто дающее названия животных и растений, например: *дамжан сэбсэхэ* ‘стрекоза-коромысло’ (коромысло кузнечик), *хцилун чэчикэ* ‘зимородок’ (бобр птичка), *улг’ан чэчикэ* ‘зимородок’ (свинья птичка), *хасаха ум’аха* ‘мокрица’ (ножницы червяк), *индахун начин* ‘сокол’ (собака кречет), *ижа чэчикэ* ‘синица’ (овод птичка), *нб нимаха* ‘кит’ (дом рыба), *хэдэрэку орхо* ‘плющ’ (грабли трава), *гу орхо* ‘белена’ (нефрит трава), *н’алма нимаха* ‘русалка’ (человек рыба), *тахура эфэн* ‘пельмени’ (раковина лепешка), *буда нимэку* ‘желтуха’ (кашица болезнь).

Второй случай — словосочетания с количественным числительным: *жакун гуса* ‘китайская армия при маньчжурской династии’ (восемь знамен), *уун дука* ‘столица’ (девять ворот), *надан усиха* ‘Большая Медведица’ (семь звезд), *дуин гарган* ‘человек с двумя руками, двумя ногами’ (четыре ветви).

Имеется некоторое число устойчивых словосочетаний с сомнительной мотивированностью, например: *мукэ усиха* 'Меркурий' (вода звезда), *шоро сэлэ* 'кинжал' (корзина железо), *jali ха-фираку* 'остроконечные щипцы' (мясо клещи), *аңга и анаку* 'пересуды, толки' (рта задвижка), *усиха кэмун* 'прицел у пушки' (звезда мера). Имеются также словосочетания, в которых один из компонентов утратил значение, например: *хусиба орхо* 'плющ' (другое название *хэдэрэку орхо*, см. выше) (? + трава), *тук'а да* 'дикий лук' (? + корень), *дэбэжэ орхо* 'осока' (? + трава), *чусэ мō* 'бамбук' (? + дерево).

В любом устойчивом словосочетании неизбежно происходит полная или частичная редукция семантики одного или обоих компонентов, поскольку новое значение или его оттенок как неразложимое целое становится принадлежностью всего словосочетания. Редукция смысла компонентов естественным образом приводит к утрате ими лексической самостоятельности. Формально (фонетически, морфологически) они сохраняют видимость самостоятельности, но в самом важном — в смысловом отношении — они ее сохранять уже не могут. Они утрачивают ее на границе перехода от свободного к устойчивому словосочетанию. В большинстве случаев маньчжурский письменный язык оперирует продуктами синтаксического словообразования именно этой стадии развития.

Но в некоторых случаях указанный процесс идет дальше, и за утратой семантической самостоятельности следуют утрата лексической самостоятельности и слияние двух слов в одно, причем и здесь можно отметить по меньшей мере два этапа: на первом сливающиеся слова сохраняют свой исконный вокализм, нарушая тем самым закон гармонии гласных, а на втором одно из них полностью или частично меняет свой вокализм, согласуя его с вокализмом другого. Правда, это заметно только в тех случаях, когда сливающиеся слова относятся к разным сериям. Сливающиеся слова нередко утрачивают на границах слияния отдельные звуки или слоги. Примеры: *окжихада* 'съедобный корень тростника' (*окжиха* 'тростник' + *да* 'корень'), *орхода* 'женьшень' (*орхо* 'трава' + *да* 'корень'), *вахунда* 'дикий чеснок' (*вахун* 'вонь, смрад' + *да* 'корень'), *ларсэнда* 'клубень бобового растения' (*ларсэн* 'мучнистый, рассыпчатый' + *да* 'корень'), *токтода* 'корень растения колокольчик' (*токтоба илха* 'колокольчик' + *да* 'корень'), *тумсоро* 'плод, похожий на жужуб(?)' (*тумэн* 'десять тысяч' + *соро* 'жужуб'), *јэсоро* 'плод, похожий на абрикос' (киг. *јэ* 'дикий' + *соро* 'жужуб'), *бацтаку* 'бездельник' (*бацта* 'дело' + *аку* 'нет'), *г'аңнаку* 'спорщик, упрямец' (*г'аңнан* 'рассуждение' + *аку* 'нет'), *гэңг'анакү* 'мелочный, подлый человек' (*гэңг'эн* 'ясный, разум-

ный' + аку 'нет'), *гираку* 'мифический зверь без костей' (*гираңги* 'кость' + аку 'нет'), *хижада* 'горновой староста' (*хижа* 'горн' + *да* 'начальник, старшина'), *абкана* 'вселенная' (*абка* 'небо' + *на* 'земля'), *боцхожу* 'дух земли' (*боцхон* 'земля' + кит. *жу* 'владыка'), *мбдахун* 'мифический зверь, похожий на собаку' (*мб* 'дерево' + *индахун* 'собака').

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Словоизменение имен существительных относительно небогато. Им свойственны лишь три словоизменительные категории — падежа, предикативного притяжения и числа, причем категория числа присуща далеко не всем именам существительным, а только тем из них, которые относятся к категории лица. Обычных притяжательных форм, играющих столь важную роль во всех остальных родственных языках, в маньчжурском нет и, как можно думать, никогда не было. Нет и никаких следов таких тесно связанных с притяжением словоизменительных категорий, как косвенная принадлежность и обладание.

Все существительные могут обладать категорией падежа, то есть склоняться. Склоняться могут и все другие имена, а также причастия. Категория падежа у имен существительных определяет зависимость по способу управления от любого другого слова, обозначающего действие как процесс, от послелого или другого имени, употребленного как послелог, а также выражает зависимость определения по отношению к определяемому по принадлежности или материалу.

Парадигма склонения включает в себя шесть падежей: именительный, родительный, винительный, дательный, исходный и продолжный.

Именительный падеж имеет нулевую форму, материально равную форме основы существительного, остальные падежи имеют специальные аффиксы, которые присоединяются к фонетически неизменным основам. Падежные аффиксы закону гармонии гласных не подчиняются. Если считать, что границы слова в маньчжурском определяются границами действия сингармонизма гласных, то аффиксы падежей, поскольку на них не распространяется действие сингармонизма того слова, к которому они относятся, оказываются за пределами слова. Маньчжурская гармония претерпела значительные изменения, выразившиеся в нарушении ее в пределах слова, в частности в сложных словах, состоящих из двух слов с разными рядами гласных: каждое из слов при этом сохраняет свой состав гласных.

Если даже падежные аффиксы поставить по признаку гармонии в один ряд со сложными словами, то и в этом случае нельзя не отметить их относительной самостоятельности. В диалектах встречаются случаи подчинения аффиксов падежей гармонии гласных, действующей в пределах того слова, к которому они относятся, но это явление мало распространено.

Родительный падеж имеет аффикс *и*, а при основах, оканчивающихся на *ң*, его фонетический вариант *ни*. Винительный падеж имеет аффикс *бэ*, дательный — аффикс *дэ*, исходный — аффикс *чи*, продольный — *дэри*. Падежная форма на *дэри*, которую мы по аналогии с другими тунгусо-маньчжурскими языками называли продольным падежом, в письменном языке встречается редко, по-видимому, она исчезает из употребления, в диалектах же маньчжурского языка, в частности в сибирском, эта падежная форма встречается значительно чаще.

В письменном языке падежные аффиксы, как правило, пишутся отдельно от склоняемого существительного. Правило имеет исключение — чаще всего для родительного падежа, аффикс которого иногда пишется слитно со склоняемым словом. Иногда аффиксы падежей пишутся слитно с некоторыми другими аффиксами, также написанными отдельно от слова. Чаще всего можно встретить слитное написание аффикса винительного падежа *бэ* со словом *ба*, превратившимся в аффикс аналитического словообразования (см. раздел «Словообразование имен существительных»). Например: *бодохо ба* ‘соображения, решения’ в винительном падеже *бодохо бабэ*, *афара ба* ‘поручение’, винительный — *афара бабэ*. Винительный же падеж может кооперироваться с аффиксом собирательности *сэ*, например: *Лантан сэ* ‘Лантань и другие (кто с ним)’, винительный — *Лантан сэбэ* ‘Лантаня и других’; редко с показателем множественного числа *са*, когда он написан отдельно от имени, например: *х’а са* ‘адъютанты’, винительный — *х’а сабэ* ‘адъютантов’.

Парадигма склонения

Именительный	<i>жугун</i> ‘дорога’
Родительный	<i>жугун и</i> ‘дороги, дорогой’
Винительный	<i>жугун бэ</i> ‘дорогу’
Дательный	<i>жугун дэ</i> ‘на дороге, по дороге’
Исходный	<i>жугун чи</i> ‘от дороги, с дороги’
(Продольный)	<i>жугун дэри</i> ‘по дороге, вдоль дороги’)

Именительный падеж прежде всего выражает главные члены предложения — подлежащее и сказуемое. Например: *Тумэн*

алин гарган гарган и фусэжэ 'Множество горных хребтов, как ветви, разошлись в разные стороны'; *Улха гургу умэси лабду фусэ-кэби* 'Очень много расплодилось разного зверья'; *Гэли худа мацман аку охо* 'Опять же торговли не стало'.

Имена существительные в именительном падеже служат именным сказуемым со связкой, с частицами *ину, кац, дабала, дэрэ*, заменяющими связку, или же с опущенной связкой. Например: *Ама сини гисун г'ан би* 'Отец, твои слова — закон'; *Мусэ эму ацман оки* 'Мы станем одно племя'; *Гэрэн ажигэ элдэн утхац усиха* 'Множество маленьких светил — это звезды'; *Эрэ утхац мусэц амха кац* 'Это как раз наш тесть'; *Би гэли эму гурун и эжэн бихэ* 'Я тоже был царем одного государства'.

Именительным падежом выражается приложение: *Ама би надан сарган жуу бисирэ н'алма бэ бацимэ гэнэки* 'Я, отец, пошел искать человека, имеющего семь дочерей'; *Амбан бэ хэсэ бэ дахам-би* 'Мы, вельможи, следуем указу'.

Именительный падеж употребляется взамен винительного в таких словосочетаниях, где соответствующий предмет семантически тесно связан с действием. Например: *туда синдамби* 'зажигаю огонь', *дамбагу омимби* 'курю табак', *дорон гидамби* 'ставлю печать', *мацкан чамби* 'разбиваю палатку', *жиха фајамби* 'трачу деньги', *дэрэ ачамби* 'встречаюсь лицом к лицу'. В словосочетаниях такого же типа возможны замены именительным дательного падежа: *бург'эн жафамби* 'берусь за луку седла', *мэјэн дэндэмби* 'делю на части', *морин јалумби* 'сажусь верхом на коня', *гала арамби* 'делаю знак рукой', *жугун јабумби* 'иду по дороге' и др. Встречаются и замены именительным родительного падежа: *тасха ба* 'месяц тигра', *добори дулин* 'середина ночи (полночь)', *хјшан афаха* 'лист бумаги', *сэлэ чэ* 'железная лопата' и др.

Если прямое дополнение занимает в предложении присущее ему место и семантические отношения с глагольным словом, которому оно подчинено, могут быть поняты лишь однозначно в нужном для данного словосочетания смысле, то показатель винительного падежа может отсутствовать. В этом случае прямое дополнение стоит в именительном падеже. Такого рода словосочетания нельзя считать исключением из правила, поскольку они встречаются довольно часто и соответствуют духу маньчжурского живого склонения. Отличие его от механического склонения заключается в том, что аффикс падежа осознается говорящим как конструктивный элемент словосочетания, который включается в него, когда это необходимо, или опускается, когда он кажется излишним. Например: *Шаби са битхэ хуламби* 'Ученики читают книги'; *Наган дэ сэктэфун сэктэ* 'Постели на кан постель'; *Ори-лэку дэ јаха ноңги* 'Добавь в жаровню угля'; *Ини элчин дэ ину уду*

мудан битхэ уңгихэ 'Их послу действительно много раз посылали бумаги'; *Сэжэн к'ао мацкан чачари агура хажун чõхаци цанл'анц жаци гуа хачин и бõбац улин морин ихан толочи важираку баха* 'Повозок, палаток, различного оружия, войскового провианта, затем другого разного ценного имущества, лошадей, быков получил несчетное количество'. (Здесь семь однородных прямых дополнений в именительном падеже, поскольку сказуемое *баха* 'получил' по своей семантике может сочетаться с перечисленными дополнениями лишь однозначно. Первые три дополнения: *сэжэн к'ао* 'повозки', *мацкан чачари* 'палатки', *агура хажун* 'оружие', хотя и состоят из двух слов, но составляют одно целое, они представляют собой спаренные синонимы. С помощью этого грамматического приема выражено значение множественности и разнообразия предметов). *Н'уци гурун н'алма вахадэ морин ихан гусин кэрун бурэцгэ тэрэ дэрибухэ* 'С тех пор чжурчжэни при убийстве человека начали давать выкуп в тридцать лошадей и коров'; *Эму уду дэбтэлин жун бурэо?* 'Не дашь ли в долг несколько тетрадей?' (имеются в виду тетради, составляющие книгу, том); *Би эму эхэ толкин толкика бихэ* 'Я видел плохой сон'; *Утхац чõха гацифи жацифан дэ гэнэхэ* 'Сразу же, взяв войска, отправился на (гору) Чжайфянь'.

Замены любого падежа именительным обязательно при однородных членах предложения. При этом применяется так называемая «групповая аффиксация», то есть оформление нужным падежным аффиксом только последнего из однородных членов или же обобщающего слова, причем эта падежная форма логически распространяется на всю цепочку однородных членов. Например: *Ажигэ жуу дотори анамэ морин ихан хонин иман бэ туак'амби* 'Младший сын каждую ночь пасет лошадей, коров, овец, коз' (аффикс винительного падежа *бэ* помещен за последним из однородных членов: *иман бэ* 'коз', все же другие однородные члены: *морин* 'лошади', *ихан* 'коровы', *хонин* 'овцы' никаких релятивных аффиксов не имеют); *Махала сижиган гулха фомочи бэ хаура* 'Берегите шапку, кафтан, сапоги, чулки'.

В предложении *Амба гурун эрдэму кэси бэ сэлг'эраку* 'Великое государство не проявляет милостей' показатель *бэ* нельзя считать групповым, поскольку слова *эрдэму* и *кэси* являются синонимами: *эрдэму* 'милости, благоденствия, доброта'; *кэси* 'милость государя; благоденствие, ниспосланное небом'. Спаривание синонимов не равнозначно перечислению. Этот грамматический прием служит разным целям (выражение множественности, обобщенности, усиление качественного содержания), но во всех случаях спаренные синонимы являются одним членом предложения и не могут быть разъединены никакими словами, частицами или аффиксами, поме-

щаемыми между ними. В какой-то степени спаривание синонимов похоже на словосложение.

Именительный падеж в ряде случаев присущ именам времени, употребляемым в роли обстоятельств времени. Например: *Галган добори сукдун орхо мб и абдаха дэ токтохо* 'В ясную ночь испарения осели на листву трав и деревьев'; *Н'оаңг'ан сиңгэри инэңги никан и чбха мусэи кубухэ фулг'ан и куаран и тэису афанжиха* 'В день зеленой мышцы китайские войска напали на наш лагерь okay-мленного красного знамени'; *Чимари бб дэ бацта би* 'Утром дома есть дело'; *Эрэ учури си айби дэ бихэ?* 'Где ты был в это время?'. Обстоятельство времени, выраженное именем времени,* часто оформляется частицей *-дари*, имеющей значение 'каждый', в этом случае оно всегда имеет форму именительного падежа. Например: *Ан'адари муран дэ жифи абаламби* 'Каждый год, прибыв в Мурань, занимаются облавной охотой'; *Б'адари мэңгун бэлэ бухэ* 'Каждый месяц давал деньги и провиант'. Обстоятельство времени в форме именительного падежа, как это нетрудно заметить, во всех случаях стоит в самом начале предложения, то есть в том месте, которое ему отведено порядком расположения членов предложения, присущим маньчжурскому синтаксису. Поэтому роль обстоятельства времени маркируется его местом в предложении и не нуждается в дополнительной маркировке аффиксом дательного падежа. При этом семантика слов, с которыми в данном случае контактирует прямое дополнение, также содействует правильному пониманию его роли в предложении.

Главной функцией родительного падежа следует считать выражение определения: 1) по принадлежности в широком смысле слова, например: *ама и бб* 'дом отца, отчий дом', *хафан и махала* 'шапка чиновника', *сэфу и даңсэ* 'книга учителя', *чбха и агура* 'вооружение войска, войсковое снаряжение', *ямун и урсэ* 'люди присутственного места, учрежденческая прислуга', *улха и куаран* 'двор скота, скотный двор', *хан и этуку* 'одежда хана, царское платье'; 2) по еще более общему отношению (общей зависимости), например: *бб и туригэн* 'плата за дом', *хотон и карман* 'охрана (защита) города', *кумун и н'алма* 'человек музыки, музыкант', *гулха и факси* 'мастер сапог, сапожник', *туд и агура* 'огнестрельное (огненное) оружие'; 3) по отношению целого к его части, например: *мб и гарган* 'ветка дерева', *дэрэ и бэтхэ* 'ножка стола', *эжэн и чира* 'лицо царя', *сарин и важин* 'конец пира', *жугун и дулин* 'середина пути'; 4) по материалу, например: *сэлэ и хомсо* 'железный челнок (ткацкий)', *сэлэ и жоңган* 'железный песок, дробь',

* Далее автор не пользуется термином «имя времени». (Примеч. издателя).

бодхон и *бод* 'земляной (глинобитный) дом', *ундэхэн* и *бод* 'дощатый дом (палатка из досок)', *кубун* и *этуку* 'ватная (стеганная на вате) одежда', *гу* и *хунтаха* 'нефритовая чарка'.

Родительный падеж выражает (практически много реже) дополнение орудия. В орудной функции родительный падеж конкурирует с дательным, причем эта функция появилась у него относительно недавно, тогда как раньше она выражалась только дательным падежом. Позднее наметилась дифференциация условий употребления этих двух падежей в названной функции: родительный падеж употребляется почти исключительно при глагольных словах, обозначающих неокончившиеся или даже неначавшиеся действия, тогда как дательный падеж употребляется преимущественно при словах, обозначающих действия окончившиеся. Примеры на орудную функцию родительного падежа: *бэжэ гала* и *гаису* 'возьми своими руками (своей рукой)', *мини жаса* и *туачи* 'если посмотреть моими глазами, как я посмотрю', *хэсэ* и *такураха амбан* 'вельможа, посланный по приказу (приказом)', *мужэ* и *силг'амби* 'полощу водой', *сацкан гисун* и *дужэмбумэ болимби* 'обольщает приятной речью', *пд* и *фусхумби* 'палят из пушки (пушкой)', *окто* и *дасамби* 'лечат лекарством'.

Выражает он и дополнение сопровождения, например: *саин мужилэн* и *туаха* 'посмотрел с добрым намерением', *фажиран бэ дохо* и *саха* 'кладу стену с известью', *гуңнэчукэ* и *туамби* 'смотрит с почтением', *жэу мулф'эн* и *сужэ* 'атлас с парами драконов (вышитыми)'.

Выражает дополнение отложительности, например: *на* и *тучикэ жакэ* 'из земли появившиеся вещи; то, что произошло на земле', *ужэу* и *ужу* 'главный из главных (из голов голова)', *гэрэн сацса* и *сакда* 'старший из всех мудрецов', *сунжа антаха* и *эмкэ* 'один из пяти гостей'.

Довольно часто выражает один из главных членов причастного оборота, обозначающий реального субъекта действия, например: *ама* и *такураара н'алма* 'человек, посылаемый отцом (которого посылает отец)', *хан* и *араха хэсэ* 'указ, написанный ханом (который написал хан)'; *Гэрэн н'алма* и *вэлэрэдэ дэдучи омбцо?* 'Когда все люди работают, можно ли лежать (отдыхать)?'; *Сакдаса* и *гисурэхэ бэ умэ оңгоро!* 'Не забывай, что говорили старцы!'. Вполне естественно, что в родительном же падеже ставится название деятеля при субстантивированных причастиях во всех их возможных употреблениях, например: *н'алма* и *алараңгэ* 'людьми сказанное (все, что люди говорили)', *агэ* и *бурэңгэ* 'даваемое старшим братом (то, что дает старший брат)'.

Родительный падеж выражает связь имени с подчиненным ему послелогом, выполняя при этом чисто релятивную функцию с ну-

левой грамматической семантикой. Примеры: *б̄ои бару* 'в дом, домой, к дому', *хафан и жакадэ* 'перед чиновником', *сэфу и эмги* 'вместе с учителем', *эжэн и жалин* 'для (ради) хозяина', *жаңгин и орондэ* 'вместо (взамен) начальника', *хэчэн и доргидэ* 'в городе (внутри крепостной стены)', *б̄ои губчи* 'по всему дому, во всем доме, всем домом'. Исключения составляют послелог *тулг'эн*, подчинение которого выражается формой исходного падежа существительного, и послелоги деепричастного происхождения типа *дахамэ, туамэ*, требующие от существительного формы винительного падежа, а также *ачамэ*, требующего дательного падежа.

Оформленные аффиксом родительного падежа слова качественного значения регулярно и окончательно переходят в разряд качественных наречий,* например: *саун* 'хороший, высокое качество, добро, хорошо' — *саун* и 'хорошо', *эхэ* 'плохой, низкое качество, зло, плохо' — *эхэ* и 'плохо', *ярг'ан* 'подлинный, верный, правда, истина' — *ярг'ан* и 'верно, по правде', *уру* 'правый, верный, правда, справедливость, справедливо' — *уруу* 'по правде, справедливо, верно', *элхэ* 'тихий, тишина, мир, тихо, спокойно' — *элхэ* и 'тихо, спокойно', *чису* 'собственная выгода, своеволие, самовольно' — *чисуу* 'самовольно, по собственной воле', *тургэн* 'быстрина, быстрота, быстрый, быстро' — *тургэн* и 'быстро'.

Аналогичный переход совершают и некоторые чисто предметные существительные, например: *г'ан* 'закон, веление неба, истина' — *г'ан* и 'верно, по истине, по закону, законно', *арга* 'способ, уловка, хитрость' — *аргау* 'намеренно, коварно, хитростью'.

Во всех подобных случаях адвербиализации подвергается слово, оформленное родительным падежом в орудийном значении.

Винительный падеж выражает прежде всего прямое дополнение, конкурируя в этом случае с именительным падежом. Дифференцирует их то, что в именительном падеже, как уже отмечалось, часто (но не обязательно) ставится прямое дополнение, обозначающее обычный, тесно связанный с данным действием его объект или же объект, не конкретизированный, обобщенный, тогда как в винительном падеже может стоять любое прямое дополнение, причем обязательно выражаются формой этого падежа прямые дополнения, обозначающие конкретные предметы, связанность которых с данным действием является окказиональной, ситуативной. Примеры: *Сакдаса бэ вэсихулэчи ачамби* 'Стариков

* Далее автор не пользуется термином «качественные наречия». (Примеч. издателей).

нужно почитать'; *Сэфу амба хэргэн бэ арахаби* 'Учитель написал большую букву'; *Убадэ би бэжэи чбха бэ синдаки* 'Здесь я расположу свои войска'; *Сиксэ мэни ама жэу буху бэ ваха* 'Вчера наш отец убил двух оленей'; *Алин и бэтхэ и жакадэ фэргэзчукэ хотон бэ сахамби* 'У подножья горы строят прекрасный город'; *Аика си сахал'ан туги бэ тудраку?* 'Разве ты не видишь черной тучи?'; *Жубэн бэ ала* 'Расскажи сказку'; *Хафан бэ дахала* 'Следуй за офицером'; *Бэжэи ама бэ сираха* 'Наследовал своему отцу'; *Тэрэ н'алма г'амун бэ кадаламби* 'Тот человек управляет почтовой станцией'; *Ажигэ жусэ бэ аинара?!*; 'Что поделаешь с маленькими детьми?!'; *Чимари эрдэ эцлэн бэ дэрибу* 'Рано утром начинай работу'.

Так же выражается и особого рода прямое дополнение, обозначающее предмет мысли (речи, вопроса и т. п.), например: *Би бэжэи бб бэ гунимби* 'Я думаю о своем доме'; *Мэни бару мэдэри бэ гисурэрэу?* 'Не расскажете ли нам о море?'; *Эрэ бацита бэ агэ дэ фонжи* 'Про это дело спроси у старшего брата'; *Тэрэ н'алма бэ донжиха* 'Слышал про того человека'.

В той же падежной форме ставится прямое дополнение, обозначающее объект, побуждаемый к совершению какого-нибудь действия, если это действие выражено глагольным словом побудительного залога, например: *Би агэ бэ убадэ тэбуки сэмби* 'Я хочу здесь посадить (заставить сесть) старшего брата'; *Морин бэ жэбурэ эрин исихаби* 'Подшло время кормить (заставить есть) лошадей'; *Ласа и мукэ бэ тухэбучи омбио?* 'Стоит ли проливать (давать падать) слезы (воду глаза)?'.

Изредка встречается обстоятельство места в форме винительного падежа, если движение охватывает все пространство или протяжение предмета, например: *Эрэ жугун бэ гэнэфи бучэмби кац* 'Пойдешь по этой дороге, погибнешь'.

Формы винительного падежа от подчиняющего слова требуют послелого *дахамэ* 'вслед за, вследствие, по причине', *туамэ* 'судя по, в зависимости от'.

Способность управлять винительным падежом подчиненного слова сохраняют многие образованные от глагольных слов имена существительные. В пример можно привести такие словосочетания: *госин бэ бацрэнгэ* 'испрашивание милости', *чбха бэ синдахэнгэ* 'расстановка войск', *гучу бэ акдачун* 'надежда на друга', *амбан бэ ацилаку* 'помощник вельможи', *албан бэ кармаси* 'хранитель казны', *гуд н'алма бэ дахасу* 'человек, покоряющийся другим'.

Дательный падеж наиболее полифункционален. Он выражает и дополнения, и обстоятельства, в особых случаях — логический субъект действия, а также служит для связи знаменательно-го слова со служебным.

Дательный падеж оформляет дополнение адресата, выражаемое чаще всего именами существительными лица. Примеры: *Сэфу жусэ дэ битхэ бухэ* 'Учитель дал детям книгу'; *Чеган хан дэ элчин бэ такураки сэмби* 'Намереваются командировать посла к белому хану'; *Абка дэ кэси баису* 'Проси милости у неба'; *Эрэ н'алма дэ акдачи омбицэ?* 'Можно ли верить этому человеку?'; *Гуд н'алма и бажан бэ умэ бэжэ дэ сиңгэрэ* 'Чужое богатство себе не присваивай'; *Тэрэ бацита бэ би гэрэн гучу дэ алаки* 'О том деле я расскажу всем друзьям'; *Алдаңга н'алма дэ умэ фонжирэ* 'У постороннего человека не спрашивай'; *Акжан дэ гэлэмби* 'Боюсь грозы'.*

Близко примыкает к этому по смыслу оформляемое тем же падежом дополнение направления. Примеры: *Инэңги томэ и жамун дэ жабумби* 'Каждый день он ходит на службу'; *Уду эдэ сацн бичибэ сусу дэ бэдэрэки сэмби* 'Хоть здесь и хорошо, а хочу вернуться на родину'; *Ббдэ исинжиха* 'Прибыл домой'; *Жоболон дэ тушачи омби* 'Можно попасть в беду'; *Дачи дубэдэ иситала гэму улхихэ* 'Понял все от начала до конца'; *Си тэн дэ исинахакун?* 'Не дошел ли ты до крайности?'; *Гираңги дэ аканаха* 'Промерз до костей'; *Хэkdэрэ-хун дэ нурэ гочихаби* 'Тянул вино до бесчувствия'; *Сэжэн дэ тафафи жулэси гэнэхэ* 'Сел на телегу и поехал дальше'; *Даму бэжэ и хорон дэ никэмби* 'Полагаюсь только на собственные силы'; *Умэ тэцлэ сэбжэн дэ досира* 'Не предавайтесь одним лишь наслаждениям'.

Дополнение местонахождения, обозначающее лицо или предмет, у которых статически пребывает нечто. Примеры: *Сини нофи дэ жиха бцо, акун?* 'У вашей особы деньги есть или нет?'; *Мини ама тэрэ амбан дэ вэцлэхэ бихэ* 'Мой отец работал у этого вельможи'; *Тэрэ н'алма дэ бацита бэ кичэрэңгэ би қад* 'У того человека есть забота о делах'; *Суэни ббдэ уду фа би?* 'У вашего дома сколько окон?'

Дополнение орудия. В этой функции дательный падеж конкурирует с родительным. Строгих правил разграничения их функций нет. И. И. Захаров отметил, что дательный падеж в этой функции употребительнее при глагольных словах прошедшего времени, а родительный — при глагольных словах, обозначающих действия, совершающиеся или еще не начатые. Кроме того, он же отметил изменение распределения функций в диахроническом плане: чем старше текст, тем чаще орудную функцию выполняет дательный падеж, чем моложе текст, тем чаще в этой функции выступает ро-

* Последний пример иллюстрирует иную функцию дательного падежа — это не дополнение адресата, выражаемое именем существительным лица. (Примеч. издатель).

дительный падеж.* Примеры: *Си жаса дэ туаки* 'Ты посмотри глазами'; *Бэжэ и гала дэ жафахаби* 'Схватил своими руками'; *И мэбэ бэжэ и лохо дэ кармаха* 'Он защитил нас своим мечом'; *Бэцхон бэ анжа дэ ушамби* 'Землю пахнут плугом'; *Дука јосэ дэ јосэлабуха* 'Ворота заперты на замок'; *Сакда мама ихан бэ фута дэ жарухаби* 'Старуха вела корову на веревке'; *Сэкэ бэ јэручи шаңган дэ фаңшачи омби* 'Соболя можно выкурить из норы дымом'; *Хотон и бару сэжэн дэ гэнэхэ* 'В город поехал на телеге'; *Морин дэ јалумэ хахи исиха* 'Поехал на лошади и быстро доехал'.

Дополнение сопровождения. Примеры: *Чо́ха н'алма и саргата куаран дэ дахаха* 'Жены воинов последовали за лагерем'; *Ваң элчин бэ жиха дэ такураха* 'Князь командировал с деньгами посла'; *Би тэрэ н'алма дэ аифини гучулэхэ* 'Я с этим человеком давно уже подружился'.

Дополнение сравнения. Примеры: *Сини хусун дэ айбэ дуибулэчи омбцо!?* 'Что можно сравнить с твоей силой!?'; *Тасха кэсикэ дэ адалишамби* 'Тигр похож на кошку'.

Обстоятельство места, обозначающее пункт нахождения предмета или протекания действия и выражаемое преимущественно существительными вещи. Примеры: *Эрэ токсо дэ вэ тэхэби?* 'Кто живет (поселился) в этом селении?'; *Эрэ тачику дэ шаби лабду* 'В этой школе учеников много'; *Абка дэ дэјэрэ гасха, на дэ фэксирэ гургу* 'Птицы, летающие в небе, и звери, бегающие по земле'; *Мэни эмэ ббдэ би* 'Наша мать дома'; *Н'аха мб мукэ дэ бурубуха* 'Гнилое бревно скрылось (потонуло) в воде'; *Фэ омо бихэ орон дэ ичэ хотон бэ арахаби* 'На том месте, где раньше было болото, построили новый город'; *Куаран и дорги дэ јусэ эфимби* 'Внутри двора играют дети'.

Обстоятельство времени, обозначающее момент совершения действия. Примеры: *Эрэ эрин дэ гэму н'алма дэдумби* 'В это время все люди спят'; *Вэилэн дэ кичэчи ачамби* 'На работе нужно быть усердным'; *Тэрэ инэңги дэ сэргуэн бихэ* 'В тот день было прохладно'; *Дацлан ан'а б'а ичэ дэ дэрибухэ бихэ* 'Война началась в первый день первого месяца'; *Би имбэ толгин дэ ачаха* 'Я его видел во сне'; *И эрэ бэ дэцгон дэ саха* 'Он знал это заранее'; *Эрэ мэңгун бэ југун дэ бацтала* 'Эти деньги трать в пути'.

Обстоятельство причины. Примеры: *Эдун дэ хбшан уркилэмби* 'От ветра шелестит бумага'; *Ага дэ бураки лифахан охо* 'От дождя пыль превратилась в грязь'; *Тутту си мини бацли дэ карулаха!* 'Так-то ты отплатил за мои благодеяния!'; *Бацрэ дэ мужилэн нитараха* 'Сжалился от (по причине) просьбы'; *Бэ хан и кэси дэ хэңки-*

* Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. С. 132. (Примеч. издатель).

лэмби 'Мы кланяемся за ханскую милость'; *Си коро дэ дацламэ дэрибухэ ацсэ* 'Ты, вероятно, от злобы начал войну'; *Лохо и жэжэн дэ бучэхэ* 'Умер от острия меча'; *И мини бацта дэ јабумби* 'Он действует ради моего дела'; *Тургун г'ан дэ гилжачи омби* 'По этим обстоятельствам можно извинить'.

Непосредственно примыкают к этому в смысловом отношении такие словосочетания, получившие характер клише и употребляющиеся нередко в качестве вводных слов, как: *чэни бацли дэ* 'по их милости', *абка и кэси дэ* 'по милости неба', *эжэн хэсэ дэ* 'по указу императора', *бэјэ и чиха дэ* 'по собственной воле', *мини гунин дэ* 'по моему мнению', *кэмун дэ ачанамэ* 'согласуясь с правилами', *н'алма и уркин дэ* 'по людским слухам', *мэни ургун дэ* (=сэбжэн дэ) 'к нашей радости', *жабшан дэ* 'к счастью', *журган дэ* 'по долгу, по справедливости'.

В составе страдательного оборота формой дательного падежа обозначается логический субъект действия, а управляющее глагольное слово включает в состав своей формы аффикс побудительного-страдательного залого -бу~-мбу. Примеры: *Хулха дэ нуңнэбухэ бихэ* 'Был ограблен разбойниками'; *Си ац н'алма дэ такурабуха?* 'Каким человеком (кем) ты послан?'; *Эрэ жахудац эдун дэ шасилабуха* 'Это судно разбито бурей'; *Мукэ гэчухун дэ хаңгабумби* 'Воду сковывает мороз (вода сковывается морозом)'; *Гэму х'а дэ хаңгабуха* 'Все погибло от засухи'; *түхэ дэ дэцжибумби* 'быть сжигаемым на огне'; *Јаса бураки дэ икубуха* 'Глаза запорошены пылью'; *Гасхан дэ гцибуха* 'Подвергся бедствию'; *усин дэ кичэбумби* 'быть озабоченным землей'; *мукэ дэ эндэбумби* 'поперхнуться водой'.

Выше были рассмотрены дополнения местонахождения. Имелись в виду случаи обычного управления падежом со стороны глагольных слов. Наряду с этим встречаются, правда, сравнительно редко, случаи управления дательным падежом в близких значениях со стороны имен, например: *улин дэ алдаңга* 'равнодушен к богатству', *дацн дэ амуран* 'склонный к ссорам', *жэку дэ ичаку орхо* 'растение, вредное для хлеба', *аңга дэ амтаңга* 'для рта вкусно'; *Гэрэн урсэ дэ сэбжэн охо* 'Всем людям стало весело'; *Ажигэ жүсэ дэ эрэ гэлэчун* 'Для маленьких детей это страшно'; *Мама дэ маңга хацкан охо* 'Старухе стало очень жаль'.

Форма дательного падежа служит для выражения связи между послелогом *отоло* 'до, вплоть до', *иситала* 'до, около', *ачамэ* 'в соответствии' и именами существительными, например: *дубэ дэ отоло* 'до самого конца', *дулин дэ иситала* 'до середины, около половины', *г'ан дэ ачамэ* 'в соответствии с законом'.

О заменах и уточнении значений форм дательного падежа посредством послелогов будет сказано в соответствующем месте раздела, посвященного служебным словам.

Исходный падеж во всех своих сравнительно немногочисленных функциях так или иначе связан с понятием исходного пункта движения, и в этом смысле он антонимичен одному из общих значений дательного падежа.

Чаще всего он оформляет слова в синтаксической функции дополнения исхода, обозначающие конкретные предметы, от которых начинается движение, например: *сэжэн чи эбумби* 'слезать с телеги'; *Тэркин чи васи* 'Сходи с крыльца'; *Би аифини агэ чи битхэ бэ бахараку* 'Я давно уже не получаю писем от старшего брата (от вас)'; *Си эрэ бэ буја урсэ чи донжираку* 'Ты этого от простых людей не услышишь'; *Имбэ даңсэ чи хуак'абуха* 'Его исключили из списка'; *тушан чи вэсибумби* 'повышать в должности'; *Буда чи дэрибумэ гэму жэмэңгэ бэ жэкэ* 'Съели всю пищу, начиная с каши'; *гунин чи тучинэраку* 'не выходит из мыслей'; *Гасачун чи алжа* 'Избегай горестей'; *Хэргэн и тон чи амбула дулэкэби* 'Значительно превысил [установленное] число букв (написал много больше, чем нужно)'.

Близким по значению является оформляемое тем же падежом дополнение отложительности, например: *ббчи алжаха* 'разлучился с женой', *босо этукуи чи дэрибухэ* 'вышел из простонародья (из носящих холщовую одежду)', *Гэрэн урсэ чи жуэ н'алма бэ сонжохо* 'Из всех людей двух человек выбрали'.

В сравнительных оборотах форму исходного падежа имеет дополнение сравнения, например: *Морин тэмэн чи эбэри* 'Лошадь слабее верблюда'; *Вэхэ мб чи маңга* 'Камень тверже дерева'; *И гэрэн чи энчу* 'Он отличен от всех'; *тон чи эк'эхэ мэңгун* 'недостающая против положенного сумма (деньги)'.

Чрезвычайно близкое в семантическом отношении к дополнению исхода обстоятельство места, обозначающее несколько более обобщенное представление об исходе движения, выражается также формой исходного падежа, например: *Си хотон чи бэдэрэмбиц?* 'Ты из города возвращаешься?'; *Ула и тэрэ эрги чи эдун дэкдэкэ* 'С той стороны реки подул ветер'; *Дэрги чи талман тэхэ* 'Сверху пал туман'; *Бб чи битхэ исинараку* 'Из дома письма не приходят'.

Так же обстоит дело и с близкими по значению обстоятельствами времени. Примеры: *Би эрэ бэ аифини чи самби* 'Я знаю это с давних пор'; *Мини жусэ дулэкэ ан'а чи тачимэ дэрибухэ* 'Мои дети с прошлого года начали учиться'; *Бэ чимари чи јамжитала вэлэмби* 'Мы работаем с утра до самого вечера'.

Форма исходного падежа служит также для выражения связи существительного со стоящими после него и относящимися к нему послелогоми *тулг'эн* 'кроме, сверх, помимо, вне, исключая', *амаси* 'после, впоследствии, обратно, назад', *жулэси* 'вперед, перед, спе-

реди, прежде', например: *эрэ бацта чи тулг'эн гуд бацта бэ сарку* 'кроме этого дела другого (дела) не знаю'.

Принадлежность (в широком смысле слова) предмета другому лицу или предмету чаще всего, как уже говорилось, выражается формой родительного падежа того существительного, которое обозначает обладателя. Однако есть два относительно редко встречающихся в практической речи случая, когда указанный способ не может быть применен. Это, во-первых, предикативное и, во-вторых, заместительное обозначение принадлежности. Другими словами, если можно и нужно сказать *н'алма и бб* 'человечий (чужой) дом' или *бб и учэ* 'домашняя дверь (дверь дома)' и нет других способов построения такого атрибутивного словосочетания, то никак нельзя с помощью того же родительного падежа построить предложение, в котором слово, обозначающее принадлежность, служило бы сказуемым. Т. е. нельзя воспользоваться распространенным во многих языках, в том числе и в русском, приемом перестановки слов без изменения их формы ('это мой дом' и 'этот дом мой'). Для этого случая в маньчжурском, как и в других родственных ему языках, существует специальная форма, которую можно назвать предикативно-притяжательной. Приметой ее служит суффикс *-иңгэ* с вариантом *-ниңгэ* (<-и~-ни — родит. пад. + *-ңгэ*). Именно эта форма и только она позволяет выразить принадлежность как предикат, т. е. сказать *эрэ бб н'алмаиңгэ* 'этот дом человека (чужой)' или *эрэ учэ ббѳиңгэ* 'эта дверь домашняя (дома)'.

Так же точно обстоит дело и при заместительном обозначении принадлежности, например: *Мэни бб дэ сэбжэн, н'алмаиңгэ дэ гохихон* 'В нашем доме весело, а в чужом печально'. Важно при этом иметь в виду, что заместительное обозначение принадлежности предполагает обязательное отсутствие слова, обозначающего принадлежащий предмет, поскольку весь смысл заместительного обозначения в том и состоит, что название признака (в данном случае *н'алмаиңгэ*) обозначает не только признак, но и обладающий им предмет. В идентичном предложении без эллипсиса, которое соответствовало бы русскому 'в нашем доме весело, а в чужом доме печально', предикативно-притяжательная форма уже недопустима. Здесь возможно лишь сочетание с родительным падежом, т. е. *мэни бб дэ сэбжэн, н'алма и бб дэ гохихон*.

Таким образом, предикативно-притяжательная форма и форма родительного падежа связаны между собой дополнительной дистрибуцией. Значение у них общее, но допустимые окружения различны. В одних окружениях (позиция сказуемого и заместительное употребление) употребительна предикативно-притяжательная форма и недопустим родительный падеж, а во всех прочих окру-

жениях употребителен родительный падеж и недопустима предикативно-притяжательная форма.

В случае заместительного употребления предикативно-притяжательной формы она склоняется, принимая на себя падеж опускаемого существительного, например: *Бд и урсэ бэ хула* 'Позови домашних слуг' — *Бдиңгэ бэ хула* 'Позови домашних'; *Бэјэ и боцгон дэ умэ мактара* 'Не хвались своим достоянием' — *Бэјэиңгэ дэ умэ мактара* 'Не хвались своим'.

Вариант суффикса предикативно-притяжательной формы *-иңгэ* является основным и оформляет значительное большинство существительных, а именно те из них, которые имеют гласный исход. Этот вариант суффикса всегда пишется слитно с оформляемым им словом.

Вариант же *-ниңгэ* оформляет существительные, оканчивающиеся на *н*. Пишется он как слитно, так и раздельно. Строгих правил на этот случай не существует.

Вокализм суффикса не подчиняется закону гармонии гласных. Он всегда принадлежит второй серии (э), независимо от серии гласных основы.

Суффикс предикативно-притяжательной формы не следует смешивать с субстантивирующим словообразовательным суффиксом *-ңгэ* (*туахаңгэ* 'все виденное', *арараңгэ* 'строительство', *бисирэңгэ* 'все сущее') и с адъективирующим словообразовательным суффиксом *-ңга/-ңгэ/-ңго* (*салиңга* 'стоящий', *бујэңгэ* 'желанный', *бодоңго* 'умышленный, обдуманый', *взихэңгэ* 'зубастый', *салуңга* 'бородатый'). Различает их а) наличие инициального *-и~ни* (<родит. пад.) в суффиксе предикативно-притяжательной формы и отсутствие его в остальных; б) подчинение, как правило, закону гармонии гласных адъективирующих суффиксов; в) образование субстантивированных и части адъективированных форм от глагольных основ, тогда как предикативно-притяжательную форму могут иметь только имена существительные и предметно-личные местоимения; г) в какой-то мере разграничивает их и синтаксическая функция: только предикативная и заместительная у интересующей нас формы и отсутствие такого ограничения для остальных.

ЧИСЛО ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Грамматическая категория числа в маньчжурском языке свойственна только именам существительным и заменяющим их личным и указательным местоимениям. Ни одна другая часть речи не знает этой категории. Но и среди существительных лишь небольшая их часть обладает формально выраженным противопоставле-

нием чисел. Это существительные лица. Среди них, пожалуй, только два — *н'алма* 'человек' и *урсэ* 'люди' — не изменяются в числе, поскольку между ними существует отношение дополнительного распределения, такое же, как между их русскими эквивалентами. Своеобразно проявляется категория числа у имен существительных собственных.

В маньчжурском языке существует оппозиция двух чисел: общего и множественного. Если второе из них характеризуется специально приуроченным для этого аффиксальным оформлением, то первое по соответствию со вторым в формальном отношении можно считать нулевым. Именно отсутствие специального аффикса числа и служит приметой формы общего числа. Общее число в зависимости от контекста и конкретной речевой ситуации может с равным успехом выражать как единичность предмета, так и его множественность, тогда как множественное число за единичными исключениями из правил выражает только множественность предмета.

В именительном падеже форма общего числа существительного материально совпадает с основой последнего, а у производных существительных — также и с его корнем. Форма множественного числа существительного двучленна и состоит из основы плюс аффикс множественного числа.

Для значительного большинства существительных лица показателем множественного числа служит аффикс *-са/-сэ/-со*, для довольно большой группы таких существительных — аффикс *-та/-тэ* (вариант *-то* теоретически возможен, но практически не встречается), для небольшой группы существительных лица допустимы оба этих аффикса (или *-са/-сэ/-со* или *-та/-тэ*), небольшая группа существительных лица (до десятка слов) получает во множественном числе аффикс *-си*, и всего лишь два существительных в качестве аффикса множественного числа получают *-ри*.

В большинстве случаев аффиксы множественного числа присоединяются к неизменным основам существительных. Несколько особое положение с основами, оканчивающимися на согласный *н*. Здесь имеется две возможности: или а) конечный *н* основы отпадает и аффикс пишется слитно, например: *хафан* 'чиновник, офицер' — *хафаса* 'чиновники, офицеры'; *никан* 'китаец' — *никаса* 'китайцы'; *энэн* 'потомок' — *энэсэ* 'потомки'; *ахун* 'старший брат' — *ахута* 'старшие братья'; или б) основа остается неизменной, но аффикс (только *-са* или *-сэ*) пишется отдельно, например: *хан* 'государь' — *хан са* 'государь' (*хаса* не встречается); *жаңгин* 'начальник' — *жаңгин са* (= *жаңгиса*) 'начальники'; *бајан* 'богач' — *бајан са* (= *бајаса*) 'богачи'. Исключение из правила составляют также следующие два существительных, основы которых усекают-

ся при сочетании с аффиксом множественного числа: *жуи* 'ребенок, сын' — *жусэ* (конечный дифтонг основы монофтонгизируется, утрачивая второй компонент; впрочем, значительно реже встречается и *жуи сэ*, но не *жуисэ*) и *омоло* 'внук, внучка' — *омоси* 'внуки' (усекается конечный слог основы; других возможностей выражения множественности нет).

Аффиксы *-cal-сэл-со* и *-tal-тэ* чаще всего подчиняются закону гармонии гласных, т. е. *сакда* 'старец' — *сакдаса* 'старцы'; *х'а* 'адъютант' — *х'аса* 'адъютанты'; *шаби* 'ученик' — *шабиса* 'ученики'; *даифу* 'врач' — *даифуса* 'врачи'; *иргэн* 'народ' — *иргэсэ* 'народы'; *эчикэ* 'младший брат отца' — *эчикэсэ* 'младшие братья отца'; *гучу* 'друг' — *гучусэ* 'друзья'; *г'охото* 'нищий' — *г'охотосо* 'нищие'; *солхо* 'кореец' — *солхосо* 'корейцы'; *да* 'старейшина' — *дата* 'старейшины'; *сарган* 'жена, женщина' — *саргата* 'жены, женщины'; *амжи* 'старший брат отца' — *амжита* 'старшие братья отца'; *гэ* 'старший брат мужа' — *гэтэ* 'старшие братья мужа'; *дэу* 'младший брат' — *дэутэ* 'младшие братья'; *гу* 'тетка по отцу' — *гутэ* 'тетки по отцу'.

У аффикса множественного числа *-tal-тэ* отсутствует вариант *-то*. В группе существительных, имеющих во множественном числе этот аффикс, есть только одно слово с гласным *о* — *нон* 'младшая сестра', но во множественном числе вместо ожидаемого *-то* оно принимает аффикс *-та*: *нота* 'младшие сестры'.

К группе существительных с неустойчивым аффиксом множественности, т. е. встречающихся и с *-cal-сэл-со*, и с *-tal-тэ*, относятся: *асихан* 'юноша' — *асихаса=асихата* 'юноши', *да* 'старейшина' — *дата=даса* 'старейшины', *сэфу* 'учитель' — *сэфусэ=сэфутэ* 'учителя', *эфу* 'муж старшей сестры' — *эфутэ=эфусэ* 'мужья старших сестер', *накчу* 'дядя по матери' — *накчута=накчуса* 'дяди по матери'.

Если основа существительного имеет нарушенную гармонию гласных, то гласный в аффиксе может варьировать: *агэ* 'старший брат' — *агэса=агэсэ* 'старшие братья', *агу* 'старший брат' — *агуса=агусэ* 'старшие братья'. Подобные случаи неустойчивости гласного отмечаются и при основах с ненарушенной гармонией гласных, например: *х'аса=х'асэ* 'адъютанты', *г'оросо=г'оросэ* 'члены рода последней маньчжурской династии', *эндурисэ=эндуриса* 'божества', *хулхаса=хулхасэ* 'воры, разбойники', *бајараса=бајарасэ* 'гвардейцы'. Аналогичные нарушения гармонии гласных аффиксом множественного числа, особенно если он пишется отдельно, встречаются довольно часто, причем более характерно это для вариантов *-cal-сэ*.

Заемствованные существительные с любым согласным, кроме *н*, в ауслауте принимают аффикс *-сэ*, реже *-са*, которые пишутся в

этом случае обязательно отдельно, например: *орос сэ* ‘русские’, *хасак сэ* ‘казахи’, *улэт сэ* ‘олеты (монгольское племя)’, *ваң са* ‘князья’.

Аффикс *-та/-тэ* оформляет почти исключительно термины родства. Их насчитывается до тридцати. Сверх них сюда относятся еще: *эжэн* ‘государь’ — *эжэтэ* ‘государь’, *да* ‘старейшина’ — *дата* ‘старейшины’, *сэңгэ* ‘старик’ — *сэңгэтэ* ‘старик’, *уңга* ‘глава рода’ — *уңгата* ‘главы родов’, *хусэ* ‘борода, бородач’ — *хусэта* ‘бородачи, старцы’. Этот аффикс пишется всегда слитно со словом.

Аффикс *-ри* также оформляет термины родства и пишется обязательно слитно. Он употребителен в двух словах: *мама* ‘бабушка, старушка’ — *мамари* ‘бабушки, старушки’, *мафа* ‘дедушка, старец’ — *мафари* ‘дедушки, старцы’.

Аффикс *-си* оформляет различные названия лиц и пишется всегда слитно. Им оформляются: *омоло* ‘внук, внучка’ — *омоси* ‘внуки’, *хаха* ‘мужчина’ — *хахаси* ‘мужчины’, *хэхэ* ‘женщина’ — *хэхэси* — ‘женщины’, *аха* ‘раб, слуга’ — *ахаси* ‘рабы, слуги’, *хожихон* ‘зять’ — *хожихоси* ‘зятья’, *амбакан* ‘старший’ — *амбакаси* ‘старшие’, *ажигэ* ‘крошка, младенец’ — *ажигэси* ‘крошки, младенцы’.

Аффикс *-сал/-сэл/-со* как наиболее универсальный оформляет различные названия лиц, обозначающих родственные отношения, социальное положение, принадлежность к профессии, возрастной группе, к группе по особенностям характера, к национальности и т. п. Этот аффикс, подобно другим перечисленным выше, обозначает множественность однородных предметов (точнее, лиц). Это его основное значение. Но, кроме того, в отличие от прочих перечисленных выше аффиксов множественности он может иметь и второе значение — значение сопроводительности. В этом втором случае он обычно пишется отдельно от слова, причем чаще всего в варианте *сэ*, независимо от вокализма основы, реже в варианте *са* и не пишется в варианте *со*.

Сопроводительность совсем не равна множественности и не есть ее разновидность. Если множественность — это некоторое превышающее единицу число *x*, то сопроводительность — это $x +$ некоторое число не *x*, связанных с *x* родством, подчиненностью, совместным участием в движении или каком-либо ином действии. Иными словами, это группа связанных между собой лиц, в которую входит *x* и которую этот *x* по какому-либо общему признаку представляет.

Исходя из этих семантических особенностей значение множественности противопоставлено персональным именам собственным, поскольку при естественных условиях совокупность лиц с иден-

тичными персональными собственными именами (это не касается таких собственных имен, как названия родов) едва ли может быть актуальной для целей коммуникации. Значение же сопроводительности, наоборот, вполне приложимо к персональным собственным именам. Больше того, этот случай в смысле встречаемости не только обладает высокой частотностью, но и является единственно возможным. Иначе говоря, значение сопроводительности чаще всего бывает свойственно оформленным аффиксом *-ca/-cə/ -co*, вернее, отдельно написанным *ca/cə*, персональным именам собственным, а для последних возможно только значение сопроводительности. Близко к этому положение с названиями титулов, особенно высоких.

Приведу примеры: *жусэ* 'дети', *сакдаса* 'старцы', *ламаса* 'ламы', *дацфуса* 'врачи', *хулхаса* 'воры, разбойники', *батаса* 'враги', *гучусэ* 'друзья', *солхосо* 'корейцы', *г'оросо* 'представители рода Гиоро' — как правило, только множественность (некоторое превышающее единицу количество детей, старцев, лам и т. д.). Возможно весьма редкое исключение: если в предыдущем контексте речь шла о конкретном единичном представителе перечисленных и подобных множеств (об определенном старце, ламе, враче и т. д.), особенно если это единичное лицо играло в изложенных событиях существенную роль, для таких форм существительных лица полностью не исключается возможность выражать и значение сопроводительности.

Диаметральная противоположность — *Хэлибу сэ* 'Хэлибу и те, кто с ним (семья, группа, команда, спутники, товарищи Хэлибу)', *Усаңгуи сэ* 'Усангуй и те, кто с ним', *Кэситу сэ* 'Кэситу и те, кто с ним', *Сабса сэ* 'Сабса и те, кто с ним' — все эти и семантически подобные им формы имеют единственное значение — сопроводительность и не означают совокупности нескольких Хэлибу, нескольких Усангуев, нескольких Кэситу или нескольких Сабса.

Промежуточную группу, способную в зависимости от речевой ситуации принимать как первое, так и второе значения, составляют существительные *хан сэ = эжэн сэ* 'император с семьей, со свитой; императоры', *ваң са* 'князь с семьей, со свитой; князья', *гуң сэ* 'граф с семьей, со свитой; графы', *жаңг'ун сэ* 'генерал с семьей, с войском; генералы', *амбан сэ* 'вельможа с семьей, со свитой, генерал с семьей, с войском; вельможи, генералы'. Разграничение значений множественности и сопроводительности дает только контекст или речевая ситуация. Для некоторых подобных существительных дополнительным критерием служит слитное (множественность) и раздельное (сопроводительность) написание.

Изредка можно встретить случаи осмысления формы множественного числа в форму общего числа. Зарегистрировано употреб-

ление следующих форм множественного числа в значении общего числа: *ᡵᡠᡩᡠ* вместо *ᡵᡠᡩᡠ* 'ребенок' (*си уду аᡵигэ ᡵᡠᡩᡠ бичибэ...* 'хоть ты и малый ребенок...'), *асихата* вместо *асихан* 'молодой парень, юноша', *ахута* вместо *ахун* 'старший брат', *хахаси* вместо *хаха* 'мужчина, парень', *хэхэси* вместо *хэхэ* 'женщина', *дата* вместо *да* 'старейшина', *сауса* вместо *саун н'алма* 'мудрец; рыцарь'. От такого рода существительных возможно образование вторичного множественного числа путем добавления отдельно написанного аффикса *-са/-сэ*: *ᡵᡠᡩᡠ сэ* 'дети, сыновья', *асихата са* 'молодые парни, юноши', *ахута са* 'старшие братья' и т. п. В этом случае в зависимости от контекста возможно и значение сопроводительности ('сын и те, кто с ним', 'юноша и те, кто с ним', 'старший брат и те, кто с ним').

Все формы множественного числа могут склоняться и принимать предикативно-притяжательную форму. При этом аффиксы падежей и предикативно-притяжательной формы следуют после аффикса числа и пишутся, как правило, отдельно, если аффикс написан слитно с основой, или слитно с аффиксом, если он написан отдельно от основы. Например: *Бэ антахаса бэ* (= *антаха са-бэ*) *сэктэфун дэ тэбухэ* 'Мы гостей на циновку посадили'; *Би гучусэ дэ* (= *гучу сэдэ*) *б'адари битхэ бэ бэнэмби* 'Я друзьям ежемесячно посылаю письма'; *Эрэ гэму гунин мэргэсэцигэ* (= *мэргэн сэцигэ*) 'Все эти мысли принадлежат мудрецам'.

В виде редчайшего исключения встречаются формы множественного числа от существительных вещи — чаще от названий животных, реже от названий неодушевленных предметов. Зарегистрированы следующие словоформы: *мориса* 'лошади, кони' (*морин* 'лошадь, конь'), *ихаса* 'коровы, быки' (*ихан* 'корова, бык'), *јолосэ* 'орлы' (*јоло* 'орел'), *ᡵакаса* 'вещи' (*ᡵака* 'вещь'), *алиса* 'горы' (*алин* 'гора'). Неоднократно упоминает об этих формах Г. Дёрфер, сопровождая это вполне справедливым замечанием о том, что в этих случаях животные и вещи или антропоморфизируются, наделяются человеческим разумом, а иногда и речью, что вполне допустимо в фольклорных и литературных произведениях, или же представляются не столько как масса, сколько как счислимое множество, состоящее из некоторого числа дискретных и вполне самостоятельных единиц, что также роднит эти случаи с выражением множественности существительных лица, во всяком случае свидетельствует о генетической зависимости первых от вторых.* Следовательно, едва ли можно сомневаться в том, что образование форм множественного числа имен существ-

* Doerfer G. Der Numerus im Mandschu. Wiesbaden, 1962. S. 9, 10, 33 u. a. (Примеч. издателей).

вительных вещи есть именно исключение из общего правила и возникло по аналогии с парадигмой числа имен существительных лица.

Маньчжурский язык не знает ничего даже отдаленно напоминающего согласование как способ выражения связи между словами. Слова не согласуются друг с другом ни в падеже, ни в лице. Отсутствует также отражение числа количественного определения в формах определяемых существительных. Независимо от того, каково количественное определение, определяемое им существительное, как правило, имеет форму общего числа. Иными словами, никакое количественное определение не требует от определяемого существительного формы множественного числа. Примеры: *эму шаби* 'один ученик', *жэу шаби* 'два ученика', *жэуан шаби* 'десять учеников', *эму миңган шаби* 'тысяча учеников', *лабду шаби* 'много учеников', *уду шаби* 'сколько учеников', *гэму шаби* 'все ученики'. Ни в одном из этих и подобных им случаях не употребляется форма *шабиса* 'ученики' (множественное число). Как редкое исключение отмечено употребление при количественных определениях слов: *жэусэ*, *асихата*, *ахута*, *ахаси*, *хэхэси*, *дата*, о чем уже говорилось, но в этих случаях перечисленные формы множественного числа переосмысляются в формы общего числа, о чем убедительно свидетельствует способность их образовывать в нужных случаях вторичные формы множественного числа, о чем также уже было сказано.

Исключением из правила, но уже почти регулярным и вполне нормативным, можно считать также форму множественного числа существительного при количественном определении, если это существительное стоит в цепочке однородных членов. В этом случае каждое однородное существительное чаще всего мыслится как множество лиц, хотя форму множественного числа обычно имеет только заключительное звено цепочки. Впрочем, иногда оформляются аффиксом множественного числа и все звенья.

В пособиях по маньчжурскому языку в качестве возможных способов выражения множественного числа обычно приводятся, наряду с только что рассмотренными, также еще редупликация и спаривание существительных.

Действительно, редупликация существительных — довольно распространенный прием и его применение близко к выражению множественности. Больше того, идея множественности обязательно присутствует в семантической структуре редуплицированных существительных. Но, во-первых, редуплицированное существительное чаще всего адвербиализуется, а если и не переходит в другую часть речи (имя признака), то, как правило, приобретает адвербиальный оттенок; много реже оно получает атрибутивное зна-

чение и еще реже обозначает простое множество однородных предметов. Здесь имеется в виду скорее не множественность, а тотальность, охват всех или различных однородных предметов, их совокупность как понятие, связанное с соответствующим единичным предметом, но от него существенно отличное. Следовательно, значение множественности здесь не основное, а второстепенное, сопутствующее, главным же является значение общей совокупности однородных предметов, причем совокупность эта может мыслиться адвербиально, реже — атрибутивно и совсем редко — субстантивно. Примеры: *жэрги* 'ряд, сорт, класс' — *жэрги жэрги* 'по рядам, по порядку, постепенно', *хачин* 'род, вид, порядок' — *хачин хачин* 'по родам, по порядку; разнообразный, всех родов', *тэцусу* 'мера, соответствие, состояние, чин' — *тэцусу тэцусу* 'каждый сам по себе, сам собой', *мэжэн* 'часть, доля' — *мэжэн мэжэн* 'по частям, отдельно; все части', *ба* 'место' — *ба ба* 'повсеместно, из разных мест, всякий; разные места', *журу* 'пара' — *журу журу* 'парами, попарно'. Однако чаще редуцированные существительные употребляются не в именительном, а в косвенных падежах: родительном и дательном. При этом их адвербиальный характер не меняется. Примеры: *ба бадэ* 'повсеместно', *ба бац* 'из разных мест, всякий, разный', *жугун жугуни* 'по разным дорогам, разными путями; разных дорог', *куаран куарани* 'по всем лагерям; всех лагерей', *гашан гашан дэ* 'во всех селах' и т. п.

Примеры показывают, что прием редуцирования стоит скорее на службе словообразования, чем словоизменения.

Аналогичное положение и с образованием парных слов. Обычно в пример приводятся следующие слова: *ахун дэу* (букв. 'старший брат, младший брат') 'по-братски, как братья; старший и младший братья, братья, братство', *эжун нон* (букв. 'старшая сестра, младшая сестра') 'как сестры; старшая и младшая сестры, сестры', *ама эмэ* (букв. 'отец, мать') 'по-родительски; отец и мать, родители', *бацита сита* (букв. 'дело, дело') 'всякие дела, деяния', *улха ужима* (букв. 'скот, скот') 'всякий скот, все домашние животные', *улха адун* (букв. 'скот, табун') 'стада скота', *хэчэн хотон* (букв. 'город-крепость, город') 'всякие города', *ба на* (букв. 'место, местность') 'разные места', *сэжэн к'ао* (букв. 'телега, повозка') 'всякие экипажи', *агура хажун* (букв. 'утварь, оружие') 'различное оружие, вооружение', *ацисин вэхэ* (букв. 'золото, камень') 'драгоценности'. Примеры показывают, что и спаривание существительных является скорее словообразовательным приемом, чем словоизменительным. Поэтому ни редуцированные, ни парные существительные считать формами множественного числа не следует.

ИМЯ ПРИЗНАКА

Принятое для индоевропейских, в частности для русского, и некоторых других языков и вполне адекватно отражающее характерную для них структуру лексического состава деление неглагольных знаменательных слов на имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения и наречия в какой-то мере приложимо к большинству тунгусо-маньчжурских языков. Правда, при этом специалистами чаще всего делаются существенные оговорки, перераспределения, а иногда и кое-какие дополнения. Маньчжурский же язык эта схема частей речи способна удовлетворить в еще меньшей степени.

Границы между словами субстантивного значения и словами со значением атрибута, причем атрибута, свойственного как предмету, так и действию или атрибуту же, атрибута качественного, относительного, количественного, выражающего степень, вопрос или указание, иными словами, между группами слов, соответствующими русским существительным, прилагательным, числительным, местоимениям и наречиям, в маньчжурском языке обладают своеобразием, имеющим принципиальное значение.

Во-первых, имя существительное — наиболее четко, как и глагольные слова, выделяющееся в самостоятельную, достаточно строго очерченную часть речи, все же не может быть полностью отграничено от слов, аналогичных русским прилагательным. Так, например, существительные, служащие названиями веществ, материалов, сырья для изготовления чего-либо, если они в своей основной форме поставлены перед другим существительным, по смыслу полностью соответствуют русским относительным прилагательным: *сэлэ сиргэ* 'железная проволока' (железо проволока), *сирин моро* 'медная чашка' (медь чашка), *аусин жиха* 'золотая монета' (золото монета), *ундэхэн фалан* 'дощатый пол' (доска пол), *вэхэ алику* 'каменный поднос' (камень поднос), *жоңган бқишон* 'песчаная почва' (песок земля), *сун нимэңги* 'сливочное масло' (молоко жир). Прав-

да, имеется и два других способа передачи тех же значений: а) употребление первого из этих пар существительных в форме на *-ңга/-ңгэ/-ңго*, семантически идентичной русскому относительному прилагательному, т. е. *сэлэңгэ сиргэ* ‘железная проволока’, *вэхэңгэ алику* ‘каменный поднос’ и т. п. (об этой форме см. стр. 118—121), или б) употребление его в форме родительного падежа: *сэлэ и сиргэ* ‘железная проволока’ (проволока из железа), *вэхэ и алику* ‘каменный поднос’ (поднос из камня), причем это скорее ‘проволока из железа’ и ‘поднос из камня’ с более заметным сохранением субстантивности первого имени существительного.

Однако обычным, значительно чаще встречающимся следует признать паратактическое сочетание простой формы первого существительного (определения) с любой формой второго, а оба других способа применяются, как правило, только при менее обычных и привычных сочетаниях. Значение ‘кожаный пояс’ можно передать всеми тремя способами, но явно предпочтительнее первый из них: *суку ум'эсун* (менее обычны: *сукуңгэ ум'эсун* или *суку и ум'эсун*), поскольку пояса достаточно часто именно кожаными и бывают, тогда как значение ‘кожаная шапка’, поскольку для шапки обычнее быть меховой или матерчатой, скорее будет выражено как *суку и махала* или *сукуңгэ махала*. Так же точно ‘свинцовая пуля’ будет *тарчан мухал'ан* (свинец пуля), поскольку пулям и положено быть свинцовыми, а ‘свинцовое грузило’, поскольку последнее чаще бывает каменным или керамическим, скорее будет обозначено как *тарчан и ируку*.

Не только в подобных случаях и не только такие существительные могут употребляться подобно русским относительным прилагательным. Практически менее частотно, но вполне возможно сочетание двух существительных, из которых первое по месту расположения имеет основную форму и служит определением ко второму. Препятствовать этому может лишь такое соотношение значений этих двух слов, которое дает или а) перечисление: *морин ихан* ‘лошади и коровы’, *манжу моңго* ‘маньчжуры и монголы’, *м'очан пō* ‘ружья и пушки’; или б) выражение собирательности, обобщенности: *улха ужима* ‘скот вообще’ (скот, скот), *агура хажун* ‘вооружение’ (утварь, оружие), *эжун нон* ‘сестры’ (старшая сестра, младшая сестра); или в) сочетание подлежащего с дополнением: *бутхаси буха ваха* ‘охотник зверя убил’; или г) просто бессмыслицу. В остальных случаях это неизбежно окажется того или иного характера атрибутивным словосочетанием. Атрибутивный член в нем может выражать а) принадлежность: *орос ниру* ‘русская рота (рота русских)’, *тубэт хэргэн* ‘тибетское письмо’, *мэирэн гиранги* ‘плечевая кость’, *усин јалу* ‘полевая межа’; б) предназначенность: *офоро дамбагу* ‘нюхательный табак (нос табак)’, *тасха гйда*

‘копье на тигров (тигр копье)’, *сарин учури* ‘время обеда’; в) внешний вид: *абаха ацсин* ‘листовое золото’, *мудан эфэн* ‘крендель (изгиб лепешка)’, *мулф’эн дорон* ‘круглая печать (круг печать)’, *туда јаха* ‘раскаленный уголь (огонь уголь)’; г) характер: *н’аман гучу* ‘искренний друг (сердце друг)’, *жухэ муэ* ‘ледяная вода (лед вода)’, *дубэ жэрги* ‘последний сорт (конец сорт)’, *мумин мэдэри* ‘бездонное море (бездна море)’; д) обладание: *соги јафан* ‘овощной огород’, *калжа н’алма* ‘лысый человек’, *тэмгэту этуку* ‘одежда со значком (значок одежда)’, *такту бō* ‘дом с башней (башня дом)’; е) профессию: *бэри факси* ‘лучных дел мастер (лук мастер)’, *шоро факси* ‘мастер-корзинщик (корзина мастер)’, *г’охото н’алма* ‘нищенствующий человек (нищий человек)’; ж) местоположение: *хошо такту* ‘угловая башня (угол башня)’, *хотон улан* ‘городской ров (город ров)’, *алин дабаган* ‘горный перевал (гора перевал)’, *дука дэңжан* ‘фонарь на воротах (ворота фонарь)’; з) единицу измерения: *илан сэфэрэ јали* ‘три пучка мяса (вяленого)’, *эму фэңсэку тури* ‘одна чашка гороха’, *жүэ жүда ундэхэн* ‘доска в две сажени’, *гочин сэ н’алма* ‘человек в тридцать лет’.

Наряду со словами предметного в своей основе значения, как чисто предметного, так и преимущественно или исходно предметного значения, которые отнесены к именам существительным, в маньчжурском языке имеется большая по численности и важная по употребительности группа слов, обозначающих разнообразные признаки. По всей видимости, это третья после существительных и глагольных слов группа. В семантическом и грамматическом отношении она соответствует русским прилагательным, числительным и наречиям, в известной степени — местоимениям, а в некоторых употреблениях также и существительным.

Таких слов по словарю И. И. Захарова насчитывается, помимо слов, соответствующих числительным, около двух тысяч (1880), т. е. примерно одна седьмая часть всей учтенной лексики. Конечно, это далеко не все, чем располагает маньчжурский язык, однако вполне достаточно, чтобы составить общее представление о характерных особенностях этой группы слов.

С точки зрения категориальной семантики, эта группа, которую мы условно будем именовать именами признака (призначным), может быть разделена на следующие подгруппы, или разряды: 1) качественного признака, 2) относительного признака, 3) количественного признака, 4) признака степени, 5) вопросительно-указательного признака, 6) неопределенно-обобщенного признака и 7) отрицательного признака.

Наиболее значительным в количественном отношении и по существу определяющим для всей части речи является первый из перечисленных разрядов, включающий слова качественной семанти-

ки. В него входит около 80 % слов. Разряд слов относительной семантики охватывает немного меньше 15 % слов. Остальные разряды значительно малочисленнее: к разряду слов количественной семантики относится чуть меньше 2 %, к разряду, обозначающему признаки степени, — около 1.5 %, к разряду слов, вопросительно или указательно замещающих названия признаков, — чуть больше 2 % и к разряду отрицательных слов — 0.1 %.

РАЗРЯД КАЧЕСТВЕННЫХ СЛОВ

Слова рассматриваемого разряда служат для обозначения разнообразных качественных признаков. В принципе все эти слова способны передавать как признаки предметов, так и признаки действий, например: *сцин гучу* 'хороший друг' — *сцин јабумби* 'хорошо поступает', *дујэн сакда* 'нелюдимый старик' — *дујэн тэхэби* 'нелюдимо жил', *тургэн бира* 'быстрая речка' — *тургэн эјэмби* 'быстро течет'. Кроме того, многие из таких слов могут обозначать качественные признаки как самостоятельную субстанцию или же как тесно связанные с этими признаками предметы, например: *Гучу и сцин умэси амба* 'Доброта друга очень велика'; *Морин и тургун дэ акда* 'Положись на быстроту коня'; *Дујэн и гунин бэ сачи ојораку* 'Намерения нелюдима узнать невозможно'.

Всякое качество может проявляться в разной степени. С этим связана характерная особенность качественных слов — их способность сочетаться со словами степени, например: *умэси маңга* 'очень сильно', *даба амба* 'чрезмерно большой', *јачи эбэри* 'слишком слабый', *јуки горо* 'не слишком далеко' и т. п.

Помимо приведенных выше можно для примера назвать еще хотя бы такие имена признака, имеющие все три возможных значения (субстантивное, атрибутивное и адвербиальное): *эхэ* 'зло, плохое качество; плохой; плохо', *мэргэн* 'мудрец; мудрый; мудро', *лулу* 'глупец; глупый; глупо', *тондо* 'верность; верный, преданный; верно', *бакчин* 'соперник; равный; напротив', *јарг'ан* 'истина; истинный; верно', *хэту* 'поперечник; боковой; поперек', *шэңгэ* 'прозорливость; прозорливый; прозорливо', *мујаңга* 'правда; правдивый; подлинно', *унэңги* 'истина; истинный; действительно', *кэцкэ* 'кривизна; криводушный; жестоко', *момокон* 'молчание; молчащий; молчком', *бэки* 'твердыня; крепкий; крепко', *эл'эн* 'обилие; обильный; обильно', *јафахан* 'пешеход; пеший; пешком', *унтухун* 'пустота; пустой; попусту', *вэихун* 'живое существо; живой; живьем', *гочисхун* 'покорность; покорный; покорно'.

Субстантивное и атрибутивное значение имеют такие, например, слова, как: *ан* 'обычай; обычный', *силин* 'ловкость; ловкий',

жаксан 'зарев; багровый', *фохолон* 'коротыш; короткий', *хорон* 'могущество; грозный', *уңу* 'глава; первый', *бѳбац* 'драгоценность; драгоценный', *жали* 'хитрость; хитрый', *н'амаңга* 'родственник; родной', *вэлэңгэ* 'преступник; преступный', *жулэрги* 'перед; передний', *асикан* 'малютка; маленький', *дурсуки* 'подобие; похожий', *инжуку* 'шутник; смешной', *гаңган* 'сталь; твердый', *фулган* 'краснота; красный', *халхун* 'жар; знойный', *фулэхун* 'милость; милостивый', *болгосу* 'чистюля; чистый', *энэхун* 'косогор; покатый'.

Атрибутивное и адвербиальное значения имеют, например: *энчу* 'другой; иначе', *ханчи* 'близкий; близко', *бэлэни* 'готовый; готово', *жэнду* 'тайный; тайно', *јони* 'целый; вполне', *гэсэ* 'похожий; подобно', *бацби* 'беспользанный; попусту', *фили* 'крепкий; крепко', *далбаки* 'боковой; сбоку', *дарухаи* 'постоянный; постоянно', *жаи* 'следующий; снова', *жаңгэ* 'легкий; легко', *нараңги* 'подлинный; подлинно', *чаңги* 'сплошной; сплошь', *јэбчукэ* 'приятный; приятно', *нэсукэн* 'кроткий; спокойно', *дэлэкэн* 'высоковатый; повыше', *годохон* 'прямой; отвесно', *нархун* 'тайный; тайно', *мунахун* 'суровый; сурово', *ијисхун* 'покорный; без помех', *ситасхун* 'бедный; скудно', *тулэ* 'внешний; наружу', *бутэмји* 'скрытный; тайно'.

Субстантивное и адвербиальное значения имеют, например: *тэ* 'современность; теперь', *чиха* 'воля; охотно', *јала* 'правда; действительно', *борхон* 'толпа; толпой', *доси* 'внутренность; внутри', *гацтаи* 'миг; вдруг', *цило* 'поверхность; снаружи'.

В разряде качественных слов лишь немногие слова (видимо, не более 7—8 %) имеют только одно значение — или атрибутивное, или адвербиальное, что объясняется особенностями их конкретной семантики. Это, например, такие слова, как: *ахуңга* 'старший', *икэңгэ* 'главный', *јокчиңга* 'статный', *гулхуңгэ* 'целый', *хороки* 'старообразный', *эјэхэ* 'памятный', *гаңгахун* 'долговязый', *банјисхун* 'состоятельный', *јадалиңгу* 'источенный', *фэлф'эн* 'просторный', *сахалури* 'совсем черный', *элзи* 'едва-едва', *дахандухаи* 'следом', *худукан* 'поскорее', *гэигэн* 'боком, набок', *ласха* 'наотрез', *дахун* 'снова', *тулэси* 'наружу', *доигондэ* 'заранее', *жалали* 'немного погода', *эргэлэтзи* 'насиленно', *чохотоци* 'нарочно', *исхундэ* 'взаимно'.

В практической речи (в тексте) полный спектр значений и функций реализуется далеко не всегда. Есть слова, которые, как мы уже видели, употребляются только в одном значении и соответствующей ему функции, другие употребляются если и не исключительно, то преимущественно в одном значении и функции, третьи — преимущественно в двух значениях и функциях (для обозначения либо субстантивных и атрибутивных признаков, ли-

бо атрибутивных и адвербиальных признаков, либо — много реже — субстантивных и адвербиальных признаков), четвертые — во всех трех значениях и функциях с одинаковой примерно легкостью.

Обозначим различные значения (и функции) следующими литерами или их наборами: **с** — предметное значение (субстантивная функция), соответствующее значению русского существительного; **п** — значение признака предмета (атрибутивная функция), соответствующее значению русского прилагательного; **н** — значение признака действия (адвербиальная функция), соответствующее значению русского наречия. Эти условные обозначения помогут нам наглядно представить себе функционально-семантическую группировку слов внутри качественного разряда. Помещаемая ниже таблица показывает, какому количеству слов данного разряда присуще преимущественно одно, два или три значения и какие именно.

п — 527	35.1 %	сн — 25	1.7 %
сп — 322	21.4 %	пн — 263	17.5 %
спн — 178	11.8 %	н — 188	12.5 %

(всего учтено 1503 слова)

Как видим, преимущественно в одном значении употребляется 47.6 % слов этого разряда, в двух значениях — 40.6 %, в трех значениях — 11.8 %. Слов, употребляемых преимущественно в одном значении, почти половина, но все же их меньше, чем употребляемых в двух или трех значениях.

РАЗРЯД ОТНОСИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Второй разряд, включающий слова относительной семантики, отличается значительным преобладанием слов по преимуществу моносемантических, причем таким единственным значением для них является значение признака предмета по его отношению к какому-либо другому предмету или действию. Второй особенностью относительных слов, отличающей их от качественных, можно считать их неспособность сочетаться со словами степени.

Разряд может характеризовать следующая таблица:

п — 218	80.8 %	спн — 8	2.9 %
сп — 38	14.1 %	пн — 6	2.2 %

(всего учтено 270 слов)

Исходя из особенностей подавляющего большинства слов этого разряда его можно было бы определить как «относительное при-

лагательное», поскольку он в принципе идентичен одноименному разряду других языков. Но существенной помехой для этого служит, во-первых, то, что почти пятая часть слов этого разряда свободно употребляется в двух или даже трех значениях, а во-вторых, то, что в прочих разрядах имен признака существенно меньшая доля слов, способных обозначать одни лишь признаки предметов.

К однозначным относительным словам можно причислить: *индахуңа* 'собачий', *ихаңга* 'коровий', *агаңга* 'дождевой', *калжаңга* 'лысый', *асхаңга* 'крылатый', *мэрсэңгэ* 'веснушчатый', *сэлэңгэ* 'железный', *вэхэңгэ* 'каменный', *хатухун* 'соленый', *н'амбулу* 'слабоумный', *жилгаңга* 'голосистый', *усэңгэ* 'зернистый', *улаңга* 'речной', *алиңга* 'горный', *гэмуңгэ* 'столичный', *б'аңга* 'луноподобный', *васиңга* 'снижающийся', *дэжэңгэ* 'летучий', *фуруңга* 'накрошенный', *сираңга* 'наследный' и др.

Двузначные субстантивно-атрибутивные слова: *сэңгэ* 'старец; старческий', *эргэңгэ* 'животное; одушевленный', *андарги* 'соседство; соседний', *далдаңга* 'заграждение; заградительный', *гукду* 'бугор; бугристый', *фонтохо* 'скважина; дырявый' и др.

Двузначные атрибутивно-адвербиальные слова: *далбаки* 'боковой; сбоку', *эиэмэл'ан* 'косоватый; косовато', *чимаха* 'завтрашний; погода' и др.

Трехзначные слова: *далба* 'бок; боковой; возле', *амаган* (*амган*) 'будущность; будущий; впоследствии', *хэфэли* 'внутренность; внутренний; внутри', *амарги* 'зад; задний; сзади', *фэжэрги* 'низ; нижний; снизу' и др.

РАЗРЯД КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СЛОВ

Разряд слов, обозначающих количественные признаки, куда мы пока не включаем те слова, которые обычно относятся к числительным, сравнительно малочислен. В нем также преобладают слова, употребляемые исключительно или преимущественно в одном значении (и функции). Его характеристика такова:

п — 12	34.3 %	пн — 7	20.0 %
спн — 4	11.4 %	н — 10	28.6 %
сн — 2	5.7 %		

(всего учтено 35 слов)

Но малочисленным этот разряд остается только до тех пор, пока мы не выходим за рамки лексики, учтенной словарем И. И. Захарова. В действительности же его объем, так же как и качествен-

ный состав, зависят в значительной мере от того, как трактуется для маньчжурского языка вопрос о группе слов, обозначающих определенно-количественные признаки предметов и действий, т. е. о тех словах, которые обычно выделяются в «имена числительные» и в производные от них «определенно-количественные наречия».

Скажу сразу, чтобы позже вернуться к этому снова, что маньчжурский язык не дает достаточных оснований для выделения этих слов в особые части речи. Поскольку они связаны в первую очередь с обозначением признаков предметов или действий, причем если не все они, то значительная их часть отличается наличием более чем одного значения, их можно включить в часть речи «имя признака», где они вместе с только что рассмотренными составят разбивающийся на целый ряд более дробных подразделений разряд количественных слов.

В разряде количественных слов выделяются прежде всего две неравные группы в зависимости от определенности или неопределенности их значения: группа неопределенно-количественных слов и группа определенно-количественных слов.

К неопределенно-количественным словам, которых не очень много, относятся, например, такие как: *лабду* 'многие, много, обильно, множество, обилие', *фулу* 'избыточный, много, избыток, изобилие, сугубо, наипаче', *амбула* 'очень много, множество, чрезвычайно', *комсо* 'немногие, мало, малость, недостаточность, меньше', *маџигэ* 'мало, немного, недостаточно, слегка', *буша* 'не слишком много, порядочно, многовато', *исиңга* 'достаточный, достаточно', *эк'эхун* 'недостаточный, скудный, недостаточно, скудно, с нехваткой', *кэбсэ* 'ничтожно мало, ничтожное количество, совсем скудно', *дулимба* 'средний, средне, середина, посредственно', *элэн* 'вдоволь, с избытком, хватает', *удуду* 'несколько'. Выделить в этой группе какие-нибудь подразряды не удастся.

Среди определенно-количественных слов нужно выделить прежде всего подразряд счетных слов, поскольку именно они дают базу для образования всех остальных слов этой группы. Речь идет о словах, которые обычно именуются в грамматиках «количественными числительными».

Все счетные слова в пределах первого десятка — простые корневые: *эму* 'один, единица', *џуэ* 'два, двойка', *илан* 'три, тройка', *дуин* 'четыре, четверка', *сунџа* 'пять, пятерка', *ниңгун* 'шесть, шестерка', *надан* 'семь, семерка', *џакун* 'восемь, восьмерка', *ујун* 'девять, девятка', *џуан* 'десять, десятка'. Корневыми же являются *тофохон* 'пятнадцать', *орин* 'двадцать', *гусин* 'тридцать', *дэхи* 'сорок', *сусац* 'пятьдесят', *таңгу* 'сто, сотня', *миңган* 'тысяча',

тумэн 'десять тысяч, десяток тысяч', а также заимствованные через китайский язык санскритские *бунац* ~ *бужун* (синоним маньчжурского *жун тумэн*) 'сто тысяч', *сажа* (синоним маньчжурского *таңгу тумэн*) 'миллион', *жирун* (синоним маньчжурского *миңган тумэн*) 'десять миллионов', *дуңшун* (синоним маньчжурского *тумэн тумэн*) 'сто миллионов', *тэрбун* 'миллиард', однако все они, начиная с *таңгу*, неукоснительно требуют указания количества сотен, тысяч и т. д., даже если это количество равно единице, т. е. *эму таңгу* 'сто', *илан таңгу* 'триста', *эму миңган* 'тысяча' и т. п.

Сложными являются обозначения круглых десятков свыше пяти: *нинжу* (< *ниңгун жуан*) 'шестьдесят', *наданжу* (< *надан жуан*) 'семьдесят', *жакунжу* (< *жакун жуан*) 'восемьдесят', *ујунжу* 'девяносто'.

Все остальные счетные слова — составные (аналитические), включающие в себя два и более простых или сложных счетных слова. Расположение порядков — по убывающей. Кажущимся нарушением этого правила является расположение счетных слов при обозначении количества сотен, тысяч, десятков тысяч и т. д., которое не превышает девяти. Но это будет видно на приводимой ниже сводной таблице счетных слов.

1 <i>эму</i>	11 <i>жун эму</i>	21 <i>орин эму</i>
2 <i>жуэ</i>	12 <i>жун жуэ</i>	22 <i>орин жуэ</i>
3 <i>илан</i>	13 <i>жун илан</i>	23 <i>орин илан</i>
4 <i>дун</i>	14 <i>жун дун</i>	30 <i>гусин</i>
5 <i>сунжа</i>	15 <i>тофохон</i>	31 <i>гусин эму</i>
6 <i>ниңгун</i>	16 <i>жун ниңгун</i>	35 <i>гусин сунжа</i>
7 <i>надан</i>	17 <i>жун надан</i>	40 <i>дэхи</i>
8 <i>жакун</i>	18 <i>жун жакун</i>	42 <i>дэхи жуэ</i>
9 <i>ујун</i>	19 <i>жун ујун</i>	50 <i>сусац</i>
10 <i>жун</i>	20 <i>орин</i>	56 <i>сусац ниңгун</i>

По образцу третьего столбца образуются все счетные слова от 21 до 99. Дальше идут:

100 <i>эму таңгу</i>	507 <i>сунжа таңгу надан</i>
101 <i>эму таңгу эму</i>	739 <i>надан таңгу гусин ујун</i>
120 <i>эму таңгу орин</i>	1000 <i>эму миңган</i>
128 <i>эму таңгу орин жакун</i>	1978 <i>эму миңган ујун таңгу</i>
264 <i>жуэ таңгу нинжу дун</i>	<i>наданжу жакун</i>
	10000 <i>эму тумэн</i> и т. п.

Счетные слова употребляются, как правило, в атрибутивной функции, обозначая количественный признак предмета, причем, сочетаясь в этом случае со словами предметной семантики, ни те, ни другие не требуют друг от друга изменения их грамматической

формы. Другими словами, счетные слова, как и все прочие имена признака, в атрибутивной функции неизменяемы. Формальным выражением их подчиненности предметным словам служит прежде всего их взаимное расположение: счетное слово, как любое определение, стоит перед предметным словом как своим определяемым. Синтаксическая связь между ними выражается способом примыкания. Для маньчжурского языка нормой следует считать такие, например, предложения: *Эму морин жұлэри жхэ морин амала jabумби* 'Один конь впереди, два коня (дословно: конь) сзади идут'; *Эдэ жхан ницгун гицгин уфа бихэ* 'Здесь шестнадцать фунтов (дословно: фунт) муки было'; *Орин амбан бэ гэму тубадэ уңгихэби* 'Двадцать вельмож (дословно: вельможу) всех туда послал'; *Жхан ниру дэ м'очан пō бучи ачамби* 'Десяти ротам (дословно: десять роте) ружья и пушки нужно дать'.

Как видим, никакого согласования ни в падеже, ни в числе между существительными и счетными словами нет. Правда, иногда, крайне редко, имя существительное лица, имеющее при себе количественное определение, встречается в форме множественного числа. Например, предпоследнее предложение может иметь такой вид: *Орин амбаса бэ гэму тубадэ уңгихэби* 'Двадцать вельмож всех туда отправил', — где форма множественного числа существительного *амбаса* (вместо *амбан*) кажется вызванной количественным определением (ср. русское «двадцать вельмож», а не «вельможа»). Но согласование здесь только кажущееся, ибо вполне возможно и даже, с точки зрения языковой нормы, более правильно *орин амбан* 'двадцать вельможа', а форма *амбаса* естественнее была бы без количественного определения. Следовательно, выражение числа у существительного, в данном случае избыточное, никак не связано со счетным словом и возникло независимо от него. Никакого согласования здесь на самом деле нет. Здесь мы имеем дело с примыканием, и в этом смысле счетные слова не имеют отличий от прочих имен признака (ср. *гэбуңгэ амбан жихэ* 'знатный вельможа прибыл', или *гэбуңгэ амбаса жихэ* 'знатные вельможи прибыли', или же *гэбуңгэ амбаса бэ уңгихэ* 'знатных вельмож послал', где ни число, ни падеж имени существительного не вызывает формального изменения имени признака *гэбуңгэ*).

Подобно прочим именам признака счетные слова употребляются не только в роли определения, хотя именно эта роль для них наиболее характерна. Они могут выполнять также роль сказуемого, например: *Миндэ бисирэ хонин жхэ таңгу* 'Имеющихся у меня овец — двести'; *Эбси жихэ н'алма сунжа бихэ* 'Пришедших сюда людей было пять'. В связи с этим необходимо отметить одну особенность счетного слова *эму* — оно почти не употребляется как сказуемое; в этой роли его обычно заменяют его синонимы *эмжэ*

или *эмкэн*, также обозначающие единичность, но с бóльшим креплением в сторону субстантивности.

Употребляясь субстантивно, счетные слова ведут себя в грамматическом отношении так же, как имена существительные категории вещи. Свои различные синтаксические роли они выражают позицией в составе предложения и падежной формой, например: *Дуин бэ надан дэ ноңги* 'Четыре к семи прибавь'; *Орин сунжа дэ дэндэбумби* 'Двадцать на пять делится'.

Возможно и заместительное употребление счетных слов, например: *Гэрэн бутхаси ббдэ бэдэрэхэ тэцлэ жужэ амариха* 'Все охотники домой вернулись, только два (охотника) отстали'; *Би хотон чи жуан битхэ бэ гацжафи дуин бэ синдэ гажирэ* 'Я из города десять книг получу и четыре тебе принесу'.

Все сказанное убедительно свидетельствует о почти полном грамматическом тождестве счетных слов с прочими, пусть не со всеми, но с очень многими словами, относящимися к именам признака, а значит, и о достаточности оснований для зачисления их в эту часть речи. Отмеченная близость позволяет думать, что маньчжурские счетные слова обозначают не столько отвлеченные понятия о количествах, как, скажем, русские «два», «пять», «десять», сколько количественные признаки, т. е. что-то вроде «двойственный, двойной», «пятерной», «десятерной» и т. п.

Второй подразряд количественных слов — это порядковые слова. Они служат для нумерации мест расположения предметов по отношению друг к другу в пространстве, во времени или по той или иной иерархии. Употребляются прямо (*илачи г'ац* 'третья улица', *ниңгучи инэңги* 'шестой день', *боңго амбан* 'первый вельможа') или заместительно (*Сучуңга ан'а дэ дацламэ дэрибуфи тэцкэ жакучи дэ важиха* 'В первый год династии начали воевать и только на восьмой кончили'; *Жужэ фа бэ нэцхэ илачи бэ нэцмэ мутэхэку* 'Два окна открыл, а третье открыть не смог'). При прямом употреблении порядковые слова встречаются почти исключительно в атрибутивной функции, т. е. служат определением к существительному, выражая свое подчинение ему примыканием, и крайне редко выполняют роль сказуемого (*Эрэ жихэ н'алма хоно сунжачи* 'Этот пришедший человек уже пятый').

Словоизменение порядковых слов возможно только при заместительном употреблении. Во всех остальных случаях они остаются неизменяемыми.

Образуются порядковые слова от счетных путем присоединения аффикса *-чи*, причем у счетных слов, оканчивающихся на *-н*, конечный согласный отпадает. Исключение составляют порядковые слова *жуанчи* 'десятый', *миңганчи* 'тысячный' и *тумэнчи* 'десятитысячный', у которых этот *-н* сохраняется. Порядковое слово

эмучи ‘первый’ имеет чаще употребляемые синонимы *уᄃу* ~ *уᄃуи* ‘первый, головной’ (*уᄃу* ‘голова’) ~ *сучуңга* ‘первый, начальный год династии или царствования’ ~ *боңго* ‘первый по важности, качеству’. Порядковое слово *ᄃуэчи* ‘второй’ употребляется редко, обычно его заменяют в том же значении слова *ᄃаи* ‘второй, следующий, вторично, опять, далее’ ~ *ᄃаиңгэ* ‘второй, следующий’.

Простые и сложные порядковые слова

I	<i>эмучи~уᄃу~уᄃуи~сучуңга~боңго</i>	XI	<i>тофохочи</i>
II	<i>ᄃуэчи ~ ᄃаи ~ ᄃаиңгэ</i>	XX	<i>оричи</i>
III	<i>илачи</i>	XXX	<i>гусичи</i>
IV	<i>дүичи</i>	XL	<i>дэхичи</i>
V	<i>сунᄃачи</i>	L	<i>сусаичи</i>
VI	<i>ниңгучи</i>	LX	<i>нинᄃучи</i>
VII	<i>надачи</i>	LXX	<i>наданᄃучи</i>
VIII	<i>ᄃакучи</i>	LXXX	<i>ᄃакунᄃучи</i>
IX	<i>ујучи</i>	XC	<i>ујунᄃучи</i>
X	<i>ᄃуанчи</i>		

У составных порядковых слов аффикс *-чи* присоединяется к последнему компоненту: XI *ᄃуан эмучи*, XII *ᄃуан ᄃуэчи* (замены слов *эмучи* и *ᄃуэчи* их синонимами здесь не бывает), CXXXV *эму таңгу гусин сунᄃачи*, CCCLIII *илан таңгу сусаи илачи* и т. п.

Для порядкового обозначения годов и месяцев могут употребляться как порядковые, так и счетные слова, например: *эму миңган ујун таңгу наданᄃу ᄃакучи ан'а* = *эму миңган ујун таңгу наданᄃу ᄃакун ан'а* ‘1978 год’, *надачи б'а* = *надан б'а* ‘седьмой месяц’.

Существует еще один редко встречающийся способ образования порядковых слов — оформление счетных слов аффиксом *-ңга/-ңгэ/-ңго*, уже встречавшимся среди словообразовательных средств имен признака. Так могут быть образованы порядковые слова от простых счетных, начиная с «двух»: *ᄃаиңгэ* ‘второй, следующий’, *илаңга* ‘третий’, *сунᄃаңга* ‘пятый’, *ᄃакуңга* ‘восьмой’, *ᄃуаңга* ‘десятый’, *дэхиңгэ* ‘сороковой’ и т. п.

Распределительные слова обозначают признак действия по количественному составу равных групп предметов, служащих его объектами или субъектами. Им свойственна одна лишь адвербиальная функция. Образуются они двумя синонимичными способами: более частотным синтетическим и менее употребительным — способом удвоения. В обоих случаях словообразование базируется на счетных словах.

Синтетический способ состоит в присоединении к счетному слову (его основе) аффикса *-tal-tэл-то*. У основ, оканчивающихся на *-н*, этот конечный согласный отпадает, причем в данном случае возможно только одно исключение из правила, которое касается образования от счетного слова *жун* 'десять'. Примеры распределительных слов:

<i>эмтэ</i> (< <i>эмутэ</i>) 'по одному'	<i>хорита</i> 'по двадцать'
<i>жэутэ</i> 'по два'	<i>сусацита</i> 'по пятьдесят'
<i>дэутэ</i> 'по четыре'	<i>жун илата</i> 'по тринадцать'
<i>ницгутэ=ницгута</i> 'по шесть'	<i>орин сунжата</i> 'по двадцать пять'
<i>надата</i> 'по семь'	<i>жакунжэутэ</i> 'по восемьдесят'
<i>жэута=жунта</i> 'по десять'	<i>ујунжу ујутэ</i> 'по девяносто девять'
<i>тофохото</i> 'по пятнадцать'	

Как видим, вместо ожидаемого и несомненно первичного *эму-тэ* регулярно употребляется неполногласное слово *эмтэ* 'по одному'; наряду с нормативным *ницгутэ* встречается его устарелый вариант *ницгута* 'по шесть'; два варианта — архаичный *жэута* и более новый *жунта* — имеет и слово со значением 'по десять'. Необходимо отметить также возможность двух вариантов форм распределительных слов, образуемых от счетных слов для круглых сотен, тысяч и десятков тысяч. Они образуются или по правилу, общему для всех составных счетных слов с оформлением аффиксом *-tal-tэл* только последнего компонента, т. е. *эму таңгута* 'по сто', *илан миңгата* 'по три тысячи', *сунжа тумэтэ* 'по пятьдесят тысяч', или же в нарушение общего правила путем оформления аффиксом первого компонента, т. е. *эмтэ таңгу*, *илата миңган*, *сунжата тумэн*.

Другой способ образования распределительных слов — способ удвоения, при котором второму компоненту придается аффикс родительного падежа *-и*, играющий адвербиализующую роль. Особой оговорки требует распределительное слово со значением «по одному». В его образовании участвуют синонимы счетного слова *эму*, а не оно само. Вот образцы:

<i>эмкэ эмкэн и</i> 'по одному'	<i>тофохон тофохон и</i> 'по пятнадцать'
<i>жэуэ жэуэ и</i> 'по два'	<i>гусин гусин и</i> 'по тридцать'
<i>дэин дэин и</i> 'по четыре'	<i>таңгу таңгу и</i> 'сотнями'
<i>надан надан и</i> 'по семь'	<i>миңган миңган и</i> 'тысячами'
<i>жунан жунан и</i> 'по десять'	<i>тумэн тумэн и</i> 'десятками тысяч'

Подобные образования от сложных, а тем более составных, слов в текстах едва ли могут встретиться. Вообще не только удво-

енные, но и синтетические распределительные слова редко выходят за рамки первого десятка или круглых десятков.

Разовые слова обозначают признак действия по количеству его актов и употребляются только в этой адвербиальной функции. Образуются они от счетных слов, преимущественно простых, с помощью аффикса *-нэгэри*: *эмгэри* (< *эмуңгэри*) 'однажды, один раз', *жүүнэгэри* 'дважды, два раза', *сунжаңгэри* 'пять раз', *дэхиңгэри* 'сорок раз', *таңгуңгэри* 'сто раз, многократно', *миңгаңгэри* 'тысячу раз, бесконечно много раз' и т. п.

РАЗРЯД СЛОВ СТЕПЕНИ

К разряду слов, обозначающих признаки признаков или признаки действий по степени их интенсивности, относится сравнительно немного слов. Подавляющее их большинство употребляется в функциях, аналогичных функциям русских наречий степени, что вполне объяснимо особенностями конкретной семантики каждого из них. Это такие слова, как *даба=дабали* 'чрезмерно', *жачи* 'слишком', *умэси=нокаци=вахаци* 'очень, весьма', *хон* 'очень, слишком', *элэқи* 'еле', *мушухури* 'чуть-чуть', *салиган* 'едва', *элэ* 'особенно, очень', *бажи* 'еще немного', *шуу* 'прямо, совсем', *эбсихэ* 'изо всех сил' и др. Двухзначным является лишь одно слово этого разряда — *амбула* 'великий; весьма', которое может обозначать и признак предмета (*амбула госин* 'великая милость'), и признак предмета или действия (*амбула сэбжэңгэ* 'весьма радостно', *амбула мактаха* 'очень хвалил').

Соотношение значений таково

пн — 1 3.6 % н — 27 96.4 %

(всего учтено 28 слов)

РАЗРЯД ВОПРОСИТЕЛЬНО-УКАЗАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Последний разряд призначных имен, включающий слова, вопросительно или указательно замещающие наименования признаков предметов или действий, также довольно малочислен, хотя в количественном отношении несколько превышает предыдущий. Указательных слов немного больше, чем вопросительных (55.6 %). Объединены они в один разряд ввиду значительного сходства их категориальных значений, общности противопоставлений одних

другим внутри каждого подразряда, а также наличия общих моделей словообразования, например: *антака* 'какой; как' — *энтэкэ* 'этакий; этак' — *тэнтэкэ* 'такой; так', *аибачи* 'откуда' — *убачи* 'отсюда' — *тубачи* 'оттуда', *аба* 'где' — *уба* 'здесь' — *туба* 'там'. Распределение по функционально-семантическим подразрядам таково:

п — 2	4.8 %	пн — 8	19.0 %
сп — 2	4.8 %	н — 30	71.4 %

(всего учтено 42 слова)

И опять возникает вопрос: не следует ли определить этот разряд как «вопросительно-указательные наречия»? С этим можно было бы согласиться, если бы подобные вопросы решались только по «большинству голосов».

Наличие в этом разряде слов адвербиального значения (*адарамэ* 'как, зачем', *аину* 'почему', *утту* 'этак', *тутту* 'так', *айдэ* 'где', *эдэ* 'здесь, посему', *удутэ* 'по сколько' и др.), составляющих здесь явное большинство, не устраняет и таких атрибутивных или субстантивных слов, как *аика* 'какой, который', *уттуңгэ* 'этакий', *вэ* 'кто', *вэкэ* 'кто же', а тем более двузначных типа *утала* 'столько; столь многочисленный', *уду* 'сколько; сколь многочисленный', *антака* 'как; какой', *тэнтэкэ* 'так; такой', *эрэ* 'это; этот' и даже трехзначного *аи* 'как; какой; что'. Это значительно осложняет дело и побуждает отнести рассматриваемый разряд слов к полифункциональной части речи «имя признака».

Разряд вопросительно-указательных слов, как мы уже видели, состоит из двух отраженных в его наименовании подразрядов — указательного и вопросительного, — а в каждом из них имеется два или три основных слова, которые нуждаются в характеристике, хотя бы краткой.

К числу указательных слов, служащих для указательного замещения названий предметов и их признаков, относится прежде всего альтернативная пара *эрэ* 'этот, эта, это' и *тэрэ* 'тот, та, то'. Их оппозиция основана на том, что *эрэ* употребляется для определения или заместительного обозначения предмета, находящегося в непосредственной близости или упомянутого только что, тогда как *тэрэ* относится ко всему прочему, т. е. более отдаленному по местоположению или времени упоминания. Принцип тот же, что и в русском языке, но граница между членами этой пары проходит ближе к *эрэ*. Иными словами, семантическое поле у слова *эрэ* как в смысле пространства нахождения предмета, так и времени упоминания, значительно уже, чем у слова *тэрэ*. Поэ-

тому в практической речи первое встречается много реже второго. Трудно себе представить случай, когда при переводе маньчжурского текста слово *эрэ* точнее было бы перевести словом 'тот', а вот случаи обратного порядка — соответствие маньчжурского *тэрэ* русскому 'этот' встречаются довольно часто.

Местоимения *эрэ* и *тэрэ* имеют по два оттенка значения и соответственно по две функции. Они или замещают название предмета, т. е. употребленное субстантивно существительное, принимая на себя его функции, или замещают обозначение признака предмета, т. е. атрибутивно употребленное неуказательное имя признака или причастие. В первом значении они примыкают к парадигме личных местоимений, где оказываются вариантами личных местоимений III лиц, и на русский язык переводятся, как правило, местоимением «он (она, оно)». Для имен существительных вещи — это единственная возможность их местоименного замещения, поскольку этому классу существительных личные местоимения служить заместителями не могут. Так, например, русский текст «Посмотри на звезду. Она падает» не может быть переведен дословно с применением личного местоимения *и*. Вместо него должно быть употреблено указательное слово *тэрэ*, менее обычно — *эрэ*, т. е. нужно сказать так: *Усиха дэ туд. Тэрэ (может быть — эрэ) тухэмби*. Для имен существительных лица в подобных случаях имеется две совершенно равноценные возможности. Уже встречавшийся нам текст — *Ажиган жихэ. И сајун сэхэ* 'Юноша пришел. Он сказал: «Здравствуйте»' — может быть без малейшего изменения смысла трансформирован в *Ажиган жихэ. Тэрэ сајун сэхэ*.

Следовательно, указательные слова по отношению к личным местоимениям представляют собой единственно возможное местоименное замещение имен существительных вещи и факультативный вариант личного местоимения III лица при местоименном замещении имени существительного лица.

Указательные слова в субстантивном употреблении принимают на себя не только синтаксические функции замещаемых существительных, но и их формы, т. е. могут изменяться в числе, склоняться и принимать предикативно-притяжательную форму.

Указательному слову единственного числа *эрэ* во множественном числе соответствует *эсэ* 'эти', много реже встречается *эрсэ*, *эрэ сэ*, а слову *тэрэ* соответствует *тэсэ*, реже — *тэрэ сэ*. Нетрудно видеть, что грамматическое значение множественного числа здесь выражено омертвевшим и приросшим к основе обычным аффиксом *-сэ*, а в качестве основ служат первые слоги *э-* и *тэ-*. Пример: *Ажигаси ббдэ досика. Досифи тэсэ хэңкилэхэ* 'Юноши в дом вошли; войдя, они поклонились (став на колени)'.

При склонении указательных слов аффиксы косвенных падежей присоединяются к полным основам единственного и множественного чисел:

Им.	<i>эрэ</i>	<i>эсэ</i>	<i>тэрэ</i>	<i>тэсэ</i>
Род.	<i>эрэи</i>	<i>эсэи</i>	<i>тэрэи</i>	<i>тэсэи</i>
Вин.	<i>эрэ бэ</i>	<i>эсэ бэ</i>	<i>тэрэ бэ</i>	<i>тэсэ бэ</i>
Дат.	<i>эрэ дэ</i>	<i>эсэ дэ</i>	<i>тэрэ дэ</i>	<i>тэсэ дэ</i>
Исх.	<i>эрэ чи</i>	<i>эсэ чи</i>	<i>тэрэ чи</i>	<i>тэсэ чи</i>

Как видим, аффикс родительного падежа пишется слитно с основной, остальные падежные аффиксы — раздельно. Впрочем, считать это правило строгим нельзя.

Значения указательных местоимений единственного числа таковы: именительный падеж — он (она, оно), это; этот (эта, это), тот (та, то); родительный падеж — его (ее), этого; этого (этой), того (той); винительный падеж — его (ее), это; этого (эту), того (ту); дательный падеж — ему (ей), у него (у ней), с ним (с ней), этому, в этом, этим; этому (этой), у этого (у этой), в этом (в этой), с этим (с этой), этим (этой), тому (той), у того (у той), с тем (с той), в том (в той), тем (той); там; исходный падеж — от него (от нее), из него (из нее), от этого, из этого; от этого (от этой), из этого (из этой), от того (от той), из того (из той); отсюда, оттуда, с этих (тех) пор.

В дательном падеже возможны равнозначные варианты *эдэ* и *тэдэ* (к *эрэ дэ* и *тэрэ дэ*), но они, употребляясь чаще всего со значениями «здесь» и «там», переходят в разряд наречий места. В исходном падеже также обычны наречного характера значения «отсюда» и «оттуда», возможно и значение «с тех пор», но дело обходится без аббревиации основ и без сращения их с падежными аффиксами. Это побуждает считать слова *эрэ чи* и *тэрэ чи* во всех их значениях указательными местоимениями.

Поскольку маньчжурский язык не знает согласования определений с определяемыми, указательные слова в атрибутивном употреблении, как и все слова в той же функции, не склоняются (имеют беспадешную форму) и, как правило, не принимают формы множественного числа, хотя в виде редких исключений как явные нарушения нормы отдельные случаи атрибутивного сочетания существительного во множественном числе с предшествующим ему указательным словом в том же числе, все же встречаются, например: *тэсэ баяса* 'те богачи'.

Предикативно-притяжательная форма образуется обычным порядком: *эрэиңгэ*, *тэрэиңгэ* 'ему (ей) принадлежит', *эсэиңгэ*, *тэсэиңгэ* 'им принадлежит'. Такое значение имеет предикативно-

притяжательная форма указательных местоимений в предикативном употреблении. Но, как и у имен существительных, эта форма может употребляться и заместительно, и значение у нее будет аналогичным, например: *Сүэни морин гэмү жадаха, тэсэиңгэ жадахакү* 'Ваши кони устали, а их (те, что принадлежат им) не устали'.

Сюда же относятся частично производные, а частично и независимые от них слова: *эдэ* 'здесь, поэтому', *тэдэ* 'там, тогда, потому', *эрэчи* 'отсюда, с этих пор', *тэрэчи* 'оттуда, с тех пор', *эртэлэ=энтэлэ* 'досюда, доселе, до этого времени', *энтэкэ* 'этакий; этак', *тэнтэкэ* 'такой; так', *утту* 'этак', *тутту* 'так', *уттуңгэ* 'этакий', *туттуңгэ* 'такой', *уба* 'здесь', *туба* 'там', *убачи* 'отсюда', *тубачи* 'оттуда', *утала=тутала=татала* 'столько; столь многочисленный'. У всех этих слов можно обнаружить две пары (раньше, возможно, она была одна) корней с оппозицией внутри каждой пары по близости/дальности: *э(р)/тэ(р)* и *у(т)/ту(т)*.

К подразряду вопросительных относится группа слов, которые только семантически выделяются в одну категорию. Все они заместительно обозначают предметы и их признаки в тех случаях, когда говорящий имеет в виду выяснить наименование предмета или признака.

Основные слова этого подразряда: *вэ* 'кто', *аи* или *ја* 'что, кто; какой' и *уду* 'сколько'. Кроме них, сюда же относятся: *аба=аидэ=аибидэ* 'где', *аибачи* 'откуда', *аика=јака* 'какой, который', *антака=аимака=јамака* 'какой, что за', *аини=анта* 'как', *аину* 'почему', *адарамэ* 'как, зачем', *вэкэ* 'кто же', *вэчиңгэ* 'чей, какой, который', *удука* 'сколько, сколь многочисленный', *удучи* 'который (по порядку)', *удутэ* 'по сколько, почему', *удуңгэри* 'сколько раз', *удурсу* 'во сколько рядов (слоев, ярусов)'.

Слово *вэ* вопросительно замещает существительные категории лица и никак не может замещать существительные категории вещи. По значению и употреблению оно соотносительно с личными местоимениями. Подобно существительным, слово *вэ* свободно изменяется по падежам, причем падежные аффиксы пишутся чаще всего слитно. Категории числа не имеет.

Им.	<i>вэ</i>	'кто'
Род.	<i>вэи</i>	'чей'
Вин.	<i>вэбэ</i>	'кого'
Дат.	<i>вэдэ</i>	'у кого, кому, с кем'
Исх.	<i>вэчи</i>	'от кого'

Слова *аи* и *ја* синонимичны и взаимозаменяемы, хотя и не полностью. Они оба вопросительно замещают имена существительные как лица, так и вещи, но прежде всего — вторые из них. По зна-

чению и употреблению они соотносительны в наибольшей мере с указательными словами, но также и с личными местоимениями.

Слово *ац* означает 'что, кто', реже — 'какой', в связи с чем чаще употребляется субстантивно и свободно склоняется по всем падежам, кроме родительного, который встречается крайне редко. Падежные аффиксы чаще всего пишутся раздельно. Местоимение *ја*, возникшее, как можно думать, позднее и представляющее собой результат метатезы компонентов дифтонга, означает 'какой', реже — 'что, кто', поэтому чаще употребляется атрибутивно. В связи с этим в форме родительного падежа не встречается, а в формах остальных косвенных падежей встречается крайне редко. Несколько чаще других встречается форма дательного падежа. Падежные аффиксы пишутся или раздельно, или слитно. В дательном и исходном падежах оба слова часто приобретают адвербиальные значения 'где' и 'откуда', и в этом случае аффиксы пишутся слитно. Категорией числа не обладают.

Им.	<i>ац ~ ја</i>	'что, кто; какой, что за'
Род.	<i>ац ни</i>	'чей'
Вин.	<i>ац бэ ~ ја бэ</i>	'что, кого'
Дат.	<i>ацдэ ~ јадэ</i>	'у чего, чему; где'
Исх.	<i>ацчи ~ јачи</i>	'от чего, из чего; откуда'

Примеры: *Вэ эдэ тэчэмби?* 'Кто здесь сидит?'; *Си вэчи битхэ бэ баха?* 'От кого ты получил письмо?'; *Эрэ вэци м'бчан?* 'Это чье ружье?'; *Эрэ м'бчан вэиңгэ?* 'Это ружье чье?'; *Сини гэбу вэ?* 'Как (дословно кто) твое имя?'; *Сини ама ац бэ алаха?* 'Твой отец что сказал?'; *И ацчи жихэ?* 'Откуда он приехал?'; *Сини ама ац гашан дэ тэмби?* 'В каком селе живет твой отец?'; *Мусэ ја инэңги дэ гэнэки?* 'В какой день мы поедем?'; *Эрэ ја жака?* 'Это что за вещь?'; *Си бэјэци мужилэн бэ јадэ утту урэбухэ?* 'Где ты так взрастил свой ум?'

Слово *антака* 'какой, каков, что за' вопросительно замещает неизвестный говорящему признак, употребляется чаще всего предикативно, реже — атрибутивно, поэтому не склоняется и не изменяется по числам, например: *Тэрэ дэ антака чира бихэ?* 'Что у него был за вид?'

Слово *уду* 'сколько, сколь многочисленный' вопросительно замещает наименование количественного признака предмета, употребляется только атрибутивно или предикативно, поэтому не склоняется и не изменяется в числе, например: *Туба дэ уду н'алма бихэ?* 'Сколько там было людей?'; *Уду жиха бэ баха?* 'Сколько денег получил?'; *Ини адун дэ жэрдэ морин уду?* 'В его табуне рыжих лошадей сколько?'

Сравнение вопросительных слов отчетливо показывает, что они образуются от трех корней: *a- ~ аи- ~ ан-*, *вэ* и *уду*, т. е. от трех основных слов этого подразряда, — а от корней зависит конкретная семантика каждого из них. Большинство слов подразряда употребляется преимущественно атрибутивно или адвербиально, хотя могут употребляться также субстантивно и предикативно. Только те из них, которые имеют аффикс *-кал-кэ* (*аика, јака, антака, аимака, јамака, вэкэ, удука*), употребляются преимущественно предикативно. Только предикативно употребляется парное сочетание вопросительных слов *вэ ја* ‘кто таков, кто это, кто бы это был’.

РАЗРЯД НЕОПРЕДЕЛЕННО-ОБОБЩЕННЫХ СЛОВ

К разряду неопределенно-обобщенных слов можно отнести те, которые замещают наименования предметов или их признаков, сообщая такому замещению оттенок неопределенности или обобщенности.

Здесь относятся: *аи аи=ја ја=јаја=эитэн* ‘все, что бы то ни было, кто бы то ни был, что-то, кто-то; всякий, разный, каждый, некоторый, какой-то, какой-нибудь’, *вэ вэ* ‘кто бы то ни был, кто-то; всякий, разный, каждый, какой-то, какой-нибудь (человек)’, *эмэму=эмэмуңгэ* ‘какой-то, некий, некоторый, разный, другой’, *ба ба* ‘всякий, разный, повсеместный’, *ба баи* ‘из разных мест, отовсюду’, *ба бадэ* ‘повсюду, повсеместно’, *мэни мэни=мэимэни=бэри бэри* ‘всякий, любой, каждый в отдельности, сам по себе’, *тэису тэису* ‘каждый сам по себе’, *гэму* ‘все, всё, вообще’, *гэрэн* ‘все, множество, много’, *ганжи=jōни* ‘всё, все, весь, цельный, целиком’, *губчи* ‘всё, все, весь, сплошь, повсеместно’.

Чаще всего слова этого разряда употребляются атрибутивно, но могут употребляться и субстантивно, слово *ба бадэ* — только адвербиально, слова *гэму* и *jōни* — преимущественно адвербиально, но также и атрибутивно, а слово *вэ вэ* — преимущественно субстантивно, в роли подлежащего, замещая существительные категории лица. Способность перечисленных слов в заместительно-субстантивном употреблении склоняться остается невыясненной.

Непроизводными (корневыми) можно считать слова *эитэн, гэму, гэрэн, ганжи, jōни* и *губчи*. Все же остальные представляют собой продукты словообразовательного удвоения (*аи аи, ја ја, вэ вэ, ба ба, мэни мэни, бэри бэри, тэису тэису*), а часть из них прошла этот этап и превратилась в сложные слова (*јаја, эмэму, мэимэни*).

Несколько фразовых примеров: *И эбси јаја баита дэ жихэби* ‘Он пришел сюда по какому-то делу’; *Эмэму вэилэ индэ би кац* ‘Какая-нибудь вина за ним да есть’; *Уду вэ вэ алара сэчибэ аинаха*

сэмэ умэ донжирэ 'Пусть кто-нибудь и говорит, а ты ни в коем случае не слушай'; *Талг'ан ба бадэ гилтариламби* 'Молния повсюду сверкает'; *Гэрэн н'алма мэни мэни ббдэ гэнэхэ* 'Все люди пошли каждый в свой дом'; *Шабиса гэму камчибуха* 'Ученики все собрались'; *Губчи гурун таифин обуха* 'Все государства заключили мир'; *Гурун дэ губчи таифин охо* 'В государстве повсеместно наступил мир'.

РАЗРЯД ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

По принципу субстантивно-атрибутивно-адвербиальной многозначности и полифункциональности к именам признака на правах их особого разряда можно отнести два слова, содержащих в своих значениях идею отсутствия, небытия, нетождества. Это слова *аку* 'отсутствие (наличия или тождества); отсутствующий, не имеющий; при отсутствии' и *вака* 'отсутствие (тождества или наличия); не являющийся, не тождественный; при несоответствии'. Сюда, понятно, не относятся омонимы этих слов: слова-частицы *аку* и *вака* (см. стр. 234), а также имя существительное *вака* 'неправда, ошибка, вина, проступок'.

Отрицательные слова употребляются в субстантивной функции и могут при этом склоняться, например: *аку и тэн* 'начало начал (дословно: край отсутствия, небытия)' — так в философской и религиозной литературе обозначается мифическое «сотворение мира», *Мини аку дэ умэ баламадара* 'В мое отсутствие не безобразничай'; *Би эрэ сцин вака бэ улхимби* 'Я понимаю, что это не есть благо (нетождество блага)'. Употребляются в атрибутивной функции, например: *м'бчан аку бутхаси* 'охотник без ружья (не имеющий ружья)', *бутхаси вака н'алма* 'человек, не являющийся охотником'. И, наконец, могут употребляться адвербиально, например: *Бира бэ тэмчику аку дбраку* 'Реку без лодки (при отсутствии лодки) не переедешь'; *Алгин вака бучэхэ* 'Безвестно (при отсутствии вестей) умер'.

Такова функционально-семантическая структура отдельных разрядов имени признака. Вся в целом эта часть речи дает в этом отношении следующую картину:

п — 759	40.4 %	сн — 27	1.4 %
сп — 362	19.2 %	пн — 285	15.2 %
спн — 192	10.2 %	н — 255	13.6 %

Не мешает напомнить, что отнесение каждого слова к той или иной группе основывается не на абсолютном, а на преимущественном его употреблении.

Как видим, больше всего слов монофункциональных — 54 %, слов, выполняющих по две функции, — 35.9 % и слов, выполняющих все три функции, — 10.1 %. Однако следует иметь в виду, что в словаре И. И. Захарова и в попавших в поле зрения автора текста неизбежно у какого-то, может быть, и весьма значительного количества имен признака, учтены не все присущие им функции. Это дает достаточно надежные основания думать, что фактически процент полифункциональных слов этой части речи много выше, чем 46. Не исключено, что их больше, чем монофункциональных.

На то, что слова подобного рода способны выступать в ролях, свойственных русским прилагательным и существительным, прилагательным и наречиям, указывал еще И. И. Захаров.¹ Он даже впадал в некоторое преувеличение, утверждая, что «все качественные слова, т. е. прилагательные имена» можно отнести и к «кореным наречиям», поскольку в зависимости от того, «при каком слове они находятся», эти слова «принимают то или другое значение», т. е. служат или прилагательными, или наречиями. На самом деле они не меняют своей принадлежности к определенной части речи, но выполняют различные присущие ей функции.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН ПРИЗНАКА

Рассмотрев функционально-семантическую характеристику имени признака, перейдем к морфологической стороне дела.

Способность к словоизменению, точнее говоря, к релятивному и смешанному формообразованию, присуща только тем именам признака, которые употреблены в предметном значении (в субстантивной функции). Как и именам существительным, им свойственна изменяемость по падежам, способность приобретать предикативно-притяжательную форму и крайне ограниченная, практически редко осуществляемая изменяемость в числе. Примеры: *Тарун и гисун бэ умэ акдара* 'Слову болтуна не верь' (*тарун* 'дерзкий; болтун'); *Сини салгаңга бэ јаја н'алма гэмү самби* 'Твою доброту все люди знают' (*салгаңга* 'добрый; доброта'); *Эрэ симэли дэ комсо жиха бурзо?* 'Не дадите ли этому бедняку немного денег?' (*симэли* 'бедный; бедняк; пусто'); *Мэдэри и шумин чи эму калиму тучикэ* 'Из глубины моря появился какой-то кит' (*шумин* 'глубокий; глубина; глубоко'); *Эрэ јабун убашақуиңгэ* 'Это поступок изменника' (*убашақу* 'неверный; изменник').

В субстантивной функции выступает имя признака и в том случае, когда оно употребляется заместительно, т. е. замещает целое

¹ Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. С. 77, 83, 305.

словосочетание: наименование именно этого признака + наименование определяемого им предмета. В этом случае существительное опускается, а его падежная форма присваивается имени признака, независимо от того, способно ли оно иметь субстантивное значение в других случаях. Так, например, вместо несколько тавтологичного: *Кокима н'алма дэ жиха комсо улиңга н'алма дэ лабду кац* 'У бедного человека денег мало, у зажиточного человека — много' — обычно применяется эллиптическое построение с именем признака в заместительном употреблении: *Кокима н'алма дэ жиха комсо улиңга дэ лабду кац* 'У бедного человека денег мало, у зажиточного — много'; вместо *Буја бацта бэ така вал'а нэнэмэ маңга бацта бэ мутэбучи ачамби* 'Оставь пока мелкие дела, сначала нужно выполнять трудные дела' говорится: *Буја бацта бэ така вал'а нэнэмэ маңга бэ мутэбучи ачамби* 'Оставь пока мелкие дела, сначала нужно выполнять трудные'; вместо *Сахал'ан доби бацбиңгэ доби чи маңга* 'Чернобурая лиса дороже простой лисы' говорят: *Сахал'ан доби бацбиңгэ чи маңга* 'Чернобурая лиса дороже простой'; вместо *Мэнтухун и гунин бэ донжираку мэргэн гунин бэ гиңгулэмэ алимби* 'Мысли глупца не слушаю, а мысли мудреца почтительно принимаю' говорят: *Мэнтухун и гунин бэ донжираку мэргэниңгэ бэ гиңгулэмэ алимби* 'Мысли глупца не слушаю, а мудрецовы почтительно принимаю' и т. п.

Форму множественного числа имени признака принимают только в субстантивной функции, причем принимают лишь те, которые обозначают людей, да и то далеко не все, а только очень немногие, например: *саиса* 'мудрецы' (*саин* 'хороший; добро; хорошо'), *факсиса* 'мастера' (*факси* 'искусный; мастер'), *ажигаса* 'малютки' (*ажиган* 'маленький; малютка'), *дэмуңгэсэ* 'еретики' (*дэмуңгэ* 'еретический; еретик').

Выполняя адвербиальную функцию, имена признака нередко приобретают форму родительного падежа, который в подобных случаях играет в первую очередь роль адвербиализатора, а не выразителя падежных отношений. Но без него вполне можно и обойтись. Более важной приметой служит позиция. Если имя признака — имеет ли оно форму родительного падежа или беспадешную форму — стоит перед глагольным словом, то оно может иметь только значение выразителя признака действия, например: *саин и (=саин) бимби* 'хорошо живу', *нэмэјэн и (=нэмэјэн) гисурэчэмби* 'любезно беседуют', *оилохон и (=оилохон) вэилэхэ* 'нерадиво работал', *нэсукэн и (=нэсукэн) тэчэхэ* 'спокойно сидели'. Иногда, особенно в сочетании с глаголом повелительного наклонения, имя признака в форме родительного падежа передает значение сравнительного усиления качественного признака: *саин и бису* 'хорошо живи (будь здоров) = получше живи', *тургэн и гэнэ* 'быстрее (по-

быстрее) иди', *госин* и *осо* 'милостивее (помилостивее) будь', *фита* и *худита* 'крепче (покрепче) привяжи' и т. п.

В атрибутивной функции (наиболее частотной в практике речи) имя признака начисто лишено способности к словоизменению. Единственной приметой этой функции является позиция, вытекающая из общего универсального для маньчжурского языка правила: подчиненное слово по отношению к подчиняющему может быть только в препозиции. Иначе говоря, имя признака, стоящее в беспадежной форме перед именем существительным или именем признака в субстантивной функции и имеющее с ним подчинительную, а не сочинительную связь, выполняет атрибутивную функцию и обозначает тот или иной признак предмета. Форма подчиненного слова (определения) неизменна, никак не зависит от формы подчиняющего слова. Иначе говоря, в данном сочетании слов, как, впрочем, и в любом другом, маньчжурскому языку не свойственно согласование. Примеры: *Сацун морин жугун бэ эфужэ-раку* 'Хороший конь дорогу не испортит'; *Мэргэн сагда саи гисун бэ даха* 'Следуй словам мудрых старцев'; *Аусиңа жака бэ акдукан и жајачи ачамби* 'Полезную вещь следует понадежнее прятать'; *Утту бэки хэчэн дэ акдачи омби* 'На столь крепкую крепость (оборонительное сооружение) можно положиться'.

Итак, с точки зрения словоизменительной морфологии, имена признака характеризуются следующим образом: в атрибутивной и адвербиальной функциях они неизменяемы и всегда имеют основную форму; в субстантивной функции они склоняются и имеют форму того или иного падежа, причем в именительном падеже их форма, как и у имен существительных, материально совпадает с основной формой, а те из них, которые в субстантивной функции обозначают людей, могут также приобретать и форму множественного числа.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЗНАКА

В смысле словообразовательной морфологии, всегда, но в неодинаковой степени омертвевшей, имя признака отличается большим числом конструктивных моделей. Их насчитывается более четырех с половиной десятков.

Самая емкая модель представляет собой $\sqrt{\quad}$ (корень) + словообразовательный аффикс *-ңга/-ңгэ/-ңго*. Слов, построенных по этой модели, в словаре учтено 465, т. е. почти четвертая часть всех имен признака. По подразрядам они распределяются следующим образом: качественных 255, относительных 198, количественных 10, вопросительно-указательных 2. Больше всего качественных, но

в общей массе слов этого подразряда образованные по такой модели занимают лишь около 17 %, тогда как среди относительных образованные таким же путем составляют более 73 %. В других двух подразрядах доля их такова: среди количественных — 28.5 %, среди вопросительно-указательных — 5 %. Следовательно, среди относительных имен признака ни одна другая модель конкурировать с этой не может: из остальных доля ни одной не доходит до 10 %. Можно даже сказать, что относительные имена признака образуются почти исключительно по этой модели. Более того, для этого подразряда модель $\sqrt{+}$ -*нга/-нэ/-нго* наиболее продуктивная. Теоретически с ее помощью можно образовать относительное имя признака почти от любого существительного, а также от других имен признака, обладающих субстантивным значением, и некоторых глаголов. Наиболее общее значение продуктов такого словообразования будет: «имеющий отношение к данному предмету или действию». В других подразрядах эта модель не пользуется такой свободой применения. Здесь образующий ее аффикс можно считать в значительной мере омертвевшим. Былым назначением его, как можно думать, было подчеркивание именно атрибутивной стороны семантики, хотя в отдельных сравнительно редких случаях слова этого подразряда и этой модели в порядке исключения употребляются в двух и даже в трех значениях при обязательности в семантическом спектре каждого слова наличия атрибутивного значения. Все сказанное будет проиллюстрировано приводимыми ниже примерами.

Производящим корнем для производных имен признака, образованных по этой модели, в большинстве случаев служит имя существительное. Категориальными значениями таких имен признака можно считать: а) обладающий данным предметом, б) относящийся к данному предмету, в) состоящий из данного вещества, г) подобный данному предмету. Примеры: *гохоңго* 'крючковатый' < *гохон* 'крюк', *офороңго* 'носатый' < *офоро* 'нос', *улицга* 'зажиточный' < *улин* 'имущество, богатство', *илхаңга* 'цветастый' < *илха* 'цветок', *тусаңга* 'полезный' < *туса* 'польза, барыш', *мампиңга* 'узловатый' < *мампи* 'узел, петля', *амтаңга* 'вкусный' < *амтан* 'вкус, сладость', *элдэңгэ* 'светлый, блестящий' < *элдэн* 'свет, блеск', *бэңсэңгэ* 'способный' < *бэңсэн* 'способности, талант', *вэңгэ* 'просвещенный, образованный' < *вэн* 'просвещение, образование', *мориңга* 'конный' < *морин* 'конь, лошадь', *суфаңга* 'слоновый' < *суфан* 'слон', *чалуңга* 'магазинный' < *чалу* 'магазин, амбар', *ургуңга* 'радостный' < *ургун* 'радость', *жилиңга* 'гневный' < *жили* 'гнев', *кэмуңгэ* 'образцовый, умеренный' < *кэмун* 'образец, мера', *батаңга* 'вражеский' < *бата* 'враг', *дороңго* 'законный' < *доро* 'закон', *жалаңга* 'наследст-

венный' < *жалан* 'поколение, потомство', *агаңга* 'дождевой' < *ага* 'дождь', *јэхэңгэ* 'пеньковый' < *јэхэ* 'пенька', *хибсуңгэ* 'медовый' < *хибсу* 'мед', *чусэңгэ* 'бамбуковый' < *чусэ* *мб* 'бамбук', *жуңгиңгэ* 'парчовый' < *жуңгин* 'парча', *босоңго* 'матерчатый' < *босо* 'материя, ткань', *вэхэңгэ* 'каменный' < *вэхэ* 'камень', *ум'ахаңга* 'червеобразный' < *ум'аха* 'червяк, насекомое', *босхоңго* 'почкообразный' < *босхо* 'почка (орган животного)', *усэңгэ* 'зернистый' < *усэ* 'зерно, семя', *кокиңга* 'головастикоподобный' < *коки* 'головастик', *хасахаңга* 'похожий на ножницы' < *хасаха* 'ножницы' и т. п.

Производящими корнями могут служить имена признака того же или близкого значения. Как правило, аффикс *-ңга/-ңгэ/-ңго*, присоединяясь к производящему имени признака, не изменяет общей семантики, а лишь ограничивает ее, подчеркивая атрибутивность и устраняя в большинстве случаев возможность субстантивного и адвербиального употреблений. Примеры: *бэлэниңгэ* 'приготовленный' < *бэлэни* 'приготовленный, в готовности', *дачуңга* 'острый, проворный' < *дачун* 'острый, проворный; остро, проворно; острие', *худуңга* 'быстрый' < *худун* 'быстрый; быстро', *адалиңга* 'подобный' < *адали* 'подобный; подобно', *ухэриңгэ* 'общий' < *ухэри* 'общий; вообще; общность, совокупность', *нархуңга* 'чистый' < *нархун* 'чистый; искусно', *хачиңга* 'различный' < *хачин* 'различный; разряд', *шолоңго* 'свободный от дел' < *шоло* 'свободный; свободно; досуг', *элг'эңгэ* 'изобильный' < *элг'эн* 'изобильный; много; достаток', *тондоңгэ* 'правильный' < *тондо* 'правильный; правильно; верность', *жуңгэ* 'второй, следующий', *ориңга* 'двадцатый', *миңгаңга* 'тысячный' и т. п.

Имеются отглагольные имена признака, построенные по той же модели. Их довольно много, хотя и значительно меньше, чем отыменных. Образуются они в подавляющем большинстве случаев от глагольных основ, которые в единичных случаях бывают оформлены аффиксами прошедшего времени *-хал/-хэл/-хо*, *-кал/-кэл/-ко* или побудительного залога *-бу/-мбу*. Значения отглагольных имен признака таковы: а) признак как результат данного действия, б) признак по характерному действию, в) признак по склонности к данному действию, г) признак по предназначенности к данному действию. Примеры: *татаңга* 'вытянутый' < *тата-* 'тянуть', *вэсиңгэ* 'поднятый' < *вэси-* 'подниматься вверх', *жэңгэ~жэжэңгэ* 'сытый' < *жэ-* 'есть, питаться', *гэбулэңгэ* 'названный' < *гэбулэ-* 'называть', *сирабуңга* 'продолжительный' < *сира-* 'удлинять', *кухэңгэ* 'раздутый' < *ку-* 'пучиться', *илиңга~илихаңга* 'стоячий' < *или-* 'становиться, вставать', *бадарамбуңга* 'пространный' < *бадара-* 'распространяться', *кокираңга* 'пагубный' < *кокира-* 'губить, причинять вред', *ичаңга* 'приятный' < *ича-* 'приходиться по сердцу',

гочиңга 'тянуший' < гочи- 'тянуть', туабуңга 'просвечивающий' < туабу- 'быть видимым', шуңгэ 'просвещенный' < шу- 'понимать', фаишаңга 'ревностный' < фаиша- 'стараться', дэдуңгэ 'лежащий' < дэду- 'лежать', анахунжаңга 'смиранный' < анахунжа- 'угождать', караңга 'виднеющийся' < кара- 'смотреть вдаль', саишаңга 'прелестный' < саиша- 'одобрять', асилаңга 'вспомогательный' < асила- 'помогать'.

По этой же модели образовано имя признака от имени отрицания: акуңгэ 'несуществующий, небывалый, невозможный' < аку 'нет, отсутствие, без'.

Наконец, есть немного имен признака с тем же конечным слогом, представляющим, видимо, полностью омертвевший тот же аффикс -ңга/-ңгэ/-ңго. Это хуаңга 'дружный', фасиңга 'развоенный', аилуңга 'пригожий', јэбчуңгэ 'приятный', мэңгэ 'жесткий', јакуңга 'странный', мадаңга 'упругий' и некоторые другие.

В большинстве случаев аффикс этой модели подчиняется гармонии гласных, но в отдельных словах, которые трудно подвести под какое-нибудь правило, происходит нарушение гармонии: вариант -ңгэ встречается в словах, корни которых содержат гласные первой или третьей серии, например: хаирачукаңгэ, баибичгэ, олбоаңгэ, тондоңгэ, н'олмоңгэ.

Следующей по количеству образованных с его помощью слов является модель корневых слов, т. е. таких, в составе которых словообразовательные аффиксы, не только живые, но и омертвевшие, выделить не удастся. Таких слов, не считая счетных, в словаре учтено 371, т. е. немного меньше одной пятой части всех имен качества. Подавляющее большинство их относится к качественным словам. Их 330. Следующий по величине подразряд относительных слов включает 21 имя признака, подразряд степени интенсивности — 9 слов, количественный подразряд — 7 слов (не считая счетных слов, которых среди корневых можно насчитать свыше двух десятков) и вопросительно-указательный подразряд — 4 слова.

Классифицировать корневые имена признака по семантическим группам не имеет здесь особого смысла, так как никакой связи с особенностями морфологии они не имеют и иметь не могут, поскольку различий в этом отношении между входящими в эту группу словами нет. Сюда относятся: саин 'добро; добрый, хороший; хорошо', эхэ 'зло; злой, плохой; плохо', јарг'ан 'истина; истинный; действительно', госин 'милость; милостивый; милостиво', лампа 'неурядица; сомнительный; сомнительно', тургэн 'быстрина, быстрота; быстрый; быстро', хатан 'крепость; крепкий; крепко', ханжа 'честность; честный; честно', болго 'чистота; чистый; чисто', сулфа 'спокойствие; спокойный; спокойно', гулу 'просто-

та; простой; просто', *мэргэн* 'мудрец; мудрый; мудро', *жа* 'облегчение; легкий; легко', *маңга* 'удалец; крепкий; трудно', *jamži* 'вечер; вечерний; вечером', *эрдэ* 'рань; ранний; рано', *сурэ* 'мудрец; мудрый', *чиксин* 'детина; дородный', *шакшан* 'злоумышленник; злой', *мэмэрэн* 'упорство; упорный', *жира* 'чаша; густой', *хари* 'кривой; боком', *ан* 'обычай; обычный', *хакчин* 'крутизна; крутой', *кокима* 'бедняк; бедно', *тэ* 'современность; теперь', *фукжин* 'начало; впервые', *хибчан* 'бережливость; скудно', *кару* 'ответ; обратнo', *ларгин* 'суматоха; хлопотливо', *энчу* 'другой; иначе', *бацби* 'беспользнь; попусту', *жэнду* 'тайный; тайно', *фондо* 'сквозной; насквозь', *урху* 'кривой; криво', *губчи* 'целый; всюду', *нэчин* 'прямой; прямо', *јони* 'целый; вполне', *гиңгэ* 'чистый', *кишан* 'свежий, бодрый', *олхон* 'сухой', *сэктү* 'умный', *гали* 'даровитый', *ајигэ* 'маленький', *турга* 'худощавый', *сүа* 'желтоватый', *соборо* 'зеленовато-желтый', *кури* 'темно-бурый', *кара* 'вороной', *јачин* 'черноватый', *эму* 'один', *јүэ* 'два', *сунја* 'пять', *јүан* 'десять', *тофохон* 'пятнадцать', *гусин* 'тридцать', *сусаи* 'пятьдесят', *таңгу* 'сто, сотня', *саса* 'вместе, вдруг', *лумбур* 'потихоньку', *эмги* 'вместе', *эңчи* 'тайно', *чос* 'стремительно', *ину* 'действительно', *ханчи* 'близко', *буру* 'неясно', *фита* 'крепко', *чоро* 'послезавтра', *тэни* 'только что'.

Модель с аффиксом *-кан/-кэн/-кон* и крайне редким вариантом *-чан* обнаруживается более чем в полутора сотнях имен признака. Почти все эти слова (99.7 %) относятся к разряду качественных имен признака и лишь несколько — к количественному разряду. Словообразование по этой модели, возможно, является живым, хотя и не полностью продуктивным. Ограничения накладываются исключительно конкретной семантикой производящих корней, что будет понятно из дальнейшего изложения.

В качестве производящих корней, за редкими исключениями, без труда выделяются слова той же части речи — имена признака. Имеется всего около двух десятков слов (около 13 %), производящие корни которых в качестве самостоятельных слов не зарегистрированы, а если и зарегистрированы, то не имеют прямых семантических связей с интересующими нас словами, а самое главное — не имеют характерного для всех остальных слов оттенка значения. Это такие слова, как *бокшокон* 'складный', *асикан* 'малютка; маленький', *каскан* 'негодяй; заносчивый; ревностно', *момокон* 'молчание; притихший; молчком', *сэбкэн* 'новинка; редкий; редко', *м'осикон* 'ложь; ложный; ложно', *хочикон* 'красавец; пригожий', *даңкан* 'раб; закабаленный', *шуңкэн* 'глубокомысленный', *ухукэн* 'слабый', *улукэн* 'ложно', *бомбокон* 'бесцельно'.

Во всех остальных словах словообразовательный аффикс придает дополнительный оттенок значения, указывающий на непол-

ную, но и не малую степень интенсивности признака, что в русском языке приблизительно эквивалентно словообразовательному суффиксу прилагательных и наречий -оват~-еват или наречиям степени «довольно», «почти». Примеры: *унтухукэн* 'пустоватый, почти пустой' < *унтухун* 'пустой; пустота', *адаликан* 'довольно похожий' < *адали* 'похожий; одинаково', *мухэл'экэн* 'почти круглый' < *мухэл'эн* 'круглый; круг', *усихикэн* 'мокрватый' < *усихин* 'мокрый', *гулхукэн* 'почти целый' < *гулхун* 'целый', *ханчикан* 'близость; довольно близкий; близенько' < *ханчи* 'ближний; близко', *ичэкэн* 'почти новый; новее' < *ичэ* 'новый; новизна; вновь', *гэңг'экэн* 'довольно светлый; довольно светло' < *гэңг'эн* 'светлый; ясный взгляд', *горокон* 'далековатый; далековато' < *горо* 'далекий; даль; далеко', *элхэкэн* 'потихоньку' < *элхэ* 'медленный; спокойствие; спокойно', *ячикан* 'темноватый, почти темный' < *ячин* 'темный', *булхачан* 'пестроватый' < *булха* 'пестрый', *сахал'акан* 'черноватый' < *сахал'ан* 'черный; север', *шахукан* 'беловатый' < *шахун* 'светлый, белый'.

По модели $\sqrt{\quad} + \text{-хун}$ образовано из зарегистрированных в словаре 134 имени признака. Из них 121 относится к разряду качественных, 11 — к относительным и 2 — к количественным. Несмотря на довольно значительное число слов, словообразование по этой модели вряд ли можно считать живым и продуктивным. Во-первых, далеко не для всех производных можно установить, от каких других слов они образованы. Только у 42 из них (31.4 %) производящие корни совпадают с основами глагольных слов или с именами признака, причем обнаружить в последнем случае разницу в значениях между производными и производящими словами не удается: они синонимичны. Отсюда вытекает, во-вторых, что в письменном маньчжурском языке аффикс -хун утратил тот оттенок значения, который он, как можно думать, некогда придавал производным словам.

От глагольных основ образованы, например, такие имена признака: *бэшэхун* 'пропитанный водой' < *бэшэ-* 'промокать, пропитываться', *тэјэхун* 'благоденствующий; покой' < *тэјэ-* 'успокаиваться, отдыхать', *вэсихун* 'верхний; верх; вверх' < *вэси-* 'восходить, подниматься', *васихун* 'нижний; низ; вниз' < *васи-* 'спускаться, понижаться', *дэждэхун* 'возвышенный' < *дэждэ-* 'лететь, взлетать, возвышаться', *элэхун* 'спокойный; спокойно' < *элэ-* 'быть довольным, довольствоваться', *л'эл'эхун* 'шалевой; головокружение' < *л'эл'э-* 'ошалеть, испытывать головокружение', *суксун* 'ощетинившийся; торчком' < *суксу-* 'подбрасывать вверх'.

От имен признака образованы такие производные имена признака, как *јадахун* 'скудный, бедный' < *јадан* 'бедный; бедность', *мэнэхун* 'слабоумный, расслабленный' < *мэнэн* 'слабый, слабоум-

ный', *џушухун* 'кислый; вяжущий вкус' < *џушун* 'кислый; уксус', *бурухун* 'мрачный; мутно' < *буру* 'темно, неясно', *гукдухун* 'выпуклый; выпуклость' < *гукду* 'выпуклый; бугор', *ф'антахун* 'высокий; великан' < *ф'анта* 'дородный', *фудасихун* 'вольнодумный; противник; наперекор' < *фудаси* 'строптивый; противник', а также *сандахун* 'отдаленный' (ср. *санда* 'расстояние'), *фулахун* 'красноватый; бедняк; крайне' (ср. *фулакан* 'бледно-красный'), *вэнџэхун* 'богатый, горячий; изобилие, состояние; весело, пышно' (ср. *вэнџэңгэ* 'нагретый, разогретый'), *сахухун* 'черноватый; темнота; темно' (ср. *сахал'ан* 'черный; север').

Большое число производных имен признака образовано по модели $\sqrt{\quad} + -ри$. В словаре их учтено 112. Почти все они обозначают качественные признаки; таких слов — 106. Из того же словообразовательного типа 3 слова обозначают относительные признаки и по одному — количественный, вопросительно-указательный и признак степени.

Словообразование по модели $\sqrt{\quad} + -ри$ едва ли можно считать живым, поскольку примерно у двух пятых слов производящие корни не соответствуют живым словам. Не поддается расшифровке и семантический оттенок, придаваемый производным словам словообразующим аффиксом *-ри*. В некоторых случаях он ослабляет интенсивность признака, например: *алхари* 'пестроватый' < *алха* 'пестрый', *н'оари* 'светло-зеленый' (ср. *н'оаңг'ан* 'зеленый'), несколько чаще, наоборот, усиливает интенсивность признака, например: *сахахури* 'очень черный, черномазый' < *сахухун* 'черноватый, темный', *фулахури* 'ярко-красный' < *фулахун* 'красноватый', *гоңгохори* 'глубоко задумчивый' < *гоңгохон* 'задумчивый', *ф'антахури* 'очень дородный' < *ф'антахун* 'дородный', в некоторых случаях, по наблюдениям И. И. Захарова,² у таких слов обнаруживается способность противопоставлять признак множества однородных предметов признаку единичного предмета, например: *гакдахури хахаса* 'долговязые парни' ~ *гакдахун хаха* 'долговязый парень', *сэхэхури хада* 'отвесные скалы' ~ *сэхэхун хада* 'отвесная скала', *кубсухури хафаса* 'раздобревшие чиновники' ~ *кубсухун хафан* 'раздобревший чиновник'; но это лишь намечающаяся тенденция, а никак не правило: в любом из подобных случаев и при единственном, и при множественном числах может быть употреблено любое из двух синонимичных слов — как с аффиксом *-ри*, так и без него. В большинстве же слов никакой семантической нагрузки у аффикса *-ри* обнаружить не удается.

Приведенные выше продукты словообразования по рассматриваемой модели не выходят за рамки одной части речи в том смыс-

² Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. С. 83.

ле, что и сами они, и те слова, от которых они образованы, принадлежат к именам признака. Мы видели, что их словообразование может быть сопряжено с частичным изменением семантики. Однако этот эффект возникает в относительно небольшом числе случаев. Чаше семантического отличия производного слова от производящего уловить не удастся: они представляются синонимичными, например: *ухэри* 'главный, объединенный; совокупность; совокупно' < *ухэ* 'совокупный; совокупность; совокупно', *сэхэхури* < *сэхэхун*³ 'отвесный; торчком', *сасари* < *саса* 'вместе, совокупно', *соксохори* < *соксохон* 'одинок, безмолвно', *бултари* 'выпуклый; выпуклость; явно' (ср. *бултахун* 'выпуклый; явно'), *урхури* 'кривой; криво' < *урху* 'кривой', *оцлори* 'снаружи, опрометчиво' < *оцло* 'снаружи; поверхность', *унтухури* 'напрасно, попусту' < *унтухун* 'пустой; пустота; попусту', *шари* 'светлый, белый; свет; светло' (ср. *шанжан* 'белый'); но есть и случаи расхождения в лексической семантике:⁴ *гэңгэри* 'шатко, высокомерно' < *гэңгэн* 'слабый, неустойчивый', *шуңкэри* 'образованный' < *шуңкэ* 'понятливый', *дакдари* 'мигом' < *дакда* 'прыг', *долори* 'тайно' < *доло* 'внутренность; внутри, в душе', *жүлэри* 'впереди' (ср. *жүлэси* 'вперед', *жүлэрги* 'передняя сторона; передний'). Слова рассмотренного выше типа, т. е. образованные без перехода за рамки одной части речи, составляют чуть меньше половины слов модели $\sqrt{\quad} + -ри$.

Совсем немного слов (до 4 %) образовано от имен существительных. Это такие слова, как *тэмэри* 'цвет каштана или верблюда; каштановый' < *тэмэн* 'верблюд', *дубэхэри* 'наконец, в конце концов' < *дубэ* 'конец' (слог *-хэ-* расшифровке не поддается), *элэри* 'самодовольный' < *элэн* 'избыток', *мудары* 'без остановки туда с поворотом обратно' < *мудан* 'изгиб, поворот'.

Вдвое больше слов, образованных от основ глаголов, например: *сэххэри* 'скучный' < *сэххэ-* 'надоедать', *хацхари* 'шатко, страстно' < *хацха-* 'кривиться, склоняться', *жэчухури* 'ненадежный; шатко' (ср. *жэчухунжэ-* 'колебаться, нетвердо стоять'), *х'ари* 'косоглазый' (ср. *х'ара-* 'косить глазами'), *эбэри* 'слабый; слабо' (ср. *эбэрэ-* 'слабеть').

В отношении остальных (примерно 40 %) слов установить их производящие корни, как уже говорилось, не представляется возможным, хотя аффикс *-ри* в них несомненно присутствует. Вот не-

³ При присоединении аффикса *-ри* конечный *-н* производящего корня регулярно отпадает.

⁴ Случай расхождения в семантике, близкой к грамматической, т. е. противопоставления степени интенсивности признака или числа их носителей, приводились выше.

которые из них: *дотори* 'способный', *чэлмэри* 'тонкий стан; сухощавый', *вэри* 'другой человек; чужой', *дабкуруи* 'двойной; слой; вдвойне', *гоңгори* 'вдруг', *лакдари* 'случайно', *штэхури* 'плотный; плотно', *чалгари* 'нерадивый; небрежно', *хосхори* 'кудрявый; кудри'.

Среди образованных по модели $\sqrt{\quad} + \text{-ри}$ мы находим небольшую группу слов, обозначающих астрономически определенные отрезки времени. Это *н'эңн'эри* 'весной; весна; весенний', *жухари* 'летом; лето; летний', *болори* 'осенью; осень; осенний', *туэри* 'зимой; зима; зимний', *чимари* 'утром; утро; утренний' и *добори* 'ночью; ночь; ночной'. Употребляются они во всех трех возможных функциях; чаще всего — в адвербиальной и, пожалуй, реже всего — в атрибутивной.

По остальным моделям образовано значительно меньшее число имен признака. Рассмотрим их в убывающем порядке с самыми краткими характеристиками.

Аффикс *-схун* (в словаре учтено 52 слова) образует слова, обозначающие качественные признаки чаще всего предметов, реже — действий и еще реже — признаки, мыслимые субстантивно. Слабая продуктивность не позволяет считать этот словообразовательный тип живым, хотя неясность производящих корней свойственна всего лишь семи словам. Почти все остальные слова образованы от глагольных основ (39 слов) и только 6 слов — от семантически близких имен признака.

Примеры относящихся сюда слов: *хацхасхун~хацласхун* 'пересеченная местность; обрывистый; круто', *часхун* 'бунтовщик; непокорный; сзади', *гочисхун* 'покорность; покорный; чинно', *ижисхун* 'покорный; без помех', *суцласхун* 'изнуренный; в затруднении', *чиргасхун* 'неповоротливый; неподвижно', *уңкэсхун* 'сутулый; горбато', *хццласхун* 'замарашка; убогий', *цибисхун* 'опухоль; припухлый', *банжисхун* 'состоятельный', *калтарасхун* 'скользкий', *дахасхун* 'послушный', *жобосхун* 'заботливый', *голмисхун* 'продолговатый', *урэсхун* 'спелый', *мурисхун* 'скрученный'.

Аффикс *-чука/-чукэ* (49 слов) образует отглагольные имена признака качественного значения. Больше половины из них употребительны по преимуществу либо атрибутивно, либо адвербиально, немного менее четвертой части — почти исключительно атрибутивно и примерно столько же — во всех трех возможных функциях.

Сюда относятся: *госичука* 'милый; жалко', *жилачука* 'жалкий; жалко', *фанчачука* 'гневный; гневно', *бух'эчукэ* 'сомнительный; сомнительно', *мактачука* 'похвальный; похвально', *симачука* 'недостаточный; недостаточно', *олхочука* 'осторожный; осторожно', *акачука* 'горестный; горестно', *гусучукэ* 'беспокойный; грустно',

јэртэчукэ 'позорный; позорно', *хатачука* 'скряга; жадный; скупой', *тэңкичукэ* 'истина; истинный; справедливо', *сушлачука* 'обременение; обремененный; обременительно', *бујэчукэ* 'желанный', *нукачука* 'колкий', *зимэчукэ* 'гнусный', *банчука* 'ленивый', *јобочука* 'беспокойный' и др.

Аффикс *-ку* (43 слова) также образует имена признака качественного значения. Большинство из них употребляется то в атрибутивной, то в субстантивной функциях, значительно меньше — преимущественно в атрибутивной, так же мало — в атрибутивной и адвербиальной, совсем немного (всего 3 слова) — преимущественно в адвербиальной функции. Вся эта группа производных слов отчетливо делится на две неравные подгруппы, в которых аффикс *-ку* имеет разное происхождение.

К первой из них относятся отглагольные слова, которым аффикс *-ку* придает значение признака по обычно совершаемому или предпочитаемому действию. Это такие слова, как *инјэку* 'шутник; смешной', *мэмэрэку* 'упрямец; упорный', *силтаку* 'пролаза; увертливый', *вацку* 'кривизна; кривой', *м'амику* 'щеголь; фальшивый', *убашаку* 'изменник; неверный', *булчаку* 'ленивец; уклончивый', *гулаку* 'обрыв; отвесный', *инэку* 'настоящий; именно так', *хибчалаку* 'бережливый', *мурику* 'упорный', *урунаку* 'обязательно' и др. Правда, в этой подгруппе есть и такие слова, производящие корни которых не находят себе места среди живых глагольных основ; это *фисику* 'мямля; вялый', *г'аңку* 'уклончивый; увертливо', *чаку* 'белая крапина; пестрый' и некоторые другие.

Ко второй подгруппе относятся 9 слов, в которых аффикс *-ку* представляет собой остаток от слившегося с корнем имени отрицания *аку*, значение которого и сохраняет. Это такие слова, как *бацтаку* 'бездельник; бесполезный' < *бацта аку* 'без дела', *баңкаку* 'усердный' < *баңка аку* 'не поленившийся', *јалараку* 'неутомимый; непрерывно' < *јалара аку* 'не ленищийся', *дораку* 'бесчестный; неприлично' < *доро аку* 'без правил' и т. п. Возможно, что сюда следует отнести еще четыре слова с неизвестными корнями: *х'энаку* 'непоседа; вертлявый', *гэңг'энаку* 'подлец; подлый', *эдэкираку* 'негодяй; беспутный', *фујураку* 'неучливый; неучтиво'.

Аффикс *-и* (36 слов) образует имена признака преимущественно качественного значения. Только 4 из них имеют значение степени интенсивности. Подавляющее большинство употребляется главным образом, и даже почти исключительно, в адвербиальной функции и только три слова, кроме того, употребительны и в атрибутивной функции. У большинства слов аффикс *-и* имеет падежное происхождение. В прошлом это обычный показатель родительного падежа, одно из назначений которого — адвербиализи-

ровать имена признака. Поэтому производные по модели $\sqrt{+}$ -и в грамматическом отношении равноценны именам признака с атрибутивным оттенком значения в форме родительного падежа, таким как *сайн* и 'хорошо', *эхэ* и 'плохо', *маңга* и 'сильно', *тургэн* и 'быстро' и т. п. Но в этих последних аффикс родительного падежа не прирос к слову и пишется отдельно, тогда как в интересующей нас группе имен признака аффикс -и полностью утратил падежное значение, стал чисто словообразовательным и прирос к слову. Об омертвлении формы свидетельствует то, что у половины слов корни не совпадают с целыми словами. Сюда относятся такие слова, как *дэмбэи* 'чрезмерно', *наңгини* 'настойчиво', *дарухаи* 'постоянный; постоянно', *жаи* 'следующий, снова', *кани* 'общительно', *лэксэи* 'дружно', *чиңқаи* 'отлично', *жортаи* 'умышленно', *нисихаи* 'подряд', *эмдубэи* 'постоянно'. В двух словах (*эмгэи* 'однажды' и *чибтуи* 'непрерывно') можно предположить выпадение согласного *р* в интервокальной позиции, поскольку существуют синонимичные варианты этих слов *эмгэри* и *чибтури*. У третьей части слов выявляются живые корни, которыми оказываются синонимичные имена признака, например: *элхэи* 'спокойно', *кэмуни* 'по-прежнему', *чисуи* 'собственный; самовольно', *чихаи* 'добровольно', *бутуи* 'тайком'. Три слова: *дахандухаи* 'следом', *сирандухаи* 'друг за другом' и *чалахаи* 'сбивчиво' имеют особое происхождение. Они — омертвевшие в результате адвербиализации длительные деепричастия (аффикс *-хаи/-хэи/-хқи*). Их исходные значения таковы: 'постоянно следуя' — для первых двух и 'постоянно ошибаясь' — для третьего.

Аффикс *-ту* (35 слов) образует имена признака качественного значения, среди них — два указательных. Большинство употребляется как атрибутивно, так и субстантивно, шесть — преимущественно атрибутивно, два — во всех трех возможных функциях. Обозначают повышенной степени интенсивности признаки по обладанию данным предметом, признаком или по характерному действию. Половина слов образована от имен существительных, четвертая часть — от глаголов, пятая часть — от имен признака и два слова не поддаются расшифровке.

К этому словообразовательному типу относятся: *бэжиту* 'крепкий; крепкий; крепко', *илэту* 'общительный (не замкнутый) человек; очевидный; публично', *соңготу* 'плакса; плаксивый', *дэлхэту* 'затворник; обособленный', *харату* 'данник; зависимый', *жалиту* 'толстяк; толстый', *гирату* 'костяк; костлявый', *субэту* 'силач; жилистый', *галату* 'криворучка; криворукий', *лаихуту* 'задира; придирчивый', *хулхату* 'ворище; вороватый', *суихуту* 'буйан; буйный', *јасату* 'глазастый', *алгинту* 'знаменитый', *туту* 'так'.

Аффикс *-ma/-mэ* (34 слова) образует имена качественных (32 слова, в том числе одно вопросительное) или количественных (2 слова) признаков. Употребляются они почти исключительно адвербиально, лишь только три — адвербиально и атрибутивно и только одно — атрибутивно и субстантивно.

Большинство слов (56 %) образовано от глагольных основ и представляет собой омертвевшие формы одновременного деепричастия. Среди них выделяются слова, имеющие перед *-mэ* мертвый словообразовательный аффикс *-lal/-лэ/-ло* с вариантом *-ral/-рэ/-ро*, сообщающий оттенок значения перехода от одного предмета к другому одноименному или же движения вдоль чего-либо; например: *ан'аламэ* 'год за годом, ежегодно', *б'аламэ* 'месяц за месяцем, ежемесячно', *токсоромэ* 'по деревням', *голоромэ* 'по губерниям', *далирамэ* 'по берегу, берегом', *битурамэ* 'вдоль границы', *далбарамэ* 'стороной', а также имеющие мертвый аффикс *-ral/-рэ/-ро*, придающий оттенок действия в соответствии с привычками данной категории людей, например: *хахарамэ* 'по-мужски, мужественно', *хэхэрэмэ* 'по-женски, женственно', *манжурамэ* 'по-маньчжурски', *моңгоромэ* 'по-монгольски', *никарамэ* 'по-китайски' и т. п.

Кроме того, имеются застывшие деепричастия без дополнительных словообразовательных аффиксов и дополнительных оттенков значения, такие как *важима* 'окончательный; под конец' (аффикс *-ma* в архаичном варианте, подчиненном гармонии гласных), *дасамэ~дахумэ* 'снова, повторно', *нэмэмэ* 'тем более', *кимчимэ* 'внимательно' и др.

Небольшое число слов этой модели образовано от имен признака или существительных с некоторыми не поддающимися обобщению отклонениями в семантике от последних, например: *балама* 'сумасброд; бестолковый', *энтэхэмэ* 'вечный; вечно', *сэңгимэ* 'братский; по-братски', *ичэрэмэ* 'вначале', *бажима* 'немного погоды' и др. Есть и слова, не поддающиеся полной расшифровке: *оргиламэ* 'поверх, вскользь', *саксимэ* 'второпях', *сэсэмэ* 'очень мало', *жидурамэ* 'завистливо' и др.

Аффикс *-хан/-хэн/-хон* (32 слова) образует имена признака прежде всего качественного значения. Особняком стоят лишь два слова, из которых одно обозначает степень (*сал'ахан* 'недостаточность; едва'), а другое — относительный признак (*фортохон* 'горбоносый'). Часть из них употребительна во всех трех функциях (3 слова), другая — в двух: либо атрибутивно и адвербиально (таких больше всего — 13 слов), либо атрибутивно и субстантивно (4 слова), либо субстантивно и адвербиально (2 слова), и, наконец, есть слова, употребляемые, как правило, в одной — атрибутивной — функции (10 слов).

Слова этого типа: *јафахан* 'пешеход; пеший; пешком', *госихон* 'печаль; печальный; больно', *докдохон* 'выдающийся; открыто', *чокчохон* 'отвесный; отвесно', *ончохон* 'надменный; надменно', *томорхон* 'четкий; четко', *нухан* 'спокойный; спокойно', *энтэхэн* 'вечность; постоянный', *асихан* 'юноша; молодой', *борхон* 'толпа; толпой', *хихан* 'милый', *осохон* 'малорослый', *м'ом'охон* 'выпуклый' и др.

Аффикс *-си* (25 слов) образует имена признака, имеющие значение качества (18 слов), вопроса или указания (6 слов), степени (1 слово). Одно слово употребляется только в атрибутивной функции, восемь слов — в атрибутивной и субстантивной функциях, три слова — во всех трех функциях и тринадцать слов — только в адвербиальной функции.

Слова, образованные по модели $\sqrt{\quad} + -си$, делятся на две примерно равные группы различного происхождения. В первой группе слов аффикс *-си* имеет исконно словообразовательную функцию при неясной семантике и далеко не всегда поддающихся расшифровке корнях. Это такие слова, как *гэрси* 'темень; темный', *дэмэси* 'чужак; надменный', *тарси* 'родственник по матери; родной по матери', *субси* 'развратник; назойливый', *силгаси* 'избранник; отборный', *алдаси* 'полпути; незаконченный; преждевременно', *бујаси* 'мелочь; мелочный; мелочно', *јэбкэси* 'довольно хороший', *эси* 'само собой, точно' и др. Ко второй группе слов относятся слова вопросительно-указательного и близких к нему значений, связанных с направлением движения. Получивший словообразовательное назначение аффикс *-си* у них исторически восходит к показателю существовавшего некогда направительного падежа, что подтверждается и материалом родственных языков. Это следующие, например, слова: *эбси* 'сюда', *часи* 'туда', *абси~јабси* 'куда, как', *убаси* 'сюда поближе', *гүабси* 'куда-нибудь', *жүлэси* 'вперед', *тулэси* 'наружу', *туттуси* 'туда подальше, вот так' и др.

Аффикс *-ки* (24 слова) образует имена признака качественного характера. Словообразование мертвое. Семантика аффикса неясна. Корни у трети слов не расшифровываются. Во всех трех функциях употребляется 6 слов, в атрибутивной и субстантивной функциях — 9 слов, в атрибутивной и адвербиальной — 4 слова, в одной атрибутивной — 5 слов.

К этому типу относятся: *ојоки* 'торопыга; проворный; спешно', *жабшаки* 'счастливец; удачный; удачно', *лэңсэки* 'толстяк; неуклюжий', *сакдаки* 'по-старчески разумный молодой человек; старообразный', *ханчики* 'близость; близкий', *гороки* 'даль; отдаленный', *дуңки* 'мрачный; вспльчиво', *жуки* 'порядочный; порядочно', *амбаки* 'важный', *шосики* 'нетерпеливый', *носики* 'удачливый' и др.

Аффикс *-таул-тэул-тоу* (24 слова) образует преимущественно от глагольных основ (при семи неясных случаях) имена качественного признака по обычному, наиболее характерному действию. Две трети из них употребляется преимущественно в адвербиальной роли, в адвербиальной и субстантивной — 4 слова, во всех трех — 4 слова и в атрибутивной и субстантивной — одно слово. Слова такие: *бирэтэи~бурэтэи* 'повсеместно', *ласхатаи* 'наотрез', *оңготаи* 'забывчиво', *томортаи* 'метко', *эргэлэтэи* 'насильно', *гасхутаи* 'клятвенно', *иситаи~ичитаи* 'правша; правый; направо', *хасхутаи~хасутаи* 'левша; левый; налево', *гацтаи* 'миг; внезапно', *банжитаи~банитаи* 'склонность; врожденный; натурально', *хулхатаи* 'ворище; вороватый' и др.

Аффикс *-лал-лэл-ло* (23 слова) присутствует в именах признака, среди которых большинство (16 слов) обозначает качественные признаки, 4 — вопросительно-указательные, 2 — относительные и 1 — признак степени. Здесь также выделяются две группы слов. У одной аффикс имеет чисто словообразовательное значение, хотя ни семантика его, ни корни многих слов расшифровке не поддаются. Это такие слова, как *хасала* 'свороход; пряткий', *мохоло* 'комолый вол; комолый', *жэбэлэ* 'правый колчан; правый; направо', *лэхэлэ* 'незаконнорожденный', *худукала* 'поскорее', *мэхэлэ* 'тщетно', *иладала* 'непостоянно' и т. п. У другой группы аффикс имеет падежное происхождение. Судя по тому общему оттенку значения, который присущ всем словам группы, а также исходя из сравнений с родственными языками, с полной уверенностью можно утверждать, что в окаменевших словах этой группы общий для них конечный элемент *-лал-лэл-ло* некогда представлял собой показатель местного падежа. Сюда относятся: *дэлэ* 'верх; верхний; вверх', *вала* 'низ; низкий; ниже', *доло* 'внутренность; внутренний; внутри', *оцло* 'поверхность; снаружи', *тулэ* 'внешний; наруже, наружу', *чала* 'там', *тутала* 'столький; столько' и др. Корни многих из этих слов выясняются при сравнении со словами: *дэн* 'высота', *до* 'внутренность', *оцхори* 'поверхностно', *часи* 'туда', *тутту* 'так'.

Аффикс *-сака* (18 слов) образует имена признака качественные (16 слов) и степени (2 слова). Производящими корнями для него служат качественные имена признака, которым он сообщает дополнительный оттенок значения достаточности или повышенной интенсивности признака. Здесь мы встречаемся с вполне живым словообразованием, о чем свидетельствует отчетливая семантическая и морфологическая членимость производных слов и фонетическая самостоятельность аффикса, который не подчиняется гармонии гласных. Больше того, идентичный аффиксу звуковой комплекс встречается в текстах как отдельно написанное самосто-

ятельное слово, играющее роль послеложного выразителя той же достаточности или повышенной интенсивности признака. Вот несколько встречающихся словосочетаний: *сэбкэ сака* 'довольно редкий', *амбакан сака* 'великоватый, довольно большой', *голмин сака* 'длиннешенек', *эл'эн сака* 'довольно обильный', *илэту сака* 'довольно ясный, вполне ясный'. Малое число слов словообразовательного типа по модели $\sqrt{\quad} + сака$ объясняется, видимо, их невысокой частотностью, благодаря чему многие из них не попали в поле зрения И. И. Захарова, а также особенностями семантики аффикса.

К этому типу относятся слова, употребляемые либо атрибутивно и адвербиально, либо преимущественно атрибутивно, например: *сэбкэсака* 'редковатый; довольно редко', *горокосака* 'далековатый; далековато', *хочикосака* 'довольно красивый; прелестно', *ичэкэсака* 'довольно новый', *јотосака* 'глуповатый', *унтухусака* 'совсем пустой' и др.

Аффикс *-ңги* (17 слов) образует качественные (13 слов), относительные (3 слова) и вопросительное (1 слово) имена признака. Словообразование мертвое. Это слова: *элэңги* 'растрепаный; неряшливый', *сусэңги* 'неряха; неопрятный', *бардаңги* 'хвостун; кичливый', *унэңги-јалаңги* 'истина; истинный; действительно', *этэңги* 'сильный', *дураңги* 'грязный', *нараңги* 'подлинный; подлинно', *чаңги* 'сплошной; сплошь', *атаңги* 'когда' и др.

У имен существительных также имеется аффикс *-ңги*, оформляющий названия веществ.* Не исключено, что исторически это один и тот же аффикс.

Аффикс *-хал-хэл-хо* (15 слов) образует имена признака качественного (10 слов), относительного (3 слова), количественного (1 слово) значений, а также значение степени (1 слово). Это слова: *јадаха* 'увечье; измученный', *доксохо* 'выдающийся; открыто', *эјэхэ* 'памятный', *лалаха* 'неустойчивый', *хонтохо* 'половина; половинный', *ганчуха* 'одинокий; одиноко', *нэлхэ* 'спокойно' и др. Живым это словообразование считать нельзя.

Аффикс *-тал-тэл-то* (15 слов) образует имена признака качественного значения: *саңгата* 'дырявость; дырявый', *алхата* 'пестрота; пестрый', *чамхата* 'пегий', *милата* 'распахнутый', *гаргата* 'одиночный', *чокто* 'надменный', *ухэритэ* 'все вместе' и др. Кроме того, с помощью того же аффикса от счетных слов образуются слова распределительные (см. стр. 106—107).

Аффикс *-бал-бэ* (15 слов) образует имена признака качественного и вопросительно-указательного значений, употребляемых с

* В разделе «Словообразование имен существительных» имена с аффиксом *-ңги* по какой-то причине не упомянуты. (Примеч. издателей).

одинаковой легкостью в двух значениях: субстантивном и атрибутивном, например: *сахива* 'угодник; услужливый', *олхоба* 'осторожный человек; осторожный', *хахиба* 'торопыга; торопливый', *караба* 'страж; бдительный', *халдаба* 'льстец; заискивающий', *дулба* 'глупец; глупый' и др.

Аффикс *-ли* (15 слов) образует качественные (11 слов), относительные (2 слова), степени (2 слова) имена признака: *симэли* 'бедняк; бедный; пусто', *эмтэли* 'бобыль; одинокий; уединенно', *дабдали* 'скакун; неудержимый', *коумали* 'обман, мошенник; лживый', *чаңгали* 'слабосильный', *дахали* 'следующий', *мудали* 'зигзагами', *жумбали* 'неожиданно' и др.

Аффикс *-лан/-лэн* (14 слов) оформляет имена признака, обозначающие качество (12 слов) и степень (2 слова). Аффикс, не всегда подчиняющийся гармонии гласных, сообщает семантический оттенок ослабленности признака. Сюда относятся: *ухукэл'ан* 'слабоватый', *нэкэл'эн* 'слабый, тонкий; слабо', *сахал'ан* 'север; черный; темно', *адалш'ан* 'отчасти похожий', *асикал'ан* 'маловатый', *сохокол'ан* 'желтоватый', *хэтул'ан* 'широковато', *чихакул'ан* 'не очень охотно' и др.

Аффикс *-жан/-жэн* (14 слов) присутствует в именах признака качественного значения, половина которых употребляется во всех трех функциях, а другая половина — преимущественно в атрибутивной функции. Это такие слова: *дужэн* 'нелюдим; угрюмый; угрюмо', *нэмэжэн* 'любезность; любезный; любезно', *шофојэн* 'суета; беспокойный; беспокойно', *муфујэн* 'тупица; тупой; бессмысленно', *шанјан* 'белый', *жигэјэн* 'глуховатый', *шуңгајан* 'высокорослый', *бубујэн* 'окоченелый' и др.

Аффикс *-хан/-хэн* (13 слов) имеется в качественных именах признака: *кобчих'ан* 'франт; нарядный; нарядно', *мичих'ан* 'мель; мелкий; мелко', *габсих'ан* 'авангард; отборный', *сэбсих'эн* 'согласие; приветливый', *олбих'ан~олфих'эн* 'вертопрах; легкомысленный', *улх'эн* 'постепенный; мало-помалу', *дусих'эн* 'мутный; мрачно', *абжух'ан* 'хрупкий; хрупко'.

Аффикс *-ган/-гэн/-гон* (11 слов): *ајиган~ајигэн* 'малютка; маленький', *гаңган* 'сталь; твердый', *доцгон* 'упреждение; заблаговременный', *нэцгэн* 'равный; повсюду', *дулган* 'немногий; неполно, наполовину', *чаган* 'белый', *гэцгэн* 'боком' и др.

Аффикс *-г'ан/-г'эн* (11 слов): *јарг'ан* 'истина; истинный; истинно', *элг'эн* 'обилие; обильный; обильно', *сарг'ан* 'редкие ячейки сети; редкий; редко', *н'оаңг'ан* 'зелень; зеленый', *гэңг'эн* 'ясный взгляд; чистый, мудрый', *суңг'эн* 'прозорливый' и др.

Аффикс *-да/-дэ/-до* (10 слов): *ајида* 'малютка; маленький', *силкада* 'пролаза; изворотливый', *н'олодо* 'негодяй; гнусный', *гакда* 'непарный, одиночный', *эмэмбихэдэ* 'иногда', *исхундэ* 'вза-

имно', *дэцгондэ* 'заранее' и др. В последних трех словах аффикс исторически восходит к показателю дательного падежа -дэ, который в подобных случаях ослабляет свою исходную семантику.

Аффикс *-рги* (10 слов) оформляет имена признака относительные: *дэрги* 'высота; высочайший; вверху', *фэжэрги* 'низ; нижний; снизу', *дорги* 'внутренность; внутренний; внутри', *оилорги* 'поверхность; наружный; снаружи', *жүүлэрги* 'перед; передний; спереди', *андарги* 'соседство; соседний; по соседству', *тулэрги* 'наружная сторона; внешний; вне' и др.

Аффикс *-су* (9 слов): *болгосу* 'чистюля; чистый', *сарасу* 'знаок; сведущий', *фургису* 'имбирь; пряный', *дахасу* 'покорный', *эжэсу* 'памятливый', *улхису* 'понятливый' и др. Почти все слова имеют отглагольное происхождение и обозначают признак по склонности или способности к данному действию.

Аффикс *-чи* имеет двоякое происхождение. В вопросительно-указательных словах (*эрэчи* 'отсюда', *тубачи* 'оттуда', *аибичи* 'откуда' и др.) он представляет собой омертвевший аффикс исходного падежа, а в порядковых словах (*жэчи* 'второй', *надачи* 'седьмой', *ниңжучи* 'шестидесятый' и др.) он служит словообразовательной приметой этого подразряда.

Аффикс *-ңгэри* образует разовые слова от счетных: *жүүңгэри* 'дважды, два раза', *дуңгэри* 'четырежды, четыре раза', *таңгунгэри* 'сто раз, многократно' и т. п., а также вопросительно-указательное *удуңгэри* 'сколько раз, несколько раз'.

Аффикс *-жу* образует от простых счетных слов первого десятка (от шести до девяти включительно) счетные слова круглых десятков: *ниңжу* (< *ниңгунжу*) 'шестьдесят', *наданжу* 'семьдесят' и др.

Аффикс *-рсу* от счетных слов образует относительные имена признака по количеству рядов, слоев: *эмурсу* 'одинарный, однослойный', *иларсу* 'тройной, трехслойный' и т. п.

Имеется еще до полутора десятков малочисленных словообразовательных типов с аффиксами: *-кал-кэ* (*эжэка* 'прилежный', *кэка* 'кривизна; криводушный; жестоко', *эсика* 'достаточный; довольно', *антака* 'какой; как'), *-буру* (*маңгабуру* 'молодец; преодолевающий трудности; затруднительно', *зимэбуру* 'негодяй; презренный', *фулабуру* 'темно-вишневый цвет; темно-вишневый' и др.), *-мэл'ан* (*латумэл'ан* 'как бы склеенный; сросшись', *васимэл'ан* 'приспущенный; немного вниз', *ожомэл'ан* 'немного согнутый', *илимэл'ан* 'почти стоячий; стоймя' и др.), *-ни* (*васини* 'исхудалый', *гувэмни* 'великодушно', *жалани* 'немного спустя', *элдэни* 'блестяще'), *-лу* (*шумпулу* 'калека; расслабленный', *чукулу* 'понурая голова; близорукий', *н'амбулу* 'слабоумный' и др.), *-дарил*

-дэри (доргидэри 'скрытно', мудандари 'каждый раз', б'адари 'ежемесячно' и др.), -ژی (шумژی 'глубина; глубокий', гамژی 'обирала; ненасытный', кармажи 'криводушный; криво' и др.), -ф'ан/ -ф'эн (мулф'эн 'круг; круглый', фэлф'эн 'просторный' и др.), -лиңгу (амбалиңгу 'великий человек; важный', эхэлиңгу 'глупец; плохой', јадалиңгу 'истощенный'), -така/тэкэ (только вопросительно-указательные: антака 'какой; как', этэкэ 'этакий; этак', тэн-тэкэ 'такой; так').

МЕСТОИМЕНИЯ

В маньчжурском языке местоимения делятся на два разряда: личные и определительно-возвратные. Возможность их выделения в самостоятельную лексико-грамматическую категорию условна. Такую возможность дают лишь особенности их семантики: все они в той или иной мере обладают функцией замещения различных имен. Именно эта функция и служит их отличительным признаком, противопоставляющим их всем остальным словам. В грамматическом же отношении, особенно в области синтаксиса, они примыкают к именам существительным. В большей мере это касается определительно-возвратных местоимений и в несколько меньшей — личных, поскольку личные обладают довольно существенной спецификой.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Принято считать, что личные местоимения обладают двумя самостоятельными грамматическими категориями: категорией лица и категорией числа. В отношении числа они считаются изоморфными именам существительным, т. е. с оппозицией стол~стола отождествляются не только он~они, но и ты~вы и даже я~мы. Иначе говоря: $\frac{\text{я}}{\text{мы}} = \frac{\text{ты}}{\text{вы}} = \frac{\text{он}}{\text{они}} = \frac{\text{стол}}{\text{стола}}$. На самом же деле лишь отношение он~они подобно отношению стол~стола; отношение ты~вы может быть подобным ему, но может и не быть подобным; отношение же я~мы принципиально отлично. «Столы» есть тот же «стол», но в количестве, превышающем единицу. Здесь имеется в виду некоторое множество единиц, каждая из которых тождественна любой другой и представляет собой «стол». Подобно этому «он (она, оно)» есть единица чего-то или кого-то, что не участвует в диалоге, но о чем идет речь, причем «они» представ-

ляет собой множество ($n + 1$) тех же самых «он (она, оно)». Местоимением «ты» обозначается адресат речи, а местоимением «вы» — либо множество адресатов, где каждая единица функционально тождественна любой другой, либо одного или нескольких адресатов (1 или $n + 1$) + какое-то количество (1 или $n + 1$) лиц, не являющихся адресатами речи и вообще не участвующих в разговоре, но по тем или иным признакам связанных с адресатами. Местоимением «я» обозначается производитель речи. При естественных условиях «я» всегда один. Только при искусственных условиях хоровой декламации, где речь не порождается, а всегда лишь репродуцируется, возможно множество производителей одного и того же речевого произведения, которое и может быть обозначено местоимением «мы». Но этот случай, равно как и подстановка «мы» на место «я» (например, «по нашему мнению», «мы, император Николай»), ввиду их явной исключительности, могут не приниматься во внимание, тем более что маньчжурские памятники подобных примеров не дают. В естественных же условиях множество «я» по отношению к одному речевому произведению вообще невозможно. В этих условиях «я» только единично, а «мы» представляет собой «я» + некоторое количество «не-я», т. е. лиц, с которыми говорящий себя почему-либо объединяет, но которые по своей функции в отношении акта речи говорящему не тождественны. Каждый из них может быть «он (она, оно)» или «ты», но никак не «я».

Значит, так называемая «категория числа» личных местоимений по смыслу далеко не тождественна числу существительных. Больше того, для каждого лица она обладает весьма существенными специфическими чертами.

Другое дело — грамматическая категория лица. В маньчжурском она присуща только личным местоимениям, а в их пределах расчленяется четко и единообразно. «Я» и «мы» относятся к первому лицу и противостоят вторым лицам «ты» и «вы», так же как и местоимениям третьих лиц «он (она, оно)» и «они». Эти оппозиции абсолютны и универсальны. Ядро первого лица — производитель речи, ядро второго лица — адресат, а третье лицо — объект или объекты речи. Единственное различие в том, что местоимения третьих лиц могут замещать названия объекта речи, если он принадлежит к категории лица, но это не обязательно, поскольку объект может и чаще всего обозначается его незаместительным наименованием или же заместительно-указательными словами, а местоимения первых и вторых лиц служат единственно возможными обозначениями участников диалога. Но это различие естественно вытекает из более общей оппозиции лиц, связанной с различением функций в акте речи. Следовательно, хотя третьи

лица и обладают своей спецификой, все же парадигма личных местоимений должна включать и первые, и вторые, и третьи лица. На более низком уровне в пределах каждого лица имеется оппозиция двух чисел: единственного и множественного. Целесообразнее даже считать лицо и число категориями, неразрывно связанными между собой, и поэтому в парадигму личных местоимений включать как равноправные формы первого лица ед. ч., первого лица мн. ч. (чуть ниже мы увидим, что их две), второго лица ед. ч., второго лица мн. ч., третьего лица ед. ч. и третьего лица мн. ч.

Категория первого лица мн. ч. включает в себя две формы, связанные со смысловым различием: форму исключительную (эксклюзивную) и форму включающую (инклюзивную). Первая из них употребляется тогда, когда говорящий объединяет с собой некоторое число лиц, исключая адресата (одного или нескольких; примерно в таких по смыслу предложениях, как «мы пойдем, а ты останься»), а вторая, когда говорящий объединяет с собой адресата (или только его, или его и еще кого-то; примерно в таких по смыслу предложениях, как «мы с тобой пойдем»).

Парадигма личных местоимений:

I л. ед. ч.	— би 'я'
I л. мн. ч. искл.	— бэ 'мы (без тебя, без вас)'
I л. мн. ч. вкл.	— мусэ 'мы (с тобой, с вами)'
II л. ед. ч.	— си 'ты'
II л. мн. ч.	— сүэ 'вы'
III л. ед. ч.	— и 'он (она, оно)'
III л. мн. ч.	— чэ 'они'

В формах первых двух лиц можно обнаружить следы былого противопоставления их как по лицам, так и по числам. Совершенно очевидно, что первое лицо сигнализируется начальным согласным *б-*, второе же лицо — начальным согласным *с-*. В третьих лицах мы подобного общего признака не находим: там \emptyset чередуется с *ч-*. Сигнализацию числа мы вправе были бы ожидать от остальной части слов, от их гласных звуков. Однако, даже исключив из рассмотрения форму первого лица мн. ч. включающую, вообще выпадающую из свойственной личным местоимениям системы фонетических оппозиций, мы не находим здесь единого принципа. В формах первых лиц *-и* чередуется с *-э*, тогда как в формах вторых лиц тот же *-и* чередуется с дифтонгом *-үэ*. Правда, в третьих лицах мы снова, как и в первых, встречаем *-и~э*, но особое положение с согласным началом ($\emptyset\sim ч-$) мешает их отожде-

ствлению. Вообще личные местоимения третьих лиц стоят особняком во всех тунгусо-маньчжурских и многих других языках как по фонеморфологическому составу, так и в семантическом отношении. К тому же по их структуре маньчжурский язык резко отличается от своих родственников. Поэтому о них разговор должен быть особый.

Свет на историю образования парадигмы личных местоимений первых и вторых лиц проливают родственные языки. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийском, негидальском, солонском, ульчском, орокском, орочком и удэгейском) личные местоимения первого лица ед. ч. — *би*, мн. ч. — *бу*, второго лица ед. ч. — *си*, мн. ч. — *су*. В эвенском языке дело обстоит так же, только начальному *с-* в нем регулярно соответствует *h-*. Нанайский язык дает несколько иную картину. Там начальный согласный в местоимениях первых лиц неодинаков: во мн. ч. — тот же *б-*, а в ед. ч. — *м-*, что разъясняется как результат ассимиляции *б > м* под влиянием конечного *-н* в косвенных формах. Это отличие, как мы видим, несущественно. Важнее другое — если в формах ед. ч. присутствует гласный *-и*, то в формах мн. ч. он заменяется дифтонгом *-уэ*: *буэ* 'мы', *суэ* 'вы'.

Отвлекаясь от некоторых несущественных тонкостей (степень долготы и закрытости гласного), систему личных местоимений первых двух лиц большинства тунгусо-маньчжурских языков можно представить в следующем виде:

Лицо \ Число	Ед. ч.	Мн. ч.
	I лицо	<i>би</i>
II лицо	<i>си</i>	<i>су</i>

Как видим, здесь согласные противопоставляют лица, а гласные — числа.

В нанайском языке:

Лицо \ Число	Ед. ч.	Мн. ч.
	I лицо	<i>ми</i>
II лицо	<i>си</i>	<i>суэ</i>

Здесь также ед. ч. связано с *-и*, а мн. ч. — с *-уэ*.

В маньчжурском такой четкости нет:

Лицо \ Число	Ед. ч.	Мн. ч.
I лицо	<i>би</i>	<i>бэ</i>
II лицо	<i>си</i>	<i>суэ</i>

Однако ближайший родственник маньчжурского нанайский язык позволяет предположить, что первый в выражении числа местоимений прошел через ту стадию, на которой сейчас находится второй, т. е. что и в маньчжурском некогда личное местоимение первого лица мн. ч. исключаящее имело вид *буэ по аналогии с суэ, столь же симметрично противопоставляясь формам ед. ч. би и си. Форму бэ можно считать результатом монофтонгизации дифтонга -уэ. Но это история. В письменном же языке симметрия оказалась нарушенной, причем нарушилась она в формальном отношении, видимо, именно потому, что двуплановая оппозиция личных местоимений (по лицу и по числу) трансформировалась в языковом сознании маньчжуров в одноплановую (по лицу—числу).

Словом, для маньчжурского литературного языка характерно равное противопоставление любого лица—числа личного местоимения любому другому.

Личные местоимения употребляются взамен имен существительных. Но замещают в прямом смысле слова, по сути дела, только местоимения третьих лиц. Остальные же личные местоимения, выражая функцию лица в диалоге, особым образом обозначают лица, которые при других условиях могут быть наименованы именем существительным, собственным или нарицательным, но именно в этом качестве обозначаются в речи только соответствующими местоимениями. Иными словами, они употребляются вместо имен существительных, например: *Би гучу дэ гэнэки* 'Я пойду к другу'; *Си утту гунимби?* 'Ты так думаешь?'; *Бэ суэмбэ ацсиламби кац* 'Мы ведь вам помогаем'; *Мусэ саса възлэнэмэ гэнэки* 'Мы вместе пойдем работать'; *Суэ аибэ јабумби?* 'Что вы делаете?' Попытки замены местоимений существительными резко меняют смысл высказывания. Естественно, что *Агэ гучу дэ гэнэки* 'Брат пойдет к другу' не равняется предложению *Би гучу дэ гэнэки*. К тому же результату приведут попытки произвести подобные замены во всех остальных случаях.

Местоимения третьих лиц замещают названия лиц, служащих объектом речи, внося при этом элемент уточняющего указания. Возьмем, к примеру, предложение *Ажиган жихэ* 'Юноша пришел'.

Текст может быть продолжен сообщением о том, что пришедший юноша сказал «здравствуйте». Это можно выразить так: *Ажиган сајун сэхэ* 'Юноша «здравствуйте (здоровы ли вы)» сказал'. Но в этом случае нарушена связность речи. У слушающего нет уверенности, что поздоровался тот же юноша, который пришел. Для придания тексту связности, а слушающему уверенности, что речь идет об одном и том же лице, можно добавить уточняющие определения и сказать либо *эрэ ажиган* 'этот юноша', либо *жихэ ажиган* 'пришедший юноша'. Отмеченные недостатки при этом устраняются, хотя, может быть, и не до конца, но возникает неудобство стилистического порядка: повторение существительного выглядит как явный плеоназм. Избежать его не составляет труда: достаточно заменить существительное во втором из этих двух предложений личным местоимением и 'он', и проблема разрешается. Сказав: *Ажиган жихэ. И сајун сэхэ* 'Юноша пришел. Он сказал: «Здравствуйте»' — мы достигаем и полной связности текста, и устранения двусмысленности в отношении количества действующих лиц, а вместе с тем избегаем погрешностей в стилистическом отношении. Положение останется тем же, если мы возьмем существительное в форме мн. ч. и местоимение соответствующего числа, т. е. если скажем: *Ажигаси жихэ. Чэ сајун сэхэ* 'Юноши пришли. Они сказали: «Здравствуйте»'.

Следовательно, личные местоимения третьих лиц обладают способностью с предельным уточнением конкретизировать лицо, устраняя при этом излишние повторения. В этом смысле с ними не могут конкурировать даже существительные с определениями к ним в виде указательных слов и причастий. Поэтому местоимения третьих лиц могут быть точнее определены как указательно-личные, тогда как местоимения первых и вторых лиц, прямо обозначающие участников диалога, могут быть названы предметно-личными.

Личные местоимения третьих лиц практически в речи употребляются редко. Они, как мы уже знаем, совершенно не применимы для замещения существительных категории вещи. Но даже и в тех случаях, когда требуется замещение существительного категории лица, оно очень часто осуществляется с помощью не личного местоимения, а указательного слова, т. е. вместо *и сэхэ* 'он сказал' или *чэ жихэ* 'они пришли' говорят *тэрэ сэхэ* 'тот сказал' или *тэсэ жихэ* 'те пришли'.¹ В русском языке такого рода употребление указательных местоимений уместно только при выраженном или подразумеваемом противопоставлении «те» ~ «эти». Маньчжурский же язык такого ограничения не знает. В нем указательные слова

¹ В солонском языке личных местоимений III лиц нет вовсе. Их во всех случаях заменяют местоимения указательные.

тэрэ и *тэсэ* можно считать ограниченными сферой существительных лица факультативными вариантами личных местоимений III лица ед. и мн. чисел. В принципе возможно аналогичное употребление и слов *эрэ* 'этот' и *эсэ* 'эти', но практически такая возможность реализуется в речи крайне редко.

Личные местоимения в предложении выполняют не только роль подлежащего, но и дополнения и определения. В связи с этим они подобно именам существительным обладают способностью склоняться. Им свойственны те же падежи с теми же падежными аффиксами. Но в отличие от существительных аффиксы у них пишутся всегда слитно с основами, а основы косвенных падежей супплетивны формам именительного падежа. Исключение составляет только местоимение I л. мн. ч. включающее *мусэ* 'мы (с тобой, с вами)', у которого основа косвенных падежей равняется форме именительного падежа. У всех же прочих личных местоимений основы косвенных падежей представляют замкнутые слоги с конечным *-н*, которое в винительном падеже чередуется с *-м*. В формах именительного падежа слоги открытые, без этого конечного согласного. Основы местоимений I л. ед. ч. и мн. ч. исключают обнаруживают чередование *б- ~ м-* в инициальной позиции.

Парадигмы склонения личных местоимений

Им.	<i>би</i>	<i>бэ</i>	<i>мусэ</i>
Род.	<i>мини</i>	<i>мэни</i>	<i>мусэи</i>
Вин.	<i>мимбэ</i>	<i>мэмбэ</i>	<i>мусэбэ</i>
Дат.	<i>миндэ</i>	<i>мэндэ</i>	<i>мусэдэ</i>
Исх.	<i>минчи</i>	<i>мэнчи</i>	<i>мусэчи</i>

Им.	<i>си</i>	<i>сүэ</i>
Род.	<i>сини</i>	<i>сүэни</i>
Вин.	<i>симбэ</i>	<i>сүэмбэ</i>
Дат.	<i>синдэ</i>	<i>сүэндэ</i>
Исх.	<i>синчи</i>	<i>сүэнчи</i>

Им.	<i>и</i>	<i>чэ</i>
Род.	<i>ини</i>	<i>чэни</i>
Вин.	<i>имбэ</i>	<i>чэмбэ</i>
Дат.	<i>индэ</i>	<i>чэндэ</i>
Исх.	<i>инчи</i>	<i>чэнчи</i>

У существительных, как уже говорилось, выделяется в смысловом отношении родительный падеж. Все остальные падежи (во всяком случае косвенные) выражают отношения предметов к дей-

ствиям. Отношений между предметами они выражать не могут. Родительный же падеж существительных может выражать, как мы видели, отношение предмета к действию, например: *Җаса и туга* 'Смотри глазами', — но может выражать также и отношения между предметами, например: *җаса и мукэ* 'вода глаза (т. е. слеза, слезы)'.

У личных местоимений, как, впрочем, и у тех существительных, которые ими замещаются, т. е. у существительных лица, родительный падеж отношений между предметами и действиями не выражает, иными словами, ни орудного, ни иных подобных ему значений не имеет. Правда, он способен выражать субъект действия, но только в том случае, если действие мыслится предметно. Это бывает и даже является нормой в причастных оборотах типа: *Би сини сэхэ бэ хоно донҗиха каи* 'Сказанное тобой (то, что ты сказал) я уже слышал'. Вне рамок подобного рода оборотов родительный падеж личных местоимений выражает только признак предмета по его принадлежности определенному лицу, например: *мини ама* 'мой отец', *мэни бб* 'наш (но не твой и не ваш) дом', *мусэи сэфу* 'наш (с тобой, с вами) учитель', *сини битхэ* 'твое письмо', *суэни ихан* 'ваша корова', *ини уҗу* 'его голова', *чэни хусун* 'их сила'. Никаких иных грамматических функций у подобных форм нет.

Поэтому в маньчжурском языке не выделяются как особый ряд слов притяжательные местоимения, равно как и притяжательные прилагательные. Эквивалентами первых из них являются формы родительного падежа личных местоимений, а эквивалентами вторых — формы того же падежа существительных.

Строго говоря, именительный падеж тоже выражает отношение предмета как к действию, так и к другому предмету. В том и другом случае именительным падежом выражается субъект, но в первом случае — по отношению к действию, например: *Суэ абалаки сэмбцо?* 'Вы собираетесь охотиться?', — а во втором — по отношению к предцизируемому предмету, например: *Чэ мини шабиса* 'Они мои ученики'.

Подобно именам существительным, личные местоимения могут принимать предикативно-притяжательную форму с аффиксом *-ңгэ*, которая и в этом случае употребляется или в функции сказуемого, обозначающего принадлежность какого-либо предмета, или заместительно в функции замещаемого существительного. Аффикс предикативно-притяжательной формы присоединяется к основам личных местоимений, осложненным аффиксом родительного падежа. Здесь мы имеем дело с устойчивым сочетанием аффиксов *-и-ңгэ* или *-ни-ңгэ*. Примеры: *Эрэ җака миниңгэ* 'Эта вещь моя'; *Эрэ баита дэ даму сини тургун вака. Тургун мусэиңгэ* 'В этом деле вина не только твоя. Вина наша (с тобой)'; *Бқигон*

гашан улха адун гэмү чэниңгэ ‘Имение, селение, стада — все их (им принадлежащее)’; *Сини гунин бэ самби. Иниңгэ бэ ину сарку* ‘Твои мысли (намерения) знаю, а его (мысли) совсем не знаю’; *Моңго хэргэн бэ мусэиңгэ дэ дубулэчи омби* ‘Монгольские буквы можно приравнять к нашим’. Атрибутивного употребления эта форма не знает. Как и у существительных, она находится в отношении дополнительного распределения к родительному падежу личных местоимений. Последний приурочен к выражению атрибутивного выражения принадлежности при наличии наименования принадлежащего предмета, но не может играть роль сказуемого и употребляется заместительно. Предикативно-притяжательная форма, напротив, предназначена для предикативного и заместительного употребления, но не может играть роль атрибута при наименовании предмета. Говорят *мини морин* ‘мой конь’, но нельзя сказать ни *эрэ морин мини*, а нужно *эрэ морин миниңгэ*, ни *мини бэ хуаитамби*, а нужно *миниңгэ бэ хуаитамби* ‘моего привязывает’, ни, наконец, *миниңгэ морин*, а нужно только *мини морин* ‘мой конь’.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ

В роли определительного местоимения употребляется неполностью прономинализовавшееся существительное *бэжэ* с широким спектром значений: ‘тело, туловище, внешний вид, физическая природа; живое существо; личность, особа, персона; основа, стержень’, например: *сини бэжэ н’эрэ* ‘ты слаб телом (досл.: твоё тело слабое)’, *бэжэ мэнэрэхэ* ‘тело онемело’, *бэжэ элэхун* ‘самодовольный вид (осанка)’, *бирци бэжэ* ‘русло реки, фарватер’. Как имя существительное это слово обычно употребляется после другого существительного в родительном падеже как его определение, а само имеет форму любого падежа. В форме именительного падежа это слово может прономинализоваться, если этому не препятствует общий контекст, особенно следующее за ним глагольное слово, а тем более если перед ним стоит имя существительное — подлежащее в именительном падеже или личное местоимение в родительном падеже. В этом случае слово *бэжэ* (или во множественном числе *бэ-жэсэ*) ставится обычно непосредственно перед сказуемым и приобретает значение определительного местоимения ‘сам (сама, само)’ (или ‘сами’). Примеры: *Эрэ дэбтэлин бэ мини бэжэ дблахаби*² ‘Я сам переписал эту тетрадь’; *Сини бэжэ имбэ такахар?* ‘Ты его сам узнал?’; *Батаса бэжэ алимэ гаирэ* ‘Враги сами признаются’.

² Взамен *мини бэжэ* ‘я сам’ иногда употребляется словосочетание *гула бэжэ*, в котором слово *гула* самостоятельного значения не имеет.

При тех же условиях контекста слово *бэжэ* в косвенных падежах тоже прономинализуется и принимает значения возвратных местоимений. В склонении же оно никаких отличий от существительных не приобретает.

Род.	<i>бэжэ</i> 'свой, себе принадлежащий'
Вин.	<i>бэжэ бэ</i> 'себя'
Дат.	<i>бэжэ дэ</i> 'себе, у себя, для себя, с собой, на себя'
Исх.	<i>бэжэ чи</i> 'от себя, из себя, с себя, по сравнению с собой'

Примеры: *Бэжэ ама дэ бисирэңгэ саин* 'У своего отца жить хорошо'; *Бэжэ бэ умэ мактара* 'Себя не хвали'; *Си аибэ бэжэ дэ жафаха?* 'Что ты себе взял?'; *Би симбэ бэжэ чи гэнэбумби* 'Я тебя от себя отпускаю'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВА

Наряду с рассмотренной выше группой именных частей речи (имя существительное, имя признака, местоимение) в маньчжурском языке среди знаменательных слов выделяется еще одна группа — глагольные слова. Группа глагольных слов в свою очередь делится на три части речи: глагол, причастие и деепричастие.

В описательных грамматиках конкретных языков вопрос о классификации глагольных слов решается не одинаково. Чаще всего по образцу грамматик индоевропейских языков причастия и деепричастия рассматриваются как частные формы глагола, противостоящие «собственно глаголу», представляющему собой совокупность наклонений. Реже глагол, причастие и деепричастие считаются самостоятельными частями речи. Однако и в этом случае обычно отмечается их генетическая, смысловая и морфологическая близость. В связи с этим и выявляется целесообразность объединения этих трех частей речи в класс глагольных слов.

Для маньчжурского языка второй способ решения вопроса можно считать предпочтительным, хотя и первый способ нельзя считать абсолютно неприемлемым. Всякая классификация в известной степени условна, поскольку изменение угла зрения может перенести центр тяжести с одного признака классифицируемых предметов на другой. И все же вторая точка зрения имеет под собой, как кажется и как это будет видно из дальнейшего изложения, более прочные основания.

Объединение всех глагольных слов в один класс основывается на общности ряда существенных признаков. Важнейшими из них являются:

1. Обозначение действия как протекающего во времени процесса. Не следует упускать из виду, что в системе связанных с грамматикой понятий «действие» охватывает и «состояние», и лишь на нижнем уровне классификации может в свою очередь делиться на «активное действие» и «пассивное действие» (состоя-

ние). Глагол представляет собой модально окрашенное обозначение предикативного действия, причастие — обозначение действия, мыслимого как переменный признак предмета, или субстантивно мыслимое действие, или действие как предикат, но без модальной окраски, деепричастие — как любого характера сопутствующее действие или же как действие, служащее индикатором главного действия в смысле времени и условий его протекания. Таким образом, каждый из разрядов глагольных слов в категориально-семантическом отношении обладает известной спецификой, но все они объединяются вместе тем, что так или иначе обозначают действие как процесс.

2. Наличие общих основ. Отдельных основ для образования глагольных, причастных и деепричастных форм в маньчжурском языке не существует. От каждой основы глагольного слова можно образовать как любую глагольную форму, так и любую причастную и деепричастную формы, например: *ала-мби* 'говорю (говоришь, говорит, говорим, говорите, говорят)', *ала-хаби* 'сказал (сказали)', *ала* 'скажи (скажите)' — глагол; *ала-ра* 'говорящий, говорит, говорение', *ала-ха* 'сказавший, сказал, сказанное' — причастия; *ала-мэ* 'говоря', *ала-фи* 'сказав', *ала-чи* 'если скажешь', *ала-хац* 'говоря (проговорив) долгое время' — деепричастия. Во всех приведенных и подобных им случаях основой будет *ала-*. Почти всегда основа сопровождается аффиксами словоизменения (смешанного), и только в одном случае — в повелительном наклонении — она имеет нулевую форму, материально совпадающую с основой.

3. Вытекающая отсюда общность основообразования, т. е. словообразовательного аффиксального аппарата, в том числе деривативного формообразования: залогов, аспектов, пород, так, например: *ала-бу-мби* 'побуждаю (кого-то) сказать', *ала-бу-ха* 'побудивший сказать, побудил сказать, совершившееся побуждение сказать', *ала-бу-фи* 'побудив сказать', *ала-нџи-хаби* 'пришел сказать', *ала-нџи-рэ* 'приходящий сказать, прихожу сказать, приход сказать', *ала-нџи-мэ* 'приходя сказать' и т. п.

Вместе с тем каждый из разрядов глагольных слов имеет весьма существенные специфические особенности, вернее сказать, — характерный набор таких особенностей, которого (именно набора, а не отдельных особенностей) нет ни у одного другого разряда.

Глагол и деепричастие с категориально-семантической стороны характеризуются тем, что обозначают действие как процесс без малейшего элемента субстантивности, тогда как у причастия элемент субстантивности обязательно присутствует, хотя и не в равной мере. Когда причастие выполняет предикативную функцию, этот элемент исчезающе мал, практически незаметен, во всех же

прочих функциях он явным образом присутствует, особенно когда причастие играет роль подлежащего, например: *Сүэни фашишара миндэ ургун банжибумби* 'Ваше усердие доставляет мне радость (рождает во мне радость)'.

В синтаксическом отношении глагол монофункционален: он играет в предложении единственную роль — роль сказуемого. В известном смысле монофункционально и деепричастие, но синтаксическая функция у него иная: оно бывает только обстоятельством, но обстоятельством любим, кроме, понятно, обстоятельства места. Правда, оно выполняет еще одну функцию — выражает первый (знаменательный) компонент двуглагольного словосочетания, образующего аналитическую форму или стоящего на пути к этому, например: *аламэ бимэ* 'говоря' (букв. 'говоря пребывая'), *аламэ бихэ* 'говорил' (букв. 'говоря был'), *аламэ важиха* 'кончил говорить' (букв. 'говоря кончил'), *аламэ дэрибумби* 'начинает говорить' (букв. 'говоря начинает'). Но эта функция лежит за пределами синтаксиса предложения и относится к числу средств построения словосочетания. Причастие же полифункционально, не менее полифункционально, чем имя существительное. Трудно назвать такой член предложения, который не мог бы быть выражен причастием. Чаще всего причастие выражает сказуемое, совпадая в этом случае по функции с глаголом, например: *Абка дэ талк'ан талишара* 'В небе молния сверкает'; *Си суфан бэ туха ни?* 'Видел ли ты слона?' Не менее часто оно выражает также дополнение, например: *Хан и алара бэ гиңгулэмэ донжи* 'Почтительно слушай, что говорит хан' (букв. 'слушай говорение хана'), или обстоятельство времени, например: *Батуру лохо бэ жафаха дэ гэрэн н'алма голофи надэ тухэхэ* 'Когда богатырь взял меч, все люди в страхе упали на землю'.

Для глагола обязательна грамматическая категория наклонения, вне которой глагол существовать не может. По сути дела, глагол это и есть система наклонений. Ни с одной другой частью речи (ни среди глагольных слов, ни среди прочих классов) категория наклонения не совместима. Все наклонения глагола имеют ту или иную связь с грамматической категорией времени. В отличие от глагола, всегда обозначающего действие с тем или иным модальным оттенком, причастие представляет собой независимую от субъективной оценки говорящего констатацию наличия или отсутствия действия. Поэтому у причастия категория наклонения отсутствует. А категория времени, как и у глагола, имеется, причем с той же двучленной оппозицией: настоящее-будущее время ~ прошедшее время. Деепричастие индифферентно по отношению к субъективной модальности. Поэтому и ему категория наклонения не свойственна. Категории времени, такой, какая свойственна изъ-

явительному наклонению глагола и причастию, у деепричастия тоже нет, но зато есть имплицитная категория временной соотнесенности.

Монофункциональность глагола и его неспособность подчиняться в синтагматическом ряду другим словам делают излишней для него систему склонения. Глаголу нет нужды и нет возможности изменяться по падежам. Деепричастие также монофункционально в синтаксическом плане. Оно не только может, но и обязано подчиняться другому глагольному слову. Но его подчиненность выражается самой формой соответствующего деепричастия, которая выражает также и временную соотнесенность и подчинение деепричастия. Поэтому и ему падежная форма не нужна. Иное дело — причастие. Оно полифункционально. Это значит, что характер его зависимости от подчиняющего слова может быть не одинаковым. В этом смысле причастие резко отличается от двух других глагольных частей речи — и от глагола, и от деепричастия, и в то же время в принципе однородно с именем существительным. Это и вызывает потребность в противопоставлении падежных форм. Поэтому причастие, как и имя существительное, приобретает способность склоняться.

Таким образом, как мы видим, каждая из трех частей речи, входящих в класс глагольных слов, имеет специфические особенности, причем настолько существенные, что зачислять их в одну часть речи едва ли целесообразно и даже едва ли возможно. Особенно значительны различия между глаголом и причастием, хотя и сходства между ними немалые. Попробую проиллюстрировать это примерами: *Шабиса арамби* 'Ученики пишут'; *Шабиса арара* 'Ученики пишут'; *Чимари шабиса арамби* 'Завтра ученики будут писать'; *Чимари шабиса арара* 'Завтра ученики будут писать'; *Шабиса арахаби* 'Ученики написали'; *Шабиса араха* 'Ученики написали'. В приведенных примерах *арамби* и *арахаби* — глаголы, *арара* и *араха* — причастия; *арамби* и *арара* — настоящее-будущее время, *арахаби* и *араха* — прошедшее время. Эти примеры иллюстрируют полное равенство функций глагола и причастия в предикативной позиции. Они полностью взаимозаменяемы. Единственное весьма тонкое различие, которое, пожалуй, можно усмотреть между ними, это различие модального характера. Если причастие совершенно индифферентно по отношению к модальности и выражает предельно беспристрастную констатацию наличия действия, то глагол имеет чуть заметный оттенок утвердительности.

Но так обстоит дело только при использовании глагола и причастия в функции сказуемого. Глагол иных функций и не имеет. Поэтому можно считать, что, обозначая реально протекающее действие, т. е., иначе говоря, имея грамматическую категорию изъяви-

тельности (изъявительное наклонение), глагол в любом случае без заметного ущерба для значения может быть заменен причастием.

Причастие же, в отличие от глагола, полифункционально. Оно может выполнять роль сказуемого и в этом случае вполне может быть заменено глаголом изъявительного наклонения. Но оно может выполнять и другие синтаксические роли, а в этих случаях быть заменено глаголом уже не может.

Последовательность слов *Шаби арара* или *Шаби араха* дает нам предложение 'Ученик пишет (= будет писать, напишет)' или 'Ученик написал (= писал)'. Обратная последовательность тех же слов — *арара шаби* или *араха шаби* — дает уже не предложение, а словосочетание 'пишущий (= имеющий написать) ученик' или 'написавший (= писавший) ученик'. Подобная мена местами предметного и глагольного слов недопустима, ибо она разрушает естественную связь между словами. Последовательность слов *арамби шаби* или *арахаби шаби* бессвязна и бессмысленна. В приведенных выше примерах причастие играет роль определения.

Причастие может быть также дополнением или обстоятельством, примеры чего приводились выше (стр. 148). Может оно быть и подлежащим, например: *Сини арара умэси саин* 'Твое письмо (писание) очень хорошо' в смысле: 'Ты очень хорошо пишешь'; *Сини араха умэси саин* 'Тобой написанное очень хорошо' в смысле: 'Ты очень хорошо написал'. Ни в одной из этих функций, весьма типичных для причастия, глагол употребляться не может. В связи с этим, как уже отмечалось, глагол не может склоняться и принимать к себе определения по принадлежности в форме родительного падежа. Всякое подчиненное глаголу предметное или качественное слово в родительном падеже воспринимается не как определение по принадлежности, а как либо обстоятельство образа действия, либо дополнение орудия или материала.

Таким образом, глагол и причастие объединены общностью категориального значения и связанной с этим общностью основ. Но в то же время они во всяком случае не менее резко противопоставлены друг другу. Разграничивает их абсолютная монофункциональность глагола, влекущая за собой его релятивную неизменяемость (глагол изменяется только по наклонениям и временам), и широкая полифункциональность причастия, вынуждающая его изменяться по падежам. Как видим, общие моменты относятся прежде всего к лексико-семантической стороне дела, а в смысле грамматическом на первом плане стоят не сходства, а различия, причем настолько кардинальные, что рушатся основания для объединения их в пределах одной части речи.

Если же глагол и причастие будут признаны хотя и близкими, но самостоятельными частями речи, то на тех же основаниях са-

мостоятельной и близкой к ним частью речи следует признать и деепричастие, поскольку оппозиции глагол ~ причастие, глагол ~ деепричастие и причастие ~ деепричастие в принципе равнозначны.

Проделав необходимый путь аргументации, мы с уверенностью возвращаемся к исходному тезису: в маньчжурской знаменательной лексике выделяется класс глагольных слов, объединяющий три близкие между собой, но самостоятельные части речи: глагол, причастие, деепричастие.

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Все части речи, относящиеся к глагольным словам, — причастие, деепричастие и глагол — имеют общие основы. Иначе говоря, от любой одной и той же глагольной основы с равным успехом могут быть образованы и причастие, и деепричастие, и глагол.

Большинство глагольных основ, с точки зрения описываемого состояния языка, является корневыми, или непроизводными. Это значит, что в морфологическом составе по меньшей мере двух разных слов при различных корнях не выделяются одинаковые как по фонетическому облику, так и по значению, основообразующие аффиксы. Отсутствие такого рода аффиксов делает эти основы в материальном отношении равными корням, благодаря чему они и именуется «корневыми». Такой своей особенностью они противопоставляются другому классу основ, именуемых «производными», о которых речь впереди.

В словаре И. И. Захарова зарегистрировано 3464 глагольных слова, т. е. более одной пятой части всего словника. Глагольных слов с корневыми основами там предположительно¹ 1867, т. е. более половины, точнее — 54,3 %.

Среди корневых глагольных основ выделяется не очень многочисленная, но все же заметная группа основ (71 основа — 3,8 %), характеризующаяся их полным материальным совпадением при значительной смысловой близости с основами имен существительных предметного значения, и много реже — с основами имен признака.

Эта группа стоит на грани между корневыми и производными основами, совмещая в себе некоторые характерные признаки как тех, так и других. Такие основы можно назвать пограничными. Со

¹ Предположительно потому, что при расширении словника до полного объема маньчжурской лексики могут быть выявлены новые словообразовательные типы, и соотношение корневых и производных глагольных основ окажется несколько иным.

стороны функционально-семантической они стоят ближе к производным основам, поскольку имеют родственные дублиеты в неглагольных частях речи, которые могут рассматриваться как производящие их корни. С этой точки зрения их можно было бы считать производными с нулевыми основообразующими формами.

Однако с более существенной для морфологии стороны, со стороны материальной структуры, они бесспорно принадлежат к корневым основам, поскольку имеют односоставный характер. Никакого обязательного для производных основ второго компонента в виде основообразующего аффикса у них нет, что и побуждает относить их на правах пограничной группы к классу корневых основ.

Сюда относятся, например, такие основы, как *боно-* 'идти граду' при *боно* 'град', *ага-* 'идти дождю' при *ага* 'дождь', *шурга-* 'вьюжить' при *шурга* 'вьюга, пурга', *талма-* 'стелиться туману' при *талман*² 'туман', *эду-* 'дуть ветру' при *эдун* 'ветер', *улдэ-* 'заниматься заре' при *улдэн* 'заря', *нарга-* 'боронить' при *нарга* 'борона', *сэлби-* 'грести веслом' при *сэлби* 'весло', *фуфу-* 'пилить' при *фуфун* 'пила', *охол'о-* 'брать пригоршней' при *охол'о* 'пригоршня', *хуру-* 'играть на варгане' при *хуру* 'варган', *уфа-* 'молоть зерно' при *уфа* 'мука', *тата-* 'становиться на постой' при *татан* 'стан, лагерь', *эфи-* 'играть' при *эфин* 'игра', *куара-* 'огораживать' при *куаран* 'ограда', *баја-* 'обогащаться, богатеть' при *бајан* 'богатство, богач', *сакда-* 'стареть' при *сакда* 'старик, старый', *ф'ага-* 'мозолить' при *ф'аган* 'мозоль', *сэбдэ-* 'ржаветь' при *сэбдэн* 'ржавчина', *лифа-* 'пачкаться' при *лифан* 'грязь', *фоңсо-* 'закоптеть, покрыться сажей' при *фоңсон* 'копоть, сажа', *урху-* 'кидаться, уклоняться в сторону' при *урху* 'кривой, косой', *тарху-* 'жиреть, тучнеть' при *тархун* 'жирный, тучный', *гаху-* 'наклоняться' при *гаху* 'наклонный', *жэнду-* 'скрытничать, утаивать' при *жэнду* 'скрытно, тайком, тайный'.

Семантической однородностью эти основы не обладают, но группы близких значений все же выявляются. Это основы, обозначающие наступление или течение некоторых явлений природы, действия с помощью определенных предметов, достижение намеченных целей, покрытие чем-либо, приобретение определенных признаков. Впрочем, имеются и такие основы, свести которые в какие-либо семантические группы не удастся. Единственным объединяющим все пограничные основы признаком является та или иная связанность обозначаемых ими действий с определенными

² Наличие или отсутствие конечного *n* не служит достаточным различительным признаком, поскольку отпадение его при наращении большинства аффиксов является обязательной нормой.

предметами или признаками, обозначаемыми соответственными однокоренными именами.

Производные основы, составляющие немного меньше половины всех глагольных основ (1597 основ, или 45.7 %), разбиваются в свою очередь на две не вполне четко разграниченные группы: а) продукты чистого основообразования (1066 основ, или 66.8 %) и б) продукты деривативного формообразования, нередко имеющие одновременно и словообразовательную функцию (531 основа, или 33.2 %).

К чисто словообразовательным типам относятся глагольные основы, образованные от неглагольных (чаще всего именных предметного значения) корней с помощью целого ряда словообразовательных аффиксов.

Аффикс *-ла/-лэ/-ло* образует количественно наиболее значительный словообразовательный тип, включающий в себя 579 основ, или 54.3 % от общего числа чисто словообразовательных основ. Примерно у двух третей основ корни выделяются достаточно четко и среди них более двух третей материально совпадают с именами существительными, а остальные — с именами прилагательными. Примерно для третьей части всех основ группы выявить значимые корни не удастся. Это может объясняться различными причинами, в частности неполным охватом в словаре маньчжурской лексики, вследствие чего а) могли быть зарегистрированы производные глагольные основы, но пропущены однокоренные имена, б) из разных диалектов в письменный язык производные основы могли войти, а производящие остаться за его рамками, в) некоторые производные основы могли омертветь в результате выпадания из живого лексикона тех слов, которые дали им начало.

К рассматриваемому словообразовательному типу относятся, например, следующие основы: *сүхэлэ-* 'ударить, рубить топором' < *сүхэ* 'топор', *шүсүхала-* 'стегнуть, стегать кнутом, плетью' < *шүсүха* 'кнут, плеть', *нуᠵала-* 'стукнуть, бить кулаком' < *нуᠵан* 'кулак', *мацүтула-* 'ударить, бить дубинкой' < *мацүту* 'дубинка', *аᠵала-* 'вошить' < *аᠵан* 'воск', *амдула-* 'склеить, клеить' < *амдун* 'клей', *васихала-* 'царапнуть, царапать' < *васиха* 'когти', *абала-* 'охотиться, травить зверя' < *аба* 'облавная охота', *таᠵила-* 'шалить, резвиться' < *таᠵи* 'шалость', *ацсила-* 'помогать, приносить пользу' < *ациси* 'польза', *х'бшүла-* 'оказывать почтение родителям' < *х'бшун* 'почтительность, сыновние обязанности', *актала-* 'холостить' < *акта* 'холостенный' (ср. *акта морин* 'мерин'), *асүкила-* 'производить шорох' < *асүки* 'шорох', *нзигэлэ-* 'сравнивать, уравнивать' < *нзигэн* 'одинаковый, ровный', *ахүла-* 'считаться старшим, быть за старшего' < *ахун* 'старший брат', *аңгасила-* 'вдовствовать' < *аңгаси* 'вдова', *јэбэлэ-* 'одобрять, считать подходящим,

лучше' < *јэбэ* 'легче, лучше', *антахала-* 'принимать, угощать гостя' < *антаха* 'гость', *адула-* 'пасти скот' < *адун* 'стадо', *албала-* 'служить, исполнять должностные обязанности на государственной службе' < *албан* 'казна, государственный аппарат', *бацтала-* 'употреблять, пускать в дело' < *бацта* 'дело', *амсула-* 'вкусать (о важной особе)' < *амсун* 'яства, жертвенное угощение', *албатула-* 'поступать грубо, невежливо' < *албату* 'невежа, мужлан', *антухурила-* 'обращаться неласково, холодно' < *антухури* 'холодный, холодно', *маңгала-* 'становиться трудным, труднеть' < *маңга* 'трудно, трудный', *акиула-* 'ругать, оскорблять' < *акишун* 'подлый, негодяй', *сакдала-* 'стареть' < *сакда* 'старик, старый', *нимэкулэ-* 'заболевать' < *нимэку* 'болезнь', *аңгала-* 'просить на словах, обещать, жаловаться' < *аңга* 'рот', *бэкилэ-* 'укреплять' < *бэки* 'крепкий', *хэңкилэ-* 'поклониться в ноги, бить челом' < *хэңкин* 'поклон', *эфулэ-* 'портить, ломать' < ?, *фэсхэлэ-* 'пинать, лягать' < ?, *абдала-* 'обламывать, обрывать' < ?, *хабтала-* 'мигнуть' < ?

Как мы видели, семантического единства у основ рассмотренного словообразовательного типа нет. Объединены они только тем, что обозначают действия, тем или иным образом связанные с соответствующими предметами или признаками. Впрочем, некоторые семантические подразделения здесь обнаружить удастся. Это основы, обозначающие действия, производимые с помощью определенных предметов, действия, имеющие определенные цели, восприятие или проявление в качестве чего-то, действия над определенными объектами, проявление тех или иных признаков. Такие подразделения охватывают около половины основ. Другая половина их, в том числе и все омертвевшие основы, семантической классификации не поддаются.

Аффикс *-ral-rəl-po* образует второй по количеству основ словообразовательный тип. Он включает 176 основ, или 16.5 % всех чисто словообразовательных основ. Из них в 41 случае глагольные основы материально совпадают со словами именных частей речи, в 36 случаях совпадения основ нет, но у производных глагольных основ корни материально совпадают с корнями производных же именных или — много реже — других производных глагольных слов, и в 20 случаях корень производного глагольного слова материально совпадает с непроемной основой другого глагольного слова идентичной или очень близкой семантики.

Примеры совпадения корней производных глагольных основ с именными словами: *мэихэрэ-* 'взять на плечи, нести на плечах' < *мэихэ* 'плечо', *фахара-* 'очищать орехи от скорлупы, ядра от кожуры' < *фаха* 'косточка, ядро', *идура-* 'соблюдать очередь, порядок' < *иду* 'очередь, смена', *гукдурэ-* 'подняться вверх, вспучить-

ся' < гукду 'бугор', гисурэ- 'говорить, рассказывать' < гисун 'слово, речь', ташара- 'лгать, ошибаться, грешить' < ташан 'ложь, обман, ошибка', вацкура- 'скривиться, согнуться, наклониться' < вацку 'кривой', нантухура- 'пачкать, осквернять' < нантухун 'грязный, скверный', мэнтухурэ- 'дурачить кого-либо, говорить глупости' < мэнтухун 'глупость'. Сюда же относится четко очерченная в семантическом отношении группа глагольных основ с значением «говорить, писать, поступать, вести себя» как обозначенная корнем категория лиц, например: манжюра- 'говорить, писать по-маньчжурски' < манжу 'маньчжур', моңгоро- 'говорить, писать по-монгольски' < моңго 'монгол', никара- 'говорить, писать по-китайски' < никан 'китаец', хахара- 'поступать по-мужски' < хаха 'мужчина', хэхэрэ- 'поступать по-женски' < хэхэ 'женщина', антахара- 'вести себя как гость, изображать из себя гостя' < антаха 'гость', дацфура- 'лечить, врачевать' < дацфу 'врач', дутурэ- 'быть, прикидываться глухим' < дуту 'глухой'. Примеры совпадения корней глагольных слов с корнями слов не глагольных: гукчурэ- 'выдаваться вперед, вверх, торчать' (ср. гукчухун 'торчащий'), жибэрэ- 'щурить глаза, прищуриться' (ср. жибэгун 'узкоглазый'), сибэрэ- 'прясть, сучить, вить' (ср. сибэрхэн 'нитка, шнурок'), фэтэрэ- 'копать, рыть' (ср. фэтэку 'землекоп'), эбэрэ- 'слабеть, утомляться, дешеветь' (ср. эбэри 'слабый'), х'ара- 'косить глазами' (ср. х'ари 'косоглазый'), лабдара- 'висеть, повиснуть' (ср. лабдахун 'висячий'). Примеры совпадения корней производных глагольных слов с основами равнозначных или близких по значению других глагольных слов: сачира- 'подсекать, срезать траву, рубить' (ср. сачи- 'резать, рубить'), тоңсира- 'рассказывать нареспев сказки, повести' (ср. тоңси- 'читать нареспев молитву'), кармара- 'охранять, беречь' (ср. карма- — то же), гэдурэ- 'обглаживать кость, щипать траву' (ср. гэду- — то же), хацхара- 'кривиться, склоняться' (ср. хацха- — то же), бисара- 'наводнить, затоплять, разливаться' (ср. биса- — то же).

Таким образом, более чем у половины (55 % слов) этого словообразовательного типа морфологическое строение очевидно. Каждое из них состоит из корня, происхождение и значение которого не вызывает сомнений, и словообразовательного аффикса. Остальные 45 % слов включены сюда с большей или меньшей долей неуверенности. Все они завершаются одним и тем же слогом *-рал-рэ/-ро*, который ввиду массовой встречаемости можно рассматривать (во всяком случае для большинства таких слов) как омертвевший и приросший к корню словообразовательный аффикс. Сюда относятся, например, такие слова, как хэктэрэ- 'лишиться чувств, потерять сознание', сабтара- 'сделать зарубки', танжюра- 'кланяться, преклонять колена', фумэрэ- 'мешать, сме-

шивать, размешивать', *кадура*- 'сопротивляться', *шубурэ*- 'вянуть, свертываться, коробиться', *гэңгэрэ*- 'слабеть, бледнеть', *гэцхоро*- 'падать духом', *бэктэрэ*- 'остолбенеть', *мэңхэрэ*- 'накинуть на плечи', *ванчара*- 'намекать, говорить обиняками', *кускурэ*- 'рыться, копаться в земле (о птицах)', *г'оро*- 'лишиться чувств'.

За исключением отмеченной выше группы слов типа *манжүра*- 'говорить, писать по-маньчжурски', рассматриваемый словообразовательный тип не выявляет семантического единообразия. Здесь мы встречаемся с любыми отношениями действия к предмету, признаку, а иногда и к действию же.

Аффикс *-на/-нэ/-но* оформляет основы словообразовательного типа, насчитывающего среди зарегистрированных словарем И. И. Захарова 132 единицы. Это вполне живой и продуктивный тип, обладающий четко очерченной семантической общностью. Глагольные основы этого типа обозначают самопроизвольное становление соответствующего предмета, много реже — признака, превращение во что-то, появление чего-то на поверхности и т. п. Производящими корнями служат в подавляющем большинстве случаев предметные существительные, практически крайне редко — имена признака. Теоретически же основы этого типа могут быть образованы от любых основ предметного и призначного значения, кроме тех, которым препятствуют особенности их семантики. Поэтому приведенное выше число 132 отражает регистрацию словарем, а никак не словообразовательные возможности интересующего нас типа. Можно думать, что даже фактически получивших употребление в языке слов этого типа во много раз больше. Несомненно, что потенциально этот тип глагольных основ наиболее продуктивен.

В качестве образцов можно привести следующие слова: *мибсэ-хэнэ*- 'заводится хлебным червям' < *мибсэхэ* 'хлебный червь', *ум'ахана*- 'заводится червям, червиветь' < *ум'аха* 'червяк', *бэлгэнэ*- 'наливаться зерну' < *бэлгэ* 'зерно', *сүхэнэ*- 'колоситься, завязываться плодам' < *сүхэ* 'колос, кисть плодов', *илхана*- 'расцветать, зацветать' < *илха* 'цветок', *усэнэ*- 'образоваться плоду, семени' < *усэ* 'семя, зерно, плод', *хохоно*- 'завязываться стручкам' < *хохо* 'стручок', *аргана*- 'пускать росток' < *арган* 'росток', *гаргана*- 'пустить ветви' < *гарган* 'ветка, сук', *харана*- 'зарастать сорняками' < *хара* 'сорняк', *гунина*- 'прийти в голову, догадаться, сообразить' < *гунин* 'мысль', *ваина*- 'кривиться, накреняться' < *вац* 'кривой, наклонный', *сумпана*- 'образоваться проседи' < *сумпа* 'полуседой, с проседью', *саңгатана*- 'дыряться' < *саңгата* 'дыривый', *уфана*- 'превращаться в муку, в порошок' < *уфа* 'мука', *ја-хана*- 'обуглиться, превратиться в уголь' < *јаха* 'уголь', *мукэнэ*- 'таять, превращаться в воду, наводняться' < *мукэ* 'вода', *жүхэнэ*-

‘превратиться в лед, обледенеть’ < *жухэ* ‘лед’, *курчана-* ‘закоптиться, покрыться копотью’ < *курча* ‘копоть’, *силэңгинэ-* ‘покрыться росой, выпасть росе’ < *силэңги* ‘роса’, *мэрсэнэ-* ‘покрыться веснушками, высыпать веснушкам’ < *мэрсэн* ‘веснушки’, *фунтана-* ‘покрыться плесенью, заплесневеть’ < *фунтан* ‘плесень’.

Ниже мы увидим, что словообразовательному аффиксу *-нал-нэ/но* омонимичен аффикс породы цели *-нал-нэ/но*. Слова с тем и другим одинаково звучащими аффиксами, как правило, довольно четко разграничиваются как по своим значениям, так и по лексико-грамматической принадлежности производящих корней: если основы рассматриваемого типа образуются от имен, то для основ породы цели производящими служат глагольные же основы. Но есть небольшое число случаев, когда омонимичность производящих корней приводит к омонимичности производных основ, например: *фахана-* ‘образоваться зерну, плоду’ ≠ *фахана-* ‘пойти бросить’, *уфана-* ‘превращаться в муку, порошок’ ≠ *уфана-* ‘идти молотить’, *борина-* ‘замерзать сосульками’ ≠ *борина-* ‘идти баюкать’.

Аффикс *-дал-дэл-до* образует словообразовательный тип, включающий 122 глагольные основы. Для четвертой части из них производящие корни не поддаются расшифровке. Из остальных более чем для половины производящими корнями являются имена существительные, для прочих — имена признака, для двух-трех — образные слова. Не исключено, что в этом словообразовательном типе слились две группы основ с омонимичными ранее аффиксами. Для одной группы аффикс *-дал-дэл-до* имеет и до сих пор смешанное — словообразовательно-видовое значение. Таких основ немногим более десятка, например: *учуда-* ‘непрерывно мешать, помешивать’ (ср. *учу-* ‘мешать, смешать, помешать’), *зимэдэ-* ‘постоянно чувствовать отвращение’ (ср. *зимэ-* ‘почувствовать отвращение’), *мурада-* ‘помыкивать, порывивать (о животных)’ (ср. *мура-* ‘мычать, рычать’), *вэллэдэ-* ‘постоянно строить, заниматься строительством, работать’ (ср. *вэллэ-* ‘строить, работать’), *ибэдэ-* ‘постепенно подходить, двигаться’ (ср. *ибэ-* ‘подойти’). В этих и подобных им случаях аффикс придает оттенок значения длительности, постоянства или раздробленности действия. Большинство же основ нейтрально в видовом отношении. Правда, почти все они связаны с действиями длительными, но это вытекает из их лексико-семантической природы и к видам отношения не имеет, так как видовые альтернанты со значением, отличным от данного, отсутствуют. Выявить у них какую-нибудь семантическую группировку не удастся.

Сюда относятся, например, такие основы: *эрүэдэ-* ‘сверлить’ < *эрүэн* ‘сверло’, *хуруда-* ‘играть на варгане’ < *хуру* ‘варган бамбуковый’, *чаркида-* ‘бить в кастаньеты’ < *чарки* ‘кастаньеты’, *хурха-*

да- 'ловить неводом рыбу' < *хурхан* 'невод', *јордо* 'стрелять стрелой со свистящим наконечником' < *јоро* 'стрела со свистящим наконечником', *гэңгэдэ* 'скитаться, бродяжничать' < *гэңгэ* 'бродяга', *кобчих'ада* 'шеголять, рядиться' < *кобчих'ан* 'шеголь', *баламада* 'поступать опрометчиво, сумасбродно' < *балама* 'сумасброд', *факсида* 'искусно работать, ловчить, хитрить' < *факси* 'мастер', *ачух'ада* 'клеветать' < *ачух'ан* 'клевета', *офородо* 'совать нос, вмешиваться, сплетничать' < *офоро* 'нос', *хэңкидэ* 'кивать головой' < *хэңкин* 'поклон', *јилида* 'приходить в гнев, гневаться' < *јили* 'гнев', *јободо* 'шутить, смешить' < *јобо* 'шутка, забава', *сахада* 'охотиться' < *саха* 'облавная охота', *сусэдэ* 'делать грубо, кое-как' < *сусэ* 'грубый, грубо, кое-как', *оилоходо* 'быть легкомысленным, опрометчивым' < *оилохон* 'поверхностный', *ханжада* 'очищать, очищаться' < *ханжа* 'чистый', *олихада* 'робеть, пугаться' < *олиха* 'робкий, пугливый', *ончодо* 'расширять, быть великодушным' < *ончо* 'широкий, великодушный', *бэл'эдэ* 'глупить' < *бэл'эн* 'бессмысленный', *фэлэхудэ* 'поступать дерзко, нагло' < *фэлэхун* 'дерзкий, нахал'. К этому же словообразовательному типу, видимо, относятся также основы: *хахарда* 'вести себя как взрослый мужчина, мужать, взрослеть' < *хаха* 'мужчина' (ср. *хахара* 'поступать по-мужски') и *хэхэрдэ* 'вести себя как взрослая женщина, взрослеть' < *хэхэ* 'женщина' (ср. *хэхэрэ* 'поступать по-женски').

Считать этот тип словообразования живым едва ли можно. Этому препятствует отсутствие семантического единства и отсутствие живых корней у таких основ, как *лаида* 'клеветать, сплетничать' (ср. *лаику* 'клеветник'), *губада* 'вырываться', *хоходо* 'кричать в кулак', *масихида* 'идти пошатываясь', *вэрэдэ* 'лазать по веревке вверх и вниз', *аихада* 'скакать (о животном)', *каңгасида* 'хвастать' (ср. *каңгасику* 'хвастун').

Аффикс *-нда/-ндэ/-ндо* образует неоднородный как по смыслу, так, надо думать, и по происхождению словообразовательный тип. Несмотря на малочисленность входящих в него основ (всего 27), в нем можно выделить по меньшей мере три группы: 1) основы, где аффикс имеет чисто словообразовательное значение (12 основ); 2) основы, где аффикс, играя словообразовательную роль, одновременно придает дополнительный видовой оттенок длительности, неоднократной повторяемости, постоянства или постепенного наращивания постоянства действия (8 основ); 3) основы, где аффикс выполняет словообразовательную роль и придает дополнительный оттенок значения начинательности (7 основ).

В первой группе никакого семантического единства не наблюдается. Сюда относятся такие слова, как *алгинда* 'хвалить, прославлять' < *алгин* 'слава', *бајанда* 'богатеть, наживаться' < *бајан*

‘богатство, богач’, *уранда-* ‘издавать звук, звучать’ < *уран* ‘звук, эхо’, *эргэндэ-* ‘остановиться передохнуть’ < *эргэн* ‘дыхание’, *жалунда-* ‘полнеть, округляться’ < *жалу* ‘полный’, *дэбэндэ-* ‘всплескивать, выбрасывать на берег’ (ср. *дэбэ-* ‘выступать из берегов’), *банда-* ‘лениться’ = *ба-*, *эк’эндэ-* ‘уменьшаться, недоставать’ = *экэ-*, *гуал’анда-* ‘менять цвет’ (ср. *гуал’а-* ‘изменяться’). Как видим, производящими корнями могут служить названия как предметов, их признаков, так и действий, причем в случаях типа *банда-* = *ба-*, *эк’эндэ-* = *экэ-* и даже *дэбэндэ-* = *дэбэ-*, *гуал’анда-* = *гуал’а-* никакого намека на видовое или любое иное грамматическое противопоставление обнаружить не удается. Первые из приведенных выше примеров могут натолкнуть на мысль, что словообразовательным формантом является уже знакомый нам аффикс *-dal-дэл-до*, а предшествующий ему *-н* входит в состав корня. Однако другие основы не подтверждают такого вывода и препятствуют такому расчленению.

Ко второй группе относятся основы: *жондо-* ‘часто, постоянно напоминать’ (ср. *жо-* ‘вспомнить, помнить’), *акжанда-* ‘непрерывно греметь (о громе)’ (ср. *акжа-* ‘греметь (о громе), постепенно раздражаться громом’), *фиргэндэ-* ‘всегда выходить наружу, постоянно обнаруживаться’ (ср. *фиргэ-* ‘обнаружиться’), *сэңгуэндэ-* ‘постоянно дрожать от страха’ (ср. *сэңгуэ-* ‘быть в страхе’), *лэулэндэ-* ‘часто разговаривать, беседовать’ (ср. *лэулэ-* ‘беседовать, разговаривать’), *сакданда-* ‘постепенно стареть’ (ср. *сакда-* ‘стареть’), *бактанда-* ‘мало-помалу, постепенно наполняться’ (ср. *бакта-* ‘наполниться’). Как видим, все они, кроме последней, имеют видовые альтернанты, нейтральные к видовому значению длительности.

К третьей группе относятся: *дулэндэ-* ‘начинать проходить’ (ср. *дулэ-* ‘миновать, пройти’), *журанда-* ‘трогаться в путь, подниматься с места’ (ср. *жура-* ‘отправляться’), *сакданда-* ‘начинать стареть, приходить в ветхость’ (ср. *сакда-* ‘стареть’), *дургэндэ-* ‘приходить в содрогание’ (ср. *дургэ-* ‘дрожать’), *сурэндэ-* ‘пробуждаться, приходить в себя’ (ср. *сурэ-* ‘чувствовать бодрость’), *мукдэндэ-* ‘начинать постепенно подниматься, восходить (о солнце)’, *тучиндэ-* ‘начинать с красной строки (о письме)’. Первые пять основ имеют видовые альтернанты, не связанные с идеей начала действия. Последние две примыкают к ним по особенностям своих значений. Начинательность близко примыкает к значению постепенного наращивания действия, встречающемуся во второй группе.

Аффикс *-ми* образует сравнительно малочисленный тип чистого словообразования. В него входит 11 основ, не поддающихся семантической классификации. От имен существительных образовано 6 основ: *бэлэми-* ‘молотить’ < *бэлэ* ‘зерно, крупа’, *тохоми-* ‘за-

стегнуть на пуговицу' < *тохон* 'пуговица', *докоми*- 'подбить подкладку' < *доко* 'подкладка', *турэми*- 'натянуть, пришить голенища' < *турэ* 'голенище', *гороми*- 'удаляться, углубляться, задумываться' < *горо* 'даль', *бодоми*- 'говорить про себя, бормотать' < *бодо* 'соображение'; от имен признака — одна основа *болгоми*- 'очищаться, воздерживаться' < *болго* 'чистый, чисто'; от образного слова — одна основа *гарими*- 'разбиваться, разламываться' < *гари-мари* 'вдребезги'; у трех основ производящие корни не выявлены: *хэшэми*- 'собрать, сдернуть на шнурок' (ср. *хэшэлэ*- 'обшивать шнурком'), *фороми*- 'вертеть в руках, рассматривать со всех сторон' (ср. *форо*- 'вращать'), *фосоми*- 'заткнуть полу за пояс' = *фосоро*-.

Аффикс *-нту*, в одной основе *-ту*, образует словообразовательный тип, насчитывающий 9 основ. Объединить их каким-либо общим оттенком значения, равно как и подвергнуть их семантической классификации не представляется возможным. Лишь 4 из них образованы от самостоятельных слов (имен существительных). Корни остальных расшифровке не поддаются. Сказанное побуждает считать этот тип словообразования мертвым. Никаких иных функций помимо чистого словообразования аффикс *-нту* не выполняет. Основы этого типа: *улинту*- 'употреблять имущество, тратить деньги, задаривать, подкупать' < *улин* 'имущество', *х'б-шунту*- 'почтительно относиться к родителям' < *х'бшун* 'сыновние обязанности, почтительность', *аханту*- = *ахату*- 'порабощать, считать рабом, быть в услужении' < *аха* 'раб, слуга', *сирэнтү*- 'плести сеть, паутину' (ср. *сирэ*- 'тянуть, сращивать нитку'), *ајанту*- 'подниматься вверх, взлетать' (ср. *аја*- 'лететь, вспархивать'), *шэрэнтү*- 'мучиться, испытывать потуги при родах' (ср. *шэрэ*- 'бледнеть'), *сишанту*- 'ехать на кладбище для вторых поминок' (ср. *сишана*- 'идти копать'), *гуаисунту*- 'притворяться, пренебрегать'. С аффиксом *-нту*, омонимичным рассмотренному, мы еще встретимся при описании системы залогов.

Аффикс *-чила/-чилэ* встречен в четырех основах, образованных им от имен существительных и имен признака: *никачила*- 'окитаться, подражать китайцам' < *никан* 'китаец', *ахучила*- 'считаться старшим, быть за старшего' < *ахун* 'старший брат', *дэрчилэ*- 'класть покойника на стол' < *дэрэ* 'стол', *нзигэнчилэ*- 'уравнивать, сравнивать' < *нзигэн* 'ровный, одинаковый'.

Аффикс *-ли* как словообразовательный встречен в трех глагольных основах, из которых две образованы от имен существительных, а образование третьей остается невыясненным. Это основы: *моңголи*- 'вешать на шею ожерелье' < *моңгон* 'шея', *мудали*- 'изгибаться, кривиться' < *мудан* 'изгиб', *тамали*- 'подняться после падения, оправиться' (ср. *тама*- 'собирать, поднимать').

Аффикс *-ну* как словообразовательный обнаружен в двух глагольных основах, образованных от имен существительных и имеющих общую семантическую базу, связанную со значением 'считать за..., почитать как...': *сакдану-* 'считать стариком, относиться как к старику' < *сакда* 'старик, старый', *уңгану-* 'почитать, оказывать честь как старшему' < *уңга* 'глава рода'. С омонимичным аффиксом *-ну* мы встретимся при рассмотрении залогов.

Аффикс *-ру*, возможно, также является словообразовательным. Но он встречен всего в двух основах, причем словообразовательная роль его бесспорна лишь в одной из них, в основе *эсхуру-* 'быть, остаться сырым, незрелым, зачерстветь' < *эсхун* 'сырой, незрелый', а во второй его можно считать словообразовательным формантом лишь предположительно — *вэру-* 'оттаять (о мороженом мясе) и потерять вкус' (ср. *вэнэ-* 'оттаивать').

Кроме того, словарь зарегистрировал глагольные основы с аффиксами *-чу*, *-нчу* и *-млэ*. Словообразовательных типов они не составляют, так как на каждый аффикс приходится по одной основе, но каждая из них включает в себя значимый корень именного происхождения и может рассматриваться как изолированный рудимент архаичного словообразования. Вот эти основы: *эхэчу-* 'поричать, поносить' < *эхэ* 'зло', *дэрэнчу-* 'лицедействовать, смотреть на лицо' < *дэрэ* 'лицо' и *ичэмлэ-* 'подновить, возобновить' < *ичэ* 'новый'.

В отличие от рассмотренного выше чистого, или лексического, основообразования деривативное основообразование совмещает функцию образования качественно новой основы с выражением тех или иных деривативно-грамматических значений. В зависимости от характера грамматического значения продукты такого основообразования делятся на три категории: а) видовое, или аспектуальное, основообразование, б) породовое основообразование и в) залоговое основообразование.

ВИД

Все маркированные в отношении вида основы выражают идею длительности, постоянства, многократности или раздробленности действия. Не маркированными в этом отношении оказываются все прочие основы, которые вовсе не обязательно связаны с краткостью или однократностью действия, они, точнее говоря, просто нейтральны по отношению к этим оттенкам глагольного значения. Последние или являются корневыми, или имеют чисто словообразовательный аффикс.

Аффикс *-шал/-шэ/-шо* встречается много чаще других (217 основ, или 41 % всех продуктов видового основообразования) и

отчетливее всего выражает идею длительности. И все же полностью живым это основообразование считать нельзя, так как корни 67 основ не расшифровываются, а это составляет значительную долю (почти 31 %) их общего числа. Из тех, корни которых поддаются удовлетворительной расшифровке, 82 основы (55 %) представляют собой образования от глагольных же основ, причем наличие аффикса *-шал/-шэ/-шо*, за единичными исключениями, придает очевидный оттенок значения длительности, постоянства, постепенности, многократности, раздробленности, тогда как его отсутствие³ у однокоренных основ иных типов сигнализирует нейтральность к оппозиции по степени длительности. Остальные 68 основ (45 %) образованы от имен или образных слов (всего одна основа). Они не имеют глагольных альтернантов (возможно, что для некоторой их части они просто не зарегистрированы), нейтральных к длительности. Всего шесть основ (менее 3 % общего числа основ типа) допускают сомнения в обязательности обозначения ими длительных действий. Это следующие основы: *илдуша*- 'пользоваться случаем' < *илдун* 'случай' (случаем можно пользоваться и неоднократно, и однократно), *арбуша*- 'принимать вид, подавать пример' < *арбун* 'вид, образ' (действие также можно представить себе и как неоднократное, и как однократное), *мухэ-шэ*- 'брать в клюв глину для гнезда (о ласточке)' < ?, *катхаша*- 'неметь, екать (о сердце)' < ?, *фухаша*- 'поворачивать, надевать навыворот, заменять' < ?, *жэкишэ*- 'пугаться, ужасаться, брезговать' < ?. Перечисленные основы обозначают действия, которые могут мыслиться не только как неоднократные или длительные, но и как однократные (одноактные). Все остальные (более 97 %) подобной двусмысленности не допускают.

Образцы основ, имеющих однокоренные альтернанты, нейтральные к длительности: *бургиша*- 'постоянно беспокоиться, тревожиться' (ср. *бурги*- 'прийти в смятение'), *тоңкиша*- 'бить в музыкальные тарелки' (ср. *тоңки*- 'ударить'), *мэлэшэ*- 'робеть, стесняться, не находить слов' (ср. *мэлэ*- 'притулиться'), *нараша*- 'привязаться, пристраститься, часто думать с любовью' (ср. *нара*- 'любить, полюбить'), *курбушэ*- 'непрерывно ворочаться, вертеться' (ср. *курбу*- 'вертеться, повернуться'), *дабаша*- 'во всем переходить меру, жить не по средствам' (ср. *даба*- 'переходить, перейти'), *чихалша*- 'питать постоянную любовь, привязанность' (ср. *чихала*- 'хотеть'), *жориша*- 'часто указывать' (ср. *жори*- 'указывать'), *олшо*- 'постоянно остерегаться, побаиваться' (ср. *олхо*- 'бояться, опасаться'), *гэлэшэ*- 'побаиваться' (ср. *гэлэ*- 'бояться, пугаться'),

³ Возможно не только отсутствие (нулевая форма), но и чередование с иным основообразовательным аффиксом.

ибкаша- ‘мало-помалу подавать, выдвигать’ (ср. *ибка-* ‘подвигать, подвинуть’), *ничуша-* ‘мигать глазами, перемигиваться’ (ср. *ничу-* ‘закрывать глаза’), *гидаша-* ‘подавливать, прижимать, унижать’ (ср. *гида-* ‘давить, жать’), *билуша-* ‘поглаживать’ (ср. *билу-* ‘гладить’), *сибиша-* ‘подергивать, дергать в разные стороны’ (ср. *сиби-* ‘выдернуть’), *шасихаша-* ‘похлестывать, давать пощечины’ (ср. *шасихала-* ‘дать пощечину’), *тэифушэ-* ‘ходить с посохом’ (ср. *тэифулэ-* ‘опереться на посох’), *мацтуша-* ‘поколачивать, бить дубиной’ (ср. *мацтула-* ‘ударить дубиной’), *амташа-* ‘несколько раз отвеживать, пробовать’ (ср. *амтала-* ‘отведать, попробовать’), *урушэ-* ‘оправдывать, одобрять’ (ср. *урулэ-* ‘оправдать, одобрить’), *антахаша-* ‘гостить, церемониться’ < *антаха* ‘гость’, *ичиша-* ‘стремиться, склоняться’ < *ичи* ‘цель, склонность’, *сацша-* ‘хвалить, одобрять, прославлять’ < *сацн* ‘хороший, добро, хорошо’, *жубэшэ-* ‘рассказывать сказки’ < *жубэн* ‘сказка’, *уруша-* ‘исполнять обязанности невестки’ < *урун* ‘невестка’, *гургушэ-* ‘бить зверей на охоте’ < *гургу* ‘зверь’, *шариша-* ‘белеть, мелькать’ < *шари* ‘белый’, *фэсхэшэ-* = *фэшишэ-* ‘попинывать ногой, беспрестанно пинать, лягать’ < ?, *бургиша-* ‘постоянно беспокоиться, тревожиться’ < ?, *аңгуша-* ‘говорить намеками’ < ?, *наңгиша-* ‘угождать, ластиться’ < ?, *б’олокошо-* ‘молоть вздор’ < ?, *фукжиша-* ‘робеть, стесняться, быть сдержанным’ < ?.

Аффикс *-рша/-ршэ/-ршо* по частоте встречаемости занимает второе место, хотя и намного уступает в этом отношении предыдущему аффиксу. Он обнаружен в 70 глагольных основах (13 % деривативных основ). По своему грамматическому значению и роли в основообразовании он ничем не отличается от аффикса *-ша/-шэ/-шо* и может считаться — во многих случаях бесспорно — фонетическим вариантом последнего. Можно думать, что исторически это уже знакомый нам аффикс в комбинации с предшествовавшим ему чисто словообразовательным аффиксом *-ра/-рэ/-ро* (см. стр. 155—157). Выпадение гласного в первом из них привело к опрощению комбинации и образованию аффикса *-рша/-ршэ/-ршо*. В этом убеждают многочисленные примеры типа: *такураша-* ‘быть на посылках, в услужении’ (ср. *такура-* ‘послать, использовать’), *зитэршэ-* ‘всячески обманывать, хитрить’ (ср. *зитэрэ-* ‘обмануть, схитрить’), *мэмэршэ-* ‘постоянно упорствовать’ (ср. *мэмэрэ-* ‘упорствовать’), *кадурша-* ‘постоянно сопротивляться’ (ср. *кадура-* ‘сопротивляться’), *гугуришэ-* ‘постоянно сгибаться, кланяться старшим, унижаться’ (ср. *гугурэ-* ‘согнуться’), *жамарша-* ‘постоянно ссориться, перебраниваться, поднимать шум’ (ср. *жамара-* ‘ссориться’), *фунтурша-* ‘постоянно рыть землю рылом’ (ср. *фунтурэ-* ‘рыть землю рылом’, *уфарша-* ‘часто ошибаться, терять’ (ср. *уфара-* ‘ошибаться, терять’), *каңгарша-* ‘скользить, кататься на

льду' (ср. *каңгара-* 'поскользнуться'), *хахуриша-* 'долго, часто при-
давливать, давить, держать за горло' (ср. *хахура-* 'схватить за гор-
ло'), *шофоршо-* 'пощипывать, похватывать' (ср. *шофоро-* 'брать
щепотью'). Однако есть немало случаев (около 40 % основ),
когда наличие в аффиксе согласного *p* ничем не мотивировано,
например: *буэришэ-* 'постоянно желать' (ср. *буэ-* 'желать, хот-
еть'), *асуриша-* 'размахивать руками в драке', *охоришо-* 'чувство-
вать позывы рвоты', *жилэришэ-* 'вести себя бесстыдно, нагло', *усури-
шэ-* 'гнушаться, брезговать', *јубуришэ-* 'шевелиться, ползать, пре-
смыкаться', *боборишо-* 'ценить, дорожить, любоваться', *лакдарша-*
'висеть, свисать, валиться'. С другой стороны, в некоторых случа-
ях возможно и иное происхождение этого *p*. Он мог быть частью
словообразовательного аффикса *-ри* тех имен признака, от кото-
рых образовались глагольные основы, например: *гилтарша-* 'по-
блескивать, отсвечивать' < *гилтари* 'блестящий', *дакдарша-*
'прыгать, выпрыгивать, вспрыгивать' < *дакдари* 'вдруг, мигом'.
Мог он также быть ранее конечным звуком образного слова, на-
пример: *кутурушэ-* 'угождать, прислуживаться, подлаживаться'
< *кутур сэмби* 'быть ласковым, радушным, дружелюбным', *сум-
буриша-* 'приходить в замешательство, разбегаться, рассыпаться'
< *сумбур сэмби* 'превращаться в лохмотья', где *-шал-шэ* образова-
лось из *сэ-* — глагольного компонента аналитических образных
слов. Поскольку существует несколько возможностей образования
аффикса *-ришал-ришэ-ришо*, правильное всего, видимо, считать его
не вариантом аффикса *-шал-шэ-шо*, а самостоятельным аффикс-
сом, синонимичным последнему.

Аффикс *-мишал-мишэ-мишо*, встреченный всего лишь в трех осно-
вах: *дулэмшэ-* 'запускать дела, совершать промахи' (ср. *дулэ-* 'ми-
новать, преступить закон'), *сэрэмшэ-* 'остерегаться, беречься, ох-
ранять' (ср. *сэрэ-* 'бодрствовать, бдеть, чувствовать'), *доигомшо-*
'предупреждать, делать заблаговременно' < *доигон* 'упрежде-
ние' — имеет ту же семантику и, надо думать, то же происхождение,
хотя расшифровка элемента *м* в его составе крайне затруднена.

Аффикс *-та/тэ/-то* встретился в 32 глагольных основах, ко-
торым придает оттенки значения длительности, постоянства, дроб-
ности действия, например: *јасата-* 'бодрствовать' (ср. *јасала-*
'взглянуть, глядеть'), *хафита-* 'стискивать, сжимать' (ср. *хафира-*
'захватить, зажать'), *дэңситэ-* 'трясти, бросать туда-сюда, биться
(о сердце)' (ср. *дэңси-* 'тряхнуть, трясти'), *н'эчэтэ-* 'часто чинить,
исправлять' (ср. *н'эчэ-* 'чинить, исправлять'), *алишата-* 'постоян-
но грустить' (ср. *алиша-* 'грустить'), *булчата-* 'постоянно укл-
няться, увиливать' (ср. *булча-* 'уклоняться, увиливать'), *кармата-*
'постоянно охранять, защищать' (ср. *карма-* 'охранять, беречь'),
сомита- 'скрываться, избегать людей' (ср. *соми-* 'скрыться'),

жацлата- 'бегать туда-сюда, быть в бегах, постоянно уклоняться' (ср. *жацла*- 'уклоняться'), *фэхутэ*- 'притаптывать, потаптывать' (ср. *фэху*- 'ступать, топать'), *дусхутэ*- 'подталкивать, отпихиваться, дергать' (ср. *дусху*- 'толкнуть'), *ушата*- 'потягивать, стягивать' (ср. *уша*- 'тянуть'), *аната*- 'сваливать друг на друга, уклоняться' (ср. *ана*- 'толкнуть'). Ограниченность числа основ с этим аффиксом не позволяет считать его полностью живым. Мешают этому еще два обстоятельства. Во-первых, отсутствие живых корней у некоторых основ, например: *хэсихэтэ*- или *хэситэ*- 'идти спотыкаясь, ковылять', *лумбутэ*- 'вязнуть, погрязнуть' и, во-вторых, не уместающиеся в намеченные семантические рамки отношения между производной основой и производящим корнем, например: *амчата*- 'тянуться вверх, карабкаться' (ср. *амча*- 'догонять, спешить' (?)), *чакситэ*- 'шелкать языком при удивлении, похвале' (ср. *чакси*- то же (?)), *усхата*- 'вспылить, ненадолго рассердиться' (ср. *усха*- 'сердиться' (?)). Особое недоумение вызывает последняя пара основ. Казалось бы, значения их нужно поменять.

Аффикс *-сита/-ситэ* не имеет заметных отличий от предыдущего и представляет собой комбинацию двух примерно однозначных аффиксов: *-си* + *-та/-тэ*. Второй из них только что был описан, а с первым мы встретимся несколько позднее, но и он не имеет отличий в семантике, как не имеет их и образованный из них аффикс *-сита/-ситэ*. Встречен этот аффикс в девяти основах: *кулисита*- 'боязливо озираться, неметь от страха' (ср. *кули*- 'остолбенеть'), *коцмасита*- 'постоянно обманывать' (ср. *коцман* 'коварство, лжец, обманщик'), *м'амисита*- 'изворачиваться, прикрываться словами' (ср. *м'ами*- 'наряжаться, лицемерить'), *табсита*- 'говорить грубо, резко, перечить' (ср. *таб* 'напрямик'), *хухситэ*- 'вдруг налететь (о туче) и хлынуть (о дожде)' (ср. *хук* 'вдруг'), *тукситэ*- 'постукивать, биться, колотиться (о сердце)' (ср. *тукси*- 'биться, трепетать'), *кабсита*- 'плести вздор, пустословить' < ?, *балдасита*- 'скользить' < ?, *б'алдасита*- 'быть непостоянным, ненадежным, нерешительным' < ?.

Аффикс *-шата/-штэ* имеет ту же семантику и, надо думать, ту же историю образования, только на первом месте вместо *-си* мы встречаем знакомый нам аффикс *-ша/-шэ*. Он встречен в четырех основах: *мэлэштэ*- 'затрудняться, не находить слов, робеть' = *мэлэшэ*- (ср. *мэлэ*- 'притулиться'), *туашата*- 'посматривать, присматривать' (ср. *туа*- 'смотреть'), *убашата*- 'быть переменчивым' (ср. *убаша*- 'переворачивать'), *гахушата*- 'нищенствовать, уподобляться нищему' = *гахуша*- (ср. *гаху* 'наклоненный вперед, согбенный'). Не исключено, что таково же образование уже знакомой нам основы *алишата*- 'постоянно грустить' при *алиша*- 'грустить'.

Аффикс *-нта* встречен всего в двух основах: *жугаранта*- 'бежать рысью' < *жугаран* 'рысь, иноходь', *фалинта*- 'заплетать ногу за ногу при ходьбе, волочить ноги' < ?. Эти основы можно было бы считать образованными с помощью аффикса *-та* от корней, кончающихся на *н*. Однако этому препятствует то, что в подобных случаях конечный *н* обычно отпадает.

Аффикс *-жа/-жэ/-жо* встречается в 30 глагольных основах, которым сообщает оттенки значения длительности, постепенности, иногда еще и повышенной интенсивности действия. Примеры: *гацжа*- 'брат, получать' (ср. *гац*- 'взять'), *мултужэ*- 'выскальзывать из рук' (ср. *мултулэ*- 'спадать'), *тэбкэжэ*- 'играть в мяч' < ?, *тэлэжэ*- 'распирать, подпирать, выпучивать' (ср. *тэлэ*- 'разбухать' (?)), *ноңгажа*- 'сдирать кожу, портить' (ср. *ноңгала*- 'расчесать, содрать кожу'). Эти основы обозначают длительность активных действий. Но таких основ всего пять. Остальные (83 %) сочетают оттенок длительности с пассивностью действия. Часто их альтернантами со значением соответствующего активного действия служат однокоренные основы с аффиксом *-ла/-лэ/-ло* (см. стр. 154—155). Примеры: *ласхажа*- 'рваться' (ср. *ласхала*- 'рвать, разорвать'), *дэбкэжэ*- 'распутываться' (ср. *дэбкэлэ*- 'распутывать, распутать'), *эфужэ*- 'портиться, ломаться' (ср. *эфулэ*- 'портить, ломать'), *фудэжэ*- 'распороться, распуститься' (ср. *фудэлэ*- 'распороть, распустить'), *уксажа*- 'развязаться' (ср. *уксала*- 'развязать'). Немало основ, не имеющих такого рода альтернантов, но передающих длительные пассивные действия, например: *мэцжэ*- 'крошиться, разваливаться', *чонтохожо*- 'трескаться, обрушиваться', *фондожо*- 'образоваться сквозной щели', *сэндэжэ*- 'продираться, пробираться', *нилтажа*- — то же, *чакжа*- 'покрыться настом', *фэнтэхэжэ*- 'отколотся осколком'. Есть немного и таких случаев, когда альтернативная основа имеется, но отношения с ней носят иной характер, например: *чокчожо*- 'вытягиваться, вздыматься' (ср. *чокчо*- 'возвышаться'), *жожо*- 'нестерпимо чесаться' (ср. *јоча*- 'чесаться, свербеть'), *фукдэжэ*- 'открыться ране, вскочить на новом месте чирью, осложниться болезнью' (ср. *фукдэрэ*- 'вновь заболеть'). Ограниченное число основ с аффиксом *-жа/-жэ/-жо*, известный семантический разнород и отсутствие у значительного числа основ живых корней (более чем у одной четвертой части) не позволяют считать этот аффикс живым.

Аффикс *-нжа/-нжэ/-нжо*, образующий 37 глагольных основ, казалось бы, можно считать фонетическим вариантом предыдущего аффикса. Некоторый оттенок длительности имеется у всех, а у шести из них можно обнаружить и оттенок пассивности: *төкканжа*- 'замедляться' (ср. *төка*- 'медлить'), *шашанжа*- 'путаться, смешиваться' (ср. *шаша*- 'путать'), *л'эл'эхунжэ*- 'помрачаться рассудком' (ср. *л'эл'э*- 'испытывать головокружение'), *хаханжа*- 'складываться на-

крест', *гонжа*- 'обостряться болезни', *булинжа*- 'столбенеть, шалеть'. Однако все остальные (84 %) с идеей пассивности никак не связаны. Поэтому для возведения одного аффикса к другому оснований явно не достаточно. Примеры: *гунинжа*- 'постоянно думать, обдумывать' (ср. *гуни*- 'думать'), *илинжа*- 'идти с остановками, останавливаться на каждом шагу' (ср. *или*- 'встать'), *г'алганжа*- 'манкировать, пропускать рабочие дни, обходить' (ср. *г'алга*- 'исключить, пропустить'), *халанжа*- 'сменять друг друга, чередоваться' (ср. *хала*- 'сменить, менять'), *гуринжэ*- 'постоянно перемещаться, ходить взад-вперед' (ср. *гури*- 'переходить, перемещаться, переселяться'), *сүал'анжа*- 'перемешивать, смешивать многое, всякое' (ср. *сүал'а*- 'смешать, перемешать'), *нархунжа*- 'жить бережливо, расчетливо', *сидэхунжэ*- 'делать промежутки в решетке, раме, сетях', *талихунжа*- 'сомневаться, недоумевать, раздумывать', *хириинжа*- 'бредить, забываться', *фолконжо*- 'укорачивать, обламывать концы', *нэигэнжэ*- 'уравнивать, сравнивать', *сориганжа*- 'суетиться, метаться в замешательстве'. Как и все прочие продукты деривативного основообразования, основы рассмотренного типа можно считать для письменного периода маньчжурского языка омертвевшими.

Аффикс *-лжа/-лжэ/-лжо* встречен в 23 основах. У группы оформленных им основ нет единого объединяющего их всех семантического признака сверх более или менее отчетливо выраженного оттенка длительности, свойственного всем вообще формам деривативного основообразования, хотя некоторые уже встречавшиеся нам дополнительные оттенки значения, такие как постоянство, раздробленность и пассивность действия, у некоторых основ присутствуют, что будет видно из приводимых ниже примеров: *хажалжа*- 'постоянно виться, повиливать' (ср. *хаја*- 'виться, вильнуть хвостом'), *дэждэлжэ*- 'часто вздрагивать во сне, вскакивать от испуга' (ср. *дэждэ*- 'подниматься'), *эңгэлжэ*- 'выходить за рамки, превышать меру' (ср. *эңгэлэ*- 'высунуться, превзойти'), *сумбулжа*- 'трястись, колебаться под ногами', *тэңгэлжэ*- 'трястись, колыхаться', *ујалжа*- 'гнуть, изгибаться', *шојолжо*- = *шојо*- 'мяться, морщиться, изгибаться', *камбулжа*- 'колебаться, зыбиться, трястись', *кэикэлжэ*- = *кэикэ*- 'поступать несправедливо', *шакшалжа*- 'скалить зубы', *мидалжа*- 'вилять хвостом', *коиколжо*- 'неприлично вести себя, бесчинствовать', *жаңгалжа*- 'бодриться, храбриться, горячиться', *уңгилжэ*- 'помахивать хвостом'.

Аффикс *-ржа/-ржэ/-ржо* встречен в 10 глагольных основах. Семантических отличий от двух предыдущих не имеет. Примеры: *билуржа*- 'льстить, притворяться кротким' (ср. *билу*- 'ласкать, гладить'), *мэлэржэ*- 'робеть, стесняться, прятаться' (ср. *мэлэ*- 'ускользнуть, скрыться'), *фусуржэ*- 'рассыпаться, становиться рыхлым' (ср. *фусур*- 'рассыпчато'), *эјэржэ*- 'ярко светить, блеснуть' (ср. *эјэри ха-*

јари ‘красиво, ярко’), *к’олорџо-* ‘наряжаться, щеголять’, *докдорџа-* ‘суетиться, вертеться, бегать туда-сюда’.

Аффикс *-мџа* встречаем всего в двух основах: *исамџа-* ‘собирать, свозить, складывать’ (ср. *иса-* ‘скапливаться’), *ачамџа-* ‘соединять, связывать’ (ср. *ача-* ‘соединяться’). Как видим, оттенок длительности здесь присутствует, но соотношение активности/пассивности обратное тому, что мы наблюдали в большинстве основ с аффиксами *-џа/-џэ/-џо*.

Аффикс *-ча/-чэ/-чо* встречен в 28 основах. Он сообщает этим основам оттенок значения длительности, постоянства, многократности, а иногда и повышенной интенсивности действия. Примеры: *баича-* ‘разыскивать, допрашивать, проверять’ (ср. *баи-* ‘искать, найти’), *фэкучэ-* ‘попрыгивать, метаться’ (ср. *фэку-* ‘прыгнуть’), *шургэчэ-* ‘содрогаться, долго и сильно дрожать’ (ср. *шургэ-* ‘дрожать’), *тэчэ-* ‘сидеть, засидеться, рассаживаться’ (ср. *тэ-* ‘садиться’), *гэулэчэ-* ‘подкрадываться, выслеживать’ (ср. *гэулэ-* ‘подкрасться’), *дахача-* ‘постоянно предупреждать желания, угодничать, поддакивать’ (ср. *даха-* ‘следовать, подчиняться’), *дургэчэ-* ‘трястись, как в лихорадке; сильно и долго дрожать’ (ср. *дургэ-* ‘дрожать’), *гэңгэчэ-* ‘вести бродяжнический образ жизни’ (ср. *гэңгэрэ-* ‘беднеть, слабеть’), *тоточо-* ‘поступать безрассудно, опрометчиво’ (ср. *тоторо-* ‘совершить опрометчивый, безрассудный поступок’), *гилача-* ‘метаться в жару, в беспокойстве’ = *гилаџа-*, *канча-* ‘играть в бабки’ = *канџа-*, *фатхача-* ‘тревожиться, сокрушаться’ = *фатхаша-*, *јоча-* ‘чесаться, свербеть’ = *јоџа-*. Относительно много основ, не входящих ни в однокоренные, ни в синонимические пары, например: *сорочо-* ‘чувствовать боль, стыдиться’, *кэңчэ-* ‘перетираться, протираться’, *ф’окочо-* ‘лягаться, брыкаться’, *гэулэчэ-* ‘озираться по сторонам, подсматривать’, *хоулача-* — то же, *тук’эчэ-* ‘хвалить, превозносить’, *сэңгуэчэ-* ‘все время вздрагивать’. У рассматриваемого аффикса имеется омоним среди аффиксов залогового основообразования (см. стр. 183—185).

Аффикс *-рча/-рчэ/-рчо* присутствует в шести глагольных основах и может считаться вариантом предыдущего, в состав которого путем переразложения вошел конечный *р* корня образного слова или согласный конечного слога производящей основы с отпавшим гласным. Вот эти основы: *гуңгурчэ-* ‘сгибаться, склоняться, кланяться старшим, унижаться’ = *гуңгуршэ-* < *гуңгур сэмэ* ‘изгибаясь, согбенно, униженно’, *кутурчэ-* ‘угождать, прислуживаться’ = *кутуршэ-* < *кутур фатар-* ‘ласково, любезно, дружелюбно’, *сосорчэ-* ‘попячиваться, подаваться назад’ (ср. *сосоро-* ‘отступать, пятиться’), *бэдэрчэ-* ‘отступать, пятиться’ (ср. *бэдэрэ-* ‘возвратиться, отступить’), *миларча-* ‘идти, раздвигая толпу, пробиваться через толпу’ (ср. *милача-* = *милара-* ‘открываться настежь, разевать рот,

расступиться (о толпе)'), *сэхэрчэ*- 'порываться в драку, не сдерживаться' (ср. *сэхэршэ*- 'злится, горячиться', *сэхэрэ*- 'рассердиться, окрыситься').

Аффикс *-нча/-нчэ* встречен в четырех основах с неподдающимися расшифровке корнями: *дајанча*- 'помахивать головой (о лошади после остановки)', *фанча*- 'горячиться, гневаться', *фанча*- (омоним предыдущей) 'закрываться, запирается (о воротах, двери)', *хэнчэ*- 'толочь в ступе'.

Аффикс *-лча/-лчэ* встречен также в четырех основах. Возможно, что он образовался из слияния двух аффиксов *-ла* + *-ча*. Вот эти основы: *јаңгалча*- 'бодриться, горячиться, храбриться' = *јаңгалжа*-, *эңгэлчэ*- 'выходить за рамки, превышать меру' = *эңгэлжэ*- (ср. *эңгэлэ*- 'высовываться, выдаваться, превосходить'), *бумбулча*- 'пучиться, вздуваться', *г'ахалча*- 'плавно бежать (о лошади)'.

Аффикс *-си* оформляет 13 глагольных основ и выполняет в них функцию глагольного основообразования (преимущественно от разных слов) и выражения длительности, например: *таңси*- 'постукивать, непрерывно бить в бубен' < *таң* — звук удара, *кокси*- 'кудахтать, квохтать, токовать' < *коко* — звук кудахтанья, квохтанья, токованья, *лабси*- 'жадно глотать неразжеванное, хватать, как собака' < *лаб* 'жадно, без разбора (есть)', *тоңси*- 'каркать (о птице), читать нараспев молитвы' < *тоң* — звук шаманского бубна, *луksi*- 'подергивать (о нарыве), болеть (о голове)' < *лук сэмэ* 'мрачно, темно', *лоңси*- = *локси*- 'болтать, пустословить' < *лоң сэмэ* 'без умолку', *доси*- 'вступать, входить' < *до* 'внутренность', *жэкси*- 'пугаться, ужасаться, брезговать', *чабси*- 'покровительствовать, защищать, потакать', *дабси*- 'заходить, закатываться, садиться (о солнце)', *чикси*- 'мужать, созревать (о хлебных злаках)', *жибси*- 'накладывая слоями, наклеивать'.

Аффикс *-к'а/-к'э* образует 15 глагольных основ, придавая им оттенки значения длительности, раздробленности, а иногда также активности или интенсивности действия. Примеры: *сэсук'э*- 'дрожать, трястись от холода' = *сэсулэк'э*- (ср. *сэсулэ*- 'вздвогнуть, дрожать'), *эсук'э*- 'покрикивать, гневно кричать' (ср. *эсуңг'э*- 'громко кричать'), *јарк'а*- 'вовлекать, увлекать' (ср. *јару*- 'вести за собой'), *хафук'а*- 'протягивать насквозь, проводить мысль, вразумлять' (ср. *хафу*- 'пройти сквозь, пронизать'), *жалук'а*- 'дополнять, пополнять' (ср. *жалу*- 'наполняться'), *туак'а*- 'охранять, стеречь, наблюдать' (ср. *туа*- 'смотреть, видеть'), *фосок'а*- 'пылать, полыхать, сгорать' (ср. *фосо*- 'светить, озарять'), *хуэңк'э*- 'вылупляться из яйца, проклеиваться', *суаңк'а*- 'пасться, щипать траву'.

Аффикс *-ңг'а/-ңг'э* входит в состав 13 глагольных основ, близких по характеру значений к только что рассмотренным, например: *шэриңг'э*- 'раскалять' (ср. *шэрэ*- 'раскаляться'), *сусуңг'а*- 'ра-

зорять, опустошать' (ср. *сусу-* 'пустеть, опустошаться'), *эдүңг'э-* 'веять зерно' < *эдун* 'ветер', *бодоңг'а-* 'соображать про себя, разговаривать с самим собой' < *бодон* 'соображение', *шушуңг'а-* 'шептать' < *шуша сэмэ* 'шепотом', *дэсуңг'э-* 'поднимать пыль, крик'. Одна из основ — *туаңг'а-* 'послать посмотреть, узнать' от *туа-* 'смотреть, видеть' — является чисто фонетическим вариантом регулярной формы породы отправления (см. стр. 175) *туаңги-*. Закономерность и причина возникновения этого варианта неясны.

Аффикс *-х'а/-х'э* встречен в трех глагольных основах: *тачих'а-* 'учить, поучать, обучать, наставлять' (ср. *тачи-* 'учиться, привыкать'), *нэчих'э-* 'усмирять, успокаивать, уравнивать' < *нэчин* 'спокойный, спокойно', *дасих'а-* 'сбивать, стряхивать, смахивать пыль' (ср. *дасихи-* 'бить крылом (о птице)').

Аффикс *-н'э* отмечен в двух основах: *эк'эн'э-* 'уменьшаться, убывать' (ср. *эк'э-* 'недоставать, уменьшаться'), *эбэн'э-* 'размачивать, пропитывать' (ср. *эбэ-* 'намочать, размочать, разбухать, растворяться').

Аффикс *-рала/-рэла*, встреченный в пяти глагольных основах, представляет собой сочетание аффикса настоящего времени причастия с уже известным нам основообразовательным аффиксом *-ла*. Основы следующие: *жабурэла-* 'идти с остановками, передышками, тащиться' (ср. *жабу-* 'идти, двигаться'), *укарала-* 'постоянно убежать, находиться в бегах' (ср. *ука-* 'убежать, скрываться'), *тантарала-* 'бить, колотить с расстановкой' (ср. *танта-* 'бить, ударить'), *намбурэла-* 'едва схватить, держать' (ср. *намбу-* 'быть схваченным'), *тэбурэла-* 'класть в гроб' (ср. *тэбу-* 'сажать, помещать, погружать'). Возможно, что сюда же следует отнести и основу *гидарла-* 'крепко держать, сжимать' (ср. *гида-* 'придавить, давить'). О том, что первый компонент аффикса восходит к аффиксу настоящего времени причастия, свидетельствует не только звуковое тождество, но и чередование в нем гласных *а ~ э* (после *а* — *а*, после *у* — *э*), характерное именно для этого аффикса. Но, с другой стороны, наличие этого компонента ничем не оправдывается. Аффикс времени словоизменительный и по нормам маньчжурской морфологии никак не может предшествовать аффиксу основообразования. К тому же никакого временного оттенка в значении этих основ нет и быть не может. И в то же время все основы, как мы видели, являются производными от других глагольных же основ, которым противостоят как видовые нейтральным. Это дает основание считать аффикс *-рала/-рэла* в перечисленных основах одним из омертвевших неразложимых основообразовательных аффиксов. Основы с этим аффиксом не следует смешивать с частично омонимичной им обобщающей формой причастия, в которой возможно сочетание аффиксов *-ра + -ла* (см. стр. 198—199).

ПОРОДА

Участвующая в основообразовании грамматическая категория, именуемая здесь «породой», дает возможность обозначить одним глагольным словом два разных действия, находящихся в определенной зависимости друг от друга. Одно из этих действий для каждой из пород переменное, оно передается непроемной основой (корнем), а второе постоянное, передаваемое служебным компонентом. В структурном отношении породы делятся на две группы: синтетические и аналитические. Три синтетические породы объединены между собой не только в структурном, но и в семантическом отношении. Все они обозначают, собственно говоря, не то действие, которого можно было бы ожидать, судя по производящей основе, а только один из трех видов движения: «отбыть (пойти, поехать, полететь, поплыть, поползти и т. п.)», «прибыть (прийти, приехать, прилететь, приплыть, приползти и т. п.)» или «отправить (командировать, послать, поручить, наказать и т. п.)». Производящая же основа указывает, с какой целью, для совершения какого действия производится то или иное движение. Как видим, порода коренным образом отличается от глагольного вида. Если производная основа того или иного вида передает в принципе то же самое действие, что и производящая ее основа, и разница между ними сводится лишь к наличию или отсутствию дополнительного оттенка видового значения, то производная основа породы в семантическом отношении коренным образом отличается от производящей ее основы, что будет видно из приводимых ниже примеров.

Теоретически любая нейтральная к породе глагольная основа может быть преобразована путем аффиксации в производную основу синтетической породы, но практически эта возможность ограничивается неравной способностью, а порой и полной неспособностью некоторых действий служить целью какого-либо движения. Однако это ограничение имеет чисто лексический характер и никакой зависимости от грамматики не обнаруживает. Поэтому породы можно считать вполне живыми категориями.

В соответствии со сказанным несколько выше в маньчжурском письменном языке можно выделить следующие три породы, образуемые синтетическим путем: а) породу отбытия, б) породу прибытия и в) породу отправления. Особенности семантики перечисленных пород и их неодинаковая лексическая сочетаемость с различными глагольными основами, отражающая неравную логическую совместимость движения с теми или иными действиями как его целями, приводят к различной частотности и избирательности этих пород. Значительно чаще других и от большего числа

глагольных основ образуется и употребляется порода отбытия, а много реже других и от ограниченного числа основ встречается порода отправления. Порода прибытия занимает в этом отношении промежуточное между ними место.

Аффикс *-на/-нэ/-но* выражает породу отбытия, обозначающую в зависимости от контекста или реальной ситуации тот или иной вид движения от определенной точки в пространстве (отсюда туда), т. е. «отправиться, двинуться, пойти, перейти, побежать, поехать, переехать, полететь, поплыть, поползти и т. п.» с целью совершения того действия, которое обозначено производящей глагольной основой. Примеры: *банжина-* 'пойти, поехать, переехать на жительство, переселиться' < *банжи-* 'жить, роджаться', *тэнэ-* 'пойти, чтобы сесть; поехать, чтобы поселиться; отправиться на жительство, переселиться' < *тэ-* 'сесть, осесть, поселиться', *цилина-* 'перейти на новое место, перемещаться с места на место, бродяжничать' < *цили-* 'уклоняться от дороги', *исина-* 'двигаться с целью достижения' < *иси-* 'достигать', *досина-* 'двигаться с целью вступления, внедрения, проникновения; напасть' < *доси-* 'вступать, входить', *вэсинэ-* 'двигаться вверх' < *вэси-* 'подниматься', *васина-* 'двигаться вниз' < *васи-* 'спускаться', *алана-* 'пойти сказать' < *ала-* 'сказать, говорить', *баина-* 'отправиться на поиски' < *баи-* 'искать, просить', *сучуна-* 'идти в атаку' < *сучу-* 'напасть, атаковать', *халана-* 'направиться на смену' < *хала-* 'менять, сменять, заменять', *жоно-* 'пойти напомнить' < *жо-* 'напомянуть', *эбишэнэ-* 'пойти купаться, мыться' < *эбишэ-* 'купаться, мыться', *токтоно-* 'натечь, накопиться (о воде)' < *токто-* 'устояться (о воде)', *даjana-* 'пойти в подданство, поступить в подчинение, искать покровительства' < *даja-* 'подчиняться', *жэнэ-* 'идти поесть, отправиться на кормление' < *жэ-* 'есть, питаться', *шана-* = *туана-* 'пойти посмотреть' < *ша-* = *туа-* 'смотреть, видеть', *дана-* 'идти на помощь' < *да-* 'заступаться', *дона-* 'лететь на посадку' < *до-* 'сесть (о птице)', *эжэнэ-* 'утекать, вытекать' < *эжэ-* 'течь'.

Аффикс породы может сочетаться с видовым аффиксом, но стоит всегда после него.

Иное дело — залоговый аффикс, с которым аффикс породы также может сочетаться и даже с большей свободой. Эти два аффикса могут меняться местами, но при этом меняется и значение глагольной основы, например: *аланабу-* 'заставить пойти сказать', но *алабуна-* 'пойти заставить сказать', *жэнэбу-* 'заставить пойти поесть, позвать есть, пригласить поесть', но *жэбуна-* 'пойти заставить поесть, покормить' и т. п.

Необходимо оговорить еще одну особенность породы отбытия, проявляющуюся в формах повелительного наклонения глагола. Обычно эти формы материально равны глагольной основе, а инте-

ресующая нас порода образует повелительное наклонение флексивным способом, путем замены конечного гласного *a/э/о* гласным у, т. е. *алану* 'пойди скажи' (ср. *алана-* 'пойти сказать'), *туану* 'пойди посмотри' (ср. *туана-* 'пойти посмотреть'), *дану* 'спеши на помощь' (ср. *дана-* 'идти на помощь') и т. д. Это вызывает иногда появление грамматических омонимов, так как аффикс *-ну* выражает также взаимно-совместный залог (см. стр. 183—185); так, например, слово *досину* может быть понято и как 'войди (иди, чтобы проникнуть)', и как 'входите вместе', слово *тучину* — и как 'выйди вон', и как 'появитесь вместе'.

Смысловым эквивалентом основ породы отправления служат вполне употребительные, хотя и реже встречающиеся, словосочетания типа: *аламэ гэнэ-* 'пойти сказать' = *алана-*, *туамэ гэнэ-* 'пойти посмотреть' = *туана-*, *жэмэ гэнэ-* (= *жэнэмэ гэнэ-?*) 'пойти поест' = *жэнэ-* и т. п.

Аффикс *-нжи* образует породу прибытия, употребляемую в речи реже, но во всем сходную с антонимичной ей предыдущей породой за исключением направления движения. Если порода отправления предполагает движение от определенного пункта (отсюда туда), то порода прибытия, наоборот, обозначает движение к определенному пункту (оттуда сюда). Смысл же производящей основы тот же самый. Примеры: *банжинжи-* 'прибыть на жительство' < *банжи-* 'жить, родиться', *исинжи-* 'достичь цели движения, прибыть, добраться' < *иси-* 'достигать', *аланжи-* 'прийти сказать' < *ала-* 'сказать, говорить', *халанжи-* 'прийти на смену' < *хала-* 'менять, сменять, заменять', *шанжи-* = *туанжи-* 'прийти посмотреть' < *ша-* = *туа-* 'смотреть, видеть', *дажанжи-* 'вступить в подданство, прийти с покорностью' < *даја-* 'подчиняться', *васинжи-* 'появиться сверху, спуститься вниз' < *васи-* 'спускаться', *хэңкилэнжи-* 'прийти с поклоном, на поклон' < *хэңкилэ-* 'поклониться в ноги', *баханжи-* 'прийти за получением' < *баха-* 'получать, находить', *жанжи-* 'прибыть на богомолье, прийти помолиться' < *жа-* 'молиться вслух', *тэјэнжи-* 'прибыть на отдых' < *тэјэ-* 'отдыхать', *улхинжи-* 'прийти к пониманию, начать понимать' < *улхи-* 'понимать'.

Сочетаемость с видовыми и залоговыми аффиксами такая же, что и у предыдущей породы.

С основами породы прибытия равнозначны, но, пожалуй, более употребительны словосочетания двух типов: а) *аламэ жи-* 'прийти сказать' = *аланжи-*, *туамэ жи-* 'прийти посмотреть' = *туанжи-*, *жэмэ жи-* 'прийти поест' = *жэнжи-*, б) *жифи ала-* 'прийти сказать (дословно придя, сказать)' = *аланжи-*, *жифи туа-* 'прийти посмотреть (дословно придя, посмотреть)' = *туанжи-*, *жифи жэ-* 'прийти поест (дословно придя, поест)' = *жэнжи-*, причем второй тип словосочетаний употребителен только в прошедшем времени.

Аффикс *-ңи* образует наименее употребительную породу отправления, которая обозначает отправление одним лицом другого с целью совершения выраженного производящей основой действия. Примеры: *туаңи-* 'послать посмотреть' < *туа-* 'видеть, смотреть', *алаңи-* 'послать сказать' < *ала-* 'сказать, говорить', *ббалаңи-* 'послать с известием' < *ббала-* 'извещать', *фонзиңи-* 'послать спросить' < *фонзи-* 'спрашивать', *буңи-* 'послать для передачи, переслать' < *бу-* 'давать', *боңи-* 'посылать, отправлять' — корень неизвестен.

Сочетания с видовыми суффиксами в принципе возможны, но практически не встречаются. Сочетаемость с залоговыми аффиксами та же, что и у других пород. Совмещение двух синтетических пород в одной основе невозможно.

Синонимами основ породы отправления являются более употребительные словосочетания типа: *алабумэ уңи-* 'послать сказать' = *алаңи-*, *туабумэ уңи-* 'послать посмотреть' = *туаңи-* и т. п.

Аналитических пород четыре. Если синтетические породы обозначают движение с целью производства передаваемого производящей основой действия, то аналитические породы как вторые и главные действия передают желательность, возможность, необходимость (долженствование) или освоенность действия, обозначающего знаменательным (первым) компонентом конструкции. Соответственно этому и выделяются породы — намерения, возможности, долженствования и овладения.

Если синтетические породы передают совершенно реальные, физически осязаемые перемещения в пространстве с целью совершения определенных действий, то аналитические породы выражают модальные оценки действий. В этом смысле они и вовсе не имеют ничего общего с категориями вида, но, как может показаться, тяготеют к наклонениям. Поскольку и там, и тут присутствует модальная оценка, некоторое сходство между аналитическими породами и наклонениями существует, но стоять на одной плоскости, входить в состав одной грамматической парадигмы они все же никак не могут. Препятствует этому то, что наклонение имеет в виду оценку реальности действия со стороны говорящего и эта субъективность оценки с позиции говорящего как раз и является определяющим для наклонения моментом. В отличие от этого порода не имеет ничего общего с субъективностью оценки. Она констатирует независимую от говорящего объективно существующую модальность. И даже такая модальность, как желательность, в передаче ее породой оказывается по отношению к говорящему объективной. Вернее, в одном случае она может быть и полностью субъективной, это когда субъект действия и говорящий совпадают в одном лице, т. е. когда речь ведется от первого лица. А это в тек-

стах по понятным причинам встречается сравнительно редко. Во всех же прочих случаях говорит один, а действует, в том числе и изъявляет желание, другой. Значит, желание, если оно и субъективно с точки зрения субъекта действия, то с позиции говорящего (субъекта речения) оно уже не субъективно, а объективно, независимо от его воли. Следовательно, хотя с наклонением и есть некоторое сходство, но тождества все же нет. Вид, наклонение и порода — это грамматические категории, лежащие в разных плоскостях.

Как мы видели, две разновидности пород — синтетическая и аналитическая — имеют не только структурное, но и смысловое различие. Однако наиболее существенно то, что обе эти разновидности объединены между собой и противопоставлены вместе всему остальному массиву грамматических категорий характерной для них способностью отстранять на второй план как нечто ирреальное, представляющееся лишь в потенции то действие, которое передается главным лексическим компонентом сложной основы, и выдвигать на первый план вполне реальное действие-состояние, вытекающее из служебного, грамматического компонента.

Порода намерения служит для обозначения желания, осознанного намерения совершить то или иное действие. Модель ее формы такова: глагол желательного наклонения (см. стр. 215—216), обозначающий то действие, которое его субъект намеревается, выражает желание совершить, и следующее за ним служебное слово от основы *сэ-* ‘сказать, говорить’, например: *алаки сэби* ‘хочу (намереваюсь, собираюсь) сказать’, *гэнэки сэхэ* ‘хотел (намеревался, собирался) пойти’, *џэки сэфи* ‘захотев (вознамерившись, собравшись) поесть’. Несомненно, что первоначально подобные аналитические конструкции представляли собой свободные словосочетания с двумя вполне знаменательными компонентами: ‘скажу говорю’, ‘пойду сказал’, ‘поем сказав’. Элемент желания или намерения заключался в первом, переменном компоненте, имеющем форму желательного наклонения, причем этот компонент передавал прямую речь. Второй компонент — постоянный — относился к авторской речи. Ввиду неизменности значения он постепенно утрачивал лексическую самостоятельность и превращался в служебный элемент с двоякой функцией: а) преобразования содержащейся в первом компоненте прямой речи в авторскую и б) передачи с помощью своей формы грамматического значения всей аналитической конструкции. Представить себе иначе ход преобразования свободного словосочетания в аналитическую форму трудно.

Порода возможности полностью отвечает своему наименованию, поскольку передает объективно существующую возможность (равно как и невозможность) действия, обозначенного знаменательным компонентом аналитической конструкции. Глагольная ос-

нова этой породы состоит из двух компонентов: знаменательного, выраженного формой условного деепричастия (см. стр. 206—208), обозначающего возможное (или невозможное) действие, и служебного, представляющего собой изменяемую в грамматическом отношении основу глагольного слова *о-* ‘делаться, становиться’. В составе аналитической формы первый компонент полностью сохраняет свое лексическое значение, сообщая его всей конструкции в целом, но утрачивает значение грамматическое (ни малейшего элемента условности аналитическая форма уже не содержит), второй же компонент полностью утрачивает свое лексическое значение, приобретает вместе с первым компонентом значение возможности (или невозможности) осуществления того или иного действия, но сохраняет способность к приобретению свойственной глагольным словам грамматической формы, которая и становится грамматической формой аналитической конструкции. Как правило, такими формами, употребительными в безличных предложениях, оказываются настоящее время изъявительного наклонения для утверждения возможности действия и отрицательная форма причастия настоящего времени — для отрицания такой возможности, например: *алачи омби* ‘можно сказать’, *алачи оџораку* ‘невозможно сказать’, *гэнэчи омби* ‘можно пойти’, *гэнэчи оџораку* ‘невозможно пойти’, *џэчи омби* ‘можно есть, съесть’, *џэчи оџораку* ‘невозможно есть, съесть’.

Порода долженствования выражает необходимость (или недопустимость) того действия, которое обозначено знаменательным компонентом аналитической конструкции. Структура аналитической формы такова: знаменательный компонент, выраженный формой условного деепричастия, обозначающего необходимое (или недопустимое) действие, и служебный компонент — изменяемая основа глагольного слова *ача-* ‘соответствовать’. Первый компонент придает конструкции основное лексическое значение, а второй — долженствование (или невозможность) вместе с другими грамматическими значениями, но полностью утрачивает свое лексическое значение. Аналитическая форма долженствования употребляется в роли сказуемого безличного предложения, и ее служебный компонент имеет форму настоящего времени (глагола изъявительного наклонения, причастия) при выражении необходимости действия или отрицательную форму настоящего времени при выражении недопустимости действия, например: *алачи ачамби* ‘необходимо сказать’, *алачи ачараку* ‘нельзя сказать, недопустимо говорить’, *гэнэчи ачамби* ‘необходимо пойти’, *гэнэчи ачараку* ‘нельзя идти, недопустимо ходить’, *џэчи ачамби* ‘нужно есть, необходимо съесть’, *џэчи ачараку* ‘нельзя, недопустимо есть’.

Порода овладения выражает приобретение способности производить то действие, которое обозначено знаменательным компо-

нением аналитической конструкции. Строится аналитическая форма основы по одной из двух равнозначных моделей: а) знаменательное глагольное слово в виде предварительного деепричастия (см. стр. 202—205) + грамматически изменяемое глагольное слово от основы *бах*- ‘находить, получать, приобретать’ в роли служебного компонента или б) служебное слово *бах**афи* (предварительное деепричастие) + знаменательное глагольное слово нужной грамматической формы. В обоих случаях знаменательные компоненты полностью сохраняют свое лексическое значение, а служебные компоненты приобретают значение ‘научиться, овладеть, освоить, приобрести способность’, например: *хулафи бахамби* = *бах**афи хула**мби* ‘учится читать’, *хулафи баха* = *бах**афи хула**ха* ‘научился читать’, *нируфи бахар**аку* = *бах**афи ниру**раку* ‘не учится рисовать, писать’, *нируфи баха**фи* = *бах**афи ниру**фи* ‘научившись рисовать, писать’.

Аналитические породы не могут сочетаться в одной форме между собой, но свободно сочетаются (особенно первые три) с породами синтетическими, т. е. вполне допустимы такие, скажем, комбинации: *аланаки сэмэ* ‘намереваясь пойти сказать’, *жэнжики сэхэ* ‘хотел прийти поесть’, *алаңгичи ачамби* ‘необходимо послать сказать’, *жэнэчи ачараку* ‘нельзя идти поесть’, *алаңгифи баха* ‘научился посылать сказать’.

По сравнению с синтетическими породами аналитические в еще большей мере продуктивны. В их образовании в качестве знаменательных компонентов могут участвовать едва ли не все глагольные основы. Ограничения чисто семантического характера можно отметить лишь для основ, обозначающих действия, не свойственные разумным существам, поскольку породы предполагают наличие в большей или меньшей степени элемента волеизъявления.

ЗАЛОГ

Если залогом считать форму глагольной основы, в которой отражено несовпадение грамматического субъекта с реальным исполнителем действия — а это определение из большого числа существующих представляется наиболее близким к истине, — то к числу залоговых следует отнести форму основы со специфическим показателем *-бу* с его вариантом *-мбу*.⁴

⁴ По аналогии с этим форму породы можно считать выражением несовпадения действия, обозначенного в корне глагольной основы с реальным действием, поскольку, например: *аланжи-* образовано от *ала-* ‘сказать, говорить’, но в действительности обозначает не говорение, а совсем иное действие — прибытие, тогда как говорение служит лишь целью последнего.

Эта форма совмещает два совершенно различных грамматических значения — побудительности и страдательности, например: *алабу-* а) 'побудить (заставить, приказать, допустить, разрешить, дать) сказать', б) 'быть сказанным'; *туабу-* а) 'показать, побудить (заставить, приказать, допустить, разрешить, дать) увидеть', б) 'быть увиденным, замеченным, виднеться'; *џэбу-* а) 'накормить, побудить (заставить, приказать, допустить, разрешить, дать) съесть', б) 'быть съеденным, съедаться'. Побудительность как действие сугубо активное и страдательность как действие пассивное, скорее даже не действие, а состояние, кажутся совершенно несовместимыми, в известной степени антонимичными. Их сочетание в одной форме слова кажется противоестественным. В самом деле, что может быть общего между такими, скажем, значениями, как 'заставить смотреть' и 'видеться'? И все же, если к ним внимательно присмотреться, не ограничиваться лишь крайними оттенками, а принять в расчет всю их гамму, то можно обнаружить некие точки соприкосновения. Особенно широк диапазон оттенков у значения побудительности: от активного навязывания (возможно, с преодолением сопротивления) воли субъекта до почти пассивного допущения, согласия (возможно, с элементом капитуляции) на совершение действия. Основа *кадалабу-* значит и 'велеть, приказать, заставить управлять', и 'поручить управление, побудить к нему', и 'допустить управление, согласиться на него, дать (кому-то) управлять'. Если иметь в виду «управление» субъектом, что вполне возможно ('дать управлять собой'), то отсюда один шаг до оттенка страдательности ('быть управляемым, дать управлять собой'). Как видим, «побудительность» для языкового сознания маньчжура почти незаметно переходит в «страдательность».

Есть и другая, не менее, а, может быть, и более важная основа общности этих двух значений. В том и другом случаях форма на *-бу/-мбу* выражает персональное несовпадение инициатора действия и его фактического исполнителя. В одном случае побуждает совершить действие одно лицо, а совершает его другое; во втором случае совершает действие одно лицо, а испытывает его на себе другое лицо. Например, *бауталабу-* значит а) 'побудить кого-то к употреблению или назначению чего-то, кого-то', б) 'быть употребленным или назначенным кем-то, употребляться, назначаться'. В первом случае предполагается, что одно лицо (инициатор) побуждает другое лицо (исполнителя) употребить или назначить что-то, кого-то. Во втором случае одно лицо употребляет или назначает (инициатор), а другое лицо или предмет употребляется или назначается (исполнитель).

Сказанное выше побуждает видеть в этих двух значениях не омонимы, а оттенки одного общего грамматического значения,

одну грамматическую категорию, которую следует именовать побудительно-страдательным залогом.

При наличии выясненной нами точки соприкосновения двух основных оттенков значения побудительно-страдательного залога существуют вполне надежные способы разграничения этих оттенков.

Побудительный оттенок значения могут иметь все глагольные основы интересующего нас залога, тогда как страдательный возможен примерно для 40 % глагольных основ, причем все основы последнего типа могут иметь также и побудительный оттенок значения. Основ, которые имеют только побудительный и не могут иметь страдательного оттенка значения, 60 %. Основ, способных передавать только страдательность, не существует. В основе такой дифференциации лежит оппозиция переходности и непереходности глагольных основ. Основы непереходные, т. е. не способные подчинять себе прямое дополнение,⁵ при оформлении их аффиксом *-бу/-мбу* не могут выражать страдательность. Страдательный оттенок значения могут получить только основы переходной семантики, способные подчинять себе прямое дополнение. Поэтому проблема разграничения двух основных оттенков значения существует лишь для тех 40 % глагольных основ, которые связаны с переходностью.

Разграничительный принцип для переходных основ лежит за пределами глагольной словоформы. Он зависит от переходности/непереходности основы, от ее способности управлять падежами подчиненных слов, но внешне проявляется не в ней самой, а в структуре предложения, в наличии второстепенных членов в тех или иных падежных формах. Если в составе предложения, помимо его главных членов, между последними имеется прямое дополнение в форме винительного падежа, то сказуемое в форме побудительно-страдательного залога может иметь только побудительное значение, например: *Би симбэ турибухэ* 'Я тебя заставил нанять'. Если же между главными членами стоит косвенное дополнение в форме дательного падежа, а прямое дополнение отсутствует, то сказуемое может иметь только страдательное значение, например: *Би синдэ турибухэ* 'Я тобой нанят'. Предложения могут распространяться другими второстепенными членами, но ориентиром для разграничения всегда будет первое из дополнений (обстоятельства в расчет принимать не следует), стоящее подле подлежащего.

⁵ Прямое дополнение, обозначающее прямой объект действия, обычно выражается формой винительного падежа, хотя, как мы уже знаем (см. стр. 80—81), последняя может выполнять и иные второстепенные для нее функции; в особых случаях прямое дополнение может быть выражено формой именительного падежа (см. стр. 76—78).

Подавляющее большинство (более 80 %) глагольных основ побудительно-страдательного залога имеет своей приметой аффикс *-бу*. Небольшое их число (около 6 %) имеет аффикс *-мбу*, и несколько больше (до 12 %) имеет по две совершенно однозначных формы — с тем или другим из названных аффиксов. В двух однотипных случаях относительно поздно, как можно думать, произошла дифференциация значений двух вариантов залоговой формы. Это *васибу-* ‘спускать, понижать, изнурять’ (< *васи-* ‘спускаться’), но *васимбу-* ‘издавать указ, давать распоряжение’ (об императоре); *вэсибу-* ‘поднимать, вздывать, подносить’ (< *вэси-* ‘подниматься’), но *вэсимбу-* ‘представлять доклад императору’. Производность вторых значений от первых не подлежит сомнению.⁶ За исключением этих двух пар все остальные случаи чередования аффиксов или факультативного их употребления в письменном маньчжурском языке ни семантических, ни фонетических мотивировок не находят. Надо думать, это продукты давно минувших этапов развития языка, прекративших свое действие закономерностей и сглаженных временем различий в фонетическом строении глагольных основ.

Ниже приводятся примеры глагольных основ побудительно-страдательного залога.

А. От производящих основ переходной семантики: *бацталабу-* а) ‘побудить к употреблению, назначению’, б) ‘употребляться, назначаться’ < *бацтала-* ‘употребить, назначить’, *сабу-* а) ‘побудить к знанию, узнаванию’, б) ‘видеться, виднеться’ < *са-* ‘знать, узнавать’, *ичэбу-* а) ‘побудить к покраске’, б) ‘покраситься, испачкаться’ < *ичэ-* ‘красить’, *дарубу-* а) ‘отпустить в долг’, б) ‘быть отпущенным в долг’ < *дару-* ‘брать в долг’, *оjobу-* а) ‘побудить к сгибанию’, б) ‘гнуться, сгибаться’ < *оjo-* ‘согнуть’, *г’алабу-* а) ‘побудить к огораживанию, разгораживанию’, б) ‘огораживаться, быть в разлуке’ < *г’ала-* ‘огораживать, разгораживать’, *бахабу-* а) ‘побудить к получению, пожаловать’, б) ‘быть полученным’ < *баха-* ‘получить’, *фонжибу-* а) ‘побудить к спрашиванию’, б) ‘быть спрошенным’ < *фонжи-* ‘спросить’, *эндэбу-* а) ‘побудить к ошибке, обману’, б) ‘быть обманутым’ < *эндэ-* ‘обмануть’, *вал’абу-* а) ‘побудить к бросанию, оставлению’, б) ‘быть брошенным, оставленным, покинутым’ < *вал’а-* ‘бросить, оставить, покинуть’, *ноңгибу-* а) ‘побудить к прибавлению’, б) ‘прибавиться’ < *ноңги-* ‘прибавить’, *арабу-* а) ‘побудить к писанию’, б) ‘быть написанным’ < *ара-* ‘писать’.

⁶ См.: Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. С. 160.

⁷ Первый оттенок значения сокращенно и обобщенно переводится словами ‘побудить к действию’, но нужно иметь в виду возможность целого ряда более дробных оттенков, о чем было сказано на стр. 179.

Б. От производящих основ непереходной семантики: *обу-* ‘делать, создавать’ < *о-* ‘делаться, становиться’, *тэбу-* ‘посадить, поселить’ < *тэ-* ‘сесть, поселиться’, *вэлэбу-* ‘побуждать к работе’ < *вэлэ-* ‘работать’, *сэлабу-* ‘веселить, радовать’ < *сэла-* ‘веселиться, радоваться’, *тухэбу-* ‘свалить, дать упасть’ < *тухэ-* ‘падать’, *илибу-* ‘поставить, остановить, прекратить’ < *или-* ‘стоять, стать, остановиться’, *улэбу-* ‘кормить, угощать’ < *улэ-* ‘питаться’, *хатабу-* ‘вызывать отвращение, брезгливость’ < *хата-* ‘брезговать’, *урэбу-* ‘выращивать, доваривать, выучивать’ < *урэ-* ‘расти, зреть, спеть, совершенствоваться’, *гутубу-* ‘позорить, срамить’ < *гута-* ‘позориться, срамиться’, *сан’абу-* ‘тянуть, вытягивать’ < *сан’а-* ‘тянуться’, *ситабу-* ‘замедлять, задерживать’ < *сита-* ‘медлить, мешкать’, *тачибу-* ‘учить, поучать’ < *тачи-* ‘учиться, привыкать’, *марибу-* ‘возвращать, поворачивать’ < *мари-* ‘возвращаться’, *жибу-* ‘подозвать, пригласить, впустить’ < *жи-* ‘приходить’, *мукэбу-* ‘гасить, тушить’ < *мук’э-* ‘гаснуть’.

Выше приведены образцы основ с аффиксом *-бу*. Аффикс *-мбу* содержат, например, такие основы: *бадарамбу-* ‘распространять, объяснять’ < *бадара-* ‘распространяться’, *тохоромбу-* ‘успокаивать’ < *тохоро-* ‘успокаиваться’, *сурумбу-* ‘утешать, уговаривать’ < *суру-* ‘утешиться’, *досимбу-* ‘ввести, впустить’ < *доси-* ‘войти внутрь’, *элдэмбу-* ‘освещать’ < *элдэ-* ‘светиться’, *мукдэмбу-* ‘поднимать’ < *мукдэ-* ‘подниматься’, *жалумбу-* ‘наполнять’ < *жалу-* ‘наполняться’, *фусэмбу-* ‘плодить’ < *фусэ-* ‘плодиться’, *вэмбу-* ‘растопить, расплавить’ < *вэ-* ‘таять, плавиться’, *норамбу-* а) ‘побудить к складыванию в кучу’, б) ‘быть сложенным в кучу’ < *нора-* ‘складывать в кучу’, *бомбу-* а) ‘побудить к долблению’, б) ‘подвергаться долблению’ < *бо-* ‘долбить пешней’.

Равноценно употребление обоих аффиксов в таких, например, основах: *нукчибу-* = *нукчимбу-* ‘раздражать’ < *нукчи-* ‘раздражаться’, *бэшэбу-* = *бэшэмбу-* ‘промачивать’ < *бэшэ-* ‘промокать’, *шэрэбу-* = *шэрэмбу-* ‘раскалить, отбелить’ < *шэрэ-* ‘раскаляться, бледнеть’, *гуал’абу-* = *гуал’амбу-* ‘изменять’ < *гуал’а-* ‘изменяться’, *укабу-* = *укамбу-* ‘побудить к бегству, содействовать побегу’ < *ука-* ‘убежать, сбежать, скрыться’, *јубу-* = *јумбу-* ‘пропитывать, красить’ < *ју-* ‘пропитываться’, *нирубу-* = *нирумбу-* а) ‘побудить к рисованию, писанию’, б) ‘быть нарисованным, написанным’ < *ниру-* ‘рисовать, писать’, *букдабу-* = *букдамбу-* а) ‘побудить к сгибанию’, б) ‘быть согнутым, изгибаться’ < *букда-* ‘гнуть, сгибать’.

Побудительно-страдательный залог — вполне живая форма новообразования. В принципе возможно ее образование от любой глагольной основы. Есть лишь несколько (не более десятка) неясных случаев. Так, например, у некоторых основ с этим аффиксом производящие основы нельзя считать живыми, поскольку они не

имеют самостоятельного значения, например: *сабибу-* ‘явиться знамению’ < *саби* ‘добрый знак’, а глагольная основа такого рода не зарегистрирована, *хэумбу-* ‘перелетать, перезимовывать (о птицах)’ < ?, *жүфубу-* ‘завязнуть (о пиле), заесть (о дереве)’ < ?, *дујэмбу-* ‘напасть врасплох’, тогда как *дујэ-* значит ‘чуждаться, быть неласковым’ (производство одной основы от другой семантически не мотивировано). У двух основ есть парные основы без залогового аффикса, но они синонимичны, в силу чего подозревать здесь залоговую оппозицию нет оснований. Вот эти пары: *бэјэбу-* (или *бэјэмбу-*) = *бэјэ-* ‘мерзнуть, простужаться’ и *бэрэбу-* = *бэрэ-* ‘остолбенеть’.

Все, о чем говорилось до сих пор, связано с одинарной залоговостью, которая и встречается в текстах, пожалуй, более чем в 95 случаях из ста. Но изредка встречаются и вполне закономерные случаи двойной залоговости в рамках побудительно-страдательного залога. Чаще всего это бывает при лексикализации основ одинарной залоговости. На такие основы, а иногда и на не подвергшиеся лексикализации основы наслаивается второй аффикс побудительно-страдательного залога. Первый употребителен, как мы знаем, в двух вариантах — *-бу* или *-мбу*, а второй — только в одном — *-бу*. Примеры: *о-* ‘делаться, становиться’ > *обу-* ‘сделать, создать, превратить’ > *обубу-* а) ‘побудить к созиданию’, б) ‘быть создаваемым’, *түа-* ‘смотреть, видеть’ > *түабу-* а) ‘показать’, б) ‘виднеться, быть видимым’ > *түабубу-* а) ‘побудить к показыванию’, б) ‘быть показываемым’, *тэ-* ‘сесть’ > *тэбу-* ‘посадить, поселить’ > *тэбубу-* а) ‘побудить к сажанию, поселению’, б) ‘быть сажаемым, поселяемым’, *гэлэ-* ‘бояться, пугаться’ > *гэлэбу-* ‘пугать’ > *гэлэбубу-* а) ‘побудить к пуганию’, б) ‘быть пугаемым, напуганным’, *иси-* ‘достигать, доходить’ > *исибу-* ‘доводить, допускать, доставлять’ > *исибубу-* а) ‘побудить к доведению, доставлению’, б) ‘доводиться, доставляться’, *оми-* ‘пить’ > *омибу-* ‘поить’ > *омибубу-* а) ‘побуждать к поению’, б) ‘подвергаться поению’, *бадара-* ‘распространяться’ > *бадарамбу-* ‘распространять’ > *бадарамбубу-* а) ‘побуждать к распространению’, б) ‘быть распространяемым’, *суру-* ‘утешиться, успокоиться’ > *сурумбу-* ‘утешить’ > *сурумбубу-* а) ‘побудить к утешению’, б) ‘быть утешаемым, успокаиваемым’.

Все основы с двойной залоговостью способны выражать оба основных оттенка значения побудительно-страдательного залога, что вполне естественно, поскольку уже одинарная залоговость с неизбежностью сообщает любой основе переходность.

К залоговым можно отнести с известной долей неуверенности довольно ограниченную группу глагольных основ с аффиксами *-нду* (варианты: *-ну*, *-ду*, *-нту*, вошедшие в письменный язык, ско-

рее всего, из разных диалектов) и *-ча/-чэ/-чо*. Вся эта группа, взятая в целом, существенных различий в грамматической семантике не обнаруживает, но внутри каждой из подгрупп, имеющих свой аффикс или вариант аффикса, можно заметить два оттенка значения: взаимность и совместность. Первый из них, практически встречающийся чаще, и дает некоторое основание для определения таких основ как залоговых, тогда как второй порождает наибольшую степень сомнений. Залог, выражаемый перечисленными аффиксами, может быть наименован взаимно-совместным.

Формы основ взаимно-совместного залога в значительной мере уже омертвели. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) В достаточно полно отразившем маньчжурское основообразование словаре И. И. Захарова учтено всего 70 основ этого залога. Следовательно, его образует небольшое число глагольных основ (2 % всех глагольных основ), причем семантические мотивы ограничения такой способности остаются не выясненными. 2) Лишь от единичных основ образуются синонимичные формы с различными аффиксами, например: *тэ-* 'садиться' > *тэнду-* = *тэну-* = *тэчэ-* 'садиться всем вместе', *ша-* 'смотреть' > *шанду-* = *шану-* = *шача-* 'видеться друг с другом', *да-* 'вступать, входить' > *данду-* = *дану-* 'вступать совместно', *са-* 'знать, узнавать' > *санду-* = *сану-* 'знать друг друга, знакомиться', *бац-* 'искать, исследовать' > *бацуну-* = *бацуду-* 'совместно искать, исследовать', *жэ-* 'есть, питаться' > *жэнду-* = *жэну-* 'вместе есть, питаться', *гац-* 'брать' > *гацнду-* = *гацуду-* 'брать вместе, друг у друга, препираться', *жэла-* 'складывать руки на груди' > *жэланду-* = *жэлача-* 'кланяться друг другу, сложив руки на груди'. Подавляющее же большинство основ (почти девять десятых) имеет всегда один и тот же аффикс, какой-нибудь из перечисленных ранее (примеры ниже). 3) Редко встречаются случаи удвоения залоговых аффиксов, всегда разных, например: *тэ-* 'садиться' > *тэчэнду-* = *тэчэну-* 'садиться всем вместе', *соңго-* 'плакать' > *соңгочону-* 'совместно оплакивать', *инжэ-* 'смеяться' > *инжэчэну-* 'всем вместе посмеиваться, осмеивать'. Во всех этих и подобных им случаях вполне возможны формы с одним первым аффиксом, и заметной разницы по смыслу между ними и формами с двумя аффиксами нет, разве что удвоение придает дополнительный оттенок повышенной интенсивности действия. В залоговом же отношении это никаких изменений не вносит.

Ниже приводятся примеры одноаффиксных основ взаимно-совместного залога.

Аффикс *-нду*: *киндулэнду-* 'оказывать взаимное почтение', *кимунду-* 'взаимно враждовать', *сиранду-* 'быть взаимно связанным, преемствовать', *жабчанду-* 'жалеть друг друга', *аланду-* 'говорить друг другу', *ванду-* 'убивать друг друга', *жабунду-* 'ходить друг к

другу, идти вместе', *жонду*- 'вместе резать солому', *гујанду*- 'заигрывать друг с другом (об оленях)'.
Аффикс *-ну*: *саину*- 'кусать друг друга, грызться', *тантану*- 'колотить друг друга, вступать в драку', *жафану*- 'схватиться, схватить друг друга, бороться', *бину*- = *банжину*- 'вместе жить', *сакдану*- 'вместе стареть', *тэјэну*- 'вместе отдыхать', *гэнэну*- = *гэну*- 'отправляться совместно', *тучину*- 'вместе появиться', *бону*- 'вместе долбить пешнями', *тбну*- 'бранить друг друга'.

Аффикс *-ду*: *баиду*- 'вместе искать, исследовать', *гаиду*- 'брать вместе друг у друга, препираться' (обе основы приводились выше).
Аффикс *-нту*: *булэнту*- = *булунту*- 'сцепиться в ссоре, драке', *дэлхэнту*- 'разлучаться, расставаться друг с другом', *кимунту*- 'взаимно враждовать, сердиться'.

Аффикс *-чал/-чэ/-чо*: *гисурэчэ*- 'разговаривать между собой, совещаться', *дэндэчэ*- 'делиться между собой', *дэдучэ*- 'вместе лежать', *амгача*- 'вместе засыпать', *илича*- 'вместе остановиться, стоять', *тук'эчэ*- 'вместе поднимать' (имеется омоним *тук'эчэ*- 'хвалить'), *фэкучэ*- 'вместе прыгать', *укача*- 'вместе убежать', *эфичэ*- 'вместе играть'. См. выше омонимичный аффикс видового значения (стр. 169).

Если аффикс *-нду* с его вариантами *-ну*, *-ду*, *-нту* чаще выражает взаимность, то аффикс *-чал/-чэ/-чо*, наоборот, — совместность.

Возможно сочетание двух разных залогов в одной глагольной основе, например: *тэчэбу*- 'побудить всех вместе сесть', *тэбуну*- 'вместе побудить кого-то сесть', *соңгочобу*- 'заставить всех плакать', *эфичэбу*- 'дать всем поиграть', *иличабу*- 'заставить всех встать', *досибуну*- 'велеть всем войти, вместе велеть войти'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ПРИЧАСТИЕ

Причастие обозначает реальное действие без какой-либо оценки его со стороны говорящего. Оно может называть действие, представляя его как независимую субстанцию, может предиктировать его какому-либо субъекту как его производителю, может обозначать действие как признак предмета, как объект другого действия, его характеристику по различного рода связям с другим действием. Оно совмещает в себе функции, свойственные в речи именным и глагольным словам, может служить в предложении любым его членом, являясь наиболее полифункциональной частью речи, а в функциях, близких к именным, может склоняться. Вместе с тем от имен его отличает главным образом семантика — обо-

значение действия как протекающего во времени процесса, а от глаголов — прежде всего отсутствие субъективной оценки говорящим реальности действия, а также способность выражать не только сказуемое, но и другие члены предложения. Эта часть речи занимает промежуточное место между именем и глаголом, имеет как с тем, так и с другим много общего, но имеет в то же время и существенные отличия от них обоих.

Примеры синтаксического употребления причастия в роли сказуемого: *Си гэмү доро бэ улхирэ* 'Ты понимаешь все законы'; *Сини доро бэ улхирэ гэтукэн охоби* 'Твое понимание законов стало ясным'; *Си доро (бэ) улхирэ бэ бујэмбио?* 'Хочешь ли ты понимать (понимания) законы?'; *Доро бэ улхирэ дэ эндэрэо?* 'Зная (при знании) законы, разве ошибешься?'; *Доро бэ улхирэ н'алма тондо банжимби* 'Знающий законы человек живет правильно'. Синтаксическая полифункциональность не только отличает маньчжурское причастие от других маньчжурских же глагольных слов, но и является важнейшим отличием маньчжурского причастия от одноименного разряда слов русского языка.

Различаются два вида действия: а) не имеющее окончания, незаконченное и б) имеющее окончание, законченное. В соответствии с этим причастие обладает двумя противоположными категориями времени — настоящего и прошедшего, исторически восходящими к глагольным видам неоконченности и оконченности действия. С этим связана двучленная категория времени причастия. Действие неоконченное обозначается формой настоящего времени, действие оконченное — формой прошедшего времени. Грамматическое время может быть абсолютным, когда за точку его отсчета принимается момент речи, или относительным, когда точкой отсчета служит момент другого, обычно главного, действия. Абсолютным временем обладают причастия в роли сказуемых, во всех прочих синтаксических функциях время причастий относительное, соотносимое с моментом сказуемого.

В предложении: *Н'алма алара* 'Человек говорит' / 'Человек скажет' или 'будет говорить' — причастие-сказуемое имеет форму настоящего времени потому, что действие мыслится по отношению к моменту речи неоконченным, а таковым может быть действие начатое, длящееся в момент речи, но еще не оконченное, или же еще не начатое, начало которого должно или может наступить после момента речи. Поэтому наименование этого времени настоящим условно. Точнее его можно было бы назвать настояще-будущим. В предложении же: *Н'алма алаха* 'Человек сказал' или 'Человек говорил' — причастие-сказуемое имеет форму прошедшего времени, так как в этом случае действие мыслится окончившимся

к моменту речи, причем неважно, окончилось ли оно результативно, или же просто прервалось незавершенным, не давшим нужного результата. Так обстоит дело со временем, когда маньчжурское причастие играет в предложении роль сказуемого. Как видим, главное смысловое различие между временами связано здесь с тем, имеет или не имеет действие свой конец, а моментом, по отношению к которому это определяется, служит момент речи, т. е. тот отрезок реального времени, в который это предложение говорится или пишется.

В непредикативных функциях причастия его временная характеристика имеет несколько иные основания. Так, например, в предложениях: *Би алара н'алма бэ акдамби* 'Я верю говорящему человеку' или 'Я верю человеку, который скажет'; *Би н'алма и алара бэ акдамби* 'Я верю тому, что говорит человек' или 'Я верю тому, что скажет человек'; *Би н'алма и алара дэ донжимби* 'Я слушаю, когда говорит человек' — причастие *алара* имеет форму настоящего времени, поскольку действие мыслится не имеющим окончания, но уже не по отношению к моменту речи, а по отношению к моменту совершения главного действия, обозначенного сказуемыми *акдамби* и *донжимби*. В этом нетрудно убедиться, меняя время сказуемых: *Би алара н'алма бэ акдахоби* 'Я поверил говорившему человеку (поверил тому, кто в тот момент говорил)'; *Би н'алма и алара бэ акдахоби* 'Я поверил тому, что говорил человек (поверил тому, что в тот момент говорилось)'; *Би н'алма и алара дэ донжихоби* 'Я слушал, когда говорил человек'. В этих случаях русский перевод вполне допускает в словах, обозначающих второстепенные действия, мену времен, причем предпочтительнее все же окажется прошедшее время. Но мена времени здесь не вносит изменений в смысл. Объясняется это тем, что русский язык допускает ориентировку времени второстепенного действия по времени главного, но предпочитает и здесь ориентироваться на момент речи.

Подобного рода мена времен в маньчжурском тексте приводит к серьезному изменению смысла. Например: *Би алаха н'алма бэ акдамби* 'Я верю сказавшему (= говорившему) человеку'; *Би н'алма и алаха бэ акдамби* 'Я верю тому, что сказал (= говорил) человек'; *Би н'алма и алаха дэ донжимби* 'Я слушаю, когда человек (уже) сказал'. Речь идет о человеке сказавшем или говорившем, но уже переставшем говорить до того, как ему поверили, о сказанном до того, как этому поверили, о том, что поверили тогда, когда кто-то уже сказал, уже кончил говорить. Во всех этих случаях имеется в виду, что второстепенное действие окончилось к моменту начала главного действия. Момент речи здесь уже не имеет решительно никакого значения.

Не менее существенным расхождением с русским языком является наличие у русского глагола в прошедшем и будущем временах ярко выраженной грамматической категории несовершенности/совершенности, связанной с представлением о результативной незавершенности и завершенности действия, и отсутствие подобной категории в маньчжурском языке. В силу этого маньчжурское причастие *алаха* соответствует русским 'говорил' и 'сказал'; *алара* || 'говорит', 'будет говорить' и 'скажет';⁸ *гэнэхэ* || 'ходил' и 'пошел'; *гэнэрэ* || 'идет', 'будет идти' и 'пойдет'; *туаха* || 'видел' и 'увидел', *туара* || 'вижу', 'буду видеть' и 'увижу'; *бодохо* || 'рассчитывал' и 'рассчитал'; *бодоро* || 'рассчитывает', 'будет рассчитывать' и 'рассчитает' и т. п.

Следует иметь в виду и такую особенность маньчжурского причастия, отличающую его от одноименного разряда слов русского языка, как употребление одних и тех же причастий, особенно причастий настоящего времени, для обозначения признаков предметов по действию как активному, т. е. совершаемому самими этими предметами, так и пассивному, т. е. совершаемому над этими предметами или с их помощью кем-то или чем-то иным. Разграничение этих двух значений обеспечивается, во-первых, реальной ситуацией или контекстом, в первую очередь логической сочетаемостью признака с его носителем, а во-вторых, наличием (при пассивной конструкции) или отсутствием (при активной конструкции) в словосочетании выразителя логического субъекта действия в форме родительного падежа. Примеры: *жэтэрэ н'алма* 'человек, который ест (едящий человек)' и *жэтэрэ орхо* 'трава, которую едят (съедобная трава)', *кадалара хафан* 'управляющий чиновник' и *кадалара гурун* 'управляемое государство', *гурирэ хала* 'переселяющийся род' и *гурирэ ба* 'место, в которое переселяются', *гэнэрэ н'алма* 'идуший человек' и *гэнэрэ жугун* 'дорога, по которой идут', *бодоро сакда са* 'обсуждающие старцы' и *бодоро бацита* 'обсуждаемое (подлежащее обсуждению) дело', *сэлэ бэ шэрэбурэ н'алма* 'человек, раскаляющий железо' и *н'алма и шэрэбурэ сэлэ* 'железо, раскаляемое человеком', *учэ дэ досика антаха* 'вошедший в дверь гость' и *антаха и досика учэ* 'дверь, в которую вошел гость', *шабиса бэ тачибурэ сэфу* 'учащий учеников учитель' и *сэфу и тачибурэ шабиса* 'ученики, обучаемые учителем', *миндэ битхэ бэ уңги-*

⁸ Перевод маньчжурских причастий русскими глаголами изъявительного наклонения III лица единственного числа как здесь, так и в последующем изложении, приблизителен и условен. В зависимости от контекста причастия могут переводиться глаголами изъявительного наклонения любого лица и числа, причастиями и существительными (именами действия). Глаголы и причастия перевода могут быть как несовершенного, так и совершенного видов.

хэ гучу 'друг, приславший мне письмо' и гучу и миндэ уңгихэ битхэ 'письмо, присланное мне другом' и т. п.

Причастия, а позднее мы увидим, что и глаголы в маньчжурском языке в отличие от русского глагола не различаются по лицам—числам, а также и по родам. Поэтому *алара* в роли сказуемого можно перевести и как 'говорю', и как 'говоришь', и как 'говорит', и как 'говорим', и как 'говорите', и как 'говорят', а *алаха* — и как 'сказал', и как 'сказала', и как 'сказало', и как 'сказали'. Когда субъект действия выражен существительным, глагол перевода может быть только в третьем лице, поскольку ни первое, ни второе существительными не выражаются. Первое или второе лица у глагола перевода будут в том случае, если в тексте субъект выражен соответствующим лицом личного местоимения, а число глагола перевода определяется числом субъекта, если оно имеет формальное выражение, или же общим смыслом контекста.

Таким образом, маньчжурскому причастию в русском переводе может соответствовать глагол изъявительного наклонения всех шести лиц—чисел, всех трех времен, всех трех родов, обоих основных видов: несовершенного и совершенного, действительного, а в особых случаях и страдательного залога. Это необходимо постоянно иметь в виду как при переводе маньчжурского текста, так и при чтении руководств по маньчжурской грамматике, в частности и этого, где во избежание перегрузки текста перевод отдельных причастий, так же как и глаголов, дается частичный, условный.

Причастие подобно деепричастию и глаголу образуется от глагольных основ. Специальных словообразовательных аффиксов оно не имеет. Формальной приметой для него служат словоизменятельные аффиксы времени, выполняющие как бы по совместительству и словообразующую функцию.

Настоящее время у подавляющего большинства (более чем у 99 %) причастий имеется аффикс *-pa/-pэ/-po*. Прошедшее время также у подавляющего большинства (94—95 %) имеет аффикс *-xa/-xэ/-xo*. Причастия с этой парой временных аффиксов можно отнести к первому классу. Ко второму классу относится вторая по численности (до 5 %) группа причастий с тем же аффиксом *-pa/-pэ/-po* в настоящем времени и с аффиксами *-ka/-кэ/-ko* или *-ңka/-ңкэ/-ңko* (у пяти причастий) в прошедшем. Примерно третья часть причастий этого класса имеет в прошедшем времени факультативный вариант аффикса *-xa/-xэ/-xo*. Третий класс составляет небольшое число (около двух десятков, или 0.5 %) основ, для которых характерно наличие в настоящем времени составного в прошлом аффикса *-ндара/-ндэрэ/-ндоро* (< *-на + -да + -pa*) с вариантами *-нэрэ/-норо*, *-дэрэ*, *-pa/-pэ/-po*, причем последний встречается в этом классе только как факультативный вариант пере-

численных ранее составных аффиксов. В прошедшем времени этому классу присущ уже знакомый нам аффикс *-ңка/-ңкэ/-ңко*, также в прошлом составной (< *-на + -ка*), с простыми вариантами *-ка/-ко* или *-ха/-хо*, причем главный (составной) вариант обязателен примерно для трех четвертей основ этого класса. Наконец, к четвертому классу относятся разнородные по набору аффиксов причастия, которые можно определить как неправильные. Их всего пять. Ниже они будут перечислены. В настоящем времени они имеют аффиксы — *-жара/-жоро*, *-дэрэ*, *-тэрэ*, *-сирэ*, т. е. у каждого свой вариант, а в прошедшем времени — *-ха/-хэ/-хо* и у одного — *-кэ*.

Для наглядности все это можно изобразить в таблице, где для простоты вариации по гармонии гласных не учитываются.

АФФИКСЫ ПРИЧАСТИЙ (ПО КЛАССАМ)

Классы	Настоящее время	Прошедшее время
I	<i>-ра</i>	<i>-ха</i>
II	<i>-ра</i>	<i>-ка, -ңка</i>
III	<i>-ндара, -нара, -дара, -ра</i>	<i>-ңка, -ка</i>
IV	<i>-жара, -дэрэ, -тэрэ, -сирэ</i>	<i>-ха, -кэ</i>

Как видим, по аффиксам настоящего времени совпадают первый и второй классы, имеют известное сходство третий и четвертый классы, а по аффиксам прошедшего времени совпадают второй и третий классы и почти полностью совпадают первый и четвертый классы.

К первому классу относятся, например, такие причастия, как *алара* 'говорит, скажет' — *алаха* 'сказал', *кармара* 'караулит, будет караулить' — *кармаха* 'караулил', *сара* 'знает, узнает' — *саха* 'узнал', *бахара* 'находит, найдет' — *баха* (< *бахаха*) 'нашел', *дахара* 'следует, последует' — *даха* (< *дахаха*) 'следовал',⁹ *бута-ра* 'охотится, будет охотиться' — *бутаха* 'охотился', *туара* 'видит, увидит' — *туаха* 'увидел', *миларара* 'распахивается, распахнется' — *милараха* 'распахнулся', *жабурэ* 'идет, пойдет' — *жабуха* 'пошел', *хафурэ* 'проходит насквозь, пройдет насквозь' — *хафуха* 'прошел насквозь', *банжирэ* 'живет, будет жить' — *банжиха* 'жил', *тачирэ* 'учится, будет учиться' — *тачиха* 'научился', *сомирэ*

⁹ Во избежание повторения двух одинаковых слогов один из них опускается, и в результате формы прошедшего времени *баха* и *даха* оказываются материально равными основам, а как мы позже узнаем, и формам повелительного наклонения глагола для вторых лиц (см. стр. 213).

‘скрывается, скроется’ — *сомиха* ‘скрылся’, *донжирэ* ‘слышит, услышит’ — *донжиха* ‘услышал’, *токтобурэ* ‘утверждает, утвердит’ — *токтобуха* ‘утвердил’, *гэнэрэ* ‘идет (отсюда туда), поидет’ — *гэнэхэ* ‘пошел’, *тэрэ* ‘садится, сядет’ — *тэхэ* ‘сел’, *бэдэрэрэ* ‘возвращается, возвратится’ — *бэдэрэхэ* ‘возвратился’, *бурэ* ‘дает, даст’ — *бухэ* ‘дал’, *түхэрэ* ‘падает, упадет’ — *түхэхэ* ‘упал’, *гисурэрэ* ‘рассказывает, расскажет’ — *гисурэхэ* ‘рассказал’, *сирэ* ‘закупоривает, закупорит’ — *сихэ* ‘закупорил’, *соңгоро* ‘плачет, заплачет’ — *соңгохо* ‘плакал’, *бодоро* ‘рассуждает, будет рассуждать’ — *бодохо* ‘рассуждал’, *мохоро* ‘истощается, истощится’ — *мохохо* ‘истощился’.

Ко второму классу относятся такие причастия, как *хафурэ* ‘проникает, проникнет’ — *хафука* ‘проник’, *бэжэрэ* ‘мерзнет, замерзнет’ — *бэжэ* ‘замерз’, *иктара* ‘скапливается, скопится’ — *иктака* ‘скопился’, *усара* ‘огорчается, огорчится’ — *усака* ‘огорчился’, *фосоро* ‘озаряет, озарит’ — *фосоко* ‘озарил’, *нитарара* ‘слабеет, ослабнет’ — *нитарака* ‘ослаб’, *жалурэ* ‘наполняется, наполнится’ — *жалука* ‘наполнился’, *вэсирэ* ‘поднимается вверх, поднимется вверх’ — *вэсикэ* ‘поднялся вверх’, *дэсэрэрэ* ‘затапливает, затапит’ — *дэсэрэкэ* ‘затопил’, *гохороро* ‘корчится, скорчится’ — *гохороко* ‘скорчился’, *гунирэрэ* ‘отходит, отойдет’ — *гунирэкэ* ‘отошел’, *г’ороро* ‘лишается чувств, лишится чувств’ — *г’ороко* ‘лишился чувств’, *чара* ‘разбивает палатку, разобьет палатку’ — *чаңка* ‘разбил палатку’, *жуара* ‘разевает рот, разинет рот’ — *жуаңка* ‘разинул рот’, *такдара* ‘кичится, будет кичиться’ — *такдака* = *такдаха* ‘кичился’, *укара* ‘убегает, убежит’ — *укака* = *укаха* ‘убежал’, *ядара* ‘беднеет, обеднеет’ — *ядака* = *ядаха* ‘обеднел’, *лэбдэрэрэ* ‘изнемогает, изнеможет’ — *лэбдэрэкэ* = *лэбдэрэхэ* ‘изнемог’, *васирэ* ‘спускается, спустится’ — *васика* = *васиха* ‘спустился’.

Обращает на себя внимание, что примерно 40 % причастий этого класса образуется от основ, заканчивающихся слогом *-pa/-pə/-pо*, т. е., по всей вероятности, относящихся к словообразовательному типу с такого рода аффиксом.

К третьему классу относятся такие основы, как *бандара* ‘ленится, будет лениться’ — *баңка* ‘ленился’, *јүндэрэ* = *јүдэрэ* ‘впитывается, впитается’ — *јуңкэ* ‘впитался’, *бондоро* ‘долбит пешней, будет долбить пешней’ — *боңко* ‘долбил пешней’, *жондоро* = *жоноро* ‘вспоминает, вспомнит’ — *жоңко* ‘вспомнил’, *вэндэрэ* = *вэнэрэ* = *вэрэ* ‘тает, растает’ — *вэңкэ* ‘растаял’, *бисандара* ‘разделяется, разделится’ — *бисака* ‘разделился’, *гэрэндэрэ* ‘светает, рассветет’ — *гэрэкэ* ‘рассвело’, *жэндэрэ* ‘терпит, стерпит’ — *жэңкэ* ‘стерпел’, *шүндэрэ* ‘постигает, постигнет’ — *шуңкэ* ‘постиг’.

Наконец, к четвертому классу относятся следующие пять причастий: *оҗоро* 'становится, станет' — *охо* 'стал', *гауҗара* 'берет, возьмет' — *гаиха* 'взял', *җидэрэ* 'приходит, придет' — *җихэ* 'пришел', *бисирэ* 'есть, будет' — *бихэ* 'был', *җэтэрэ* 'ест, съест' — *җэкэ* 'съел'.

Сравнение с родственными языками позволяет думать, что в отдаленном прошлом для деления маньчжурских причастий на классы существовали основания в фонетической структуре глагольных основ, но со временем такие различия между основами совершенно стерлись. Семантических же и морфологических различий нет и не было. Поэтому деление причастий на классы оказывается в письменном маньчжурском языке никак не мотивированным.

Выше были рассмотрены наиболее употребительные синтетические формы причастий. Помимо них употребительны также аналитические формы с использованием вспомогательного причастия *бисирэ* 'сущий' и *бихэ* 'бывший'.

В настоящем времени аналитическая форма употребляется крайне редко, причем если имеется в виду действие, еще не начатое к моменту речи, то она специально подчеркивает длительность, многократность и незавершенность действия в будущем. Строится она так: одновременное деепричастие (см. стр. 199—202) от основы знаменательного глагольного слова и причастие настоящего времени от основы глагольного слова *би-* 'быть, существовать' в качестве служебного компонента, например: *аламэ бисирэ* 'говорит (говоря пребывает), будет говорить' (но не 'скажет'), *җэмэ бисирэ* 'ест, будет есть' (но не 'съест' и не 'поест'), *боммэ бисирэ* 'долбит пешней, будет долбить пешней'.

В прошедшем времени возможны два варианта: а) со значением прошедшего незавершенного, состоящий из одновременного деепричастия от основы знаменательного глагольного слова и причастия прошедшего времени от основы глагольного слова *би-* в качестве служебного компонента, например: *аламэ бихэ*, часто сливающийся на письме в одно слово — *аламбихэ* 'говорил' (но не 'сказал'), *җэмэ бихэ* = *җэмбихэ* 'ел' (но не 'съел' и не 'поел'), *боммэ бихэ* = *бомбихэ* 'долбил пешней'; б) со значением прошедшего завершенного или же давно прошедшего, состоящий из двух причастий прошедшего времени: от основы знаменательного глагольного слова и от основы глагольного слова *би-*, например: *алаха бихэ*, возможно и слитное написание *алахабихэ* 'сказал, (давно) говорил', *җэкэ бихэ* = *җэкэбихэ* 'съел, (давно) поел, ел', *боңко бихэ* = *боңкобихэ* 'продолбил, отдолбил, (давно) долбил, подолбил'.

Как видим, время аналитической формы определяется временем служебного компонента; временная же или деепричастная

форма знаменательного компонента, вступая во взаимодействие с временем служебного компонента, имеет, скорее, видовое значение незавершенности вместе с временной отдаленностью/завершенностью. Поэтому время формы, где деепричастие на *-мэ* сочетается с причастием прошедшим *бихэ*, можно назвать прошедшим незавершенным, а там, где сочетаются два прошедших причастия, — прошедшим завершенным.

Последним слогом упомянутых синтетических форм прошедшего времени, образованных от форм аналитических, всегда оказывается бывший аффикс прошедшего времени причастия *бихэ*, и его гласный не чередуется ни с *а*, ни с *о*, т. е. не подчиняется гармонии гласных.

Отрицательные формы причастий в прошлом, а иногда и в письменных текстах, аналитичны, состоят из положительной формы соответствующего причастия и следующей за ним отрицательной частицы *аку* 'нет, не, без', например: *алара аку* 'не говорит, не скажет', *алаха аку* 'не сказал'; *žэтэрэ аку* 'не ест, не съест', *žэкэ аку* 'не съел'; *бондоро аку* 'не долбит пешней, не будет долбить пешней', *боңко аку* 'не долбил пешней'. Однако в письменном языке чаще всего употребляются формы, ставшие в результате слияния уже синтетическими: *алара аку* > *алараку*, *алаха аку* > *алахаку*, *žэтэрэ аку* < *žэтэраку*, *žэкэ аку* > *žэкэку*, *бондоро аку* > *бондораку*, *боңко аку* > *боңкаку*.

Тот же принцип построения и в аналитических формах причастий, т. е. — настоящее время: *аламэ бисираку* 'не говорит, не будет говорить', *žэмэ бисираку* 'не ест, не будет есть', *боммэ бисираку* 'не долбит, не будет долбить пешней'; прошедшее время: а) *аламэ бихэку* = *аламбихэку* 'не говорил', *žэмэ бихэку* = *žэмбихэку* 'не ел', *боммэ бихэку* = *бомбихэку* 'не долбил пешней', б) *алаха бихэку* 'не сказал, (давно) не говорил', *žэкэ бихэку* 'не съел, (давно) не ел', *боңко бихэку* 'не продолбил, (давно) не долбил пешней'.

Как видим, в синтетических отрицательных формах аффиксом отрицания служит *-ку*, и модель формы имеет такой вид: основа + + причастный аффикс + отрицательный аффикс (*-ку*).

В отношении сингармонизма гласных синтетические отрицательные формы причастий имеют некоторое своеобразие. Конечный гласный фонематически неизменен — это всегда *у*, а на письме всегда *ү*. Предпоследним гласным, в котором исторически совпали гласный причастного аффикса *-ра* (с вариантами) или *-ха* (с вариантами) и начальный гласный слова *аку* 'нет, не, без', у отрицательных причастий настоящего времени всегда будет *а*, независимо от состава гласных основы (*алараку*, *žэтэраку*, *бондораку*), а у отрицательных причастий прошедшего времени он чередуется в

зависимости от серии гласных основы. Если в основе — гласные первой или третьей серии, то это будет *а* (*алахаку*, *боңаку*), а если в основе — гласные второй серии, то *э* (*жээкэку*). Это своеобразие осложняет возможность предложенного выше членения аффиксальной части отрицательных причастий, поскольку ее можно расчленить и на *-р + -аку*, и на *-ра + -ку*, и на *-х + -аку ~ -эку*, и на *-ха ~ -хэ + -ку*, а можно считать и нечленимой *-раку* и *-хаку*. Но поскольку, во-первых, составной характер аффиксов *-раку* и *-хаку* совершенно очевиден и, во-вторых, маньчжурской грамматике абсолютно не свойственны аффиксы, состоящие из одного согласного звука, предложенное выше членение (*-ра + -ку*, *-ха + -ку*) представляется предпочтительным.

Соотношение значений положительных и отрицательных форм причастий ничем не отличает маньчжурский от других языков, в частности от русского.

В предикативной и атрибутивной функциях причастия не склоняются и ни с чем ни в чем не согласуются, так как никаких видов согласования маньчжурский язык не знает. Грамматическим выражением остальных синтаксических функций причастий служит их склонение, полностью совпадающее как по набору падежей, так и по внешнему их выражению, со склонением имен. Некоторые примеры падежных форм причастий уже приводились, когда речь шла о полифункциональности как одном из характерных признаков причастия.

Несклоняемая, или беспадежная, форма причастия в материальном отношении полностью совпадает с формой именительного падежа, которую причастие имеет в роли подлежащего. Обе эти формы характеризуются отсутствием у слова падежного аффикса, или, иначе говоря, являются нулевой формой. Примеры: *Сэфу и гунирэ аи гэтукэн!* 'Мысль (думание) учителя до чего ясна!' (*гунирэ* 'думание' — подлежащее); *Сини жихэ гэму бэ гүдл'абухаби* 'Твой приход (бывшее прихождение) все изменил' (*жихэ* 'прихождение' — подлежащее); *Кумун и жилган донжибурэ* 'Слышны звуки музыки' (*донжибурэ* 'слышен' — сказуемое); *Мама фэ инэңги бэ жоңко* 'Старуха вспомнила былые дни' (*жоңко* 'вспомнила' — сказуемое); *Жидэрэ н'алма бэ саин и улэбу* 'Приходящего человека хорошо накорми' (*жидэрэ* 'приходящий' — определение); *Усин бэ дэсэрэкэ мухэ тургэн фараку* 'Затопившая поле вода быстро не испарится' (*дэсэрэкэ* 'затопивший' — определение). Аналитическая форма из двух прошедших причастий (знаменательного и служебного), когда она играет роль сказуемого в предложении, где ему предшествует условное деепричастие или причастие прошедшее в дательном падеже, может иметь сослагательное значение, например: *Аика ага накахадэ (накачи) бэ жулэси јомбиха бихэ* 'Если бы прекратился дождь, мы отправились бы дальше'.

Родительный падеж зарегистрирован у причастий при их сочетании с ограничительным словом-частицей *тэцлэ*, требующим от подчиняющего слова формы именно этого падежа или же беспадежной формы. В руководствах по маньчжурской грамматике обычно в пример приводится лишь словосочетание *мутэрэци тэцлэ = мутэрэ тэцлэ* 'по мере возможности, по мере сил, всеми силами, как только можно'. Кроме того, возможна форма родительного падежа причастий при сочетании их с послелогоми смежности *гэсэ* и *адали*.

В винительном падеже причастия встречаются часто. В этом случае они обозначают действие, служащее прямым объектом другого действия, или же служащий прямым объектом предмет, связанный с соответствующим действием, например: *Би гасха и дэkdэрэ бэ тухамби* 'Я вижу, что (= как) летит птица' или 'Я вижу летящую птицу' (второе из этих значений можно выразить и другим способом: *Би дэkdэрэ гасха бэ тухамби*); *И мэндэ бэjэц бутхашаха бэ гисурэхэ* 'Он рассказал нам о том, как он охотился'; *Эфирэ бэ нака!* 'Прекрати игру (перестань играть)!'; *Эрэ битхэ дэ араха бэ мужилэн дэ тэбу* 'Все написанное (что написано) в этом письме помести в сердце'.

Дательный падеж причастий выражает обстоятельство времени, т. е. обозначает второстепенное действие, совпадающее по времени с главным действием, если причастие имеет форму настоящего времени, или предшествующее главному, если причастие имеет форму прошедшего времени, например: *Шун дэkdэрэдэ эдун эбэрэxэби* 'Когда всходило солнце, ветер утих'; *Вэцлэрэ дэ умэ эбсиxаси туара* 'Когда работаешь, не гляди по сторонам (сюда-туда)'; *Би бодэ жихэдэ ама ацфини вэцлэмэ важиха* 'Когда я пришел домой, отец давно уже кончил работать'; *Жамжи оходэ би синдэ жики* 'Когда наступит (досл. наступил) вечер, я приду к тебе'.

Причастие, как и имя, в дательном падеже может выражать дополнение при глагольных словах, обозначающих опасение, боязнь, робость и т. п., например: *Банухун н'алма сүүлара дэ сэңгүэмби* 'Ленивый человек опасается труда'; *Дацун ожородэ голомби* 'Боясь, что будет война'.

Причастие прошедшего времени в предложениях сослагательного значения, особенно после союзов *аика* или *аикабадэ*, имеет условное значение, например: *Аикабадэ и тутту сэхэдэ би имбэ урулэхэ бихэ* 'Если бы он так сказал, я его одобрил бы'; *Аика си миндэ жихэдэ мусэ эрэ бацта бэ хэбэшэхэ бихэ* 'Если бы ты пришел ко мне, мы обсудили бы это дело'.

Исходный падеж у причастий встречается много реже и выражает чаще всего обстоятельство времени как исходный пункт начала главного действия. Его аффикс *-чи* омонимичен с аффиксом

условного деепричастия, но эти две формы четко разграничивает их формальная структура, о чем будет сказано ниже (стр. 206). Примеры на употребление причастий в исходном падеже: *И бан-жыха чи кадаракү бихэ* 'Он от рождения был трудолюбивым'; *Си гүа хэчэн дэ гурирэ чи кэмуни худашамбио?* 'После переселения в другой город ты опять будешь заниматься торговлей?'; *Тэсэ дэ гучулэхэ чи эму инэңги ббдэ бисиракү кац* 'Как только подружился с ними, (ты) и одного дня дома ведь не был'. Кроме того, подобно именам причастия в исходном падеже могут обозначать в сравнительных оборотах второстепенное действие, с которым сопоставляется главное, например: *Аңга и хэндурэ гала и арара чи умэси жа* 'Говорить языком (букв. ртом) легче, чем делать руками'; *Маңга бацта бэ ваžирэ тэрэ бэ дэрибурэ чи ичаңга* 'Трудное дело приятнее кончать, чем его начинать'. Возможно также значение отложительности: *суцлара чи жацламби* 'бегаёт (уклоняется) от труда', *гуниха чи тучинэраку* 'не выходит из ума (из думания)'. Формы исходного падежа требуют от причастия, как и от имени, послелого *тулг'эн* 'кроме, помимо, сверх, вопреки', например: *Гуниха чи тулг'эн амаси бэдэрэхэ* 'Вопреки намерению (думанию, сверх ожидания) вернулся обратно'; *Ини жүсэ габтара чи тулг'эн кэмуни н'амн'амэ баханамби* 'Его сыновья помимо стрельбы из лука учатся также скакать на конях'; *Дамтун жолирэ чи тулг'эн г'анакү фунчэмби?* 'Сверх выкупа залога сколько останется?'

Правила правописания падежных аффиксов те же, что и для имен, если не считать того, что аффиксы винительного и исходного падежей никогда не пишутся вместе с основной, а аффикс дательного падежа чаще, чем у имен, пишется слитно, особенно у причастий от основ, употребляющихся как служебные, таких как *би-* 'быть', *о-* 'становиться', *сэ-* 'говорить'.

Причастия как положительные, так и отрицательные, могут субстантивироваться. Есть два способа их субстантивации, о чем уже говорилось при рассмотрении словообразовательных типов имен существительных. Один из них синтетический, другой аналитический. Оба в основе своей имеют причастие или настоящего, или прошедшего времени. В первом случае к временной форме причастия добавляется аффикс *-ңгэ*, не подчиняющийся гармонии гласных, например: *алараңгэ* 'говорение; то, что говорится или подлежит говорению; тот, кто говорит или должен сказать', *алахаңгэ* 'то, что сказано', *жэтэрэңгэ* 'едение; то, что едят или надлежит есть; тот, кто ест', *жэкэңгэ* 'то, что съедено', *ончодороңгэ* 'расширение; то, что расширяется или подлежит расширению; тот, кто расширяет', *ончодохоңгэ* 'то, что расширено'. Как видим, слова, образованные от причастий прошедшего времени, обозначают только результат соответствующего действия, тогда как

слова, образованные от причастий настоящего времени, могут употребляться в трех близких, но разных значениях: наименования действия, того, что подвергается или может быть подвергнуто действию, и того, кто (или что) совершает действие. Субстантивация отрицательных форм (*аларакуңгэ, алахакуңгэ, жэтэракуңгэ, жэкэкуңгэ, ончодоракуңгэ, ончодохакуңгэ*) дает соотносительные с положительными формами значения, но с отрицательным знаком ('неговорение', 'то, что не говорится', 'тот, кто не говорит', 'то, что не сказано' и т. п.).

Во втором случае субстантивации причастие настоящего, значительно реже прошедшего времени образует вместе со стоящим после него словом-частицей *ба* (см. стр. 235) аналитическую форму со значением обобщенного наименования действия, его объекта или результата. В создании этой формы участвует именно частица *ба*, а не ее омоним — существительное *ба* 'место', от которого она ведет свое происхождение. Здесь у *ба* уже нет никакого лексического значения, оно употребляется в чисто служебной функции субстантиватора, образующего от слова со значением действия новое слово предметной семантики.

В отличие от синтетического способа субстантивации причастий, аналитический неупотребителен для образования названий деятеля. Во всем остальном, если не иметь в виду формальную сторону дела, между двумя рассматриваемыми субстантивными формами различий нет. Они вполне синонимичны и взаимозаменяемы.

Об аналитическом способе субстантивации, образующем от глагольных слов существительные, сказано выше на стр. 61, где приведены и необходимые иллюстрации. Вторичное упоминание о нем объясняется тем, что, с одной стороны, его продукты обозначают бесспорно субстантивные понятия и в грамматическом отношении ведут себя как существительные (но только не лица, а вещи), а с другой стороны, они все же сохраняют живые связи и с причастиями, поскольку они не утрачивают различия по временам, к тому же и не подвергшимся субстантивации причастиям свойственна не только вербальная, но и субстантивная семантика и соответствующие ей синтаксические функции. Слова *алара* и *алараңгэ* одинаково могут обозначать и действие «говорения», и объект говорения, т. е. «то, что говорится», и говорящее лицо, т. е. «того, кто говорит». Разница в том, что причастие *алара*, кроме того, имеет предикативное значение «говорит» и атрибутивное значение «говорящий», а в субстантивированной форме оно утрачивает несубстантивные значения, подчеркивая субстантивную сторону семантики. То же самое относится и к *алара ба*. Следовательно, это не коренное различие, а различие, создаваемое лишь креном в ту или иную сторону. Иначе говоря, рассмотренные формы субстан-

тивации занимают промежуточное положение между причастием, от которого они полностью не оторвались, и существительным, к которому окончательно еще не примкнули.

Есть еще одна форма, близкая к субстантивации. Главное, что отличает эту форму, это обобщающий, всеобщный характер семантики. Выполняет она две синтаксические функции и в связи с этим имеет два варианта значения: а) выражает субстантивные члены предложения и имеет предметную семантику, б) выражает определение по действию и имеет причастно-адъективную семантику. Имеется два синонимичных варианта — аналитический и синтетический. Модель аналитического варианта: временная форма причастия (настоящего или прошедшего времени) и следующее за ним самостоятельное слово *элэ* 'особенно, наиболее, преимущественно, все более и более', которое в значительной мере утрачивает свое знаменательное значение и становится служебным, придающим причастию дополнительный оттенок значения обобщенности, тотальности, например: *Алара элэ ину* 'Все, что говорится (= должно быть сказано) — правда'; *Алара элэ гисун бэ алахоби* 'Все слова, которые говорят (= можно сказать), сказаны'; *Жэтэрэ элэ важиха* 'Все съедобное кончилось'; *Жэтэрэ элэ жака бэ бэлхэ* 'Все съедобные предметы (вещи, которые едят или можно есть) заготовьте'; *Бодоро элэ бэ јабучи ачамби* 'Все, что обдумывается (должно быть обдумано), нужно совершить'; *Бодоро элэ бацита бэ вэсимбухэ* 'Обо всех обдумываемых делах доложили'. Замена формы настоящего времени у причастия формой прошедшего времени меняет один лишь видо-временной план обозначенного причастием действия по отношению к времени сказуемого или же момента речи. Так, например, в такого же рода фразах причастия *алаха элэ*, *жэкэ элэ*, *бодохо элэ* будут иметь значения соответственно: 'все, что сказано', 'все, что съедено' и 'все, что обдумано (решено)'.¹⁰

Синтетический вариант представляет собой дальнейшую эволюцию аналитического — сращение знаменательного слова со служебным, причем начальный гласный служебного слова утрачивается, а конечный гласный в более ранних текстах не подчиняется правилу гармонии гласных (*аларалэ*, *алахалэ*, *жэтэрэлэ*, *жэкэлэ*, *бодоролэ*, *бодохолэ*), что отражает начальный этап сращения, тогда как в поздних текстах процесс перехода от аналитизма к синтетизму в этой форме предстает в уже завершенном виде, и гласный аффикса чередуется по правилу ступенчатой гармонии гласных, повторяя гласный аффикса времени (*аларала*, *алахала*, *жэтэрэлэ*, *жэкэлэ*, *бодороло*, *бодохоло*).¹⁰ Модель синтетической

¹⁰ Существование варианта аффикса *-ло* остается под вопросом, поскольку в текстах он замечен не был, хотя логически предположить его наличие нетрудно.

формы: причастие в форме настоящего или прошедшего времени + *-ла/-лэ/-ло*. Аффикс омонимичен с одним из аффиксов словообразования существительных, но их семантика и история образования не имеют ничего общего.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

По своим грамматическим функциям и по значению деепричастия имеют много общего с формами косвенных падежей причастий, но диапазон их значений много уже, чем у причастий, и место в общей системе частей речи у них несколько иное. Если причастия стоят между глаголом и именем, то деепричастия занимают место между глаголом и наречием.

В принципе, если не иметь в виду особые случаи, деепричастие не выражает в предложении независимого, а тем более главного действия. Оно предназначено для обозначения второстепенного, добавочного действия в его различных связях с главным действием. Оно может быть подчинено любому члену предложения, выраженному глагольным словом, но этот подчиняющийся член предложения должен обозначать действие, главное по отношению к тому, которое обозначено деепричастием, а вовсе не обязательно главное по отношению к целой мысли, передаваемой данным предложением, т. е. не обязательно по отношению к сказуемому.

В маньчжурском письменном языке имеется семь разновидностей деепричастия: 1) одновременное, 2) предварительное, 3) длительное, 4) условное, 5) уступительное, 6) предельное и 7) упреждающее. Наиболее употребительные — первое, второе и четвертое. Первые три и два последних соотносят второстепенное действие с главным прежде всего по времени их совершения, а четвертое и пятое устанавливают между двумя действиями условную зависимость. Первые три обозначают, за редкими исключениями, второстепенное действие, односубъектное с главным, т. е. совершаемое одним и тем же лицом или предметом, тогда как следующие четыре не имеют в этом отношении ограничений — могут быть и односубъектными, и разносубъектными.

Одновременное деепричастие имеет форму, построенную по модели: основа глагольного слова + специальный аффикс. В подавляющем большинстве случаев это аффикс *-мэ*, который всегда пишется слитно с основой и не подчиняется правилу гармонии гласных, например: *аламэ* 'говоря', *жэмэ* 'поедая, питаюсь', *бодомэ* 'обдумывая, рассчитывая'. Лишь очень немногие такого рода деепричастия (едва ли много больше десятка) имеют сложный аффикс *-ндамэ/-ндэмэ/-ндомэ* с вариантами *-нэмэ* и *-нмэ*. Первый компонент этого аффикса мы уже встречали у причастий третьего

класса. По аналогии с причастиями и деепричастия можно разбить на классы, но их будет только два, и они очень неравны в количественном отношении. К первому классу относятся одновременные деепричастия, имеющие простой аффикс *-мэ* (примерно 99.8 %), ко второму — имеющие сложный аффикс (примерно 0.2 %). Все деепричастия второго класса образуются от тех же основ, что и причастия третьего класса, но не все причастия третьего класса соответствуют деепричастиям второго класса, а только несколько меньше половины. В некоторых случаях образование от омонимичных основ деепричастий разными способами служит средством дифференциации значений. Отмечены единичные случаи неустойчивости в образовании форм одновременного деепричастия, т. е. наличие у одновременных деепричастий второго класса факультативных вариантов, образованных по типу первого класса. Все сказанное о втором классе можно иллюстрировать следующими лексическими примерами: *шандамэ* ‘подвергая сушке’ от *ша-* ‘сушить’ (ср. *шамэ* ‘смотря’ от *ша-* ‘смотреть’), *жондомэ* ‘вспоминая’ от *жо-* ‘вспоминать’ (ср. *жомэ* ‘кроша солому’ от *жо-* ‘крошить, резать солому’), *сандамэ* ‘вытягивая’ от *са-* ‘вытягивать’ (ср. *самэ* ‘зная’ от *са-* ‘знать’), *жэндэмэ* ‘терпя’ от *жэ-* ‘терпеть’ (ср. *жэмэ* ‘питаюсь’ от *жэ-* ‘есть, питаться’), *жондомэ* ‘уходя’ от *жо-* ‘уходить’, *жундэмэ* ‘впитываясь’ от *жу-* ‘впитываться’, *шундэмэ* = *шумэ* ‘проникая’ от *шу-* ‘проникать’, *вэнэмэ* = *вэмэ* ‘тая, расплавляясь’ от *вэ-* ‘таять, плавиться’, *бомэмэ* ‘долбя пещней’ от *бо-* ‘долбить пещней’.

Одновременное деепричастие обозначает прежде всего совпадение второстепенного действия с главным по времени их протекания, например: *Морин дэ жалумэ лзулэндумби* ‘Беседуют, скача на лошадях (когда едут на лошадях)’; *Арамэ хбшан дэ тухэ* ‘Пишучи (когда пишешь), смотри на бумагу’; *Тухэкэ мб бира дэ эжэмэ вэхэ дэ таха* ‘Упавшее дерево, пlying (когда плыло) по реке, зацепилось за камень’.

Одновременное деепричастие может давать главному действию качественную характеристику, например: *Эитэн бацита дэ фашшамэ ябуци ачамби* ‘Во всяком деле нужно действовать усердно (усердствуя)’; *Мукэ бодхон дэ жундэмэ фамби* ‘Вода спадает, впитываясь в землю’; *Гучу сэ исхундэ анахунжамэ лзулэндухэ* ‘Друзья разговаривали между собой уважительно (оказывая уважение)’. Эта функция дает возможность некоторым деепричастиям адвербиализоваться. В почти чисто наречном значении употребляются такие деепричастия, как *дахумэ* = *дахимэ* ‘вторично, повторно (< повторяя)’, *дасамэ* — с тем же значением (досл. ‘исправляя’), *гцидамэ* ‘долго, давно (< промедляя, проводя время)’, *нэнэмэ* ‘прежде, вперед (< предупреждая)’, *нэмэмэ* ‘тем более (< усугубляя)’, *фунчэмэ*

‘с излишком, с избытком (< превышая)’, *чохомэ* ‘нарочно (< указывая, отмечая)’ и некоторые другие.

Одновременное деепричастие может обозначать побочное действие, послужившее причиной главного действия, например: *Мэргэсэ и ухэри гунин бэ бодомэ сини бэжэ мэргэн ожоро* ‘От обдумывания (обдумывая) всех мыслей мудрецов ты и сам мудрецом станешь’; *Хахи јабумэ хахи јадамби* ‘От быстрой ходьбы (быстро идя) быстро устанешь’.

Оно же, особенно образованное от основ любой из пород, может обозначать цель главного действия, например: *Болори дулин дэ бэ бутанамэ гэнэки* ‘В середине осени мы поедем на охоту (направляясь охотиться)’; *Мб и факси бб бэ саханжимэ жихэ* ‘Плотник прибыл строить (прибывая строить) дом’; *Би бэжэ и жху бэ синдэ сајун фонжиңгимэ уңгирэ* ‘Я посылаю к тебе сына спросить, здоров ли’.

Одновременное деепричастие может служить знаменательной частью составного сказуемого предложения или центра оборота, например: *Бэ гойдамэ вэилэмэ дэрибухэ кац* ‘Мы ведь давно начали работать (работая)’; *Нимаха бэ шандамэ важиха дэ чалу и бару гажиха* ‘Когда кончили вялить рыбу, принесли в амбар’; *Си ниңг’а эфэн бэ жэмэ бујэмбцо?* ‘Любишь ли ты есть пельмени?’; *Эрэ ула бэ дбмэ мутэраку* ‘Через эту реку переправиться невозможно’; *Јамжи оходэ мусэ вэилэмэ накамби* ‘Когда наступит вечер, мы прервем работу (работая)’.

В порядке исключения одновременное деепричастие от основ глаголов говорения часто служит сказуемым законченного предложения, но при обязательном условии, что непосредственно после него идет прямая речь, например: *Сакда мафа жусэ дэ хэндумэ саин элхэ бису* ‘Старый старик детям говорит: хорошо, мирно живите’; *Эдэ жифи тэрэ н’алма фонжимэ суэни ама аидэ би?* ‘Придя сюда, тот человек спрашивает: «Где ваш отец?»»; *Хафан сэмэ бата дэ афа* ‘Офицер говорит: «Атакуйте врага»’. Нередко после прямой речи с таким вступлением от автора ставится слово *сэхэ* ‘сказал’, т. е. *Мафа хэндумэ саин бису сэхэ* ‘Старик говорит: «Хорошо живите», сказал’. Можно думать, что именно такое сочетание авторской и прямой речи, когда авторская речь заключает прямую в тавтологическую рамку *хэндумэ* (= *аламэ, сэмэ, фонжимэ* и т. п.)... *сэхэ* ‘говоря... сказал’, и представляет собой исходную конструкцию. Нужно сказать, что маньчжурский язык значительно более терпим к тавтологическим оборотам. Тем не менее устранение тавтологии началось, и завершающая часть рамки, которая, по сути дела, никакой иной функции, кроме указания конечной границы конструкции, не имеет, все чаще и чаще стала опускаться. Рамка разрушилась, но воспоминание о ней, видимо, и позволяет

употреблять ограниченное число одновременных деепричастий в необычной для них функции выражения сказуемого. Ведь в условиях рамки деепричастие не является окончательной формой глагольного слова, оно, как обычно, обозначало добавочное действие к главному, обозначенному конечным компонентом рамки, который обязательно имел окончательную форму (причастие, глагол). Таким образом, здесь мы встречаемся с исключением из правила, но лежащая на поверхности история языка позволяет не считать это исключение разрушающим общее правило употребления деепричастий.

В порядке единичных исключений одновременные деепричастия встречаются еще в одной необычной для них функции — атрибутивной, например: *чохомэ хэсэ* 'специальный указ' (< *чохо* — 'прямо указывать, отмечать'), *гоцбумэ худа* 'оценочная стоимость' (< *гоцбу* — 'назначать цену'), *мушамэ н'алма* 'неотесанный человек' (< *муша* — 'делать грубо, поступать невежливо'), *шурдэмэ ба* 'окрестность' (< *шурдэ* — 'кружиться, окружать'). Надо думать, подобные деепричастия в роли выразителей качественной характеристики действия приобретали адвербиальные черты (некоторые из них, такие как *чохомэ* 'специально, нарочно' и *шурдэмэ* 'вокруг' по значениям и употреблению ничем не отличаются от наречий), а вместе с ними и потенциальную способность обозначать не только признаки действий, но и признаки предметов.

Наряду с простыми нередко встречаются и аналитические формы одновременного деепричастия. Последние представляют собой сочетание двух одинаковых деепричастий: на первом месте знаменательное от любой нужной по смыслу глагольной основы, а на втором — *бимэ* (от основы *би* — 'жить, быть, существовать, являться') в роли служебного компонента, полностью утратившего знаменательность. Деепричастие *аламэ бимэ* употребляется в тех же функциях, что и *аламэ*, но придает оттенок длительности, не всегда достаточно ясно выраженный. Следовательно, *аламэ бимэ* можно перевести и как 'говоря' (= *аламэ*), и как 'долго говоря', *гэнэмэ бимэ* 'идя, долго идя', *бомэмэ бимэ* 'долбя пешней, долго долбя пешней' и т. п. Чаще такая аналитическая форма сливается в одно слово, слитно и пишется, утрачивая конечный гласный первого компонента, т. е. *аламбимэ*, *гэнэмбимэ*, *бомбимэ* с теми же значениями.

Отрицательные формы аналитичны, состоят из отрицательной формы знаменательного причастия и служебного слова *бимэ*, т. е. *алараку бимэ* 'не говоря', *гэнэраку бимэ* 'не идя', *бомдораку бимэ* 'не долбя пешней' и т. п. Во всем остальном отличий от положительных не имеют.

Предварительное деепричастие строится по модели: основа глагольного слова + специальный аффикс, имеющий в подавляю-

шем большинстве случаев вид *-фи* и лишь у полутора десятков деепричастий — вариант *-мпи*. Аффикс всегда пишется слитно с основной. В состав предварительных деепричастий второго класса с аффиксом *-мпи*, который, как можно думать, образовался из *-на + -фи > -нфи > -мпи* (выпадение гласного и двусторонняя ассимиляция *н > м, ф > п*), входят производные тех же основ, что образуют второй класс у одновременных деепричастий, т. е. *шампи* ‘высушив’ от *ша-* ‘сушить’ (ср. *шандамэ* ‘подвергая сушке’), *жомпи* ‘вспомнив’ от *жо-* ‘вспоминать’ (ср. *жондомэ* ‘вспоминая’), *сампи* ‘вытянув’ от *са-* ‘вытягивать’ (ср. *сандамэ* ‘вытягивая’), *жэмпи* ‘стерпев’ от *жэ-* ‘терпеть’ (ср. *жэндэмэ* ‘терпя’) и т. д. Но есть небольшое число предварительных деепричастий второго класса, соответствующих одновременным деепричастиям первого класса, это *жумпи* ‘сжав’ (ср. *жумэ* ‘сжимая’), *гуэмпи* ‘прозвучав’ (ср. *гуэмэ* ‘звуча’), *фумпи* ‘онемев’ (ср. *фумэ* ‘немая’), *жудампи* ‘разинув (рот)’ (ср. *жудамэ* ‘разевая (рот)’), *сумпи* ‘обындевев’ (ср. *сумэ* ‘индевея’). Есть одно расхождение обратного порядка — образуемые от общей основы *бо-* ‘долбить пешней’ (< *бон-* < *боно-*) одновременное деепричастие *бомэ* ‘долбя пешней’ относится ко второму классу, а предварительное деепричастие *бофи* ‘продолбив пешней’ образовано по образцу первого класса.

Как и у деепричастий одновременных, аффиксы разных классов дифференцируют значения форм от омонимичных основ, например: *шампи* ‘высушив’, но *шафи* ‘посмотрев’ от *ша-* I ‘сушить’, II ‘смотреть’; *жомпи* ‘вспомнив’, но *жофи* ‘накрошив соломы’ от *жо-* I ‘вспоминать’, II ‘крошить, резать солому’; *сампи* ‘вытянув’, но *сафи* ‘узнав’ от *са-* I ‘вытягивать’, II ‘знать’; *жэмпи* ‘стерпев’, но *жэфи* ‘съев, поев’ от *жэ-* I ‘терпеть’, II ‘есть, питаться’ и т. п.

Предварительное деепричастие, за редкими исключениями, обозначает второстепенное действие, время протекания которого предшествует началу главного действия. В этом и состоит принципиальное различие между этими двумя важнейшими и наиболее употребительными деепричастиями маньчжурского языка. Если *морин дэ жалумэ лэулэндумби* значит ‘скача (когда скачут) на лошадях, беседуют’, то *морин дэ жалуфи* значит ‘сев (когда уже сели) на лошадей’ (*ялу-* ‘ехать на лошади верхом; садиться на лошадь верхом’); если *арамэ хōшан дэ туга* ‘пишучи (когда пишешь), смотри на бумагу’, то *арафи хōшан дэ туга* ‘написав (когда уже напишешь), посмотри на бумагу’; *тухэкэ мō бира дэ эжэмэ вэхэ дэ таха* ‘упавшее дерево, пльвя (когда еще пльыло) по реке, зацепилось за камень’, но *тухэкэ мō бира дэ эжэфи вэхэ дэ таха* ‘упавшее дерево, поплыв (когда уже поплыло) по реке, зацепилось за камень’.

Предварительное деепричастие весьма часто употребляется также для обозначения добавочного действия, совершение которого не просто предшествовало началу главного действия, но и явилось для него причиной или условием, например: *Габтара дэ маңга офи и бошоку синдабуха бихэ* 'Став (так как стал) искусным в стрельбе из лука, он был назначен младшим офицером'; *Тасха бэ тудуфи умэси голохо* 'Увидев (так как увидел) тигра, страшно испугался'; *Кичэфи јони мутэмби* 'Постаравшись (если постараясь), все сможешь (одолеешь)'; *Џиха аку офи тутту удахаку* 'Оказавшись без денег (так как не имел денег), вот и не купил'.

Предварительное деепричастие употребляется в роли знаменательной части составного сказуемого при служебной части, выраженной глаголом *цинамби* 'что делать, что поделывать'. Такое составное сказуемое употребляется в вопросительно-восклицательных предложениях типа: *Эрбэ алафи цинамби?!* 'К чему это говорить?!'; *Бэјэ бэ мактафи цинамби?!* 'Зачем себя хвалить?!'

Выше было сказано, что предварительное деепричастие относится к числу обозначающих добавочные действия, односубъектные с главным. Это и является преобладающей и даже почти непреложной нормой. Однако в текстах все же встречаются отступления от этой нормы, т. е. несовпадения субъектов, например: *Си тоб сэрэ н'алма офи би тэни утту тафулара дабала* 'Так как ты человек прямой (досл. ты прямой человек став), я поэтому только так и уговариваю'; *Шун гюидамэ тухэфи халхун эбэрэкэби* 'Солнце давно село (досл. сев), и (потому) жара ослабла'. Во всех этих случаях деепричастие имеет причинное значение, что, видимо, и позволяет допускать нарушение указанной нормы, ранее имевшей непреложный характер.

Деепричастия одновременные и особенно предварительные очень часто образуют целые цепочки деепричастных оборотов, последовательно подчиненных друг другу, или пучки оборотов, параллельно подчиненных какому-нибудь глагольному слову, обозначающему главное действие, например: *Мусэи жаңгун хэсэ бэ алиме на дэ хэңкилэфи морин јалуфи чѳха бэ лабду гацфи умэси хахламэ н'амн'амэ бира дѳмэ бакчин далин бэ исифи бата бэ тудуфи чѳха бэ исабуфи гэмү хусун и афатамэ бата и чѳха бэ эфулэмэ этэхэ* 'Наш полководец, принимая приказ, поклонившись до земли, сел (сев) на коня, взял (взяв) много войска и, очень быстро скача и переправляясь через реку, достиг (достигнув) противоположного берега, увидел (увидев) неприятеля, собрал (собрал) войско и, атакуя всеми силами, неприятельские войска разбивая, победил'. В условиях именно таких цепочек или пучков деепричастных оборотов, когда деепричастия оказываются оторванными от слов, обозначающих субъекты соответствующих

действий, и возникает благоприятная почва для упомянутых выше нарушений нормы связи деепричастия с субъектом. Построение предложения *Шун урхуфи сэргүүн охо* 'Солнце склонилось (склонившись), и стало прохладно' возможно, но далеко от идеала, ибо слишком близки друг к другу слова, обозначающие два разносубъектных действия и субъект одного из них. Правильнее было бы такое построение: *Шуни урхухэ дэ сэргүүн охо* 'Когда солнце склонилось к закату, стало прохладно'. Использованное при этом причастие (*урхухэ*), не нарушая требований нормы, вполне может обозначать как односубъектность добавочного действия, так и разносубъектность, причем второе даже предпочтительнее. При наличии же хотя бы такой цепочки деепричастных оборотов нарушение нормы ощущается не так остро: *Шун урхуфи бабадэ талман тэфи ула эргичи эдун дэkdэчи сэргүүн оžоро* 'Солнце склонится (склонившись), повсюду ляжет (сев) туман и, если подует ветер с реки, станет прохладно'.

Оттенок усиления интенсивности действия придается некоторым предварительным деепричастиям первого класса путем чередования согласного *ф ~ п* в деепричастном аффиксе, например: *хуал'афи* 'придя к согласию, сдружившись', но *хуал'ани* 'придя к полному согласию, установив тесную дружбу'; *žалуфи* 'наполнив', но *žалуни* 'переполнив'; *дэсэрэфи* 'разлившись, наводнив', но *дэсэрэни* 'широко разлившись, наводнив всюду'.

Отрицательные формы предварительного деепричастия строятся по модели, аналогичной отрицательной форме одновременного деепричастия, т. е. отрицательная форма причастия настоящего времени и следующее за ней положительное предварительное деепричастие от основы *би-* в служебной роли, например: *алараку бифи* 'не сказав', *žэтэраку бифи* 'не съев, не поев', *бодораку бифи* 'не обдумав'.

Длительное деепричастие образуется прибавлением к основе глагольного слова специального аффикса *-хаци/-хэци/-хоци* с вариантами *-каци/-кэци/-коци* и *-ңкаци/-ңкэци/-ңкоци*. В зависимости от варианта аффикса деепричастия делятся на три класса, напоминающие классы других деепричастий и причастий, но не совпадающие с ними полностью. Значительное большинство глагольных основ, те, которые дают прошедшие причастия первого и четвертого классов (исключая слово *žэкэци* 'съев, поев'), образуют длительные деепричастия первого класса с аффиксом *-хаци/-хэци/-хоци*, например: *алахаци*, *гэнэхэци*, *бодохоци*; основы, принимающие в прошедшем причастии аффикс *-ка/-кэ/-ко* (большинство причастий второго класса, часть причастий третьего класса и причастие *žэкэ*), образуют длительные деепричастия второго класса с аффиксом *-каци/-кэци/-коци*, например: *хафукаци*, *дэсэрэкэци*, *фосокоци*; основы, да-

ющие часть прошедших причастий второго класса и большинство причастий третьего класса посредством аффикса *-ңка/-ңкэ/-ңко*, образуют длительные деепричастия третьего класса с аффиксом *-ңқаи/-ңқэи/-ңқои*, например: *баңқаи, вэңқэи, жонқои*. Упрощенно можно сказать, что форма длительного деепричастия равняется форме прошедшего причастия + *и*, хотя на самом деле членение формы совсем иное. Оно указано выше: основа + аффикс деепричастия, т. е. она двучленна, хотя в более ранние периоды истории языка она, возможно, была и трехчленной.

Длительное деепричастие как бы совмещает в себе основные значения двух предыдущих деепричастий — одновременного и предварительного, но от себя добавляет оттенок значения длительности, неоднократности, а иногда и повышенной интенсивности действия. Оно обозначает длительное или неоднократно повторяющееся (иногда интенсивное) добавочное действие, начавшееся до начала главного действия, но или уже закончившееся к моменту начала главного, или же продолжающееся одновременно с ним, например: *Би гучусэ дэ хэбэшэхэи бодэ бэдэрэхэ* 'Я, посоветовавшись (продолжительно) с друзьями, вернулся домой'; *Голохқи бичи ачараку* 'Невозможно жить в (постоянном и сильном) страхе' (букв. 'боясь'); *Н'эңн'эри оходэ жухэ вэңқэи мукэ охо* 'С наступлением весны лед все таял и таял (тая и тая), превратился в воду'.

Сочетание длительного деепричастия со стоящим перед ним однокоренным причастием прошедшего времени усиливает значение длительности, многократности, например: *Гэнэхэ гэнэхэи исика* 'Шел, шел и достиг'; *Бухэ бухэи гэмү манабуха* 'Давал, давал и все истощил'.

Длительное деепричастие в текстах встречается сравнительно редко, что крайне затрудняет его исследование.

Условное деепричастие, встречающееся в текстах достаточно часто, не различается по структурным классам и всегда представляет собой основу + специальный аффикс *-чи*. Материально идентичный аффикс уже встречался нам среди падежных показателей — это аффикс исходного падежа. Возможно употребление в этом падеже и глагольного слова, однако при этом совпадения двух разных форм не происходит. Из глагольных слов склоняться может только причастие, причем в этом случае модель такова: основа + аффикс времени + падежный аффикс, причем аффикс исходного падежа пишется отдельно, например: *банжирэ чи* 'от рождения'. Форма же условного деепричастия образуется путем присоединения аффикса непосредственно к основе, причем аффикс в этом случае пишется всегда слитно, например: *банжичи* 'если родится'.

Такая форма употребительна в тех наиболее частых случаях, когда служащее условием второстепенное действие мыслится не-

оконченным. Синонимичными с ней в том же значении являются аналитические формы с причастием настоящего времени или же одновременным деепричастием от основы знаменательного глагольного слова и стоящим после него условным деепричастием от глагольных основ *о-* ‘становиться’ или *би-* ‘быть’ в роли служебного слова. Таким образом, *банжичи = банжимэ очи (бичи) = банжирэ очи (бичи)* ‘если родится’.

Если же условное действие мыслится закончившимся, то употребляется аналитическая форма условного деепричастия, состоящая из причастия прошедшего времени от основы знаменательного глагольного слова и служебных слов *очи* или *бичи*, т. е. *банжиха очи (бичи)* ‘если (уже) родился’.

Отрицательные формы аналитичны, состоят из отрицательной формы настоящего или прошедшего причастия и условного деепричастия *очи* или *бичи* в роли служебного слова, т. е. *банжираку очи (бичи)* ‘если не родится’, *банжихаку очи (бичи)* ‘если не родился’. Однако нередко аффикс *-чи* присоединяется непосредственно к отрицательной форме причастия, т. е. *банжиракучи, банжихакучи* с тем же значением.

Условное деепричастие, как вытекает из самого его наименования, предназначено для обозначения второстепенного действия, рассматриваемого как условие, дающее или давшее возможность совершения в будущем главного действия. Можно привести следующие примеры такого употребления условного деепричастия: *Тачику дэ досичи кичэмэ тачи* ‘Если поступишь в школу, учишь прилежно’; *Сэфу сүэни jobодоро бэ сачи жилинаракун?* ‘Если учитель узнает о ваших шутках, не рассердится ли?’; *Битхэ хуламэ баханаха очи зүтэн бацита бэ улхирэ* ‘Если научишься читать книги, любое дело поймешь’; *Эдун накараку очи жац ябумэ мутэраку омби* ‘Если ветер не утихнет, дальше ехать будет невозможно’.

Условное значение деепричастия иногда усиливается сопровождением его союзом *тэтэндэрэ* ‘коль скоро, уж если’, например: *Сини чиха бичи тэтэндэрэ эмги гэнэки* ‘Уж если будет твое желание, пойдем вместе’.

Другим способом подчеркивания значения условного деепричастия является образование рамки, в которой начальным компонентом служат синонимичные союзы условия *аика* или *аикабадэ* ‘если, в случае если, если сверх ожидания’, а конечным — условное деепричастие от знаменательной основы. Поэтому уже знакомые нам предложения можно преобразовать так: *Аика (аикабадэ) тачику дэ досичи кичэмэ тачи* ‘Уж если поступишь в школу, учишь прилежно’; *Аика (аикабадэ) эдун накараку очи жац ябумэ мутэраку омби* ‘Если уж ветер не утихнет, дальше ехать будет невозможно’.

Условное деепричастие, как было выявлено выше (стр. 176—177), участвует в качестве первого компонента в образовании аналитических глагольных основ пород возможности и долженствования. Несколько фразовых примеров: *Гэму маңга бацта бэ саса хэ-бэшэчи омби* 'Все трудные вопросы можно вместе обсудить'; *Аинчи эрэ ула бэ тэмчику дэ дбчи о́жораку дэрэ* 'Эту реку на лодке переплыть, наверное, невозможно'; *Усин дэ ухэи хусун и вэилэчи ачамби* 'На поле нужно работать изо всех сил'; *Эрэи гэсэ гисун бэ гисурэчи ачараку* 'Подобные этим слова говорить не следует'.

В порядке исключения условное деепричастие способно выражать сказуемое законченного предложения. Это возможно при обязательном условии наличия в начале предложения слова *эси* 'конечно, естественно, само собой', с которым условное деепричастие образует рамку. В этом случае смысл предложения будет подчеркнуто утвердительным. Слово *эси* вне такой рамки не употребительно, условное же деепричастие употребляется и без слова *эси*, но оттенка подчеркнутой утвердительности при этом не имеет. Примеры: *Мини гучу эси добори исиңгала жичи* 'Мой друг обязательно придет до наступления ночи'; *Эси окто тусалачи* 'Конечно, лекарство приносит пользу'; *Эси эрэ бэ гэрэн н'алма гэму инжэчи* 'Над этим все люди без исключения несомненно будут смеяться'.

Условное деепричастие участвует в образовании составного сказуемого безличных предложений, в которых выражается предпочтение одному действию перед другими. Вторым компонентом служит в этом случае имя признака *саин* 'хорошо'. Примеры: *Жамжи эрин дэ гучу дэ гэнэчи саин* 'В вечернее время лучше пойти к другу'; *Аика гисун бэ аларакучи саин* 'Лучше не говори никаких слов (ничего не говори)'.

Условное деепричастие от основы *о-* 'делаться, становиться' употребляется в роли послеложного слова-частицы для выделительного подчеркивания подлежащего, например: *Ага очи гэнгэн н'алма* 'Что касается брата — разумный человек'; *Би очи хотон дэ тачинамэ гэнэки* 'Что до меня, поеду в город учиться'; *Мужи очи лабду банжиха* 'Ячменя-то много родилось'.

В форме условного деепричастия употребляются некоторые вводные слова, например: *Донжичи агэ си мажигэ нимэхэби* 'Как слышно (слыхать, по слухам), вы, господин, немного заболели'; *Тудачи суэ элгэн дэ банжимби* 'Как видно, вы живете в достатке'; *Гуничи эхэ н'алма бэ ончодоро аи жокто?!* 'Как подумаешь, что хорошего извинять плохого человека?!'; *Эму дэ очи гэнэрэ горо жаи дэ очи би жадахоби* 'Во-первых, идти далеко, во-вторых, я устал'.

Уступительное деепричастие обозначает второстепенное действие, которое должно было бы вызвать, но не вызвало совершение

главного действия. Синтетическая форма этого деепричастия состоит из основы и аффикса *-чибэ*, не подчиняющегося правилу гармонии гласных. Употребляется в оборотах уступительного значения, например: *Эмэ сакдачибэ нэнэхэ эрин и гэсэ бб бэ кадалам-би* 'Мать хоть и состарилась, а по-прежнему управляет домом'; *Н'алма улхичукэ алачибэ си дахаракү* 'Хоть человек и говорит понятно, а ты не слушаешься'; *Шун тухэчибэ сэргүэн аку* 'Хоть солнце и село, а пролады нет'.

Подобно условному уступительное деепричастие, кроме синтетической, может иметь и аналитическую форму, причем вторыми компонентами в ней служат уступительные деепричастия *очибэ* или *бичибэ*, которые передают значение уступительности, а в качестве первого компонента употребляются образованные от знаменательной основы одновременное деепричастие или причастие настоящего времени, когда действие мыслится незаконченным, или причастие прошедшего времени, когда действие мыслится законченным, т. е. *алачибэ = аламэ очибэ (бичибэ) = алара очибэ (бичибэ)* 'хоть и говорит', *алачибэ = алаха очибэ (бичибэ)* 'хоть и сказал'. Замена вариантов свободная.

Возможны и иного рода аналитические формы уступительного деепричастия, обходящиеся без характерного для него аффикса. В этих полностью синонимичных формах первыми компонентами служат образованные от знаменательной глагольной основы причастия прошедшего времени, а вторыми — служебное слово уступительного значения *гожимэ* или приобретающее такое значение в подобных конструкциях слово *сэмэ* (одновременное деепричастие 'говоря'). Таким образом цепочка синонимических средств выражения уступительности пополняется еще одним звеном: *алачибэ = аламэ очибэ (бичибэ) = алара очибэ (бичибэ) = алаха очибэ (бичибэ) = алаха гожимэ = алаха сэмэ* 'хоть и сказал'.

Усиление, подчеркивание значения уступительности, вернее — неосуществимости главного действия, достигается применением рамочной конструкции с начальным компонентом служебным словом *уду* 'хотя, сколько бы ни..., как бы ни...' и конечным — уступительным деепричастием, например: *Уду би синдэ фонжичибэ си эму гисун бэ тбдаракү* 'Сколько бы я ни спрашивал, ты ни одного слова не отвечаешь'; *Уду шахурун охо бичибэ мусэ мацкан дэ банжимби* 'Как бы ни стало холодно, мы будем жить в палатке'.

Предельное деепричастие употребляется редко и обозначает второстепенное действие, начало которого служит временной границей конца главного действия. По значению вплотную примыкает к наречиям времени. Образуется от основ глагольных слов с помощью аффикса *-талал-тэлэл-толо*. Фразовые примеры: *Хэчэн бэ иситала морин дэ ябуха* 'До самого города (пока не достигли го-

рода) ехали на лошадях'; *Би хусун мохотоло вэилэки* 'Я буду работать до истощения сил (пока не истощатся силы)'; *Шун дэждэ-тэлэ бэ бб дэ амгаха бихэ* 'До восхода солнца (пока не взлетело солнце) мы спали в доме'.

Упреждающее деепричастие употребляется еще реже и обозначает второстепенное действие, окончание которого служит моментом начала главного действия. Как и предыдущее, в смысловом отношении смыкается с наречиями времени. Образуется от глагольных основ путем прибавления к ним аффикса *-ңгала/-ңгэлэ/-ңголо*. Фразовые примеры: *Усин таримэ важиңгала мини хусун эбэрэкэ* 'Еще до конца работы (раньше, чем кончил работать) на пашне силы мои истощились'; *Гучу сэи эмги бодоңголо бацта бэ умэ токторо* 'Пока не обсудишь (раньше, чем обсудишь) с друзьями, дело не решай'; *Гуа бадэ гуриңгэлэ саин и гуни* 'Прежде чем переселяться в другое место, хорошенько подумай'. Наряду с этой синтетической формой употребительна и синонимичная аналитическая, состоящая из причастия настоящего времени от знаменательной глагольной основы и служебного слова *оңголо* 'прежде чем, еще до...'. Иными словами, в любом случае *важиңгала = важирэ оң-голо, бодоңголо = бодоро оңголо, гуриңгэлэ = гурирэ оңголо*.

ГЛАГОЛ

Глагол, как и другие глагольные слова (причастие и деепричастие), обозначает действие как протекающий во времени процесс, но его отличительными чертами является то, что он в отличие от причастий монофункционален, — может быть только сказуемым, а в отличие от деепричастия обозначает только главное в масштабе одного предложения действие; от остальных глагольных слов, взятых вместе, его отличает обязательное наличие грамматической категории наклонения. Из этих особенностей важнейшими можно считать следующие две, тесно связанные между собой, — выражение только сказуемого и обязательное наличие категории наклонения.

Переменный характер категории наклонения дает дальнейшую классификацию словоформ в пределах глагола, иными словами, образует его модальную парадигму. Маньчжурский глагол изменяется по четырем наклонениям. Одно из них можно считать относительно прямым, ближе всего стоящим к объективной констатации наличия (или отсутствия) действия — это изъявительное наклонение. Остальные наклонения — повелительное, желательное и наклонение опасения — по сравнению с ним можно определить как косвенные, или ирреальные, поскольку все они обозначают

реально не существующие действия, возможность осуществления которых устанавливается субъективной волей говорящего лица.

Изъявительное наклонение глагола служит для выражения сказуемого, обозначающего реально осуществляемое действие-процесс. Констатация реальности действия в предикативной позиции достигается также с помощью причастия. Таким образом, играя роль сказуемого, изъявительное наклонение глагола и причастие почти взаимозаменяемы. Тонкое различие, которым во многих случаях можно пренебречь, состоит лишь в том, что, употребляя причастие, говорящий констатирует объективно существующую, независимую от его воли и оценки реальность действия. Используя же изъявительное наклонение глагола, он со своей субъективной позиции оценивает действие как реальное, что выражается в слабо заметном оттенке утвердительности. Только этот оттенок, связанный с субъективной оценкой говорящего, и отличает в смысловом отношении глагол изъявительного наклонения от предикативного употребления причастия.

Изъявительное наклонение глагола, так же как предикативное причастие, различает действие не законченное, т. е. начатое, но не окончившееся, или еще не начатое, с одной стороны, и действие законченное, с другой. Всякое незаконченное действие обозначается формой настоящего времени, которое так именуется условно (для краткости), а по существу его следовало бы именовать настоящим-будущим. Всякое законченное действие обозначается формой прошедшего времени. Наличие или отсутствие окончания действия ориентировано по отношению к моменту речи. Иными словами, время в данном случае имеет абсолютный характер.

Следовательно, у глагола изъявительного наклонения, так же как и у причастия, парадигма времен двучленна. Так же как у причастий, никаких дальнейших подразделений (ни по числам, ни по лицам) она не имеет. Иначе говоря, любая из двух временных форм глагола изъявительного наклонения может быть соотнесена с любым лицом единственного и множественного числа как субъектом обозначенного этой формой действия.

Форма настоящего времени изъявительного наклонения глагола состоит из основы глагола и аффикса *-мби*, не зависящего ни от состава гласных основы, ни от принадлежности к тому или иному классу, например: *Эрэ н'алма мини бѳ дэ банѳимби* 'Этот человек живет в моем доме'; *Би синдэ имбэ гисурэмби* 'Я расскажу тебе о нем'; *Мусэ исхундэ кундулэндумби* 'Мы (с тобой) уважаем друг друга'; *Чимари ахута бутанамби* 'Завтра братья пойдут на охоту'.¹¹

¹¹ Утвердительный оттенок значения настолько незначителен, что в переводе на русский язык он не находит себе эквивалента.

Наряду с этой синтетической формой изредка встречается и синонимичная ей аналитическая, состоящая из одновременного деепричастия от знаменательной основы и служебного слова *би* 'есть, быть', т. е. *банжимби* = *банжимэ би*, *гисурэмби* = *гисурэмэ би*, *кундулэндумби* = *кундулэндумэ би*, *бутанамби* = *бутанамэ би*. Это дало исследователям основание предположить, что синтетическая форма с аффиксом *-мби* развилась из аналитической *-мэ би*.

Форма прошедшего времени изъявительного наклонения глагола состоит из основы глагола и специального аффикса с вариантами: *-хабил-хэбил-хоби*, *-кабил-кэбил-коби*, *-ңкабил-ңкэбил-ңкоби*. В связи с этим формы прошедшего времени делятся на три класса. Первый класс с аффиксом *-хабил-хэбил-хоби* соответствует первому же классу причастий + форма от основы IV типа *би-* 'быть', второй класс с аффиксом *-кабил-кэбил-коби* соответствует большинству причастий второго класса, части причастий третьего класса и причастиям четвертого класса, кроме образуемого от основы *би-*, наконец, третий класс с аффиксом *-ңкал-ңкэл-ңко* соответствует большинству причастий третьего и некоторым причастиям второго классов. Другими словами, первые слоги аффиксов прошедшего времени глаголов идентичны аффиксам прошедшего времени причастий. Примеры: *Си уду дэптэлин бэ гацхаби?* 'Сколько тетрадей (книг) ты взял?'; *Бэ добори бэ дэ бэдэрэхэби* 'Мы ночью вернулись домой'; *Жусэ гэму куаран и бару укакаби* 'Все дети сбежали во двор'; *Ама бэжэи фэ гучу бэ жоңкоби* 'Отец вспомнил своего старинного друга'.

Крайне редко, но все же встречается полностью синонимичное раздельное написание этой формы, т. е. *гацхаби* = *гацха би*, *бэдэрэхэби* = *бэдэрэхэ би*, *укакаби* = *укака би*, *жоңкоби* = *жоңко би*. По аналогии с формой настоящего времени такое написание можно считать аналитической формой прошедшего времени и видеть генетическую зависимость от нее синтетической формы.

Отрицательная форма изъявительного наклонения образуется по модели: отрицательная форма причастия нужного времени + *-би* (< глагольное слово *би-* 'быть, существовать' в роли вербализатора), например: *аларакуби* 'не говорит', *алахакуби* 'не сказал', *гэнэракуби* 'не идет', *гэнэхэкуби* 'не ходил', *бодоракуби* 'не сообщает', *бодохакуби* 'не сообразил'. Но употребляется эта форма сравнительно редко. Чаще встречается вполне заменяющая ее отрицательная форма причастия, т. е. (в тех же значениях) *алараку*, *алахаку*, *гэнэраку*, *гэнэхэку*, *бодораку*, *бодохаку* и т. п.

Повелительное наклонение обозначает действие, которое говорящий побуждает совершить кого-то другого, чаще всего адресата своей речи. В маньчжурском языке употребительны несколько форм повелительного наклонения, выбор которых зависит от со-

отношения рангов говорящих и от лица адресата повеления. Есть три формы повелительного наклонения, адресуемого второму лицу, т. е. собеседнику, и одна форма для повеления, адресованного третьему лицу, но передаваемого через посредство второго. Число адресатов повеления на форму глагола не влияет.

Формы повелительного наклонения, обращаемого ко второму лицу, различаются в зависимости от того, стоит ли адресат речи выше по социальной, родственной или возрастной иерархии, вровень или ниже говорящего. В связи с этим повеление может быть нейтральным, когда говорящий считает собеседника рангом ниже себя или же равным себе; повеление может быть вежливым при том же соотношении рангов собеседников; повеление может быть почтительным, если речь обращена к высшему по рангу собеседнику. Этому соответствуют три формы повелительного наклонения.

Нейтральная форма повелительного наклонения в подавляющем большинстве случаев равняется основе глагольного слова, например: *ала* 'скажи, скажите', *бу* 'дай, дайте', *туа* 'посмотри, посмотрите', *ара* 'сделай, сделайте' и 'напиши, напишите', *гэнэ* 'пойди, пойдите', *бодо* 'обдумай, обдумайте', *тэ* 'сядь, сядьте', *тачи* 'учись, учись'. Имеются в виду не только непроизводные основы, но и производные, например: *алабу* 'вели(те) сказать', *туабу* 'покажи(те)', *тачиңги* 'направ(те) учиться', *инжэчэну* 'смейтесь вместе'.

Впрочем, имеется немало исключений из этого правила. Формы нейтрального повеления от основ породы отправления образуются путем чередования конечного гласного *a/ə/o* ~ *y*, т. е. *ацлина-* 'перейти на новое место' ~ *ацлину* 'перейди(те) на новое место', *вэсинэ-* 'двигаться вверх' ~ *вэсину* 'двигайся (двигайтесь) вверх', *жоно-* 'пойти напомнить' ~ *жону* 'пойди(те) напомнить'. Основы породы прибытия при образовании интересующей нас формы дают чередование *и* ~ *у*, т. е. *аланжи-* 'прийти сказать' ~ *аланжу* 'приди(те) сказать', *хэңкилэнжи-* 'прийти с поклоном' ~ *хэңкилэнжу* 'приди(те) с поклоном', *соңгочонжи-* 'прийти вместе оплакивать' ~ *соңгочонжу* 'приди(те) оплакивать'. Подобное же чередование происходит при образовании формы повелительного наклонения от следующих двух непроизводных основ: *гажи-* 'принести' ~ *гажу* 'принеси(те)', *бэнжи-* 'принести' ~ *бэнжу* 'принеси(те)'.

От основ *бо-* 'долбить пешней', *жэ-* 'терпеть', *жо-* 'уходить' и *жо-* 'вспоминать' нейтральное повелительное образуется прибавлением в конце согласного *н*, т. е. *бон* 'долби(те) пешней', *жэн* 'терпи(те)', *жон* 'уходи(те)', *жон* 'вспомни(те)'. Можно предположить, что этот *н* некогда присутствовал и в основах, но со време-

нем был утрачен. Не случайно все эти основы образуют прошедшее время причастия по третьему классу, с аналогичным восстановлением утраченного основой согласного (не *-кал/-кэл/-ко*, а *-ңкал/-ңкэл/-ңко*). Три основы — *би-* ‘быть’, *гац-* ‘брать’ и *бац-* ‘искать’ — принимают аффикс *-су*, а основа *о-* ‘делаться, становиться’ — его вариант *-со*, т. е. *бису* ‘будь(те), живи(те)’, *гацсу* ‘возьми(те)’, *бацсу* ‘ищи(те)’, *осо* ‘сделайся, сделайте, стань(те)’. Основа *жэ-* ‘есть, питаться’ дает *жэфу* ‘ешь(те)’, а основа *ји-* ‘приходить’ — *јио* (в произношении *жу*) ‘приди(те)’.

Вежливая форма повелительного наклонения образуется от любой глагольной основы неизменным аффиксом *-чина*, например: *арачина* ‘напиши(те), пожалуйста’, *гэнэчина* ‘пойди(те), пожалуйста’, *бодочина* ‘обдумай(те), пожалуйста’, *тэчина* ‘сядь(те), пожалуйста’, *бахачина* ‘найди(те), пожалуйста’, *сэчина* ‘скажи(те), пожалуйста’. Слово *сэчина*, стоящее в конце предложения после сказуемого, приобрело значение восклицательного слова-частицы со значением ‘вот как, скажите-ка, не так ли, что и говорить’.

Почтительная форма повелительного наклонения представляет собой, по сути дела, причастие настоящего времени с вопросительной аффиксальной частицей *-о*, т. е. *аларао* ‘скажи(те) (скажете ли)’, *тэрэо* ‘садись, садитесь (сядете ли)’, *токторо* ‘установи(те) (установите ли)’, *жидэрэо* ‘приходи(те) (придете ли)’.

Форма повелительного наклонения для третьего лица, образуемая от любых глагольных основ с помощью неизменного аффикса *-кини*, употребляется в случаях, когда говорящий имеет целью побудить третье лицо (лица) совершить то или иное действие, но обращается не к нему, а ко второму лицу, имея в виду, что его пожелание будет передано по назначению или же безлично. Несколько фразовых примеров: *Сини жусэ тачинамэ гэнэкини* ‘Пусть твои дети идут учиться’; *Агэ гэли маҗигэ жэкини* ‘Пусть господин поест еще немножко (поешьте, уважаемый, еще немножко)’; *Шабиса эрэ удуду гисун бэ сацн и эҗэкини* ‘Пусть ученики хорошенько запомнят эти несколько слов’; *Сини чиха окини* ‘Пусть будет по-твоему (твоя воля пусть будет)’; *Эрэ ага хахи накакини* ‘Пусть бы этот дождь скорее кончался’.

Отрицательная форма повелительного наклонения одна, но употребляется, по сути дела, антонимично только положительной форме нейтрального повеления. Поскольку эта форма является не столько отрицанием повеления, сколько выражением запрещения, при обращении к высшему по рангу ее употребление исключается. Отрицательная форма аналитична. Она состоит из отрицательного слова-частицы *умэ* ‘не’ и знаменательного слова в форме причастия настоящего времени. Частица может стоять непосредственно перед причастием, но может быть отделена от него подчиненными

причастию словами. Примеры: *Учэ бэ умэ дасирэ* 'Не закрывай(те) дверь'; *Аžигэси бэјэци ама эмэ бэ умэ вал'ара* 'Дети, не оставляйте своих отца с матерью'; *Умэ эрэ жака бэ гуа н'алма дэ туабурэ* 'Не показывай(те) этой вещи другому человеку'; *Умэ горо гэнэрэ* 'Не ходи(те) далеко'.

Желательное наклонение глагола, встречающееся в текстах реже, чем первые два, обозначает действие, в совершении которого говорящий выражает свою субъективную заинтересованность, свое желание, чтобы оно совершилось. Желательным может представляться любое действие, независимо от того, какое лицо призвано его осуществить. Однако здесь все же возможны существенно различающиеся оттенки. Когда в качестве субъекта действия предполагается само говорящее лицо или группа лиц с его участием, глагол желательного наклонения по смыслу сближается с повелительным наклонением и выражает желание, готовность, согласие, приглашение совершить действие. Если же субъект действия — второе или третье лицо (лица), а также первое, не включающее собеседника, то желательное наклонение приобретает значение, приближающееся к будущему времени с оттенком пожелания.

Форма желательного наклонения складывается из знаменательной основы и неизменного аффикса *-ки*. Сочетание слов *би гэнэки* в зависимости от условий контекста и реальной ситуации может иметь несколько различных вариантов перевода: 'пойду-ка я', 'пойти бы мне', 'давайте я пойду', 'ладно, я пойду', 'пойду уж', 'хорошо бы мне пойти', 'хочу пойти', 'пойду'. Та же форма желательного наклонения в сочетании с личным местоимением первого включительного лица может иметь значение: 'пойдем-ка мы (с тобой, с вами)', 'давайте пойдем', 'пойти бы нам'. Сочетание с местоимением первого исключительного лица дает несколько иной смысл: 'ладно, уж мы (без тебя, без вас) пойдем', 'ну, а мы пойдем', 'нам бы пойти', 'мы-то пойдем'. Когда субъект выражен местоимениями второго или третьего лица обоих чисел, перевод колеблется в меньших пределах, например: *си гэнэки* 'ты пойдешь', *и гэнэки* 'он пойдет', *суэ гэнэки* 'вы пойдете', *чэ гэнэки* 'они пойдут'. Но и в этих переводах незримо присутствует более очевидный в прочих случаях оттенок пожелания, личной заинтересованности говорящего в совершении действия, т. е. не просто 'ты пойдешь', что можно выразить и изъявительным наклонением глагола — *си гэнэмби*, и причастием — *си гэнэрэ*, а скорее что-то вроде 'ты пойдешь, надеюсь'.

Именно этот оттенок субъективной заинтересованности говорящего в осуществлении действия не только объединяет все возможные предикативные употребления формы желательного накло-

нения, но и служит достаточным основанием для употребления этой формы в составе аналитических глагольных основ породы намерения (см. стр. 176). Нет ничего удивительного в том, что *гэнэки сэмби* 'хочу (хочешь, хочет и т. д.) пойти, собираюсь (собираешься, собирается и т. д.) пойти' образовалось из свободного словосочетания с прямой и авторской речью: 'хочу пойти говорю (говоришь, говорит и т. д.)'.

Наклонение опасения встречается очень редко, что обусловлено особенностями его семантики. Им обозначается действие, совершение которого говорящему представляется возможным, но нежелательным, чреватым отрицательными последствиями. Образуется форма этого наклонения путем присоединения к знаменательной глагольной основе аффикса *-раху*. Так обстоит дело при подавляющем большинстве глагольных основ, при тех, от которых образуются причастия I и II классов (см. стр. 189—191), причем аффикс остается неизменным, независимо от состава гласных основы. При небольшом числе основ (менее 1%), образующих причастия III и IV классов, аффикс, так же точно как в отрицательной форме причастия, имеет в начале дополнительные слоги и приобретает вид *-ндараху/-ндэраху/-ндораху, -нэраху/-нораху, -дэраху, -žарыху/-žорыху, -тэраху, -сирыху*, т. е. *алараху* 'как бы не сказал', *гэнэраху* 'как бы не пошел', *соңгараху* 'как бы не заплакал', *усараху* 'как бы не огорчился', *дэсэрэраху* 'как бы не затопило', *г'орораху* 'как бы не лишился чувств', *бандараху* 'как бы не стал лениться', *вэндэраху* 'как бы не растаял', *јондораху* 'как бы не ушел', *оžорыху* 'как бы не стал', *јидэраху* 'как бы не пришел', *žэтэраху* 'как бы не съел', *бисираху* 'как бы не был'. Нетрудно заметить, что эта форма почти идентична отрицательной форме причастий. Различает их только последний согласный: здесь это *х*, а в отрицательной форме — *к*.

Несколько фразовых примеров: *Тулэ шахурун оходэ си бэјэраху* 'Когда на улице мороз, как бы тебе не замерзнуть'; *Эрэ олхохо мб на дэ тухэраху* 'Как бы это засохшее дерево не упало на землю'; *Батаңга чбха хэчэн бэ караху сэмэ олхошомби* 'Опасаясь, думая, как бы не окружили вражеские войска крепость'.

ОБРАЗНЫЕ СЛОВА

Особое место в маньчжурской лексике принадлежит довольно значительному классу слов, именуемых нами образными.¹ В словаре И. И. Захарова они учтены в количестве 630 слов, что составляет несколько более 4 % по отношению к общему объему лексики.

Отличительные особенности этого класса слов таковы.

1. Они представляют собой словесные символы воспринимаемых органами чувств образных признаков действий, проявляющих себя в слуховых, зрительных и других чувственных образах участвующих в данном действии предметов. Как всякие слова, они в семантическом отношении представляют собой продукты обобщающей деятельности человеческого мышления, поскольку способны обозначать не единичные признаки данного конкретного действия, а любые идентичные признаки любого такого же или подобного ему действия. Но в отличие от других знаменательных слов они выражают скорее не понятия, а представления — образные представления о признаках, богатые подобно живым картинам действительности конкретным содержанием, и ввиду повышенной конкретности приписываемые ограниченному кругу сходных между собой действий, а иногда и всего лишь одному действию при любом конкретном случае его реализации. В семантике они имеют сходство с междометиями (см. стр. 225, 226), но отличаются от них тем, что являются выразителями не чувств, а элементов мысли. С чувствами они связаны только как с инструментами их восприятия, но чувства не являются их смысловым содержанием. От междометий и от служебных слов они отличаются также наличием явно выраженного и обязательного для них лексического значения, а также связанной с этим способностью выступать в роли самостоятельных членов предложения.

¹ В грамматиках других языков, где имеются подобные слова, они именуется также изобразительными, подражательными, оноματοпоэтическими, мимемами.

2. В синтаксическом отношении они монофункциональны — выражают только обстоятельства образа действия к словам глагольной семантики. Свое подчинение последним они выражают примыканием и потому не обладают способностью к словоизменению. В этом смысле они подобны именам признака в адвербиальной роли.

3. Образные слова в большей мере, чем любые иные, участвуют в словообразовательных процессах. Любое из них может послужить корневым компонентом при аналитическом словообразовании как имен, так и глаголов.

4. Как увидим ниже, образные слова имеют довольно существенные особенности в своей фонетической и морфологической структуре. С наибольшей частотностью в них используются приемы удвоения и спаривания слов.

Все сказанное побуждает к тому, чтобы не только выделить образные слова как особый класс знаменательных слов, но и рассматривать их совокупность как особую часть речи, принципиально отличную по своим семантическим и грамматическим особенностям и от всех имен, и от всех глагольных слов.

В соответствии с передаваемыми ими значениями образные слова отчетливо делятся на три разряда, вернее — на два основных и один промежуточный. Разряды такие: 1) звукоподражательный (примерно 40 % слов), 2) изобразительный (около 50 % слов) и 3) смешанный (около 10 % слов).

Звукоподражательный разряд образных слов служит для обозначения сопровождающих действие и характеризующих его звуковых образов. В отдельных, довольно редких, случаях такое слово более или менее приближенно копирует реальные звуки, примером чего могут быть такие слова, как *о а* 'лепеча' (о грудном ребенке), *кохон* 'кашляя', *чу ча* 'шушукаясь, испуганно шепча', *бубу баба* 'невнятно бормоча', *гаң гаң* 'гогоча' (о стае гусей), *коко* 'кудахча' (о курице), *муң маң* 'мыча' (об оленях во время гона), *м'ар м'ар* 'блея' (об овцах, козах), 'крича' (об обезьянах), *гуар гуар* 'квакая' (о лягушках), *жикжак* 'чирикающая' (о мелких птицах), *чаң чаң* 'звоня' (о колоколе), *тоң тоң* или *туңтуң таңтаң* 'бубня' (об ударах в бубны). Но в то же время совершенно немотивированным в этом смысле кажется подавляющее большинство слов, таких как, например: *жор* 'с криками' (о толпе людей), *чук чак* 'перепричитываясь', *бар бир* 'галдя, шумя, болтая', *куаң* 'говоря во весь голос', *биң б'аң* 'издавая звуки' (о флейте, свирели), *каңгир киңгир* 'звоня' (о колокольчиках), *тур тар* 'стуча от страха' (о сердце), *гур* 'воя' (о тигре), *иң јаң* 'жужжа' (о насекомых), *г'оң* 'шумя' (о крыльях взлетающей птицы), *жор* 'откликаясь' (про эхо). О такой же немотивированности свидетельствует наличие ряда синони-

мов — *м'аң м'аң* = *гар гар*, передающих плач ребенка; *žар* = *шаб* = *оң* = *х'оң* = *кас*, передающих свист быстро летящей стрелы; *коб* = *пок* = *х'об* = *г'об* = *к'об* = *жок* = *х'ок*, передающих звук стрелы, с лету впившейся во что-то твердое; *хур хур* = *чиң*, передающих потрескивание горящего дерева; *куаң чаң* = *туң туң* = *туң таң* = *тоң тоң* = *куң чаң*, передающих звуки бубна, литавр; *таң таң* = *чаң чаң* = *јаң јаң*, передающих звуки колокола; *пу* = *таң тиң* = *так тик*, передающих звуки рубки леса; вместе с тем имеется немало число и омонимов, например: *аң*, передающее рев ослон, мулов, и *аң*, передающее крики во время ссоры; *пу*, передающее звук, возникающий, когда дуют на огонь с целью потушить или раздуть его, и *пу*, передающее звуки рубки деревьев; *таб*, передающее звуки вскапывания земли лопатой, и *таб*, передающее звук падения сорвавшейся с тетивы стрелы; *туң таң*, передающее колокольный звон, и *туң таң*, передающее хныканье ребенка; *žар*, передающее крики стаи птиц, и *žар*, передающее стрекот кузнечиков; *žор*, передающее одновременно такие разные звуки, как крики толпы людей или стаи птиц, кудахтанье кур, лай собак, отголоски эха; *ор*, передающее звуки рвоты, и *ор*, передающее рев тигра. Понятно, что при этих условиях говорить об обязательности соответствия звукоподражательных слов звукам реальной действительности не приходится, хотя в ряде случаев такие соответствия и имеют место. Правильнее считать, что слова эти являются условными знаками, своего рода символами звуковых образов.

Звукоподражательный разряд образных слов делится на три подразряда. А. Подражания звукам людей. Б. Подражания звукам животных. В. Подражания звукам неживой природы.

Первый подразряд, насчитывающий 78 слов, состоит из двух групп слов: а) передающих произвольные человеческие звуки, производимые голосовым аппаратом, например: *о а* 'лепечка' (о грудном ребенке), *бодор* 'ворча, бормоча', *гар м'ар* 'ревя' (о толпе людей), *кука* 'прикрикивая', *куаң* 'громко говоря', *гар гир* 'крича во время ссоры', *х'аң* 'громко крича во гневе', *чук чак* 'перебраниваясь'; б) передающих произвольные человеческие звуки, например: *кэң* 'сухо кашляя', *кохон кохон* 'непрерывно кашляя', *кики кака* 'смеясь, хохоча' (о многих людях), *сук* 'фыркающая, прыскающая от смеха', *м'аң* 'плача' (о ребенке), *хэи хаи* 'плача и стелая', *г'ор* 'с урчанием в желудке от голода', *кэр* 'издавая звук отрыжки', *пэи паи* 'поплевающая', *фасар* 'с хрустом на зубах'.

Второй подразряд, насчитывающий 60 слов и обнимающий символы животных звуков, также состоит из двух групп слов: а) передающих произвольные звуки (крики) животных, например: *г'аң* 'воя, визжа' (о собаке), *м'ар мир* 'блея' (об овцах), *гур гар* 'с криком' (о летящей стае птиц), *žар žар* 'чирикающая' (о небольшой

птице), *вар ир* 'квакая' (о большом числе лягушек); б) передающих произвольные звуки, например: *фор* 'фыркающая' (о лошади), *котор* 'с характерным звуком полета крупной птицы', *нур* 'со звуком вспархивания' (о перепеле), *потор патар* 'с шумом одновременного взлета стаи птиц', *жир жар* 'жужжа' (о массе насекомых), 'пища' (о мышах).

Третий подразряд, насчитывающий 130 слов, связан со звуками неживой природы и состоит из шести групп слов: а) передающих звуки явлений природы (21 слово), например: *шор шар* 'шумя' (о дожде или снеге при сильном ветре), *хусар* 'шелестя' (о сухих листьях при ветре), *куңгур каңгар* 'грохоча' (о громе; о быстро несущихся пустых телегах), *хуң хоң* 'шумя' (о волнах, быстро текущей воде), 'с топотом' (о бегущем табуне), *хур хур* 'потрескивая' (о разгоревшемся костре, пожаре); б) передающих звуки движения (21 слово), например: *шаб сиб* 'со свистом' (о полете стрел во время состязаний лучников), *коб* 'гудя' (о стреле, впившейся во что-то твердое), *киңкир* 'громыхая' (о движении повозки, бочки и т. п.), *кэтэк катак* 'со стуком' (о движении телеги по камням, выбоинам); в) передающих мелодические звуки при соединении (ударах) предметов (22 слова), например: *јаң јаң* 'звоня' (о ритмичных ударах в колокол), *куаң чаң* 'издавая звуки от ударов в бубны и литавры', *калаң* 'звеня' (о колокольчике при движении), *хаңгир киңгир* 'со звоном' (о браслетах на руках); г) передающих немелодические звуки при соединении предметов (38 слов), например: *пу* — передает звук удара топора при рубке дерева, *ку ча* — передает звуки ударов кулаками в драке, *халар хилар* — передает звон сабель или мечей в бою, *п'ак* — передает звук пощечины, *ток* — передает звук удара по дуплистому дереву, *куту ката* 'топоча' (о ходьбе в обуви с твердой подошвой), *почок* 'булькающая' (о падении тяжелого предмета в воду), *кутуң* 'с грохотом' (о падении с большой высоты камней, глыб земли), *кэң кэң* передает звуки ударов головы о землю, *пата пати* передает одновременное падение плодов на землю; д) передающих звуки разъединения (18 слов), например: *час* 'с треском' (о разрыве ткани), *тус* — передает звук лопнувшей веревки, ремня, *к'ас* 'с треском' (о переломе хрупкого предмета), *к'афур кифур* 'со звоном' (о разбитом вдребезги), *пак* 'со взрывом' (о пиротехническом изделии), 'со стуком' (о падении небольшого твердого предмета); е) передающих звуки трения (11 слов), например: *к'акур* 'со скрипом', *чур* 'скрипя' (о блоке), 'свистя' (о пуле в полете), *катак* — передает звук поворачиваемого в замке ключа или надеваемой на пробой скобы, *шуар* — передает звук вынимаемого из ножен меча, из колпачка кисти для туши, а также ползущей змеи, *к'алаң* — передает скрежет трения камня о камень.

Изобразительный разряд образных слов служит для обозначения сопровождающих действие и характеризующих его признаков, воспринимаемых различными чувствами, исключая слух. В значительном большинстве случаев это образы, воспринимаемые зрительно. Весь разряд, насчитывающий 310 слов, делится на семь подразрядов: 1) слова, передающие особенности поведения человека, 2) передающие характер движения, 3) передающие внешний вид предмета, 4) передающие состояние предмета, 5) временной признак действия, 6) передающие пространственный признак действия, 7) передающие количественный признак действия.

Первый подразряд слов характеризует действие по особенностям сопровождающего его поведения участвующих в нем лица или лиц. Подразряд включает две группы слов: а) характеризующие речь или поступок человека (людей), таких слов — 54, например: *куалар* 'откровенно, чистосердечно', *калар* 'дружно, согласно, мирно', *тафур* 'ревностно, усердно, отважно', *ф'о* 'без обиняков, прямо, бездумно', *дэрэң дараң* 'разыгрывая роль, напуская на себя благородство', *дэдэ дада* 'несолидно, вертляво, непостоянно', *ф'ак фик* 'лукаво', *ф'атар* 'вздорно, нелепо'; б) характеризующие действие по психическому состоянию его участников (21 слово), например: *х'ор х'ор* 'бодро, мужественно', *шар* 'с состраданием', *чик чик* 'с тревогой, беспокойством на сердце', *куатар* 'пугливо, с выпученными от испуга глазами', *жир* 'горестно, скорбно', *чафур чифур* 'с приятным ощущением во рту, вкусно', *чар чир* 'ощущая боль от ожога', *так* 'тоскливо', *булиң* 'пребывая в остоленении, ошалев, вытаращив от удивления глаза'.

Второй подразряд, самый большой, насчитывающий 91 слово, передает всевозможные признаки движения по его характеру, например: *гоко* 'вереницей', *катор* 'залпом, в один глоток, единым духом', *сар* 'градом, ручьями, врассыпную', *лэр лар* 'спокойно, тихо', *фодор* 'торопливо, задыхаясь, бегом', *гэргэн гарган* 'проворно', *чар* 'во весь опор', *кускун* 'с напряжением, с усилием', *хуаңгар* 'ливнем, стремительно, бурля, разливаясь во все стороны', *бур* 'ключом, фонтаном, клубами', *фир фир* 'плавно, свободно, легко, стройно, красиво', *пос* 'насквозь, навывлет, напрямик', *лэр лэр* 'тихо струясь, ровно, спокойно', *тор* 'крутясь, скручиваясь, вокруг', *гэрбэ гарба* 'вперевалку, раскачиваясь корпусом (идти)', *чак* 'дружно, разом', *фак фик* 'вразброд, порознь', *чао* 'прямо без оглядки'.

Третий подразряд, насчитывающий 55 слов, дает характеристику действия по внешнему виду связанных с ним предметов, например: *жумбур* 'красиво, прелестно, очаровательно', *шалар* 'как на подбор, отборно', *хэ* 'беспредельно, величественно, плавно', *чиң* 'пышно, богато', *гилта гилта* 'с блеском, лоснясь, сверкая', *лур*

лур 'ярким пламенем', дэр 'бело как снег, слишком ясно, очевидно', кэркэн каркан 'неровно, шероховато, с рябинами', сэксэ сакса 'стоймя, торчком, буграми (о многих предметах)', лукду лакда 'отвисло, свешиваясь, болтаясь (о многих предметах)', чуң 'понутив голову', фасар 'рассыпчато, раздробленно, вдребезги, во множестве', кофор 'дрябло, трухляво, с гнильцой внутри', лар б'ар 'липко, скользко, клейко', чак 'ровно, в линию', шудраң 'вытянуто в длину или в высоту (о тонком предмете)'.

Четвертый подразряд, насчитывающий 47 слов, характеризует действие по состоянию связанного с ним предмета, например: хаңжун 'тяжело, грузно (нагрузить)', куак чак 'тяжело, грубо, неповоротливо', тэң таң 'с равной твердостью, равносильно', гзи 'очень тонко (о ткани, бумаге и т. п.)', фаң 'плотно, неподвижно (соединить, воткнуть)', нэс 'ломко, хрупко, дыряво, насквозь', фик фик 'переплетенно, перепутанно, густо', таң 'свободно', хиб 'глубоко, тяжело (ранить)', л'ор 'очень мягко', чарур 'жирно', хар 'остро,пряно, терпко', сур 'душисто, благовонно, приятно ударяя в нос', чиң 'пылая, вспыхивая', лоб 'мрачно, сумрачно', хумбур 'самый что ни на есть'.

Пятый подразряд насчитывает 22 слова и обозначает временные признаки действия, например: час 'вдруг, внезапно', хук 'вдруг, неожиданно', чик 'внезапно, молчком', лус 'вдруг, порывисто', сар 'вдруг, мгновенно', лоло 'неожиданно, нечаянно, случайно', чик чик 'постоянно, то и дело', жиң 'беспреданно', чур 'мигом', гэрси фарси 'перед рассветом, к утру, на свету'.

Шестой подразряд обозначает пространственные признаки действия. Он — самый малочисленный. Насчитывает всего 7 слов, например: јур 'повсюду', худи худи 'обширно, беспредельно', бар 'повсеместно, широко разливаясь', колор 'просторно, широко', лэтэ лата 'следом, отставая или нагоняя'.

Седьмой подразряд также небольшой — всего 14 слов. Он характеризует действие с количественной стороны, точнее говоря — по количеству принимающих участие в действии предметов, например: хэу 'достаточно, сойдет', бажар 'бесчисленно, бездна', бур бар 'во множестве, обильно, густо', лук 'много, густо, весьма', пичир пачар 'при множестве всякой мелочи', шак 'густо, часто', сэр 'очень мало, мелко, тонко, слегка, морося', даң 'единственно, только один, единично'.

Смешанный разряд образных слов, насчитывающий 52 слова, предназначен для характеристики действия одновременно с двух сторон — звуковой и изобразительной или же в одних случаях — с одной, в других — с другой. Ввиду малочисленности разряда разбить его на подразряды затруднительно. Это, например, такие слова, как катар фатар 'ласково, любезно, радушно', кэу 'ласко-

во, любовно, дружески', *фатар* 'сочувственно, с любовью', *пук пак* 'грубо, невежливо', *фошор* 'яростно, с пеной у рта, гневно', *фодор* 'гневно, горячо, запальчиво', *фушур* 'сердито, гневно, в сердцах', *шакшар* 'льстиво, лживо', *к'арк'а* 'ворчливо, болтливо, шумно', *гадар* 'без умолку, заглушая, перебивая речь других', *гуду* 'праздно болтая', *б'адар* 'пустословя, болтая', *гоžoң* 'бегло, скоро и невнятно, неразборчиво', *žoң жоң* 'бормоча себе под нос, ворча, ропща, досадуя', *х'о* 'с тяжелым вздохом', *шуша* 'шепотом, шепча, шушукая', *фу фа* 'задыхаясь, захлебываясь, с одышкой', *чиб чиб* 'беззвучно, совсем тихо, не издавая ни малейшего звука', *пата пити* 'нетвердо с глухим топотом ступая под тяжестью ноши', *пэр пар* 'вспархивая (о птицах, насекомых)', *каб* 'хватая зубами', *кэс* 'резко отрезая ножом (чик!), отрывисто, наотрез', *чур чар* 'громко и ярко вспыхивая (о порохе)', *жур жур* 'струясь и журча, непрерывной вереницей', *час* 'прорываясь с шипением в узкое отверстие (о воде, паре)', *хуаңгар хуалар* 'накатываясь лавиной с гиканьем (об атаке)', *хуаңгар* 'ливня, как из ведра, с шумом (о дожде)', *кифур* 'вдребезги, с треском (раздавить, разбить)'.

Предложенная семантическая классификация не может считаться ни исчерпывающей, ни безупречной. Дело в том, что, во-первых, словарь И. И. Захарова учел, как можно предполагать, далеко не все богатство образной лексики как в количественном отношении,² так и в плане полноты смысловой структуры многих, если не большинства, образных слов, а во-вторых, даже выявленная смысловая структура отдельных образных слов очень часто выводит их за рамки какой-то одной рубрики принятой классификации, и зачисление их в ту или иную рубрику оказывается в значительной степени условным.

Полный учет образных слов наталкивается на большие трудности в связи с тем, что они употребительны далеко не во всех жанрах и стилях речи, а только в тех, которые требуют образной выразительности. Таких текстов на маньчжурском языке сравнительно мало. Но даже и в такого рода текстах частотность употребления образных слов относительно невелика. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, многим образным словам свойственна омонимичность, размывающая подчас границы не только подразрядов, но даже и рядов образных слов, например: *гэр* I 'назойливо', II 'рыча (о собаке, волке)'; *дур* I 'толпой, гурьбой', II 'разинув рот', III 'с шумом, со стуком'; *ф'ак фик* I 'прыгая в кусты от испуга', II 'лукаво'; *пак* I 'со звуком взрыва ракеты', II 'сухо, черство, жестко'; *какуң* I 'со звуком грызения', II 'усердно'; *пэс пис* I 'за-

² В нанайском языке — ближайшем родственнике маньчжурского — исследователями зарегистрировано свыше трех тысяч образных слов.

девая ногой за ногу (о лошади)', П 'с треском (о разрыве ветхой ткани)'

Сказанное выше позволяет думать, что в маньчжурском языке образных слов значительно больше, чем зарегистрировано в словарях,³ а многие из них к тому же имеют намного более разветвленные значения, и если бы удалось устранить отмеченные лакуны в учете образной лексики, то классификационная схема могла бы приобрести несколько иной вид.

³ В грамматике И. И. Захарова приведено дополнительно 64 образных слова, отнесенных им к междометиям. Среди них — 58 звукоподражательных, 2 изобразительных и 4 смешанных слова. Таким образом, всего им зарегистрировано около 700 образных слов.

СЛОВА, СТОЯЩИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Деление на части речи свойственно значительному большинству слов (примерно 99.9 %), а именно тем словам, которые можно считать знаменательными, т. е. предназначенными для выражения и заместительного обозначения понятий, а в какой-то степени и представлений. Но в каждом языке, в том числе и в маньчжурском, имеется, кроме того, некоторое количество слов, служащих другим целям. Это слова, выражающие не понятийные элементы мышления, а чувства. Они служат, скорее, не для коммуникации, т. е. не для передачи мысли другим людям, а представляют собой условные знаки, сигналы внутреннего состояния, переживаний и стремлений человека, произносимые очень часто произвольно, вне контроля мозга и всегда вне грамматической связи со словами, образующими предложение. Это междометия.

Есть и еще одна группа слов, которые принято называть служебными. Они не выражают ни понятий, ни чувств. Их назначение — выразить связи между знаменательными словами или придавать последним дополнительные оттенки значения. По внешнему виду они напоминают знаменательные слова, поскольку могут быть выделены в потоке речи как относительно самостоятельные единицы, обладающие характерными для слова фонетическими особенностями (гармония гласных, ударение и пр.). И это неудивительно, поскольку почти все они в прошлом были знаменательными словами, а некоторые и до сих пор не порвали окончательно своих генетических связей с ними. Однако они коренным образом отличаются от знаменательных слов в семантическом и функциональном отношениях. Если всякое знаменательное слово, а также и междометие, сами по себе обладают лексическими значениями, а в речевом использовании знаменательные слова приобретают еще и грамматическое значение (для них обязательны оба значения, причем грамматическое значение как переменное определяется лексическим), то служебные слова или вовсе лишены лексичес-

кого значения, или оно настолько ослаблено, что отходит на второй план, уступая главное место значению грамматическому. Лексическое значение, если оно и есть, оказывается зависимым, стоящим на службе грамматики. В этом смысле служебные слова сближаются с аффиксами, в которые они в истории языка нередко и переходят, прирастая к знаменательным словам, но пока дело до срастания не дошло, они остаются словами. Следовательно, служебное слово — это такое самостоятельное слово, которое предназначено для передачи грамматических значений знаменательно-го слова или их сочетаний.

В маньчжурских текстах встречается до полусотни междометий, причем некоторые из них имеют по два-три, а то и четыре существенно различающихся значения, которые разграничиваются частично контекстом или ситуацией, но чаще всего и наиболее четко — таким средством, которое не находит отражения в письменном тексте — интонацией.

По несколько значений имеют следующие междометия, которые передают: *a* — 1) испуг, 2) отклик на зов, 3) подтверждение; *э* — 1) удивление, 2) пренебрежение, 3) отклик на зов, 4) подтверждение; *ара* — 1) удивление, 2) испуг, 3) боль, 4) оклик; *акэ* — 1) боль от удара, 2) оклик, 3) призыв; *эи* — 1) призыв слуги, 2) отклик на зов, 3) испуг; *аи* = *арэ* = *эи чи* — 1) сожаление, 2) боль; *аја* — 1) удивление, 2) похвала, 3) испуг; *ајао* — то же, но с большей экспрессией; *аракэ* = *аркэ* — 1) огорчение, 2) сожаление; *эбэгэи* = *эбэбэ* = *эмэкэи* — 1) восхищение, 2) изумление, 3) испуг; *адада эдэдэ* = *адада эбэбэ* — 1) удивление, 2) восхищение; *кэ* — 1) удивление, 2) испуг; *ажажа* — восхищение, *ма* — побуждение взять, *эн* — подтверждение, *ок* — испуг, *ак* — внезапный испуг, *эк* — брезгливость, *ину* — подтверждение, *о* — согласие, *ожожо* = *ојојо* — пренебрежение, *жэ* = *жэ баи* — запрещение, *жэ* — отклик, *жар* — сигнал для поднятия тяжести артефакта, *қи* — призыв незнакомого, *вэр вэр* — призыв для собак, *гужэ* — призыв для ловчих птиц, *гуи гуи* — призыв для ловчего ястреба, натравливание его на зверя, *чу чу* — натравливание собак на зверя, *жа жа* — натравливание собак на зайца, лису; *чу* — сигнал, которым отгоняют собаку, кошку.

В смысле употребления междометий в речи маньчжурский язык не имеет каких-либо заметных особенностей. Чаще всего они употребляются одиночно и в известной мере заменяют целое предложение. Но иногда они вкрапливаются в предложение, сохраняя и в нем характер инородного тела, например: *Тэдэ би ара голохоби* 'Тогда я — ах! — испугался'; *Мафа ма жафа алаха* 'Старик сказал: «На, возьми»'; *Шун ину тучирэ* 'Солнце, и правда, восходит'.

Служебных слов зарегистрировано несколько более ста. Это очень незначительная часть всего лексического состава, но по частотности употребления в речи, что связано с их весьма значительной ролью в выполнении задач грамматики, они занимают совершенно исключительное место. Среди служебных слов выделяются послелого, союзы, частицы и вспомогательные глагольные слова.

Послелого служат для выражения или уточнения грамматических связей по способу управления между словами как членами словосочетания или предложения. Среди них имеются такие, которые употребляются только в этой функции, т. е. не имеют омонимов в других разрядах слов, но большинство такие омонимы имеет, причем имеет их среди знаменательных слов, а это свидетельствует, что подобные слова еще не устоялись в роли служебных. Как явствует из самого их наименования, послелого занимают строго определенное место: они стоят непосредственно после тех слов, которые они обслуживают. В этом состоит их главное отличие от предлогов, имеющих в других языках, в частности в русском. В смысле же грамматической роли те и другие идентичны. Служа инструментом управления одних знаменательных слов другими, они сами по внешнему виду управляют словами, которым подчинены, требуя от них формы косвенного падежа, чаще всего родительного. Исключение составляют причастия, которые прибегают к услугам послелогов сравнительно редко, но когда прибегают, то подчиняют их себе способом примыкания.

Послелого в своем большинстве выражают прежде всего пространственно-временные отношения. К этой их группе относятся: *бару* 'в направлении, к, в, с, на' (требует родительного падежа, омонимов не имеет), *дэри* 'через, сквозь, по, из' (чаще всего примыкает, но иногда сочетается с исходным падежом имени, омонимов не имеет), *ундури* 'вдоль, по' (ср. *унду* 'продольный, отвесно', требует родительного падежа), *ханчи* 'около, подле, рядом с, у' (требует родительного падежа, омоним *ханчи* 'близко, близкий, ближний'), *соңқо* 'следом за, по, на основании, согласно, соответственно' (родительный падеж от *соңко* 'след, колея, тропа', сочетается чаще с причастием, реже с именем в родительном падеже), *дахандухаи* 'вслед за, в связи с' (длительное деепричастие от основы *даханду-* 'следовать вместе, сопровождать', требует винительного падежа), *сирандухаи* 'следом за, после того' (длительное деепричастие от основы *сиранду-* 'продолжать вместе, связывать, на-следовать', требует винительного падежа), *жулэри* 'впереди, перед' (омоним — *жулэри* 'впереди, передом', требует родительного падежа имени), *амала* 'сзади, за, после' (омоним — *амала* 'позади, сзади', требует родительного падежа), *дэлэ* 'над, на' (омоним — *дэлэ* 'вершина, верх, наверху, верхний, вверх', требует родитель-

ного падежа), *дэлэри* — то же, *фэжилэ* ‘под, внизу’ (омоним — *фэжилэ* ‘внизу, нижний, вниз’, требует родительного падежа), *сидэндэ* ‘между, внутри, в’, дательный падеж от *сидэн* ‘середина, промежуток’, (требует родительного падежа), *доло* ‘внутри, в’ (омоним — *доло* ‘внутренность’, требует родительного падежа), *тулэ* ‘вне, кроме’ (омоним — *тулэ* ‘наруже, исключая’, требует родительного падежа), *тулг’эн* ‘кроме, сверх, вне’ (омонимов не имеет, требует исходного падежа), *жакадэ* ‘перед, в присутствии’ (после имени существительного в родительном падеже), ‘в то время как, так как, раз уж, когда, по причине, по поводу’ (после причастия настоящего времени), дательный падеж от *жака* ‘вещь, предмет, существо, щель, промежуток’, *оңголо* ‘перед, раньше чем, прежде, до’ (омоним — *оңголо* ‘развилка, излучина, изгиб’, сочетается чаще всего с причастием настоящего времени, реже — с именем существительным в родительном падеже), *отоло* ‘до, вплоть до’ (деепричастие предела от основы *о-* ‘делаться, становиться’, требует дательного падежа), *иситала* ‘до, почти, около’ (деепричастие предела от основы *иси-* ‘доходить, прибывать, достигать’, требует дательного падежа).

Близко к локативному примыкает значение заместительности следующих послелогов: *орондэ* ‘вместо, на место’ (дательный падеж от *орон* ‘место’, требует родительного падежа), *фундэ* ‘вместо, взамен, за’ (дательный падеж от *фун* ‘двойник, замена’, требует родительного падежа), *аңгала* ‘вместо того чтобы, кроме, сверх’ (омоним — *аңгала* ‘семейство’, сочетается почти исключительно с причастиями настоящего времени, а также с указательными местоименными словами).

В какой-то степени близки к локативным и значения следующих послелогов смежности: *саса* ‘с, вместе с, совокупно с’ (омоним — *саса* ‘все вместе, разом’, требует родительного падежа), *эмги* ‘с, вместе с, совокупно с’ (омоним — *эмги* ‘вместе, общими силами, дружно, всего-навсего’, требует родительного падежа), *нисихац* ‘вместе с, сплошь’ (омоним — *нисихац* ‘все сполна, сплошь, целиком’, сочетается с именами существительными по способу примыкания), *гэсэ* = *адали* ‘подобно, похоже, как бы, приблизительно, около’ (омоним — *гэсэ* = *адали* ‘похоже, подобно, подобный, каждый’, требуют родительного падежа), *ачамэ* ‘в соответствии с, согласно’ (одновременное деепричастие от основы *ача-* ‘соединяться, собираться, встречаться, соответствовать, равняться’, требует дательного или винительного падежа).

Несколько особняком стоит небольшая группа послелогов, выражающих прежде всего причинно-следственные отношения, но отчасти также и локативные или иные сходные с ними связи между словами. В эту группу входят: *жалин* ‘ради, для, за, вместо,

о, по поводу, по причине, посредством' (омонимов не имеет, сочетается с именами в родительном падеже и с причастиями настоящего времени), *тургундэ* 'по причине, вследствие, из-за' (дательный падеж от *тургун* 'причина, повод, вина', требует родительного падежа), *дахамэ* 'вследствие, так как, по причине, поскольку, по' (одновременное деепричастие от основы *даха-* 'следовать, сопровождать, повиноваться', требует винительного падежа), *аусиламэ* 'с помощью, при помощи, посредством' (одновременное деепричастие от основы *аусила-* 'помогать, содействовать, приносить пользу', требует дательного падежа).

Несколько примеров на употребление послелогов: *Ама и бару* (= *ама дэ*) *гэнэки* 'Пойду-ка я к отцу'; *Гуа гашан и бару* (= *гашан дэ*) *гурибухэ* 'Переселили в другое селение'; *Би сини бару хэндумби* 'Я говорю тебе'; *Фа дэри туха* 'Посмотри в (через) окно'; *Жугун дэри јабумби* 'Едем по дороге'; *Фажиран и ханчи илибу* 'Поставь около стены'; *Араха соңқој јабухаби* 'Поступили согласно написанному'; *Сини амала сэкини* 'Пусть скажет после тебя'; *Мусзи жуэ бқи сидэндэ орхо банжиха* 'Между нашими двумя домами выросла трава'; *Бқи тулэ шахурун охо* 'Вне дома стало холодно'; *Жаңгиса и жакадэ элхэ илича* 'Перед начальниками стойте смирно'; *Сини эндэрэ жакадэ бјэ таңги* 'Раз уж ты ошибся, сам и исправляй'; *Хэндурэ оңголо сдин и гуничи ачамби* 'Прежде чем сказать, нужно хорошенько подумать'; *Тэрэ аңгала ац бэ жафараку* 'Кроме этого ничего не взял'; *Би суэни эмги гэнэки* 'Я пойду с вами вместе'; *Моримба буки сэчи эңгэму нисихац бучина* 'Если хочешь отдать лошадь, давай вместе с седлом'; *Эрэ ац жака туги и гэсэ тук'эбумби?* 'Что это такое поднимается подобно облаку?'; *Бјэци мукун и јалин гэму хусун бэ акумбухаби* 'Ради своего племени приложил все силы'; *Гучу и јидэрэ тургундэ маңга сэбјэлэмби* 'По причине прихода друга очень радуюсь'; *Сонжоро бэ дахамэ гаусу* 'Поскольку выбрал, бери'.

Союзы предназначены для выражения различных видов связей между предложениями, их компонентами (оборотами, словосочетаниями) и отдельными членами. От послелогов отличаются прежде всего тем, что служат не отдельным словам, выражая подобно падежным аффиксам характер их грамматической зависимости, а целым словосочетаниям, в том числе и предложениям, являясь прежде всего соединительными элементами. Кроме того, в отличие от послелогов союзы не управляют падежными формами тех слов, к которым они относятся, и стоят не после обслуживаемого слова, а в начале сочетания слов, в состав которого они входят. По значениям союзы делятся на две основные группы: сочинительную и подчинительную.

К сочинительным союзам относятся те, которые связывают между собой равноправные в грамматическом отношении слова.

Они их либо соединяют, либо разъединяют, противопоставляя друг другу. Это такие слова, как *гэли* 'еще, также, и, опять, снова' (омоним — *гэли* 'опять, особо, особенно'), *жац* 'еще, опять, снова, далее, что касается' (омоним — *жац* 'второй, следующий, вторично'), *кэмуни* 'опять, еще, так же, по-прежнему' (родительный падеж от *кэму* 'мера, правило, предел'), *дадэ* 'кроме того, к тому же, при том же' (дательный падеж от *да* 'корень, основание, глава, сущность'), *хоно...бадэ* 'еще, опять, сверх того, притом, раз уж (коль скоро), уже' (рамка, заключающая в себе целый оборот, *хоно* не имеет омонимов, *бадэ* — дательный падеж от *ба* 'место, случай, обстоятельство'), *даму* 'но, однако' (омоним — частица *даму* 'только, единственно'), *элмаңга* 'наоборот, но, опять же, снова, еще более, особенно' (омонимов не имеет); *нэмэмэ* 'тем более, особенно, к тому же, напротив' (одновременное деепричастие от основы *нэмэ-* 'усугублять, прибавлять'), *аинчи* 'или, либо, авось' (омоним — частица предположения *аинчи*), *эичи* 'или, либо' (омоним — частица *эичи* 'разве'), *эмбичи* 'или, либо' (омоним — частица *эмбичи* 'разве не'), *эмэму* 'или' (омоним — *эмэму* 'какой-то, некий, иной, разный').

Подчинительных союзов больше, и они имеют более разнообразную семантику, обозначая всегда неравноправие, подчиненную зависимость обслуживаемых ими словосочетаний, значительно реже — слов. Одна их группа выражает причинно-следственную связь: *эдэ* 'поэтому, для этого' (дательный падеж указательного местоимения *эрэ* 'этот, это'), *эрэни* 'поэтому, отсюда, следовательно' (омонимов не имеет, но его происхождение от *эрэ* очевидно), *эрэчи* 'поэтому, отсюда, в сравнении с этим' (исходный падеж указательного местоимения *эрэ*), *тэрэни* 'потому, на том основании, отсюда' (омонимов не имеет, но происходит от указательного местоимения *тэрэ* 'тот, то'), *тэрэчи* 'потому, оттого, в сравнении с тем' (исходный падеж от указательного местоимения *тэрэ*). Другая группа обозначает отношение условия: *аика* 'если, разве, когда' (омоним — *аика* 'какой, который, всякий'), *аикабадэ* 'если, когда же, положим' (образовался из сочетания слов *аика бадэ* 'в каком месте, в каком случае', ставится в начале условного оборота и требует, чтобы в конце его стояло причастие прошедшего времени в дательном падеже), *оходэ* 'если бы, в случае если' (причастие прошедшего времени от основы *о-* 'делаться, становиться' в дательном падеже), *сэчи* 'если' (омоним — условное деепричастие от основы *сэ-* 'сказать, говорить'), *тэтэндэрэ* 'коль скоро, если уж, когда' (омонимов не имеет, в отличие от прочих союзов ставится в конце условного оборота, требуя от предикативного члена оборота формы условного деепричастия). Третья группа выражает временные отношения: *утхац* 'вслед за, тотчас после, итак, то же

что' (омонимов не имеет), *сака* 'как только, в то время как, коль скоро' (ставится после обслуживаемого им одновременного деепричастия или причастия прошедшего времени, омонимы: *сака* 'кушанье из сырого мяса' и 'немножко, несколько', имеющие иное происхождение), *маңги* 'после того как, потом, как только, коль скоро' (омонимов не имеет, ставится после обслуживаемого причастия прошедшего времени или — в порядке редкого исключения — глагола повелительного наклонения), *тэикэ* 'только лишь, только теперь когда' (ср. *тэикэ-тэикэ* 'то и дело'), *тэни* 'только что, только тогда, незадолго до' (омоним — *тэни* 'сейчас, недавно'). Четвертая группа союзов имеет уступительное значение: *уду* 'хотя, пусть, сколько бы ни' (ставится в начале уступительного оборота как начальная часть рамки и требует, чтобы в конце оборота стояло причастие прошедшего времени, а за ним в качестве конечной части рамки — одно из вспомогательных глагольных слов *сэмэ, очибэ, бичибэ*, омоним — *уду* 'сколько, несколько'), *го-жимэ* 'хотя, хотя бы, впрочем' (омонимов не имеет, ставится в конце уступительного оборота), *бимэ* 'хотя, сверх того, вместе с тем, притом' (омоним — одновременное деепричастие от основы *би-* 'быть, существовать, жить', ставится в конце уступительного оборота), *сэмэ* 'хотя и' (омоним — одновременное деепричастие от основы *сэ-* 'говорить, сказать', ставится в конце уступительного оборота), *сэчибэ* 'хотя и' (омоним — уступительное деепричастие от основы *сэ-*, ставится в конце уступительного оборота). Наконец, пятая группа союзов имеет сопоставительное значение. Эти союзы образуются повторением одних и тех же вопросительных слов, одно из которых ставится в начале деепричастного оборота, а второе — в начале следующей после оборота главной части предложения. Теоретически такого рода союзы могут быть образованы с помощью всех слов вопросительного значения, но практически встречаются следующие: *аи... аи...* 'что..., то...'; *вэ... вэ...* 'кто..., тот...'; *аибэ... аибэ...* 'что..., то...'; *вэбэ... вэбэ...* 'кого..., того...'; *вэдэ... вэдэ...* 'кому..., тому...; у кого..., у того...'; *аимака... аимака...* 'какой..., такой...'; *уду... уду...* 'сколько..., столько...'; *атаңги... атаңги...* 'когда..., тогда...'; *абси... абси...* 'куда..., туда...; как..., так...'; *элэ... элэ...* 'чем..., тем...'.

Примеры на использование союзов: *Эбси часи саксалабуфи гэли гэлэхэ* 'Встретил повсюду затруднения, да еще и испугался'; *Ама сэхэ эрэни би тутту јабумби* 'Отец сказал, поэтому я так и поступаю'; *Чбха маҗигэ тэјэфи кэмуни афанаха* 'Войска, немного отдохнув, по-прежнему кинулись в атаку'; *Аикабадэ си бэјэ туаха дэ абси фэргүэхэ!* 'Если бы ты сам увидел, то как бы удивился!'; *Хэсэ бэ бахачи тэтэндэрэ худун мутэбучи ачамби* 'Если уж получил приказ, нужно его быстро выполнить'; *Донҗифи утхаи мини*

бару гисурэчина ‘Как услышишь, сразу же Расскажи мне’; *Ула бэ исинаха маңги куаран бэ саха* ‘Как только дойдете до реки, разбейте лагерь’; *Тэикэ сафи утхди оңгохо* ‘Только что узнал и сразу же забыл’; *Хоно си кэнэхунжэхэ бадэ умэ гэнэрэ* ‘Раз уж ты сомневаешься, не ходи’; *Би сини гисун дэ ачараку офи элэмаңга бэјзи чиха дэ јабуки сэмби* ‘Я с твоими словами не согласен, а наоборот, думаю сделать по-своему’; *Аинчи би гамаки аинчи си гама* ‘Или я возьму, или ты возьми’; *Уду фаишаха сэмэ эрэ бэ мутэчи ачараку* ‘Сколько бы ни старался, а осилить это невозможно’; *И гэлхун аку гојимэ туд и гургин дэ досинаки сэраку* ‘Хоть он и бесстрашен, а в пламя огня входить не хочет’; *Вэилэн дэ гиңгун бимэ зитэн бацита дэ акдун* ‘Прилежен в работе и притом надежен во всяких делах’; *Би кэмнэрэ сэчибэ синдэ ац бэ чихалачи ац бэ урунаку буки* ‘Хоть я и бережлив, но тебе, что захочешь, то обязательно дам’; *Атаңги банихалачи ачара офи атаңги баниха ара* ‘Когда придет надобность благодарить, тогда и вырази благодарность’; *Абси си мимбэ синдачи абси жоки* ‘Куда ты меня назначишь, туда я и отправлюсь’.

Слова-частицы отличаются тем, что предназначены не для выражения связи между словами или их сочетаниями, а для придания словам и различным сочетаниям слов, в том числе и предложениям, дополнительных смысловых оттенков. В смысловом отношении слова-частицы можно разделить прежде всего на две неравные группы. Первую, меньшую по количеству группу, составляют определительные слова-частицы; вторую — модальные. По занимаемому ими месту слова-частицы неоднородны. Среди них есть и препозитивные, и постпозитивные, причем какой-либо зависимости между смыслом, функцией и позицией не наблюдается.

Определительные слова-частицы в свою очередь делятся в смысловом отношении на обобщительные и ограничительно-выделительные. К обобщительным относятся: *томэ* ‘каждый, любой’ (употребляется постпозитивно), *дари* ‘каждый (в отношении отрезков времени)’ (употребляется постпозитивно, пишется и отдельно, и вместе с обслуживаемым словом, причем в последнем случае может считаться аффиксом, хотя правилу гармонии гласных не подчиняется), *нохо* ‘сплошь, целиком’ (употребляется постпозитивно), *зичибэ* = *зитэрэчибэ* ‘как бы то ни было, вообще, одним словом’ (употребляется препозитивно), *зитэрэчи* = *зитэрэмэ* ‘вообще, по большей части, если как-нибудь’ (употребляется препозитивно). Ограничительные: *жака* ‘как только, лишь только’ (омоним — *жака* ‘предмет, вещь, существо; отверстие, промежуток’, ставится после причастия прошедшего времени или одновременного деепричастия), *сака* — значение и употребление то же (омоним — *сака* ‘приправа; немного, несколько, довольно’), *чаңги*

‘лишь только, единственно, сплошь’ (употребляется постпозитивно), *даму* ‘только, единственно’ (омоним — союз *даму* ‘но, однако’, употребляется препозитивно), *даңги* ‘только, лишь бы’ (употребляется постпозиционно), *тэни* ‘только что, тотчас, только тогда’ (омоним — *тэни* ‘сейчас, недавно’, употребляется препозитивно), *тэцлэ* ‘только, единственно, лишь’ (омоним — *тэцлэ* ‘одинокий’, употребляется постпозиционно, требует родительного падежа), *маңгичи* ‘по крайней мере, в крайнем случае’ (место строго не фиксировано), *элзи* ‘еле, едва, чуть, кое-как, насилиу’ (употребляется препозитивно), *элзи элзи* ‘еле-еле, едва-едва, чуть-чуть’ (употребляется препозиционно), *аркан* = *аркан сэмэ* ‘чуть не, едва не, еле, почти’ (употребляется препозиционно), *очи* (< условное деепричастие от основы *о-*) ‘что касается, а, же, то’ (ставится иногда после подлежащего для его особого выделения и подчеркивания), *сэрэңгэ* (< субстантивированное причастие от основы *сэ-*) с тем же значением и в той же функции.

Модальных слов-частиц больше, чем определительных, и в общем они более употребительны. По своим значениям, вернее, по тем дополнительным оттенкам значения, которые они придают словам, они более разнообразны. Среди них выделяются утвердительные, предположительные, отрицательные и вопросительно-восклицательные.

Утвердительные: *ину* ‘да, так точно, правда’ (омоним — *ину* ‘действительно, пожалуй’, место не фиксировано), *инэку* ‘именно, собственно, правда, так точно’ (омоним — *инэку* ‘настоящий, тот самый, так же, по-прежнему’, место не фиксировано), *эси* ‘конечно, естественно, само собой’ (ставится перед условным деепричастием), *элэ* ‘особенно, преимущественно, тем более’ (ставится между причастием настоящего времени и именем существительным, к которому это причастие относится, повторенное в составе одного предложения дважды образует союз сопоставительного значения *элэ... элэ...* ‘чем..., тем...’), *јала* ‘правда, поистине, точно’ (омоним — существительное *јала* ‘правда’, употребляется препозитивно), *јалала* = *јалакэ* ‘точно так, действительно’ (ставится в конце предложения), *јидуји* ‘конечно, непременно, положительно, исключительно, наконец’ (употребляется препозитивно); несколько утвердительных слов-частиц ставится только в самом конце предложения, одновременно усиливая утвердительность и сигнализируя о завершенности предложения, благодаря чему на них как бы распространяется предикативность стоящего перед ними сказуемого. Это частицы: *каци* = *јиэ* = *ваји́ха* (< причастие прошедшего времени от основы *ваји-* ‘кончать’) ‘вот так, именно, действительно, и только, и всё, конец’, *бац* — те же значения, но употребляется только при сказуемом, выраженном повелительным

наклонением глагола, *дабала* — те же значения, но употребляется только в рамке *даму...дабала*, *сэчина* ‘вот так-то!, скажи-ка!, не так ли?’ (вежливая форма повелительного наклонения от основы *сэ-* ‘говорить, сказать’), *сэмэо* ‘разве не так?’ (одновременное деепричастие от той же основы с вопросительной аффиксальной частью *-о*).

Предположительные: *аика* ‘возможно, кажется’ (омоним условного союза *аика* ‘если, разве, когда’, употребляется препозитивно), *аинчи* употребляется в составе рамки *аинчи...дэрэ* ‘вероятно, наверно, должно быть, пожалуй, кажется’ в качестве начального компонента, *дэрэ* — конечный компонент той же рамки, *аисэ* ‘возможно, не правда ли, неужели’ (употребляется постпозитивно), *эичи* ‘разве’ (омоним — союз *эичи* ‘или, либо’, употребляется препозитивно), *эмбичи* ‘разве не’ (омоним — союз *эмбичи* ‘или, либо’, употребляется препозитивно), *ајѳ* = *ајѳ сэмби* ‘как бы не, только бы не, боюсь что’ (ставится в конце предложения после сказуемого, выраженного причастием настоящего времени или глаголом наклонения опасения с аффиксом *-раху*) (см. стр. 189—190, 216).

Отрицательные: *аку* ‘не, без’ (омоним — имя отрицания *аку* ‘нет, отсутствие’, употребляется постпозитивно), *вака* ‘не есть’ (омоним — имя отрицания *вака* ‘нет, неправда, вина’, употребляется постпозиционно), *ундэ* ‘еще не, пока не’ (ставится после причастия настоящего времени), *умэ* ‘не (запрет), не надо, не смей’ (входит в состав аналитической отрицательной формы повелительного наклонения глагола, где сочетается с последующим причастием настоящего времени).

Вопросительные: *ни* — выражает или вопрос, или восклицание, или же и то и другое вместе, употребляется постпозиционно, пишется чаще отдельно, но встречается и слитное написание вместе с обслуживаемым словом; *на* — выражает восклицание с оттенком риторического вопроса, употребляется постпозитивно; *н’о* [*н’у*] выражает вопрос, иногда с восклицанием, употребляется постпозитивно. В ранних текстах можно встретить случаи подчинения частицы *на* правилу гармонии гласных, т. е. после слова с гласным *а* — *на*, после слова с гласным *э* — *нэ*, после слова с гласным *о* — *но*, а также исчезнувшие в более позднее время частицы *ну*, *ја*, *јаэ*, *ја* того же вопросительно-восклицательного значения.

Вопросительно-восклицательный оттенок значения могут придавать словам и их сочетаниям вопросительные аффиксальные частицы, образовавшиеся из слов-частиц в результате их сращения со знаменательными словами. Таких частиц три: *-о*, *-н*, *-ни*. Все они имеют в первую очередь вопросительный смысл, но иногда приобретают вопросительно-восклицательное значение.

Имеется еще некоторое количество слов-частиц с ослабленной семантикой, употребляемых для оформления аналитических словообразовательных форм. Сюда относятся: *ба* — слово-частица, в позиции после причастия настоящего времени образующая вместе с ним отглагольное существительное, обозначающее наименование соответствующего действия (см. также стр. 197); *элэ* — слово-частица, в позиции после причастия любого из двух времен образующая вместе с ним обозначающее обобщенное наименование соответствующего действия как признака предмета (см. также стр. 198); *сака* — слово-частица, стоящее после знаменательного слова качественного значения, придает ему оттенок неполноты, не предельной интенсивности и вместе с тем достаточности качества (см. также стр. 131—132), а после причастия или деепричастия обозначает, что главное действие наступает непосредственно после второстепенного; *сэ* = (значительно реже) *са* — слово-частица в позиции после имен существительных, собственных или обозначающих чины, звания, профессии и родственные отношения, образует название группы лиц, связанных теми или иными отношениями или совместным участием в данном действии, а иногда и одного данного лица как представителя некоей группы;⁴ принимает на себя падежную форму обслуживаемого слова, причем падежный аффикс пишется слитно со словом-частицей.

Примеры употребления слов-частиц: *Эрэбэ аҗигэ җуу томэ мутэмби кац* 'Это же любой маленький ребенок может'; *Инэңги дари удуду дэбтэлин бэ хулачи ачамби* 'Каждый день нужно читать несколько глав'; *Мукэ нохо ба дэ эму мб банҗираку* 'В местах, где сплошь вода, ни одно дерево не растет'; *Эитэрэмэ кичэчибэ айбэ мутэхэ?* 'Как ни старался, а чего добился?'; *Җихэ җака дацшахаби* 'Как только пришел, начал ссору'; *Даму җиха даңги бахачи окини!* 'Лишь бы только деньги получить!'; *Бутхаси тэни гэрэкэ дэ јондоро* 'Охотник уйдет как только рассветет'; *Элэц соңгомэ гисурэмби* 'Чуть не плача, рассказывает'; *Мусэ очи умэси ургунҗэрэ* 'Что касается нас (с вами), то (мы) очень радуемся'; *Эфэн очи айнаха амтан бисирэ!* 'А хлеб-то — ну, что за вкус!'; *Җиха сэрэңгэ минду лабду* 'Что касается денег, то (их) у меня много'; *Си ину максирэ дэ факси охо* 'Ты действительно стал мастером в танцах'; *Эси би хан дэ хэңкилэки* 'Конечно, я поклонюсь хану'; *И хоно амгаха кац* 'Ведь он уже заснул'; *Инҗэкушэрэ бэ нака бац!* 'Прекрати насмешки и только!'; *Сини гисун бэ донҗифи хафан бэрэкэ сэчина* 'Услышав твои слова, чиновник оторопел, скажи-ка!'; *Аинчи тутту охо дэрэ* 'Вероятно, так и получилось'; *Ини муҗилэн*

⁴ Возможность второго оттенка значения у этой аналитической формы отмечена Г. Дёрфером. См.: *Doerfer G. Der Numerus im Mandschu. S. 22—23.*

гуал'ака ацсэ 'Его намерения, возможно, уже переменялись'; *Сүэ гэмү лэулэхэ бэ улхираху ајд* 'Боюсь, что вы из разговора ничего не поняли'; *Гэлхун аку доси* 'Без страха входи'; *Эрэ уру вака* 'Это неправда (правда не есть)'; *Умэ балац јабурэ* 'Не поступай опрометчиво'; *Би јадара ундэ* 'Я еще не устал'; *Си жэмэ вајиха ни?* 'Кончил ли ты есть?'; *Хулара ба умэси тусаңга* 'Чтение очень полезно'; *Бэјэ хулаха элэ битхэ бэ миндэ бэнжу* 'Все прочитанные тобой книги пришли мне'; *Јабурэ элэ жугун бэ саун и эјэ* 'Все дороги, по которым ехать, хорошенько запомни'; *Эрэ бб унтухун сака* 'Этот дом пустехонек'; *Сабумэ сака гэмү улхихэ* 'Только увидел, и все понял'; *Убаси сэбэ антахала* 'Принимайте в гости Убаси и тех, кто с ним'; *Сэфу сэдэ фонјичи эмкэ эмкэн и јони гисурэрэ* 'Спросишь у учителя и его товарищей (спутников, родственников), и они расскажут все по порядку'; *Арана сэи хэндүхэңгэ* 'Вот что сказал Арана из этой компании'.

В роли вспомогательных глагольных слов употребляются любые словоизменительные формы от основ *би-*, *о-*, *сэ-*, *ача-* и *баха-*. Все они имеют вполне знаменательные омонимы, от которых и ведут свое происхождение. Значения этих знаменательных основ соответственно следующие: «быть, существовать, находиться, жить»; «становиться, делаться»; «говорить, сказать»; «собираться, соединяться, встречаться, соответствовать, подходить»; «находить, получать, приобретать, узнавать». В тех же случаях, когда эти слова выполняют функцию служебных (вспомогательных) слов, они ослабляют, видоизменяют или вовсе утрачивают свои знаменательные значения и являются элементами аналитического словообразования, принимающими на себя вместе с тем выражение грамматических значений всей сложной конструкции.

Вспомогательная глагольная основа *би-* с совершенно утраченным лексическим значением употребляется как служебный компонент, выражающий грамматические значения, при образовании аналитических форм причастий как положительных, так и отрицательных (см. стр. 192—193), факультативно применяемых форм глагола изъявительного наклонения (см. стр. 212), а также положительных и отрицательных форм деепричастий (см. стр. 202, 205, 207, 209).

Вспомогательная глагольная основа *о-* со значением становления употребляется как служебный компонент в аналитических формах глагольной породы возможности и с утраченным лексическим значением — в аналитических формах условного (см. стр. 207) и уступительного (см. стр. 209) деепричастий. В форме условного деепричастия может употребляться как выделительная частица при подлежащем (см. стр. 208).

Вспомогательная глагольная основа *сэ-* со значением намерения употребляется как служебный компонент в аналитических формах

глагольной породы намерения (см. стр. 176), со значением уступительности — в одном из вариантов уступительного деепричастия (см. стр. 209), с утраченным лексическим значением — при образовании аналитических форм образных слов.

Вспомогательная глагольная основа *ача-* со значением долженствования употребляется как служебный компонент в аналитических формах глагольной породы долженствования (см. стр. 177).

Вспомогательная глагольная основа *бах-* со значением овладения, приобретения умения, способности употребляется в роли служебного компонента в аналитических формах глагольной породы овладения (см. стр. 177—178).

Наряду с рассмотренными выше служебными словами, в том числе и словами-частицами, в маньчжурском письменном языке находят применение аффиксальные частицы. По сравнению с другими родственными языками их ассортимент крайне беден. Аффиксальных частиц всего три, и все они служат для выражения вопроса, который иногда принимает риторической характер и является скорее восклицанием. Имеются в виду частицы *-о*, *-ни*, *-н*. Все они пишутся слитно с обслуживаемыми ими словами и, несмотря на это, не подчиняются правилу гармонии гласных. Впрочем, нарушает это правило только одна частица *-о*, когда входит в состав слова с гласными первой и второй серий. Она и в этих случаях остается неизменной. Частица *-ни* имеет нейтральный гласный, а частица *-н* вовсе не имеет гласного. Поэтому правило гармонии гласных на них распространяться не может.

Аффиксальные частицы обслуживают целые предложения и присоединяются к слову, играющему роль сказуемого, и лишь при опущении последнего могут оказаться при каком-либо другом члене предложения, принимающем логическое ударение и стоящем в конце. Жесткой связанности с определенными грамматическими формами у каждой из этих частиц нет, они почти полностью взаимозаменяемы, как взаимозаменяемы они и с упомянутыми выше (стр. 234) вопросительными словами-частицами. Впрочем, некоторые ограничения у них все же есть. При отрицательных формах причастий возможна только частица *-н*, она же встречается в весьма употребительных словах *сацун* 'хорош ли' и *ярг'ун* 'правда ли', представляющих собой редчайший для маньчжурского языка случай, напоминающий внутреннюю флексию (*сацн + н = сацун*, *ярг'ан + н = ярг'ун*);⁵ частица *-ни* встречается

⁵ Впрочем, этот случай можно трактовать и как видоизменение частицы: *-н > -(н)ун*. Нельзя не заметить, что простое сложение (*сацн + н*, *ярг'ан + н*) дало бы *сацнн* и *ярг'анн* (два соседних *н* слились бы в один), т. е. полное совпадение вопросительной формы слов с утвердительной.

чаще всего при причастиях прошедшего времени, а также при именах. Наибольшей свободой в этом смысле пользуется частица *-о*. Она недопустима лишь в словах, оканчивающихся на согласный. При необходимости здесь используются вопросительные слова-частицы.

Некоторое подчеркивание вопроса и усиление восклицания достигается сочетанием двух частиц: *-ни + -о = нио*[н'у].

Примеры употребления аффиксальных вопросительных частиц: *Си эрэ битхэ бэ хулахани?* 'Ты прочитал эту книгу?'; *И хоно жихэни?* 'Он уже пришел?'; *Гэнэрэ жугун горони?* 'Далек ли путь, который предстоит пройти?'; *Сини хэндухэ жарг'ун?* 'Справедливо ли то, что ты сказал?'; *Ихан эрэ орхо бэ жэтэракун?* 'Корова это сено есть не будет?'; *Сүэ ага дэ бэшэхэжун?* 'Вы под дождем не промокли?'; *Дамбагу оимэ бујэмбио?* 'Хочешь ли курить табак?'; *Мусэ тэрэ бацта бэ болжорб?* (*болжоро + о*) 'Мы (с вами) по тому делу договоримся ли?'; *Тутту јабурэңгэ тусао?* 'Полезно ли (польза ли) так поступать?'; *Сини тэхэ токсо убачи ханцио?* 'Селение, где ты живешь, близко ли отсюда?'; *Эичи мини алаха бэ оңгохонцио?* 'Разве (ты) забыл, что я сказал?'; *Эрэи тэилэ сини мутэрэңгэнио?* 'Только это и есть то, что ты можешь?'.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Фонетика	16
Гласные и их гармония	16
Согласные	23
Слоговая структура слова	31
Морфологическая структура слова	37
Имя существительное	54
Словообразование имен существительных	56
Склонение имен существительных	74
Число имен существительных	87
Имя признака	95
Разряд качественных слов	98
Разряд относительных слов	100
Разряд количественных слов	101
Разряд слов степени	108
Разряд вопросительно-указательных слов	108
Разряд неопределенно-обобщенных слов	114
Разряд отрицательных слов	115
Словоизменение имен признака	116
Словообразование имен признака	118
Местоимения	136
Личные местоимения	136
Определительно-возвратное местоимение	144
Глагольные слова	146
Образование глагольных основ	152
Вид	162
Порода	172
Залог	178
Глагольные части речи	185
Причастие	185
Деепричастие	199
Глагол	210
Образные слова	217
Слова, стоящие за пределами частей речи	225

В. А. Аврорин

**ГРАММАТИКА МАНЬЧЖУРСКОГО
ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА**

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *А. И. Слепушкин*
Технический редактор *Н. К. Румянцева*
Корректоры *Л. М. Бова, Ю. Б. Григорьева*
и *Е. В. Торопова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 3.04.2000. Подписано к печати 28.12.2000.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 15.0.
Тираж 700 экз. Тип. зак. № 3147. С 264

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
nauka@aspid.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12